

**ВЗГЛЯД ЗАПАДА
НА РОССИЮ**

Джеффри Хоскинг

РОССИЯ И РУССКИЕ

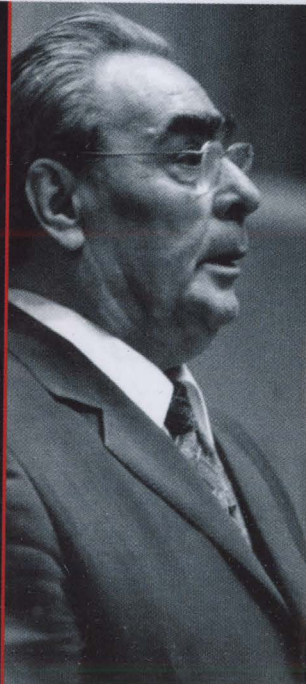
Книга 2

**Джеффри
Хоскинг**

РОССИЯ И РУССКИЕ

ВЗГЛЯД ЗАПАДА НА РОССИЮ

Джеффри Хоскинг

Джеффри Хоскинг

**РОССИЯ
И РУССКИЕ**

Книга 2

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТРАНЗИТКНИГА

Москва
2003

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Х84

Geoffrey Hosking
RUSSIA AND THE RUSSIANS. A HISTORY
2001

Перевод с английского
В.М. Заболотного (ч. V), А Ю Кабалкина (ч VI)

Печатается с разрешения автора
и David Higham Associates Limited c/o Toumania LLC.

Подписано в печать 12.06.2003. Формат 84x108^{1/32}
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 2 500 экз. Заказ 2402

Хоскинг Дж.

Х84 Россия и русские: В 2 кн. Кн. 2: Пер. с англ. / Дж. Хоскинг. —
М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. — 492,
[4] с.: 24 л. ил.

ISBN 5-17-020089-7 (Кн. 2)

ISBN 5-17-013407-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9578-0326-X (Кн. 2)

ISBN 5-9578-0135-X (ООО «Транзиткнига»)

Как ни парадоксально это звучит, наиболее интересные — в смысле оригинальности и нетрадиционности взгляда — исследования истории НАШЕЙ СТРАНЫ всегда, с древнейших времен, создавали ИНОСТРАНЦЫ

Почему?

Возможно, здесь сказывается суровая непредвзятость ОБЪЕКТИВНОГО НАУЧНОГО КРИТИЦИЗМА? Возможно, нам лобоньгта сама попытка «понять Россию умом»? Возможно.

Впрочем, прочитайте в чем-то явно спорную и неоднозначную, но в чем-то — бесконечно точную книгу специалиста по истории России, профессора Лондонского университета Джеффри Хоскинга «Россия и русские» — и решайте сами!

. Спорьте. Не соглашайтесь. Размышляйте!

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Geoffrey Hosking, 2001
© Перевод В М Заболотный, 2003
© Перевод А Ю Кабалкин, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

V. РЕВОЛЮЦИЯ И УТОПИЯ

9. Социальные перемены и революция

Экономическое развитие

К началу 1850-х гг. развитие империи исказило российскую экономику до такой степени, что неумение правильно эксплуатировать людские и природные ресурсы неизбежно подрывало военную мощь страны и тем самым ее статус великой державы. Именно поэтому самые важные проблемы России заключались в более эффективной мобилизации ресурсов, повышении благосостояния населения, поиске и концентрации средств для промышленных инвестиций и наведении должного порядка в государственной финансовой системе, при котором облагаться налогами стали бы крупные состояния, а не те социальные классы, которые не имели возможности уклониться от налогообложения. Другими словами, нужно было сделать то, к чему в течение полутора столетий безуспешно призывали Иван Посошков, Петр Шувалов и Михаил Сперанский.

Большинство экономистов 1860-х гг. считали, что единственным способом вырваться из застоя к более высоким уровням экономического развития является строительство железных дорог. Это не только улучшит столь необходимые в военное время транспортные коммуникации, но и облегчит доступ к богатейшим и вместе с тем недоступным природным ресурсам, сосредоточенным в отдаленных районах огромной империи. М. Рейтерн, который в 1862 г. стал министром финансов, сообщал царю, что «без железных дорог и механической промышленности Россия не может считаться вне опасности даже

в собственных ее границах». Но где достать столько денег для выполнения этой задачи? Внутренних источников капитала было не так уж много, поскольку «в течение многих лет расходы правительства и высших слоев общества явно превышали их доходы».

Разумеется, можно было привлечь инвестиции из-за рубежа, но для этого требовалось стабилизировать рубль и устранить опасную зависимость от бумажных ассигнаций; значит, необходимо было сбалансировать государственный бюджет путем сокращения расходов и повышения доходов от сбора налогов. Причем добиться этого можно было только за счет крестьян¹.

В условиях, когда крупные помещики получили весьма значительную компенсацию за понесенные «потери» во время освобождения крестьян, сбалансировать государственный бюджет было еще труднее, чем прежде, и эти трудности во многом объясняют налоговый нажим на крестьян после 1861 г. С другой стороны, введение ежегодно публикуемого и проверенного единого официального бюджета неизбежно укрепляло доверие граждан к финансовому состоянию страны. Отмена налога на спиртные напитки и замена его акцизным сбором заметно ограничила последний и главный источник «дани», или «кормления», и тем самым провела четкую демаркационную линию между частной прибылью и общественным налогообложением. Учреждение в 1860 г. Государственного банка способствовало повышению кредитного доверия к России, как, впрочем, и введение жесткой дисциплины по отношению к недавно созданным акционерным банкам. Вместе с тем государство отнюдь не торопилось поощрять корпоративное предпринимательство введением какого-либо устава для акционерных обществ или определения порядка их функционирования. Вплоть до 1917 г. каждое акционерное общество вынуждено было в индивидуальном порядке обращаться за разрешением непосредственно к царю, что затягивало сам процесс оформления на несколько лет и приводило к значительным финансовым потерям, которые шли на взятки крупным чиновникам².

И тем не менее в стране действительно начался железно-дорожный бум. В течение 1860-х гг. протяженность железных

дорог увеличилась в семь раз и еще в два раза в следующем десятилетии. Они протянулись до побережья Черного моря и даже до Кавказа. Причем наиболее амбициозным планом стала Транссибирская железнодорожная магистраль, строительство которой сопровождалось многочисленными недоразумениями, злоупотреблениями и огромными затратами. Несмотря на все свои недостатки, к моменту ее завершения в 1903 г. она открыла для эксплуатации самый неисследованный и неосвоенный географический регион в мире. Транссибирская магистраль открыла доступ к Маньчжурии, Корею и Китаю, то есть к тем странам, к которым европейские державы могли добраться только морем. Кроме того, магистраль дала возможность усилить контроль над Средней Азией и способствовала резкому увеличению торговли с Персией и Османской империей. Новые железные дороги связали сельскохозяйственные области и богатые природными ресурсами регионы России с городами и портами и заметно укрепили торговлю с азиатскими странами, в которых Россия еще могла претендовать на роль передового торгового партнера, поставляя им не только продукцию сельского хозяйства и сырье, но и промышленные товары³.

Несмотря на некомпетентность и коррупцию в руководстве железных дорог, они оказали решающее воздействие на развитие промышленного производства в конце 80—90-х гг. XIX в. и в самом начале XX в. (1907—1914). Железные дороги сделали возможными массовые перевозки товаров на далекие расстояния, способствовали образованию надежного рынка промышленных товаров и сырья, а также создали собственный рынок производства железнодорожного полотна, локомотивов, сигнального оборудования и запасных частей. С 1883 по 1913 г. общий выпуск промышленной продукции в стране возрастал ежегодно в среднем на 4,5—5 процентов, что вполне сравнимо с ростом промышленного производства в Соединенных Штатах, Германии и Японии в их лучшие годы промышленного развития⁴.

Процесс индустриализации проходил в России более быстрыми темпами, чем в большинстве европейских стран, поскольку Россия совсем недавно вступила на этот путь и могла

воспользоваться новейшими технологиями и достижениями в области промышленного строительства. А это предусматривало прежде всего строительство очень крупных заводов, фабрик, шахт и других промышленных предприятий, чтобы добиться экономии средств за счет масштабов производства. Так, например, Путиловский завод в Петербурге, производивший огромное количество морских судов, паровозов и другой продукции тяжелого машиностроения, был одним из самых крупных в Европе. А в столице империи насчитывалось немало других промышленных гигантов ведущих отраслей кораблестроения, железнодорожного транспорта, машиностроения, металлургической и химической промышленности, производства электротоваров и т.д. В других регионах империи отчетливо проявлялась своя специализация: текстильное производство в Польше и в окрестностях Москвы, добыча угля и производство стали на Украине, нефтяные промыслы на Кавказе, порты и производство товаров широкого потребления в Прибалтике.

Невиданная быстрота российской индустриализации означала, что страна пропустила промежуточный период «протоиндустриализации» и свойственные ему формы потребительской ориентации производства, столь привычные для стран Западной и Центральной Европы. Вместо этого мелкое производство легко уживалось рядом с тяжелой промышленностью, редко пересекаясь с ним. Крестьяне по-прежнему трудились дома над изготовлением товаров для местного рынка или же вообще уходили в города, где устраивались на заводы и фабрики. В последнем случае они практически не имели возможности брать с собой жен и детей, обрекая их на длительное раздельное проживание. Мужчины жили в городах, ютились в бараках, в тесных комнатухах с такими же бедолагами. Им приходилось предельно быстро адаптироваться к городской жизни, где было много искушений, много опасностей, и к дисциплине промышленного производства⁵.

Успешное развитие промышленности требовало весьма существенных иностранных инвестиций, которые можно было привлечь только благодаря созданию устойчивого имиджа финансовой стабильности. Возглавлявшие министерство финансов И.А. Вышнеградский (1887—1892) и С.Ю. Витте (1892—1903)

сводили баланс государственного бюджета безжалостной налоговой политикой, включая новые акцизы на спиртные напитки, которые фактически заменили собой подоходный налог, а также введением новых таможенных тарифов на импорт промышленной продукции. Последнее обстоятельство, кстати сказать, было вызвано и желанием защитить слабый внутренний рынок. Только таким образом им удалось стабилизировать курс рубля, фактически обеспечив ему в 1897 г. золотое содержание, что самым серьезным образом повысило доверие иностранных инвесторов⁶.

И тем не менее эта политика вызвала широкую оппозицию. Землевладельцы постоянно жаловались на то, что им приходится тратить все больше денег на покупку сельскохозяйственной техники и с большим трудом продавать свою продукцию за границу, так как зарубежные партнеры, в свою очередь, повысили собственные тарифы. Не менее решительно высказывались народнически настроенная интеллигенция и даже некоторые государственные чиновники, обвинявшие правительство в проведении «антирусской» политики. Оно, дескать, поощряет производство продукции, которая не находит спроса внутри страны, и провоцирует насаждение западного индивидуализма и рыночных ценностей, которые подрывают традиционные российские принципы коллективизма. А наиболее бескомпромиссные противники Витте распространяли сплетни, что он является агентом международного еврейского заговора, нацеленного на разрушение России изнутри⁷.

За последние пару десятилетий проблемы влияния официальной политики и экономического роста на крестьянство стали предметом ожесточенных споров между историками. Традиционная интерпретация исходит из того, что крестьяне были освобождены на условиях, которые заметно затруднили их собственные усилия по улучшению своего экономического положения: им предоставили слишком мало земли, они были обременены долгами и к тому же привязаны к сельской общине, что самым серьезным образом сковывало их мобильность и платежеспособность. Они были вынуждены продавать зерно на весьма невыгодных для себя условиях, не могли

накапливать достаточный капитал и все глубже погружались в омут задолженности и нищеты⁸.

Только недавно, получив доступ к более разнообразным статистическим данным, некоторые историки, наоборот, указали, что многие крестьяне все-таки покупали землю, платили косвенные налоги и, стало быть, улучшали свои дела путем увеличения производительности труда или диверсификацией своей деятельности за пределами аграрного сектора экономики. При этом сельская община не только не сдерживала, но и поощряла такую активность, так как получала значительные выгоды от их дополнительных доходов. Очень важным обстоятельством в новой интерпретации крестьянской жизни является тот факт, что развитие тяжелой промышленности, по крайней мере на ранних этапах, не только не вымывало из экономики мелкое производство, но и, напротив, способствовало ему, снабжая необходимым количеством дешевых орудий труда и материалов⁹.

В разрешении спора между представителями этих течений большую роль играет взгляд на региональное развитие страны. В центральных сельскохозяйственных областях к югу и юго-востоку от Москвы вплоть до Поволжья сложная комбинация факторов делала процесс улучшения сельскохозяйственного производства практически невозможным: густая заселенность этих районов, преобладание мелких земельных наделов, отсутствие больших городских рынков и морских портов обрекали большую часть мелкотоварных хозяйств на порочный круг недопроизводства, безденежья и чрезмерных налоговых отчислений, неизбежно приводили к деморализации населения. При этом наиболее активная часть покидала насиженные места и отправлялась на поиски работы в другие регионы страны. Именно в этом районе и во всем Поволжье в целом сильнее всего свирепствовал голод 1891 г., ставший причиной широкомасштабной эпидемии¹⁰.

В сельских же районах, расположенных вблизи больших городов, морских портов или западных границ империи, предпринимательская деятельность и развивалась активнее, и приносила значительные результаты. Это прежде всего касается центральных промышленных районов, Прибалтийского регио-

на, западных областей и Польши, степных районов Дона и Кубани, а также Новороссии, занимавшей обширные территории Северного Причерноморья. Рост промышленных городов и постепенное улучшение дел в сельском хозяйстве этих регионов привели к появлению более зажиточного, более энергичного и уверенного в себе населения, многие представители которого стали переезжать в большие города. Парадоксальным результатом такого неравномерного географического распределения возможностей стало то, что многие быстро растущие промышленные города и регионы были заселены людьми нерусского происхождения, в то время как отсталые, пораженные нищетой и бедностью районы были в основном русские¹¹.

Возрождение революционного движения

Убийством Александра II в 1881 г. народовольцы так и не достигли своих политических целей. Более того, цареубийство привело к разгрому Центрального комитета «Народной воли», большинство членов которого было арестовано в ходе последовавших после убийства полицейских расследований. Правда, многие провинциальные организации продолжали существовать, но их способность к согласованным действиям была самым серьезным образом подорвана. Только к концу 1890-х гг. наметилось некоторое оживление, и уцелевшие лидеры революционного движения сумели восстановить единую всероссийскую организацию, которую они окрестили партией социалистов-революционеров.

К этому времени их деятельность стала объектом пристального внимания со стороны полиции, которая претерпела значительные изменения после убийства царя. Режим тщательно перетряхнул все полицейские ведомства, отвечавшие за безопасность империи, и преобразовал скомпрометировавшее себя Третье отделение полиции в новый, расширенный департамент полиции, в обязанности которого входила защита высших государственных чиновников и скрупулезное расследование деятельности всех террористических организаций. Кроме того, в этом

департаменте появились собственные охранные отделения («охранка») — сначала в Москве, Санкт-Петербурге и Париже (для слежки за деятельностью эмигрантов), а потом и в двадцати других крупных городах империи. Сергей Зубатов, глава московского охранного отделения, приложил немало усилий для воспитания нового поколения особым образом подготовленных полицейских чинов и наведения должного порядка в систематическом учете и контроле их деятельности. Другими словами, полиция безопасности постепенно становилась профессиональной, и даже Ленин отметил это качество, когда говорил, что революционная партия должна управляться небольшим количеством профессионалов, «профессионально вышколенных не менее нашей полиции»¹².

К этому времени революционные партии заметно усовершенствовали технику конспиративной деятельности, и, чтобы получить хоть какую-то информацию об их планах, полиции не оставалось ничего другого, как засылать в ряды революционеров своих тайных агентов. А тем, чтобы не выдать себя с головой, приходилось принимать активное участие в мероприятиях террористических организаций, включая тайные операции, поддержание секретной связи, изготовление бомб и т.д. Так появились агенты-провокаторы, которые вели двойную жизнь и работали как на полицию, так и на революцию. Этих людей больше и больше привлекала пьянящая идея использования власти ради нее самой. Оппозиционные партии, отрезанные от общественной деятельности, и тайная полиция, чьи действия были практически неподотчетными, не могли эффективно контролировать их деятельность, а они, в свою очередь, часто предавали и тех и других, проводя террористические акты по своему усмотрению. Революционеры и *фискалы* одновременно — таковы были эти зловещие фигуры, ведущие свою родословную от разных сторон деятельности Петра Великого¹³.

Социалисты-революционеры, уже не желавшие полностью отдавать себя в руки террористов, создали специальный боевой отряд, чтобы остальные члены партии могли сосредоточить свое внимание на пропагандистской работе и других видах мирной деятельности. Однако ирония заключается в том, что

изоляция профессиональных террористов означала прежде всего их окончательное освобождение от сдерживавших пут морального и политического свойства. Боевой отряд быстро оказался в руках полицейского агента (Евно Азефа), под чьим непосредственным руководством проводил акции против того самого режима, который нанял его на службу. В течение 1902—1906 гг. жертвами боевиков стали генерал-губернатор Москвы и несколько министров, включая министров внутренних дел Дмитрия Сипягина и Вячеслава Плеве, которые, собственно, и наняли Азефа для агентурной работы. Кроме того, были убиты или ранены около четырех тысяч чиновников центральных и местных органов управления. Никогда еще ни одно правительство мира не испытывало такого мощного террористического натиска. Когда в 1908 г. двойная жизнь агента Азефа была раскрыта, это самым серьезным образом дискредитировало деятельность полиции и подорвало морально-этические принципы партии социалистов-революционеров¹⁴. В конечном счете это в немалой степени способствовало развенчанию существовавших в обществе иллюзий относительно целей и задач всех политических партий в последние годы царского режима.

Кардинальной доктриной российского революционного движения вплоть до начала 1890-х гг. оставалась идея о том, что учение Маркса об исторической эволюции не подходит для России, чьи общинные институты могут в принципе позволить ей построить социалистическое общество без прохождения стадии «буржуазного капитализма» и создания отчужденного от собственности и обездоленного пролетариата, который уже сложился в Британии, Соединенных Штатах и чуть позже в Германии.

Первым революционным деятелем той поры, поставившим под сомнение подобные взгляды, был Георгий Плеханов, человек, который еще в 1879 г. отверг терроризм. В ряде своих работ, написанных в эмиграции в 1880-е гг., он впервые высказал мнение, что Россия уже вступила в эпоху буржуазного развития и создает вполне современную промышленную систему, включая и пролетариат — непосредственный продукт этого процесса — в том виде, как его описал Маркс. Что же касается крестьянской общины, то это всего лишь жалкий остаток умирающей эко-

номической системы, уже почти разрушенный неотвратимо наступающим капитализмом. Стало быть, революция в России возможна только тогда, когда капитализм полностью исчерпает свои потенциальные возможности, а пролетариат обретет наконец черты зрелости и распространит свое влияние на все общество. Поэтому любая попытка ускорить революцию и развязать ее до этого момента будет означать полную безответственность ее лидеров.

Плеханов был уверен в том, что только его версия марксизма имеет право называться «научным социализмом», а всех остальных революционеров прежней эпохи, то есть до 1881 г., он пренебрежительно называл «народниками» или «поклонниками народа». Это слово все еще используется для названия всех российских революционеров-немарксистов. Взгляды Плеханова вызвали в 1890-е гг. оживленную дискуссию между народниками, которые продолжали отстаивать точку зрения, что у России свой, особый путь социального развития, и марксистами, которые свято верили, что Россия пойдет по пути развития других европейских стран, хотя и с некоторым отставанием, вызванным преимущественно ее общей отсталостью и добуржуазными пережитками¹⁵.

Идеи Плеханова импонировали тем, кто хотел отличаться от прочих «научным» мировоззрением, а также тем, кто хотел видеть себя активным участником мировых событий и тем самым избежать болезненного ощущения замкнутости, вызванного обособленностью России и ее самобытностью. Однако против доктрины имелись и весьма серьезные возражения. Если Россия должна ждать созревания многочисленного, хорошо организованного пролетариата, то революцию придется отложить по меньшей мере на несколько десятилетий. Истинные же революционеры тем временем должны *приветствовать* развитие капитализма и буржуазного либерализма в качестве совершенно бесспорных прогрессивных явлений. Но большинство революционеров не обладали необходимым хладнокровием и терпением. И эта дилемма, навязанная им такой неопределенной и долгосрочной перспективой, стала важнейшей проблемой русских марксистов.

Кроме того, существовали и другие дилеммы. Россия очень сильно отличалась от Германии, где уже действовала мощная и сильная социал-демократическая (то есть марксистская) партия. На Втором съезде Российской социал-демократической рабочей партии, который состоялся в Брюсселе и Лондоне в 1903 г., произошел раскол по вопросу о характере партийной организации¹⁶. Юлий Мартов, поддержанный Плехановым, предложил, что членом партии может стать любой человек, «поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций», тогда как его противник Владимир Ленин выдвинул более требовательную формулировку: «поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

При доброй воле эти разные трактовки можно было бы как-нибудь согласовать. Дело в том, однако, что Мартов и Ленин придерживались совершенно различных точек зрения по вопросу о природе партии и ее функционировании. Мартов стремился к созданию массовой рабочей партии, а Ленин хотел создать тайную организацию активистов, которые могли бы все свое время уделять партийной работе. Ленин проиграл при голосовании, но поскольку члены еврейского Бунда, которые всегда находились к нему в оппозиции, покинули съезд под другим предлогом, он получил возможность заявить после съезда, что получил большинство голосов¹⁷.

С тех пор эта фракция партии стала называть себя большевиками, то есть получившими большинство голосов при решении этого вопроса, в то время как оппоненты Ленина называли себя меньшевиками.

Откровенно говоря, в России тех лет только ленинская концепция имела хоть какие-то шансы на реализацию. Меньшевики возлагали все надежды на создание «буржуазного» парламентского государства, в котором господство закона позволило бы партии рабочего класса действовать в качестве легальной оппозиции правящему режиму и тем самым готовить себя к окончательному взятию власти в свои руки. Именно так развернулись события в Германии в первом десятилетии XX в. Но Россия была совсем другой страной. Даже во время револю-

ции 1905—1906 гг., когда на какое-то время могло показаться, что Мартов прав, обстановка была настолько бурной и непредсказуемой, что образовалось совсем мало устойчивых рабочих организаций.

Ленин же, напротив, считал создание в России правового государства маловероятным и не желал терпеливо ожидать предлагаемого меньшевиками созревания рабочего класса. И хотя он не излагал открыто свои взгляды вплоть до 1917 г., уже раньше было очевидно, что он всеми силами старается ускорить революционный процесс, сокращая так называемый буржуазный период истории и приближая тем самым перспективу построения социализма. Всячески помогал ему прояснить эти взгляды Лев Троцкий, ближайший соратник Ленина в первые послереволюционные годы.

После революции 1905—1907 гг. Ленин пришел к выводу, что можно слить две революции в одно русло, поскольку в России крестьяне, разочаровавшиеся в земельной реформе, так и не стали поборниками частной собственности и не растратили свой революционный потенциал. В этом отношении Ленин напоминает тех людей, которых Плеханов определял как народников. Если воспринимать народничество и марксизм как две разные политические традиции, то большевизм стал их своеобразным синтезом. Как марксисты большевики были интернационалистами по своему мировоззрению и старались привнести в рабочий класс идеи революции, но как народники они всецело принимали руководство своей партией со стороны небольшой группы интеллектуалов. Кроме того, они искренне считали крестьян революционной силой (после 1905 г.) и с помощью мобилизации этого класса пытались перескочить через этап «буржуазного» развития экономики и перейти непосредственно к социализму¹⁸.

Вообще к большевизму следует относиться как к своеобразной форме социализма, единственно возможной в России того времени, поскольку создать массовую партию рабочего класса было практически невозможно, крестьяне были недовольны существующим строем, а гражданское общество только нарождалось и было еще очень слабым.

Можно также считать народничество этнической формой российского социализма, в то время как марксизм был социализмом имперским или европейским. Позже мы увидим, что, пытаясь соединить эти два представления о социализме в 1917 г., большевики создадут непрочное сочетание пролетарского интернационализма и российского национализма, ярко окрашенное в тона тысячелетних чаяний народа.

Социальные перемены и проблемы городов

В совокупности все политические реформы и экономические перемены глубоко повлияли на социальные отношения в Российской империи. Все общество стало медленно двигаться от патриархальной структуры с ее родовыми пережитками, условиями, государственной службой и традиционной крестьянской культурой, где церковь играла первостепенную роль, к более современной модели, основанной на нуклеарной семье, мобильных социальных классах, экономической эффективности и урбанизированной коммерческой культуре, в которой церковь находилась уже на периферии.

Как и во всех европейских странах, происходило разделение между семьей и трудовой деятельностью. Дом перестал быть оплотом экономического производства, постепенно превращаясь в средоточие личной жизни и отдыха людей после тяжелого рабочего дня. Таким образом, в стране стала формироваться частная жизнь — понятие, которое еще не нашло своего места в русском языке. Развлечения становились менее общинными и более коммерческими. Даже традиционные народные гулянья были перенесены из сельской глубинки в городские парки и скверы и сопровождались оживленной торговлей, представлениями кукольных театров и прочими зрелищами.

Городские жители со средним достатком часто ходили в театры, на концерты, цирковые представления, а в начале XX в. и в кинематограф. Газеты, как мы уже видели, тоже постепенно обретали массового читателя, а популярные романы не зале-

живались на полках книжных магазинов. Причем во многих представлениях, песнях и романах встречался образ неунывающих и храбрых русских солдат, отстаивающих интересы империи на ее далеких и загадочных окраинах. Но иногда в них встречались идеи, которые не одобряли ни представители правящего режима, ни нонконформистская русская интеллигенция. Помимо любовных походов или преступных деяний, в таких произведениях нередко изображался мир роскоши и благополучия, причем в такой манящей и захватывающей форме, что многие зрители готовы были принять его в качестве образца для подражания. И это неизбежно нашло свое проявление в моде на одежду, питание, мебель и внутреннее убранство городских квартир и домов¹⁹.

В больших городах традиционные переносные русские лавки и лотки постепенно заменялись постоянно действующими специализированными магазинами, хотя, конечно, лишь немногие из них могли сравниться по разнообразию товаров с такими гигантами, как Елисеевский гастроном на Невском проспекте в Санкт-Петербурге или магазин торгового дома «Мюр и Мерилиз» на Петровке в Москве. Перед сверкающими витринами таких магазинов обычно собирались толпы людей, которые не могли позволить себе подобной роскоши, но зато охотно рассуждали о достоинствах того или иного товара.

Универмаги стали настоящей школой воспитания вкуса и моды, и в этом им во многом помогали всевозможные рекламные объявления в газетах и журналах, особенно женских. Так, одежда перестала быть показателем социального происхождения, а стала скорее свидетельством новых веяний и устремлений, которые так увлекали публику, воспитанную на последней моде и новейших потребительских стандартах. Женщины, к примеру, не жалея сил и времени, старались приобрести плащ свободного покроя, а мужчины с удовольствием носили соломенные шляпы и модные туфли. И в том и в другом случае это символизировало полный разрыв с традиционной сельской культурой и переход к городскому образу жизни²⁰.

Разрыв привычных социальных связей нашел свое проявление и в других негативных явлениях. Многие мужчины, по-

кинувшие деревню и приехавшие в город, оставили своих жен и детей дома, где те в поте лица добывали хлеб насущный на небольших участках земли. А мужья тем временем ютились по углам или в бараках в окружении себе подобных и легко поддавались многочисленным искушениям, против которых у них не было практически никакой защиты. Манил кабак, где они быстро впитывали культуру ежедневного пьяного застолья в веселой компании, иногда с азартными играми. А на улицах попадались проститутки, предлагавшие не только женскую ласку, но и «награждавшие» венерическими заболеваниями. Таким образом, алкоголизм, преступность и заразные болезни распространялись так быстро, что это стало беспокоить не только власти предрержащие, но и оппозиционно настроенную к ним интеллигенцию.

В результате такого болезненного социального надлома в городах стало накапливаться огромной силы политическое напряжение. Подавляющее большинство новых переселенцев, ворвавшихся в города в 1880—1890-е гг. в поисках работы на заводах, фабриках, в портах и магазинах, не находило для себя никаких общественных институтов, где они могли бы выразить свои чаяния, излить душу или просто-напросто ощутить столь важное для них чувство солидарности и осознание себя частью единого целого. Профсоюзы были запрещены, а различные общества и кружки еще не появились. Что же до местных органов власти, то в них заправляли богатые олигархи, которые не давали беднякам права голоса.

Церковь тоже не удовлетворяла их духовные потребности. Часто можно услышать утверждение, что урбанизация неизбежно приводит к утрате населением религиозных чувств. На самом же деле правильнее было бы сказать, что она порождает религиозный кризис. Как показывает изучение подобных явлений в европейских странах, это самая серьезная проблема в эволюции религиозного самосознания народа. В известном смысле недавние переселенцы нуждаются в религии даже больше, чем раньше, так как она могла бы помочь им быстро и не так болезненно приспособиться к новым условиям и совершенно непривычному образу жизни. Тем более что они оказались в городах без семьи, без друзей и без традиционных моральных регуляторов

поведения. А в городах религиозная деятельность может быть развита в большей степени, чем в деревне. Здесь могут действовать библейские общества, благотворительные организации, газеты и журналы. И если господствующая церковь не готова оказать такую помощь недавним сельским жителям и не проявляет активности в этом деле, то новые горожане могут легко уклониться в сторону какой-либо сектантской деятельности или откровенного атеизма. Статистика Санкт-Петербурга начала XX в. показывает, что эта тенденция была налицо и в России²¹.

Как бы то ни было, начало XX в. знаменовалось заметным ростом антисоциального поведения не только в крупных городах, но и в небольших поселках и деревнях, которые, как мы уже видели, все в большей степени испытывали влияние города и городских моделей поведения. Эта тенденция была подробным образом описана в прессе под общим названием «хулиганство». Это слово подразумевало весьма широкий спектр поступков от оскорблений и нецензурной брани до таких посягательств на жизнь и собственность граждан, как например, поножовщина и грабежи²².

На самом деле статистика хулиганских поступков не так уж бесспорна и может означать только то, что благовоспитанное общество более чутко реагировало на грубые нравы, которые существовали всегда. Однако бесспорно, что теперь подобное поведение шокировало общество сильнее, чем прежде. Недавно появившийся и оттого непрочный еще средний городской класс России чувствовал себя в большей опасности, чем аналогичные классы в старых, давно устоявшихся цивилизациях²³.

В сфере фабрично-заводских отношений подобный тип поведения был еще более заметным, поскольку в этой области так и не сформировались легальные каналы выражения общественного протеста или недовольства. Многие рабочие обычно пассивно воспринимали свое унижительное положение, но иногда они теряли терпение, выходили из себя и были способны на самые разнообразные проявления злобы и агрессивности по отношению к мастерам, чиновникам или полиции, посягая зачастую даже на собственность своих работодателей²⁴.

Поскольку у рабочих не было никаких легальных форм самоорганизации, различия между ними в возрасте, навыках, образовании, профессионализме, а также этническом происхождении и вероисповедании играли менее существенную роль, чем можно было бы предположить в многонациональной империи. Старые и молодые, образованные и неграмотные, опытные и неопытные, русские, украинцы или латыши — все они испытывали одинаковые лишения, подвергались одинаковой эксплуатации и часто выражали солидарность доступными им методами, стремясь облегчить чувство неприкаянности. В случае конфликта они быстро объединялись и полностью подчинялись стихии толпы, разрушавшей все перегородки, обыкновенно разделявшие профессиональные сообщества внутри больших производственных коллективов²⁵.

Власти не могли не осознавать той опасности, которая вытекала из подобной ситуации, и той угрозы, которая могла исходить от социалистической пропаганды в такой социальной среде. Осознавал это и самый умелый и решительный контрреволюционер империи Сергей Зубатов. Более того, он был полон решимости не допустить революционного взрыва. С этой целью в 1901 г. он создал находящийся под контролем полиции профсоюз, который, по его замыслу, должен был отвлечь рабочих от активного участия в социал-демократическом движении и вообще от какой бы то ни было политической деятельности. Он хотел направить всю энергию рабочих на чисто экономические цели, но это оказалось невозможным: экономическое развитие в империи было неразрывно связано с политической системой. Именно поэтому члены созданного им профсоюза приняли активное участие в общей забастовке в Одессе в июле 1903 г. Противники Зубатова не преминули воспользоваться этим фактом и обвинили его в поощрении беспорядков, в результате чего профсоюз был закрыт.

Однако дело Зубатова продолжил мало кому известный за пределами рабочих окраин Петербурга священник Григорий Гапон. Отец Григорий был отнюдь не инакомыслящим, так как его профсоюз заводских и фабричных рабочих получал регулярную помощь и поддержку епархии, однако он был явно нетипичным представителем духовного сословия в том смыс-

ле, что совершенно искренне хотел помочь рабочим и решить хотя бы самые наиболее проблемные их жизни. Его манера обращения к рабочим была откровенно патриотической: он хотел «построить такое гнездо среди фабрично-заводских рабочих, в котором преобладал бы дух истинной Руси». С этой целью он предлагал создавать организации взаимопомощи, призывал воздерживаться от пьянства и заниматься самообразованием, постоянно повышать свой культурный уровень. Он создавал чайные, клубы по интересам, фонды взаимопомощи, организовывал лекции по проблемам экономического развития и социальных отношений²⁶.

Созданное им движение напоминало общество «ревнителей благочестия», чем, собственно говоря, и привлекло к себе столь большое количество последователей. Им импонировали его неприкрытый патриотизм и обращение к религиозным ценностям. Люди видели в этом единственно доступный им способ выразить свое недовольство и облегчить душу. Гапон с сочувствием относился к подобным умонастроениям и вскоре понял, что его движение, кроме экономического, должно получить также и морально-политическое измерение. Он воспринял совет Союза освобождения (о нем чуть ниже), а также некоторых социал-демократов и с их помощью составил петицию к правительству, которая объединяла в себе элементы либерального и социалистического толка. Указывая на «капиталистическую эксплуатацию» и «бюрократический произвол» как на главные несчастья рабочего класса, этот документ призывал власти установить восьмичасовой рабочий день, признать право рабочих на забастовку и на получение достойной заработной платы. Кроме того, петиция предусматривала созыв Учредительного собрания, предоставление гражданских свобод и учреждение законопослушного правительства, ответственного перед народными представителями. Учитывая тесные связи, которые многие рабочие сохранили с деревней, петиция также затрагивала самый болезненный вопрос крестьянской жизни — отмену выкупных платежей и передачу земли в руки тех, кто ее обрабатывает²⁷.

Падение Порт-Артура в декабре 1904 г. и начало мощной забастовки рабочих Путиловского завода в Петербурге созда-

ли такое настроение ожидания скорых перемен, что Гапон решил: его рабочие должны представить свою петицию публично. Благоприятный повод для этого сулило намеченное на январь мирное шествие по улицам столицы, в ходе которого представители рабочих могли бы вручить властям этот документ, а заодно продемонстрировать лояльное отношение народа к царю. На собрании рабочих эта идея вызвала бурю восторга и была принята единогласно. Многие свидетели этого события отмечают даже, что среди присутствующих царило «почти религиозное, мистическое чувство экстаза». А когда на Васильевском острове один из руководителей движения спросил: «А что мы будем делать, товарищи, если царь не примет нас и не захочет читать нашу петицию?» — все хором ответили: «Значит, у нас нет больше царя!»²⁸

Правительство, встревоженное народным настроением, попыталось в последний момент запретить шествие, но лишь внесло тем самым сумятицу в умы людей. В воскресенье, 9 января 1905 г., празднично одетые рабочие отправились с иконами и портретами царя к царскому дворцу. Они проследовали из рабочих предместий Петербурга до самого центра города, где намеревались вручить петицию представителям власти. Однако вместо представителей правительства их встретили ряды нервно настроенных вооруженных солдат. Не получив надлежащих инструкций и теряясь в догадках, солдаты угрюмо глядели на огромную толпу и находились на грани паники. Потом поступил приказ открыть огонь, и в результате кровавого побоища погибло более 200 человек.

Невозможно переоценить значение этой кровавой бойни, которую вскоре назвали «кровавым воскресеньем». Она одновременно перекрыла два возможных пути дальнейшего развития страны: возрождение активности Православной церкви в крупных городах в интересах беднейших слоев населения и восстановление образа патриотической и народной монархии. Протест Гапона представлял собой смесь архаической, вполне лояльной властям «челобитной» и современного массового рабочего движения. Старые социальные связи были окончательно разрушены, а основа для появления новых оказалась существенно ограничена кровавыми событиями.

Революция 1905—1907 гг.

Результатом «кровавого воскресенья» было мощное стихийное движение, в которое оказались втянуты все социальные слои, все регионы и все национальности империи. В нем отразились все насущные проблемы российского общества, все конфликты, назревавшие в стране в течение многих десятилетий и постепенно накапливавшие разрушительную силу, чтобы выплеснуть ее сейчас.

Первыми, что вполне естественно, на «кровавое воскресенье» 1905 г. отреагировали рабочие заводов и фабрик. Отбросив всякие надежды на помощь церкви или царя, они обратились за помощью к оппозиции, главным образом к социалистам. А социал-демократы и социалисты-революционеры не спешили с ответом на вызов времени. Их лидеры все еще находились в эмиграции, оторванные от потенциальных сторонников и всецело поглощенные ожесточенной полемикой друг с другом. Местные же лидеры делали все возможное, чтобы инициировать митинги протеста и забастовки, и постепенно участие в забастовочной борьбе помогло им наладить более тесный контакт с рабочими и направить их деятельность в более организованные формы.

Одним из последствий такой политики было создание совершенно нового типа рабочих организаций — Советов рабочих депутатов. Впервые такие Советы были образованы в городе текстильщиков Иваново-Вознесенске в целях координации забастовочной борьбы, а потом в них стали избирать рабочих представителей и в других городах при средней норме представительства один рабочий депутат от 500 рабочих. Советы собирались в каком-нибудь помещении или на открытом воздухе, где могли присутствовать не только избранные рабочими депутаты, но и их избиратели или сочувствующие. Это во многом напоминало прямую демократию, поскольку избиратели могли в любую минуту отозвать своего представителя, если он недостаточно хорошо защищал их интересы, и заменить его другим кандидатом. Члены таких Советов избирали исполнительный комитет, который занимался повседневными делами, вел переговоры с предпринимателями, местными органами власти и

полицией. Зачастую избирали образованных профессионалов, которые, как считалось, могли более осмысленно защищать их интересы, чем сами рабочие. Через такие исполнительные комитеты социалистические активисты распространяли свое влияние среди рабочих а иногда и непосредственно участвовали в их организации²⁹.

Советы стали самой лучшей формой общения между радикальными интеллектуалами и рабочими в условиях острого политического кризиса. Рабочим они напоминали сельские сходы, только более многолюдные и хаотичные, на которых можно было свободно говорить на любые темы и поддерживать общий энтузиазм. С другой стороны, исполнительные комитеты привносили в эту деятельность элементы организованности и сознательной политики. Своего высшего развития Советы достигли в октябре 1905 г., когда стали во главе всеобщей забастовки рабочих Петербурга, парализовавшей производство не только в столице, но и во всей империи. Это был решающий удар, после которого царь вынужден был одобрить Октябрьский манифест, гарантировавший гражданские свободы и избрание законодательного собрания. 18 октября огромные толпы народа вышли на улицы, чтобы отметить свою победу, а Лев Троцкий, блестящий оратор, торжественно приветствовал их с балкона университетского здания. На короткий момент времени общественность и рабочие стали единым организмом³⁰.

Это краткосрочное единство всех социальных групп против самодержавного режима естественным образом выросло из их общей борьбы. Как и рабочие, общественность страны была лишена каких бы то ни было законных способов для выражения собственных политических взглядов. Более того, она была напрочь лишена возможности заявить о своих профессиональных заботах и материальных интересах. В течение 1890-х гг. и особенно после всплеска благотворительной деятельности во время голода в 1891 г. собрания профессиональных организаций стали обретать все более ярко выраженную политическую окраску. Врачи и учителя, к примеру, были крайне разочарованы тем, как низкий социальный статус крестьян и политика дискриминации против них тормозили вне-

дрение государственных программ обучения и здравоохранения. Такое же недовольство господствовало и в земствах, призванных осуществлять все эти программы, в первую очередь среди так называемого «третьего элемента».

В 1901 г. для координации усилий земств и профессиональных организаций был образован Союз освобождения. Он вынужден был провести учредительный съезд в Швейцарии, но вскоре стал агитировать внутри России, чему способствовала война с Японией, обнажившая всю слабость монархического режима. Союз издавал памфлеты и проводил собрания, на которых все чаще и чаще звучали призывы заменить самодержавие конституционной монархией с парламентом, избранным на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Союз был либеральной организацией, однако обстоятельства вынудили его к тесному сотрудничеству с социалистами, не исключая и тех, кто настаивал на насильственном свержении самодержавия и установлении республики рабочих и крестьян. Их сближала одна общая цель — ликвидация самодержавной власти и замена ее избранным законодательным органом. Даже эта первичная цель казалась достаточно трудной и заслоняла более далекие перспективы. Многие либералы привыкли к мысли, что «слева от них нет никаких врагов», так как самодержавие представляет такое зло, что для его свержения все средства и все союзы хороши. Такие же настроения преобладали и в созданной в октябре 1905 г. конституционно-демократической партии, или просто партии кадетов, первой либеральной партии России. Ее программа носила вполне либеральный и конституционный характер, но она отказалась осудить терроризм (практиковавшийся оппозицией, а не режимом). Кроме того, в программе поддерживались крестьянские требования вынужденного отчуждения земельной собственности³¹.

Этот союз, который был бы невозможен при нормальных условиях, мог продолжаться только до тех пор, пока режим не пойдет хоть на какие-либо уступки. Образованная элита и лидеры земства, нашедшие пристанище в партии кадетов, были вполне удовлетворены Октябрьским манифестом самодержавия и сразу же отошли от рабочего движения. Советы, однако, выработали специфический механизм, обладавший внутренней инер-

цией, делавшей невозможным любое развитие без радикализации выдвигаемых требований: умеренность и рутинная работа противоречили самой природе их движения. К концу ноября правительство набралось храбрости и арестовало председателя Петербургского Совета, а потом и весь его исполнительный комитет. В Москве это вызвало самый настоящий взрыв негодования. Московский Совет решил, что он не может сидеть сложа руки и выжидать дальнейших арестов. Прозвучал призыв взяться за оружие. «Лучше погибнуть в борьбе, — заявил один из московских активистов, — чем жить на коленях. На карту поставлена судьба всей революции³²».

Рабочие, устроившие баррикады в районе Красной Пресни, получили мало помощи от своих городских собратьев. И все же правительство испугалось восстания и не вполне доверяло своим войскам, опасаясь, что те перейдут на сторону восставших. Именно поэтому была использована артиллерия, с помощью которой разрушили не только баррикады, но и многие близлежащие дома. При этом погибли по меньшей мере тысяча человек³³.

Этот разгром ярко высветил природу Советов: их сила оказалась вместе с тем и их слабостью. Сплоченные в момент кризиса и острого политического конфликта, своим стихийным характером они неизбежно подрывали любую деятельность, направленную на стабилизацию движения. Словом, Советы были отнюдь не гражданскими учреждениями. В течение какого-то времени лидеры Советов могли оказывать весьма серьезное давление на предпринимателей и даже на правительство, но они так и не смогли создать постоянно действующие организации, способные заниматься рутинной политической деятельностью. Опьяняющий успех Советов остался в памяти рабочих как мимолетная мечта о всеобщей свободе, к которой они стремились вернуться.

Крестьяне, прямо не затронутые «кровавым воскресеньем», были тем не менее взволнованы и возмущены малоэффективными действиями правительства как в войне с Японией, так и безнравственным поведением по отношению к собственному народу. «Царь-батюшка» не только оказался неспособен решить эти важнейшие проблемы российской жизни, но

и грешил против Божьего закона. Крестьяне тоже стали все чаще задумываться над тем, что политическая система должна в большей степени откликаться на их чаяния. В течение последующих двух лет они испробовали самые разнообразные методы давления на правительство: писали петиции, прекращали работу на землях помещиков, избирали делегатов на Крестьянский съезд, а потом и в Государственную думу. Применялись даже методы прямого воздействия, такие, например, как захват помещичьего имущества, поджог усадеб, массовое расхищение техники и зерна и т.д. В разное время и в разных местах преобладала та или иная тактика борьбы с помещиками: крестьяне всегда демонстрировали прагматичный подход. Они хорошо знали, как нужно управлять сельским хозяйством, и пытались всеми доступными им средствами претворить свои идеи в жизнь.

Подобно рабочим крестьяне выражали свои первые протесты, принятые на сельских сходах, в форме многочисленных прошений и петиций в адрес правительства. Они откликнулись на царский манифест от 18 февраля 1905 г., в котором содержался призыв к «добропорядочным гражданам» принять активное участие в обсуждении мер по совершенствованию политической структуры общества и улучшению повседневной жизни людей³⁴. Иногда с помощью школьных учителей, священников, служащих земских организаций или представителей отдельных политических партий крестьяне составляли свои «наказы» и отправляли их властям. Можно выделить три волны таких обращений: первая началась сразу же после февраля 1905 г., вторая последовала за выходом Октябрьского манифеста, а третья развернулась во время проведения выборов в Государственную думу весной 1906 г. И несмотря на участие в этом деле далеких от сельской жизни людей, нет никаких сомнений в том, что все эти обращения содержали истинные чаяния крестьян и их сокровенные мечты.

Чаще всего звучало требование передать землю тем, кто ее обрабатывает. Даже тот факт, что землей на правах частной собственности в то время владело значительное меньшинство населения, не устранил всеобщего убеждения, что «необходимо все земли передать в руки трудовому народу, — пусть землей пользу-

ется тот, кто своим личным трудом обрабатывает ее. Земля не должна быть предметом торговли; необходимо, чтобы земля была общинной»³⁵. Другим требованием, которое сильно волновало крестьян, было реформирование несправедливой налоговой системы и обеспечение бесплатного начального образования. «Одной из главных причин нашего беспорядка, — отмечалось на одном из крестьянских съездов в Курской губернии, — служит наша темнота и необразованность, которые зависят от недостатка школ и плохой постановки в них обучения»³⁶.

Крестьян меньше, чем рабочих, заботили проблемы гражданских прав или политической структуры империи. Но когда они высказывали свое мнение на эту тему, сформулированное, может быть, благодаря какому-нибудь школьному учителю, оно было похоже на положения, изложенные в обращении Гапона. В сущности, крестьяне требовали окончательного завершения реформы 1861 г., то есть передачи им всей той земли, которую они обрабатывали и предоставления им тех же гражданских прав, которыми уже пользовались другие слои населения.

Когда же крестьяне почувствовали, что к ним не прислушиваются, они избрали другую стратегию поведения. Была предпринята попытка объединения их на более высоком уровне, чем волость: был образован Всероссийский крестьянский союз, который провел два съезда — в июле и ноябре 1905 г. Ведущую роль в создании этого союза сыграли партия социалистов-революционеров и ряд специалистов-аграриев, присутствовавшие на этих съездах. Резолюции съездов и дебаты отражали дух сельских петиций, хотя второй съезд пошел дальше и призвал к прямым политическим акциям: проведению общенациональной забастовки и объявлению бойкота землевладельцам.

Вслед за этим Крестьянский союз неожиданно распался, причем причины этого распада до сих пор еще не вполне ясны. Все крестьянские объединения выше волости были хрупкими, а их организаторов некрестьянского происхождения к концу 1905 г. волновали совершенно другие проблемы. Более того, власти относились к союзу как к нелегальной организации и подвергали арестам его лидеров и рядовых членов. Видимо, крестьянство к этому времени возлагало все свои

надежды на предстоящие выборы в Первую Государственную думу³⁷.

Правда, крестьяне не оставили борьбу и часто пытались оказывать давление на власти, организуя забастовки, отказываясь вносить арендную плату, воруя сено у помещиков и поджигая их амбары. Они стали все чаще врываться на своих телегах на помещичий двор, взламывали амбары, грузили на телеги мешки с зерном и увозили их по домам. А к наступлению лета, когда снова маячила угроза плохого урожая, они иногда выгоняли помещика из его поместья и поджигали дом, чтобы хозяин больше никогда не возвращался назад. Так, например, начавшись в Саратовской и Черниговской губерниях, прокатились две волны массовых поджогов помещичьих хозяйств. Именно в этих центрально-черноземных областях крестьяне испытывали недостаток земли и находились на грани нищеты.

Решение о поджоге поместья принималось, как правило, на сельском сходе и незамедлительно претворялось в жизнь. В этой акции участвовали все жители деревни, так как «круговая порука» в выступлениях против правящего режима была такой же безоговорочной, как и в подчинении ему. В результате во многих областях темные ночи озарялись кроваво-красным заревом пожарищ. Это называлось «пустить красного петуха» и часто подстрекало окрестные села и деревни на такие же акции. В течение 1905—1906 гг. было сожжено почти 3 тысячи поместий, или 15 процентов их общего числа. Помимо всего прочего, многие поместья подвергались разграблению и другим актам вандализма. Крестьяне врывались в дома помещиков, рвали книги, выносили картины и другие произведения искусства, уничтожали скульптуры и все, что украшало «дворянские гнезда». Словом, разрушали тот мир, который всегда считали для себя чужим и враждебным³⁸.

С другой стороны, они пытались, хотя и не всегда успешно, поддерживать определенный порядок в собственных взаимоотношениях в те периоды, когда захватывали чужие земли и распределяли чужое имущество. Крестьяне давно уже поняли, что вряд ли стоит драться друг с другом и тем самым ос-

лаблять себя перед лицом власти. В Саратовской губернии, к примеру, во время таких выступлений закрывались все винные магазины, а зерно, скот и другая продукция распределялись в соответствии со строгими правилами. И все же некоторые крестьяне напивались до положения риз, облегчая тем самым властям задачу подавления их бунтов³⁹.

Крестьянские волнения пошли на спад в 1906—1907 гг., когда правительству удалось справиться с положением и навести в стране надлежащий порядок. К этому времени армия была переведена с Дальнего Востока и в полную силу задействована для подавления крестьянских волнений. Во время карательных экспедиций арестовывали вожаков крестьянских бунтов, а когда обнаружить их не удавалось, арестам подлежало все мужское население⁴⁰. Законность и порядок в деревне снова были восстановлены посредством грубого применения силы, а не с помощью интеграции крестьян в гражданские институты общества.

Революция 1905—1907 гг. наглядно продемонстрировала, что каждый социальный слой российского общества имел свои собственные серьезные требования, которые он мог облечь в форму политического действия в условиях повсеместного ослабления власти. Но она также показала, что эти слои не способны к совместной деятельности ради выработки общих институтов и общей стратегии и ни один из них не имеет идеи, способной объединить все оппозиционные силы страны и преодолеть вековые классовые и этнические предубеждения, хотя и рабочие, и крестьяне имели весьма сходные цели и устремления. Разделяя эти силы и используя в полную мощь свой аппарат насилия, правительство одержало победу над разобщенным народом.

Однако восстановить свою власть в прежнем объеме оно уже было не в состоянии. Октябрьский манифест, с помощью которого власти раскололи оппозиционные силы, имел далеко идущие последствия: режим взял на себя обязательство хотя бы для вида поделиться властью с законодательным органом, избранным всеми социальными классами и почти всеми этническими группами империи.

Противоречивая конституционная монархия

Если 1861 г. поставил задачу создания гражданских институтов, то Октябрьский манифест вновь к ней вернулся. Однако новая волна реформ оказалась во власти всевозможных противоречий, унаследованных от незавершенных реформ первой волны.

Российское правительство, являясь номинально самодержавным по усеченной «схеме Сперанского», на самом деле представляло собой сложное сочетание соперничавших между собой групп: в центре были император и окружающий его двор, и отсюда шли артерии министерств и ведомств, губернаторов и дворянских собраний. Самым могущественным ведомством в этой сложной системе являлось Министерство внутренних дел, которое контролировало деятельность провинциальных губернаторов, полицейскую службу и жандармерию. Как правило, это министерство выполняло доминирующие функции в правительстве до тех пор, пока не появлялась какая-нибудь сильная личность в каком-нибудь другом министерстве. Иногда такой личностью становился министр финансов, как, например, в случае с Витте, или министр государственного имущества, министр двора, военный или морской министр. Все эти министерства обладали весьма значительным богатством, силовыми ресурсами или пользовались высочайшим покровительством.

До 1905 г. единственным человеком, который имел реальную возможность согласовывать интересы этих могущественных ведомств и координировать их деятельность, был сам император. В течение всего XIX в. императорам в какой-то мере удавалось выполнять столь сложную задачу, но это во многом зависело от их личных качеств. Однако Николай II был слабо подготовлен к выполнению данной роли. Он больше интересовался своими семейными делами, чем государственным управлением, о чем весьма красноречиво свидетельствуют его дневники. Его утомляли многочисленные придворные мероприятия, и он всеми силами старался сократить их количество. В большей степени императора вдохновляла возможность непосредственного общения с огромной массой лояльного и весьма преданного монархии русского народа; он хотел создать своего

рода «народную монархию». По природе своей он был человеком мятущимся и постоянно колеблющимся, склонным соглашаться с мнением того из своих советников, с которым он говорил последним. Вместе с тем он иногда проявлял упрямство и настойчивость, особенно в тех случаях, когда уже принимал решение относительно политической линии или персонального назначения на тот или иной пост. Кроме того, у императора не было своего исполнительного органа или специального секретариата, который мог бы помочь ему справиться с лавиной каждое утро обрушивавшихся на него государственных дел. В таких условиях даже самый способный и энергичный монарх не смог бы справиться с таким огромным количеством церемониальных и политических задач. А Николай отнюдь не относился к подобного рода монархам⁴¹.

В результате выработка правительственной политики неизбежно становилась ареной ожесточенной борьбы между различными центрами силы за влияние на царя через влиятельных министров или придворных. Как говорил Александру III член Государственного Совета А.А. Половцев: «Прежде около трона была родовитая аристократия, которая могла высказать государю правду, если не в официальных служебных делах, то в ежедневных житейских сношениях и на увеселительных сборищах. Теперь аристократия уничтожилась, самая великосветская жизнь почти не существует более. Государь доступен только для подобоострастных чиновников, видящих в нем средство для достижения личных себялюбивых целей»⁴².

Ситуация в местных органах власти была в равной степени неудовлетворительной. Ключевой фигурой в губерниях был губернатор, который являлся одновременно и представителем царя, и местным агентом Министерства внутренних дел. Он управлял губернией как своей вотчиной, включая полицию, однако при этом имел право вмешиваться в другие сферы жизни подопечной территории и председательствовал на всех комитетах, которые координировали их деятельность⁴³.

Ступенькой ниже находились многочисленные уезды, всеми делами в которых аналогичным образом заправляли местные предводители дворянства. Это был совершенно другой политический тип. Предводитель дворянства отвечал за все про-

исходящее на подопечной территории и одновременно являлся председателем уездного земского собрания. Будучи избранным членами местного дворянского собрания, он не получал за свою работу жалованья, хотя выполнение непосредственных обязанностей требовало от него много сил и времени. В его распоряжении не было и надлежащего административного штата сотрудников, на которых можно было бы переложить часть рутинной работы. Именно поэтому многое зависело от способностей, энергии и сознательности того или иного обладателя этой ответственной должности.

Еще ниже по служебной лестнице находился земский начальник, ответственный за состояние дел в нескольких волостях. Он назначался из числа местного дворянства и пользовался фактически неограниченной властью над крестьянскими общинами на подведомственной ему территории. К примеру, он мог наложить вето на любые их решения, оспорить их персональные назначения и пересмотреть решения их судов. И если он совершенно очевидно превышал свои полномочия, крестьяне практически не имели никакой возможности оспорить его решения. Как отмечал в своих мемуарах один из земских начальников, «Земский начальник в своем участке — все». Таким образом, он был самым низшим и по-своему самым влиятельным звеном в разветвленной системе самодержавной власти⁴⁴.

На уровне губерний и уездов, как мы уже видели, тоже существовали соответствующие выборные органы власти, включая земства. Однако разграничение их функций и их отношения с вышестоящими органами были настолько несовершенными и двусмысленными, что прочная и надежная система ответственности у них так и не выработалась. Прежде всего у земств не было четко ограниченных полномочий. Они не отчитывались перед каким бы то ни было правительственным органом и при этом не имели юридической власти над волостями.

Все эти разнообразные институты выросли в специфических условиях и для выполнения специфических проблем в определенный период времени, но они так никогда и не соединились в единую систему государственной власти. Поэтому любой человек, пытавшийся решить ту или иную проблему,

в первую очередь должен был найти нужного чиновника в ведомстве губернатора, министерства или при дворе императора. Только личное покровительство или персональная протекция могли помочь прорваться сквозь хитросплетения многочисленных органов власти. Воспоминания министров и других общественных деятелей того времени полны конкретных примеров возникавших при этом интриг⁴⁵.

Октябрьский манифест внес дополнительную путаницу в эту и без того запутанную систему. Основные законы от 1906 г. именовали императора «самодержец», но при этом опускали прилагательное «неограниченный», что раньше всегда сопутствовало этому титулу. Жителям страны были обещаны гражданские права, и новый представительный орган под названием Государственная дума получил весьма существенные возможности для законотворческой деятельности, включая право вето при принятии неугодных законов, а также возможность контролировать деятельность правительства и всех его высших чиновников.

С другой стороны, император продолжал удерживать в своих руках значительную власть. Он назначал половину членов Государственного Совета — верхней палаты законодательного органа, он по-прежнему назначал членов правительства и имел право распустить Государственную думу и Государственный Совет. Кроме того, он имел право издавать чрезвычайные законы в перерывах между сессиями Думы и Государственного Совета, хотя и должен был представлять их на утверждение вышеуказанных органов после возобновления их работы.

Однако большинство населения все еще жило по чрезвычайным законам 1881 г., которые позволяли властям штрафовать, высылать и даже заключать в тюрьму без суда и следствия. К тому же они давали право приостанавливать или закрывать газеты и журналы, запрещать проведение митингов и демонстраций и вообще всячески нарушать обычное течение политической жизни или осуществление гражданских прав⁴⁶. А после всплеска террора против государственных чиновников, захлестнувшего страну в 1904—1907 гг., вряд ли стоит удивляться, что полицейские начальники, городские головы и губернаторы охотно применяли эти чрезвычайные законы.

Одним словом, мы можем с полным основанием заявить, что Российская империя в этот период была одновременно и конституционной монархией, и полицейским государством. Иначе говоря, и развитие гражданского общества, и подавление этого самого общества происходили одновременно.

Когда Первая Государственная дума собралась на свое заседание весной 1906 г., стало совершенно очевидно, что ее состав непременно вызовет всевозможные конфликты в будущем. Социалистические партии бойкотировали выборы в Думу, в результате чего конституционные демократы получили значительное число голосов, как, впрочем, и все другие умеренные оппозиционные партии. Кадеты стали главной политической силой в Думе, поддержанной значительным количеством крестьян. Другая же часть крестьянства поддержала беспартийных левых, занявших места отсутствующих социалистов. Кадеты, считая себя связанными своим мандатом, не только выступили за экспроприацию помещичьих земель, но и закрепили это требование в своей законодательной программе. Однако правительство явно не желало решать аграрную проблему именно таким образом, твердо выступив за неприкосновенность частной собственности на землю, — впервые за всю историю Российской империи. Таким образом, путь к компромиссу был отрезан, и Николай II распустил Думу после трех месяцев ее работы.

В то же время он назначил новым премьер-министром Петра Столыпина, который еще на посту саратовского губернатора завоевал репутацию самого решительного и бескомпромиссного борца с революционным движением. Столыпин уже имел проект программы реформ, во многом отличной от предыдущих. Новый премьер-министр предлагал совместить программу развития гражданского общества с программой русификации империи, что раньше всегда проводилось по отдельности.

Суть столыпинской реформы заключалась в том, чтобы, с одной стороны, максимально использовать возможности Государственной думы для всемерного расширения «политической нации» и проведения социальных преобразований, а с другой — предоставить угнетенным ранее нациям и социальным слоям

реальную возможность участия в политическом процессе и соответственно взять на себя часть политической ответственности за происходящее. В то же самое время он надеялся преобразовать традиционный Совет министров в более эффективный кабинет с коллективной ответственностью за принятые решения и за координацию деятельности центральных и местных органов власти, вплоть до крестьянских сходов. Они должны были, по его мнению, представлять единую систему власти, всемерно укрепляющую Российское государство. При этом Столыпин полагал, что не только не ослабляет власть царя, но и всемерно расширяет ее социальную базу и административные возможности для дальнейшего развития⁴⁷.

Аграрные реформы

В экономическом смысле главным пунктом программы столыпинских преобразований была аграрная реформа, первоначально выдвинутая 9 ноября 1906 г. в качестве чрезвычайной меры, чтобы избежать нежелательного обсуждения в Думе. Она завершала длившуюся веками государственную политику в отношении крестьянства, нарушая традиционное право сельской общины на крестьянскую землю. Эта реформа позволяла крестьянским дворам выходить из общины вместе с земельным наделом, что фактически делало глав семей собственниками этого надела. Причем каждый двор получал право требовать свой надел земли или равный ему по количеству и качеству эквивалент, а община не имела права отказать ему в этом. Впервые за всю историю крестьянская земля могла принадлежать не сельской общине или группе людей, а отдельному крестьянину. В каждой губернии, в каждом уезде создавались комиссии по землеустройству, которым вменялось в обязанность оказание помощи при разрешении сложных проблем, вытекавших из распределения наделов и определения их качества при передаче в частные руки.

Указ 9 ноября включал и другие меры по оказанию помощи крестьянам при определении их статуса полных земель-

ных владельцев. Телесные наказания и «круговая порука» были отменены еще в 1903—1904 г., а выкупные платежи — в 1905 г. Теперь крестьяне получили право иметь собственный паспорт и могли посвятить себя любому виду деятельности или любой работе без разрешения волостного старшины⁴⁸.

Главное требование П. Столыпина к депутатам Второй Государственной думы, созванной в феврале 1907 г., заключалось в немедленном рассмотрении и утверждении этой реформы. А когда выяснилось, что Вторая дума, как и Первая, не собирается этого делать, он ее распустил. Таким образом, дважды распущенная Государственная дума так и не успела утвердиться в качестве постоянно действующего представительного органа. Тем не менее Столыпин всячески сопротивлялся натиску тех сил, которые требовали вообще ликвидировать Думу или по крайней мере урезать ее полномочия до совещательного органа. Вместо этого он изменил избирательный закон, чтобы таким образом обеспечить избрание в Думу наиболее состоятельных землевладельцев и городских жителей. Избирательный закон от 3 июня 1907 г. заметно сократил представительство крестьян, бедных горожан и лиц нерусских национальностей. А представительство мусульманского населения Средней Азии было полностью ликвидировано⁴⁹.

В конце концов Столыпин добился желаемого большинства: в Третьей Государственной думе преобладали крупные помещики из внутренних областей России и ее западных регионов. При этом крупнейший политический блок был сформирован представителями «Союза 17 октября» (или «октябристами»), которые отделились от кадетов в 1905—1907 гг. в знак несогласия с их поддержкой революционного терроризма и насильственной экспроприации земли. К ним также примкнуло большое число аморфных, слабо организованных депутатов, которые называли себя расплывчатым словом «правые».

В каком-то смысле столыпинская реформа оказалась довольно успешной в течение того короткого времени, которое ей было отпущено историей. К 1916 г. около 2,5 миллиона сельских хозяев (примерно пятая часть их общего количества) получили документы на право владения землей, а еще 1,3 миллиона добились большего успеха и фактически оформили свои

наделы в частную собственность. С другой стороны, в том же году 61 процент крестьян все еще имели наделы в рамках крестьянской общины, а их общая доля составляла почти 70 процентов крестьянских земель. Те крестьяне, которые вышли из общины, находились чаще всего на нижней или верхней ступени социально-экономической лестницы: богатые, которые больше не желали быть связанными общинными порядками, и бедные, которые отчаялись прокормить себя на собственной земле. А между ними находились так называемые середняки, которые не только не выступали против общины, но в большинстве случаев сохраняли к ней полную лояльность. Обозначились и районные различия между крестьянами. Более успешной столыпинская реформа оказалась на западе России, на Украине и в Белоруссии, где крестьяне уже раньше с большим энтузиазмом относились к частной собственности на землю, чем в России, где в этой реформе нуждались больше всего⁵⁰.

Сельская община оказалась на удивление прочной и глубоко укоренившейся организацией. Общее перераспределение земель учащалось в период между 1890 и 1910 гг. Полностью с сельской общиной не осмеливались порывать даже те мелкие владельцы земельных участков, которые отделились в результате столыпинской реформы. Община продолжала сохранять юрисдикцию не только над землей: решения сельского схода касались права пользования дорогами, общинными землями, доступа к водным ресурсам, лесу и лесным стройматериалам и т.д. Все это продолжало оказывать самое серьезное влияние даже на тех крестьян, которые приватизировали землю и формально находились вне пределов сельской общины. Более того, выход из общины часто провоцировал серьезные конфликты и заметно усложнял сельскую жизнь. Вероятно, именно поэтому члены комиссий по земельному устройству настоятельно рекомендовали общинным крестьянам приватизировать землю на общей, а не индивидуальной основе. Резко возросшее в эти годы число крестьянских кооперативов ясно показывает, что даже самые предприимчивые крестьяне предпочитали оставаться коллективными, а не индивидуальными предпринимателями⁵¹.

Столыпин надеялся, что вновь образованные частные собственники вскоре станут полноправными гражданами страны и внесут свой вклад в дело организации рыночной экономики. Кроме того, он рассчитывал, что именно такие люди станут надежной и законопослушной опорой самодержавной монархии. На самом же деле те крестьяне, которых он уже видел в качестве опоры новой России, оказались наиболее привязаны к сельской общине. Трудности осуществления реформы со всей очевидностью показали, что общинные институты в России еще достаточно сильны, чтобы удержать свои прежние позиции, а любые попытки нарушить издавна сложившееся равновесие могут привести только к дальнейшей поляризации крестьянства и возникновению новых социальных конфликтов в деревне.

Другие реформы

Другие реформы Столыпина были направлены на интеграцию общественности в процесс выработки правительственной политики, на усиление координации деятельности местных и центральных органов власти и на прекращение пагубной обособленности крестьянских организаций. Волость должна была стать земством, то есть представлять все социальные слои общества, а не только крестьянство. А уездные и губернские земства должны были быть введены в нерусских регионах страны, получить более демократичное избирательное право и находиться под более пристальным контролем со стороны правительства. К примеру, уездный предводитель дворянства в качестве председателя земского собрания должен замещаться назначенным сверху государственным чиновником. Кроме того, предполагалось ликвидировать разобщенные волостные суды вместе с системой контроля земского начальника над их деятельностью, а вместо них образовать нормальные суды во главе с мировыми судьями.

Столыпин работал и над другими обещаниями, содержащимися в Октябрьском манифесте. Так, например, он предста-

вил законопроект, отменявший дискриминационные меры по отношению к старообрядцам, и попытался дать определение чрезвычайно важному понятию «неприкосновенность личности». Еще он предлагал ввести к 1922 г. всеобщее и бесплатное начальное образование и обязательное страхование рабочих на случай болезни, травмы и по старости лет⁵².

Все эти меры должны были повысить личную ответственность человека за свою судьбу вместо «круговой поруки», укрепить властные институты вместо личного произвола и в конце концов создать правовое общество вместо беззакония. Такая трансформация порядка, как подозревал Николай II, неизбежно должна была привести к ограничению самодержавной власти. Но вместе с тем реформы Столыпина должны были укрепить монархию, так как создавали бы широкую сеть общественных институтов и тем самым расширяли бы ее социальную базу. Даже глядя на его предложения сто лет спустя, нельзя не отметить, что это была лучшая правительственная реформа за все время существования России.

Однако реформы пали жертвой как личных интриг против Столыпина, так и ожесточенного идеологического конфликта, который вспыхнул между различными представителями российской элиты по вопросу о темпах и характере предложенных реформ. А политический союз, созданный Столыпиным для проведения аграрной реформы, распался, едва дело коснулось других его законопроектов. Помещики, например, всячески поддерживавшие идею разрушения крестьянской общины, резко выступили против возможной утраты контроля над земствами и ослабления роли земских начальников. Реформа системы образования сразу же вызвала горячие споры насчет того, кто будет финансировать школы, какая религия и на каком языке будет в них преподаваться. И только реформа страхования рабочих прошла в более или менее том самом виде, в котором была предложена правительством.

Особенно болезненным для Столыпина было блокирование в 1911 г. законопроекта о введении земской системы в западных губерниях империи. Для него этот закон был ключевым моментом, так как воплощал его основные и наиболее важные принципы: демократизацию местных органов власти, их интеграцию

в центральное правительство и решительную русификацию тех регионов, которые издавна находились под сильным влиянием поляков. Чтобы добиться всех этих целей одновременно, Столыпин задумал чрезвычайно сложную избирательную систему, что и сделало ее исключительно уязвимой для критики. Весьма влиятельный блок крупных помещиков в Государственном Совете подозревал (и не без оснований), что внедрение такой демократической системы земства неизбежно приведет к ее распространению по всей России. Однако первоочередной причиной провала был сам император Николай II, уговоривший послушных членов Государственного Совета голосовать против этой реформы. При этом главным мотивом была даже не столько сама реформа, сколько страстное желание поставить Столыпина на место, урезать полномочия Думы и объединенного Совета министров и таким образом восстановить былую власть царского окружения и самого императора⁵³.

Столыпин долго и настойчиво убеждал царя приостановить работу обеих палат на три дня, чтобы он мог провести эти законопроекты в соответствии с положением статьи 87, которая допускала принятие законов во время перерыва в работе парламента. Это явилось таким неслыханным злоупотреблением чрезвычайным законодательством, что Столыпин потерял большинство сторонников в Думе и с тех пор остался наедине со своими проблемами, лишенный надежной политической поддержки до самого своего убийства в сентябре 1911 г. при весьма загадочных обстоятельствах. Его судьба — яркое свидетельство того, что решительный и умный реформатор был обречен нажить себе так много врагов, что это подрывало его собственные позиции.

Точка зрения Николая II

Николай не хуже Столыпина понимал, что между основной массой населения и государственными институтами империи произошел опасный разрыв. Однако его представление о ликвидации такого разрыва в корне отличалось от столы-

пинской точки зрения. При дворное воспитание в окружении гвардии и при непосредственном участии Православной церкви заставляло его верить в принципиальную возможность восстановления прямой связи между монархией и народом посредством реставрации обычаев и порядков допетровского времени. Своего долгожданного и горячо любимого сына он назвал Алексеем в честь величайшего из царей XVII в., а все придворные церемонии, особенно религиозные, всегда старался выстраивать таким образом, чтобы они как можно полнее отражали чувство единства монархии и народа. В то время как Александр II очень хотел быть монархом, тесно связанным с землей и местными элитами, Николай всеми силами стремился к непосредственному контакту с самим народом.

В 1903 г., например, Николай инициировал процесс канонизации Серафима Саровского, весьма популярного в народе старца, жившего в начале XIX в. Причем настаивал на ускорении этой процедуры, совершенно не считаясь с мнением Священного синода, который неоднократно предупреждал царя, что прежде чем объявить кого-либо святым, нужно провести тщательное и скрупулезное исследование, требующее немало времени. Однако Николай был слишком нечутким, чтобы понять, что вторгается в дела, которые традиционно исполняются Церковью в соответствии со своими обычаями. Церемония канонизации все-таки прошла в Тамбове и произвела на присутствующих и на самого Николая неизгладимое впечатление, хотя сама организация этого чрезвычайно важного мероприятия была проведена в такой спешке и так непродуманно, что многие простые паломники не были на него допущены, тогда как богатые граждане и аристократы подъезжали в роскошных каретах во всем аристократическом блеске. Именно поэтому, несмотря на всю торжественность момента и его воодушевляющую красоту, сам процесс канонизации подчеркнул как подчиненное положение Церкви, так и глубину социального раскола в обществе⁵⁴.

В последние годы правления непосредственная религиозная связь с народом воплотилась для Николая в личности Григория Распутина, сибирского крестьянина, который пользовался репутацией святого человека. А когда советники императора высказывали ему свои сомнения относительно роли Распутина при

дворе, Николай отвечал: «Он просто хороший, простой и глубоко религиозный русский человек. Когда у меня возникают сложные проблемы или донимают сомнения, я люблю общаться с ним и испытываю после этого удивительное умиротворение»⁵⁵.

Распутин завоевал безграничное доверие императорской четы прежде всего своей редкой способностью останавливать кровотечение у страдавшего гемофилией царевича. Со временем он стал одним из самых близких доверенных лиц для обоих супругов и всячески злоупотреблял своим положением в целях наживы, усиления своей власти и удовлетворения сексуальных прихотей. Его безнаказанные эскапады являли собой вопиющий пример царского фаворитизма, подрывавшего общепринятые нормы морали и законов, что казалось еще более возмутительным из-за установившихся после 1905 г. стандартов открытости и законопослушания.

Николай относился к Думе, Государственному Совету, Совету министров и все более сложному бюрократическому аппарату как к серьезному препятствию на пути его приближения к «святой Руси». В каком-то смысле он был прав, так как все эти органы начинали (но только начинали) воплощать в себе нацию и государство как некую данность, отделенную от личности монарха. Вот почему Николай всячески подстрекал членов Государственного Совета к подрыву власти и влияния Столыпина. По той же самой причине он поддерживал Союз русского народа⁵⁶.

В конце концов Николай II стал жертвой долгосрочных процессов, которые по значимости намного превосходили его собственное положение в империи. Prestиж монархии стал неуклонно снижаться еще в годы Крымской войны; это снижение значительно усилилось после поражения России в войне с Японией 1904—1905 гг. и практически завершилось после потери Польши в 1915 г. Что же до личной репутации Николая, то она серьезно пострадала еще и в результате массовых жертв «кровавого воскресенья». А его сердечная связь с Распутиным и одиозной организацией националистов «черная сотня» окончательно подорвала веру в царя и завершила длительный процесс дискредитации самодержавного режима. К 1914 г. процессы урбанизации, народного образования и ре-

волюционных потрясений значительно ослабили некогда устойчивую преданность народа к хотя и далекому от них, но все же якобы благожелательному «царю-батюшке», а Государственной думе так и не удалось в это время интегрировать всю массу народа в более институциональную и гражданскую форму политической жизни⁵⁷.

Реформа Православной церкви

К началу XX в. среди церковных иерархов широко, хотя не повсеместно, распространилось мнение о том, что в результате давно сложившейся формы управления Православная церковь не может реализовать свой богатый потенциал. Когда в апреле 1905 г. царь издал манифест с многообещающими призывами к религиозной веротерпимости и тем самым положил конец привилегированному положению Русской православной церкви в Российской империи, это обострило существующее недовольство среди иерархов. Поскольку впервые за всю историю власти официально разрешили верующим выходить из православия и переходить в любую другую религию, Церковь оказалась перед необходимостью реформировать себя и тем самым восстановить свое духовное здоровье, чтобы остановить процесс потери прихожан.

Весной 1905 г. всех епископов попросили высказать свое мнение о положении Церкви. Результаты были неутешительными: почти все они были недовольны ее состоянием. Многие считали, что полномочия Священного синода являются неканоническими, так как он нарушает принцип соборности и подчиняет духовную власть светской. А один из респондентов даже назвал это явление «протестантским цезарепапизмом». Большинство епископов придерживались того мнения, что пост обер-прокурора должен быть отменен, а сама Церковь должна управляться Поместным собором. При этом Синод должен стать просто ее исполнительным органом.

Однако мнения епископов-реформаторов разделились по вопросу о том, как должна управляться Церковь после рефор-

мы. В самых общих чертах их можно сгруппировать в два лагеря: сторонников «авторитарной власти епископов», которые считали, что церковью должны управлять епископы во главе с патриархом, и сторонников «приходского либерализма», которые предлагали наделить правом решающего голоса приходские общины, интересы которых должны отстаивать специально избранные представители в высшем руководящем органе Церкви⁵⁸.

Никто из опрошенных не оспаривал настоятельную потребность реанимировать жизнь приходских общин в качестве важнейшего средства восстановления соборности снизу. При этом многие считали, что пассивность приходов открывала широкую возможность для пропаганды атеистического социализма. Церковному приходу, по их мнению, должен быть предоставлен статус юридического лица с правом владеть собственностью, распоряжаться собственными финансами, иметь в своем распоряжении школы, заниматься благотворительной деятельностью и даже иметь возможность предоставления мелких кредитов крестьянам и ремесленникам. Некоторые реформаторы предлагали наделить приходские собрания правом избирать себе священника⁵⁹.

Константин Победоносцев (овер-прокурор Священного синода) был решительно против всех этих идей, как, впрочем, и раньше против земских соборов. Однако в октябре 1905 г. ему на смену пришел Александр Оболенский, который был преисполнен решимости созвать совет и приступить к реформам. А чтобы хорошо подготовиться, он созвал специальное предсоборное совещание, состоявшее преимущественно из епископов и богословов. Совещание должно было рассмотреть все предлагаемые идеи, выбрать из них самые ценные и составить готовые предложения для будущего Поместного собора. Совещание работало в течение нескольких месяцев 1906 г. и рекомендовало восстановление патриархата, внедрение принципов самоуправления в церковные приходы и усиление их влияния на избрание священников. Кроме того, оно пришло к выводу, что приходы должны получить право на управление собственными финансовыми фондами⁶⁰.

Казалось, все было подготовлено для проведения самой важной реформы в Православной церкви за последние два столетия. Однако в последний момент Николай II, уже имея выработанный комиссией проект, решил отказаться от идеи созыва Поместного собора. После печального опыта первых двух государственных дум он, вероятно, не хотел создавать еще один форум для концентрации и выражения враждебных взглядов и уж тем более не испытывал никакого желания реставрировать должность патриарха, который мог бы оспаривать его власть и ослаблять его религиозное влияние на массы верующих. И в этом отношении он нашел решительную поддержку со стороны Столыпина⁶¹.

Слабость нереформированной Православной церкви оказалась самым роковым из всех недостатков царской России последних лет ее существования. Ведь все цари, и Николай II в особенности, постоянно претендовали на роль богоизбранных правителей, и тем не менее они всячески унижали и обедняли Церковь, которая должна была представлять убедительные подтверждения этим притязаниям. Правда, православная вера крестьянства была достаточно прочной и с давних пор представляла собой важнейший элемент общинного порядка, но она была примитивной и окостеневшей в своих формах. А Церковь из-за своего нереформированного положения оказалась неспособной перекинуть мост между низкой и высокой культурой, чтобы тем самым найти адекватный ответ на вызовы времени и справиться с проблемами, порожденными возрастающей социальной мобильностью масс и повышением уровня их образованности⁶².

В структурном же плане Церковь, лишенная представительного форума для обмена мнениями между духовенством и мирянами, становилась весьма уязвимой для интриг, как это случилось, например, с пресловутым «старцем» Распутиным. Один вид развратного полуграмотного сектанта, подбирившего кандидатов для Священного синода, более чем что бы то ни было дискредитировал монархию в последние годы ее существования.

Гражданское общество

Пока государство медленно реформировалось, а Церковь не реформировалась вообще, общество развивалось чрезвычайно быстрыми темпами. Долгосрочные последствия реформ Александра II уже стали приносить свои плоды. Россия быстро становилась более урбанизированной, более просвещенной и более разноликой страной, а политические реформы 1905—1906 гг. означали, что различные социальные и этнические группы получили больше возможностей для осуществления своих надежд и чаяний.

Одним из самых серьезных показателей подобной эволюции можно считать возрастание роли прессы. Между 1900 и 1914 гг. количество периодических изданий в стране утроилось, а количество газет увеличилось в десять раз. Пик роста приходился на период после 1905 г. как результат ослабления цензуры вообще и предварительной в частности. Хотя власти все еще сохраняли за собой право налагать штрафы, приостанавливать выпуск издания и даже закрывать те из них, которые публиковали «ложную информацию», «провоцировали беспорядки» или «возбуждали враждебное отношение населения к органам власти, государственным служащим, военным или правительственным институтам»⁶³.

Легализация политических и профессиональных организаций привела к тому, что врачи, учителя и адвокаты стали выпускать свои собственные журналы и откровенно обсуждать на их страницах профессиональные проблемы, причем даже в тех случаях, когда они имели политическую подоплеку. Новые публикации распространялись отнюдь не только среди узкого круга образованной публики. Некоторые газеты в больших городах были специально адресованы рабочим и другим представителям социальных низов. Так, например, за два года своего издания газета «Копейка» имела тираж примерно 250 тысяч экземпляров⁶⁴.

Существование Думы значительно упрощало удовлетворение амбиций падких до широкой известности издателей: они имели право передавать каждое сказанное в парламенте

слово депутатов, вне зависимости от его политической окраски. В 1912 г., например, когда газета октябристов «Голос Москвы» опубликовала письмо, в котором утверждалось, что Распутин является членом богопротивной секты, весь дневной выпуск был конфискован. Но лидер октябристов Гучков обошел запрет, выступив в Думе с запросом, содержащим полный текст этого письма, после чего оно было беспрепятственно опубликовано во всех российских газетах⁶⁵.

Таким образом, после 1905 г. Россия фактически стала частью мирового информационного потока со всеми его проблемами ответственности, сенсационности и свободы слова. Газеты с удовольствием сообщали о всевозможных преступлениях, фактах насилия, скандалах, а их было предостаточно, чтобы держать читателей в постоянном напряжении. Терроризм, фантастическая карьера Азефа и бесстыдные похождения Распутина практически не исчезали с первых полос ежедневных газет, а все это, безусловно, не могло не дискредитировать власти предрешающие и прежде всего самого государя императора. С другой стороны, то большое значение, которое уделялось в прессе событиям культурной жизни, интеллектуальным проблемам, сообщениям из других стран и нерусских регионов империи, помогало гражданам страны выработать собственное самосознание, понять место России в современном мире, которое в известном смысле уже не определялось исключительно царем или Православной церковью⁶⁶.

Однако рабочие так и не смогли принять полноценное участие в формировании гражданского общества. В 1905—1906 гг. они получили право создавать свои профсоюзы и даже объявлять забастовки по экономическим причинам. Создавая многочисленные общества взаимной помощи, организуя библиотеки и чайные, выпуская газеты и листовки, профсоюзы за короткое время превратились в важнейший центр всего рабочего движения. За время работы Первой и Второй Думы рабочие депутаты часто выступали на профсоюзных митингах с сообщениями о текущих проблемах законотворческой деятельности парламента⁶⁷.

После переворота 3 июня 1907 г. власти вновь попытались обуздать деятельность профсоюзов и навязали им более строгий

контроль. Полиция, ссылаясь на чрезвычайные полномочия, установила за ними тщательное наблюдение и без колебаний разгоняла митинги и закрывала местные отделения профсоюзов. В результате работодатели все реже и реже советовались с профсоюзами, число членов профсоюзов уменьшилось вследствие бездействия и разочарованности. В конце концов выжили лишь те профсоюзы, в которых существовало тесно сплоченное ядро социалистических активистов, в большинстве своем меньшевиков, хотя и большевики не прекращали агитацию среди рабочих и в 1912—1914 гг., даже подчинили своему влиянию один или два крупных профсоюза⁶⁸.

С ослаблением профсоюзов рабочее движение снова стало фрагментарным и дезорганизованным. В 1912 г. по всей стране прокатилась волна массовых выступлений, вызванных расстрелом рабочих на Ленских золотых приисках в Сибири. Возглавляемые молодыми, энергичными и в высшей степени нетерпеливыми рабочими, которых уже не смогли удержать социалистические вожди, эти волнения достигли небывалого размаха и часто поднимались до уровня радикальных политических требований, однако затихли так же быстро, как и начались, не оставив сколько-нибудь заметного следа. Все говорило о том, что рабочие, особенно высококвалифицированные и образованные, доведены до отчаяния и не видят перед собой других возможностей для выражения своих требований. При этом они не получали практически никакой помощи от других классов и социальных групп. И даже накануне войны, в июле 1914 г., когда все промышленные районы Санкт-Петербурга были перекрыты баррикадами, остальная часть столицы жила своими обычными заботами⁶⁹.

Именно в результате такого пренебрежительного отношения властей к рабочим у тех выработалось убеждение, что их роль при существующем порядке чрезвычайно мала. Как говорилось на рабочем митинге на одном из крупных заводов в Петербурге в сентябре 1915 г.: «Мы грудью отстоим наше отечество, если нам дадут: полную свободу слова, печати и стачечного движения, полное равноправие всех народов России. 8-часовой рабочий день и когда отберут все помещичьи земли в пользу нищего крестьянства»⁷⁰.

Переоценка традиций интеллигенции

Образование Государственной думы способствовало переоценке статуса России как нации и статуса интеллигенции как самопровозглашенной защитницы ее национальных идей. Поражение революции 1905 г. породило серьезные вопросы относительно того, что интересы интеллигенции и народа неизбежно совпадают в их общей борьбе против самодержавия. Интеллигенция, обладая определенными профессиональными качествами, не могла существовать без соответствующего образования и права собственности, и ей было очень неловко поддерживать те политические течения, которые с пренебрежением относились к культуре вообще и к уважению законов в частности. Этот упрек в адрес интеллигенции был главным мотивом изданного в 1909 г. сборника «Вехи». В нем откровенно говорилось, что интеллигенция несет такую же ответственность за политическое банкротство России после революции 1905 г., что и правящий режим.

Экономист Сергей Булгаков, бывший марксист и диссидентствующий кадет, доказывал, что интеллигенция сосредоточила все свои духовные силы на служении народу, всячески идеализируя его. Для интеллигенции наука, воспринимаемая в духе однобокого детерминизма, становилась символом веры, а народ — своеобразным идолом, и все это привело к тому, что ее представители окончательно утратили веру в личную свободу человека, в автономную ценность искусства, в свободную от предубеждений науку, истину или доброту. С их точки зрения истиной и добром является лишь то, что служит народу, а наука и искусство имеют ценность только в том случае, если они повышают его сознательность или способствуют устранению нищеты. В результате, делает вывод Булгаков, интеллигенция стала поклоняться человечеству и перестала верить в Бога⁷¹. Он, как и многие другие православные верующие, считал наиболее важным восстановление истинной соборности в Православной церкви и полное отделение ее от государства. Только в таком случае, по его мнению, она может сыграть ведущую роль в национальном возрождении.

Истинным вдохновителем «Вех» был Петр Струве, экономист, который написал первую программу социал-демократов, а впоследствии стал основателем Союза освобождения и кадетской партии. Вскоре он разочаровался в кадетях, убедившись в том, что они фактически поддерживают попытки революционеров разрушить Российское государство. Государство и народность, доказывал он, являются не менее важными для России, чем для любого другого европейского народа, и они требуют, чтобы образованные слои населения признали автономные ценности закона и порядка, собственности и культуры. А русская разновидность социализма, марксизм и народничество делают все возможное, чтобы уничтожить эти ценности. При этом марксизм нацелен также на полное растворение народа в международном пролетариате. Воодушевленный примером Германии и Бисмарка, Струве настаивал на том, что «национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органично срастись»⁷².

Струве считал, что Российское государство и народ могут объединиться в общей борьбе славянских и православных народов Балканского полуострова против Османской и Габсбургской империй. Именно поэтому он стал наиболее решительным сторонником обновленного панславизма 1908—1914 гг., который был принят правоцентристским большинством Думы в качестве своей идеологии.

Выраженные в «Вехах» идеи нашли благодарных слушателей в лице торговой и промышленной буржуазии, которая традиционно возлагала надежды на сильное государство и не скрывала своей приверженности порядку, законности и неизблемости прав частной собственности. Она чувствовала, что долгие годы была оттеснена родовой аристократией на задворки государственной жизни и что сейчас наступило время утвердить свой статус в качестве ведущей политической силы общества. В 1910 г. две могущественные московские торговые семьи — Рябушинские и Коноваловы — основали новую политическую партию, «Прогрессисты», со своей собственной газетой, чтобы открыто выступать от имени «Лопахиных,

которые скупают вишневые сады». Новая партия однозначно высказалась за сильную конституционную монархию, которая могла бы установить демократическую систему образования и обеспечить гарантии против произвольного нарушения закона и прав собственности. Что же до внешней политики, то она безоговорочно придерживалась идей панславизма⁷³.

Подводя итоги, можно сказать, что к 1914 г. общественность уже складывалась и создавала свои собственные политические партии и организации. Но им приходилось действовать в обществе, многие группы которого все еще находились во власти лиц, пользующихся непререкаемым авторитетом, начиная от самого царя и до предводителей дворянства. Кроме того, в условиях возраставшей нестабильности в Европе и соперничества между великими державами большая часть этого общества так или иначе поддерживала внешнюю политику, которая грозила свергнуть страну в пучину мировой войны.

10. Война и революция

Накануне Первой мировой войны

После 1906 г. идея достижения национального единства посредством солидарности и сближения со славянскими народами Балкан стала доминирующей среди большинства думских деятелей. Хотя на самом деле эта политика была чрезвычайно опасной для России того времени. Пример объединенной и консолидированной Германии был, конечно же, весьма соблазнительным, но в то же время малопригодным. Россия была совершенно другой страной: многонациональный характер империи и обособленность большинства крестьянских общин делали строительство национального государства по германскому образцу практически невозможным. А попытка осуществить эту идею подтолкнула Россию к войне, в которой чуть было не погибла вся империя.

Государственные деятели России хорошо понимали все эти опасности. Однако эволюция политической структуры империи, произошедшая после революции 1905 г., ослабила осторожность и осмотрительность, соблюдавшиеся во внешней политике. Хотя внешняя политика все еще оставалась исключительной прерогативой самого императора, на практике он вынужден был согласовывать свои действия с Советом министров, а министры, в свою очередь, вынуждены были прислушиваться к различного рода комментариям со стороны свободной прессы и некоторых

политиков Государственной думы, считавших себя специалистами в данном вопросе. Министр иностранных дел А.П. Извольский делал все возможное, чтобы приблизить к себе думских депутатов, считая, что их поддержка является важнейшим фактором укрепления влияния России за рубежом и улучшения ее репутации среди ближайших союзников — Англии и Франции. Кроме того, он надеялся, что с помощью Думы он сможет противодействовать хаотичным придворным интригам, которые уже привели империю к злосчастной войне с Японией. А депутаты, на которых он полагался, пытаясь добиться общественной поддержки своей политики, почти все были убежденными панславистами.

Чтобы удовлетворить их, Извольский делал вид, что энергично отстаивает роль империи на Балканах, но на самом деле проводил чрезвычайно осторожную политику, прекрасно понимая, что финансовое и военное состояние России не позволяет ей рисковать в случае новой большой войны. Дипломатической победой он считал возможность убедить Австрию пересмотреть Конвенцию о Проливах от 1871 г., чтобы Россия получила возможность проводить свой флот в Средиземное море в военное время, если Турция не участвовала в войне. Взамен Австрия должна была получить право на аннексию Боснии и Герцеговины, которая номинально находилась под ее властью с момента подписания Берлинского договора.

Однако этим планам не суждено было сбыться. Австрия объявила об аннексии подконтрольных провинций еще до того, как была достигнута договоренность по Проливам. Извольский так и не сумел заручиться поддержкой Лондона, на которую очень рассчитывал, и в результате оказался перед выбором: либо полная капитуляция перед Австрией, либо подстрекательство Сербии к оказанию сопротивления аннексии, что было чревато началом общеевропейской войны. Совет министров во главе со Столыпиным (которого держали в неведении относительно хитроумной политики Извольского) пришел к выводу, что Россия не готова к большой войне и что капитуляция является единственно возможным выходом из положения. Сербии даже посоветовали принять безоговорочное требование Австрии и публично признать на будущее

«свое согласие выполнять добрососедские обязательства по отношению к монархии». Россия потерпела настолько унижительное поражение, что свободная пресса окрестила это событие «дипломатической Цусимой». А в правительственных кругах и в общественном сознании быстро распространилось мнение, что Австрия при непосредственной поддержке Германии готовится к полному уничтожению Сербии и в конечном итоге, вероятно, всей Османской империи, чтобы единолично доминировать на Балканах¹.

Таким образом, даже те государственные и политические деятели, которые не поддерживали панславистские убеждения, вынуждены были признать, что Россия не может сидеть сложа руки, если, конечно, хочет, чтобы ее считали великой европейской державой. Война на Балканах 1912—1913 гг. явилась еще одной проверкой российского влияния в этом регионе и ее решимости отстаивать свои державные интересы. Тем более что балканские государства сформировали весьма впечатляющий военный союз, который окончательно вытеснил Османскую империю из Европы, за исключением небольшого участка суши. Правда, этот союз вскоре распался, а его члены перессорились между собой из-за проблемы пересмотра новых границ.

После убийства Столыпина единство в правительстве стало еще более хрупким и ненадежным. Некоторые российские дипломаты поддерживали антитурецкий союз славянских народов решительнее, чем это разрешал Н.Д. Сазонов, новый министр иностранных дел. При этом они опирались на довольно значительную поддержку общественного мнения, требовавшего от правительства не оставлять братьев-славян «в беде». Именно эти сторонники панславянского единства были крайне возмущены тем обстоятельством, что Россия уступила международному давлению и молча согласилась на создание государства Албания, что лишало Сербию прямого выхода к Адриатическому морю².

Эта серия дипломатических поражений была заметно преувеличена прессой и запечатлелась в памяти министров, напомнив о себе в июле 1914 г., когда Австрия предъявила Сербии ультиматум после убийства австрийского эрцгерцога

Франца Фердинанда. С тех пор ими двигали два основных соображения: желание удовлетворить общественное мнение, выраженное в стенах Государственной думы и в печати, и стремление решительно поддержать союзников, чтобы не потерять репутацию в глазах других европейских держав. Как заявил на одном из заседаний Совета министров министр сельского хозяйства А.В. Кривошеин, «члены парламента и общественные деятели не поймут, почему в самый критический момент, когда речь идет о жизненных интересах России, правительство империи отказывается действовать решительно и твердо... Все факторы дают основание полагать, что наиболее справедливая политика, которую только может проводить Россия в сложившихся обстоятельствах, заключается в возврате к более твердому и более энергичному противодействию неразумным притязаниям центрально-европейских держав»³.

Таким образом, вступление России в войну отражало как влияние нового фактора, связанного с общественным мнением, так и старого, выражавшегося в стремлении любой ценой сохранить за собой в Европе статус великой державы. В конечном итоге страна вступила в войну в условиях нарастающего ощущения национального единства, по крайней мере среди общественности, однако вскоре стало очевидным, что долгосрочные условия для такого единства так и не были подготовлены.

Первая мировая война

Новое ощущение единства предоставило России последнюю возможность объединить в единое целое правящий режим, общественность и широкие народные массы. Огромные толпы народа вышли на улицы Петербурга, чтобы поддержать царя и его семью. Государственная дума проголосовала за предоставление военных кредитов, а затем согласилась прервать на неопределенное время работу, сославшись на то, что сейчас нужно заниматься более важными делами, чем обсуждение политических проблем. В тот момент многим казалось,

что контроль за действиями правительства уже не является самой насущной и важной задачей. Что же до мобилизации, то она проходила довольно гладко, и к декабрю того же года в армию было призвано не меньше 6 млн человек. При этом земства и местные городские власти взяли на себя обязанность предоставить необходимую медицинскую помощь и эвакуировать с фронта больных и раненых.

И весь этот патриотизм был всецело поддержан массовой пропагандой и энергичной активностью добровольцев. Актеры и музыканты отправились на фронт, чтобы развлекать войска. Светские дамы активно собирали средства на нужды фронта или добровольно отправлялись туда в качестве медсестер. Газеты и почтовые открытки, как, впрочем, и всевозможные театральные зрелища и даже представления в ночных клубах, не уставали славить доблестных казаков и воинов-героев из российского прошлого. Причем интересно отметить, что царь и Православная церковь занимали во всей этой пропаганде относительно скромную роль, из чего можно сделать вывод, что простые русские люди начинали связывать свои надежды не столько с ними, сколько с обычными людьми и солдатами⁴.

К весне 1915 г. русские дипломаты наконец-то достигли соглашения с правительствами Великобритании и Франции о том, что после войны Константинополь и большая часть Прованса станут территорией России. Многим тогда казалось, что при непосредственной поддержке европейских держав и широкого общественного мнения долгожданная цель всего панславистского движения и еще более желанная цель российской дипломатии на протяжении многих веков могут в конце концов осуществиться⁵.

Однако к моменту окончательного обсуждения последних деталей соглашения значительная часть общественной солидарности уже была безвозвратно утрачена в результате первых поражений на фронте, неравного распределения тяжелого военного бремени и очевидной беспомощности властей. В самом начале военных действий российская армия, строго выполняя свои союзнические обязательства перед Францией, предприняла наступление в районе Восточной Пруссии. Не

отмобилизованная надлежащим образом, не имевшая надежной связи и средств коммуникации, да еще при бездарном командовании войсками армия потерпела сокрушительное поражение под Танненбергом, потеряв при этом более 100 000 военнопленными, и отступила назад.

Весной того же года воодушевленная столь серьезной победой германская армия стала развивать наступление, прорвала фронт под Горлицей и начала быстро продвигаться по территории Польши. На этом этапе обнаружилась полная неспособность царского правительства планировать продолжительную войну, а острая нехватка оружия и боеприпасов стала критической. Порой солдат отправляли на фронт без винтовок, и они вынуждены были забирать их у убитых на поле боя товарищей. К сентябрю российские войска вынуждены были оставить Варшаву, Вильну и «Привислинский край», то есть всю Польшу.

В разгар кризиса военных поставок земства и городские органы власти сформировали единый союз под названием «Земгор» во главе с князем Георгием Львовым⁶, известным беспартийным либералом из тульского земства. «Земгор» сразу же предложил помощь в организации необходимых работ и размещении заказов для военных поставок. Эта инициатива была тут же поддержана московскими промышленниками, которые хотели во что бы то ни стало разрушить установившуюся монополию петербургских производителей и захватить хотя бы часть заказов на военные поставки. Московский предприниматель Павел Рябушинский сыграл главную роль в создании военно-промышленных комитетов, которым надлежало осуществлять контроль за переводом промышленных предприятий на военные рельсы. Исключительно важная роль таких комитетов объясняется прежде всего тем, что в них вошли представители всех сторон, так или иначе вовлеченных в экономику страны: правительства, «Земгора», предпринимателей и даже рабочих. Это был первый случай, за исключением Думы, когда рабочие получили возможность направлять своих представителей в официальный орган⁷.

Историки немало спорили относительно экономической эффективности этих организаций, но в политическом смысле

они были чрезвычайно важны, поскольку представляли интересы ведущих участников военной политики России. Если бы их усилия были дополнены мерами правительства, готового сотрудничать с ними на долговременной основе, то гражданский патриотизм нашел бы свое институциональное воплощение в самом центре государственного организма.

В 1915 г. центристские партии Думы и Государственный Совет образовали так называемый «Прогрессивный блок», который призвал к формированию «министерства общественного доверия» с участием депутатов законодательных палат. Этот блок опубликовал программу реформ, которая во многих чертах возрождала главные цели Столыпина: предоставление гражданских прав крестьянам, прекращение любой дискриминации по этническим или религиозным признакам (включая дискриминацию евреев), амнистию всем политическим заключенным и гарантии прав рабочих, включая право на полную легализацию профсоюзов. Эта программа была поддержана некоторыми членами правительства, и вскоре начались вполне серьезные переговоры по поводу формирования «министерства общественного доверия»⁸.

Однако Николай II решил иначе. Его представления о патриотизме и социальной солидарности основывались не на гражданских принципах, а на принципах монархической власти и на призывах Православной церкви. В этот самый трудный момент войны он взял на себя командование армией, объявил перерыв в работе Думы, уволил тех министров, которые выразили поддержку «Прогрессивному блоку», и отправился в Ставку в Могилев, чтобы взять на себя верховное командование армией.

Так получилось, что под его непосредственным командованием армия в 1916 г. добилась больших успехов, чем прежде. А стремительный прорыв генерала Брусилова в Карпатах возродил надежду, что Россия может занять всю Галицию, «утраченную» много веков назад. И все же вряд ли можно связывать подобный успех исключительно с военными талантами царя. Всеми операциями руководил генерал Алексеев, добросовестный начальник штаба, которого ворчливый и капризный монарх чуть было не довел до нервного срыва своим

некомпетентным вмешательством в дела армии. Еще более разрушительное влияние военное руководство Николая оказало на государственную политику. Государь был неспособен выполнять даже ту координирующую роль, которую играл прежде, и вскоре его правительство, которое и так не пользовалось общественным доверием, стало ареной дворцовых интриг. Министерские назначения были крайне неудачными и скоротечными, а злонамеренные комментаторы уже всюду стали поговаривать о «министерской чехарде».

В этом смысле совершенно не важным оказывается факт, действительно ли императрица и Распутин играли решающую роль во всех этих правительственных перетасовках. Важным было то, что общественное мнение, умело формируемое прессой, было убеждено в их зловещей роли и оценивало их поступки с точки зрения нового патриотизма. Раньше никто и никогда не придавал значения тому, что супруга императора или кто-либо из членов императорской семьи имел немецкое происхождение. А сейчас это стало необыкновенно важным фактором внутренней политики. На «немку» и Распутина посыпались подозрения в придворных интригах, конечной целью которых было заключение сепаратного и предательского мира с Германией, хотя никаких серьезных доказательств подобного предательства при этом не приводилось. В декабре 1916 г. Распутин пал жертвой группы заговорщиков, в которую входили великие князья и некоторые думские политики. Эти люди имели очень мало общего друг с другом, кроме единственного желания — спасти монархию от монарха.

Им это не удалось. Убийство Распутина ровным счетом ничего не изменило. Во время широко освещаемой в печати сессии Государственной думы в ноябре 1916 г. уважаемый и авторитетный политик и лидер партии кадетов Павел Милюков высказал целую серию весьма горьких обвинений в адрес правительства, заключая каждое из них риторическим вопросом: «Это глупость или измена?» «Имеет ли, вообще говоря, хоть какое-то значение вопрос о том, глупость ли это или измена? — попытожил он в конце выступления. — Правительство продолжает настаивать на том, что любые организационные меры неизбежно приведут к революции, и именно

поэтому оно предпочитает состояние хаоса и полной дезорганизации»⁹. Его намек на предательство на самом деле был абсолютно бездоказательным, но в одном Милюков был безусловно прав. Россия достигла такой точки кризиса, когда старые мифы самодержавия уже не могли больше объединять страну в единое целое, как это было на протяжении прошлых веков.

Революция 1917 г.

Крах старого режима был предсказан задолго до этого времени, и тем не менее все произошло настолько неожиданно, что не застало врасплох лишь самых проницательных людей. Общая дискредитация самодержавия была заметно усилена некомпетентностью военного командования, небывалой инфляцией, казнокрадством, низкой заработной платой и острой нехваткой продовольствия, что еще больше усугубило жизнь простых горожан, в первую очередь женщин. В январе 1917 г. полиция арестовала по подозрению в подрывной деятельности нескольких членов Военно-промышленного комитета из числа рабочих, которые таким образом лишились последней законной возможности заявить правительству о своих требованиях.

К концу февраля 1917 г. слухи о предстоящих нехватках продовольствия достигли Петрограда (так с 1914 г. стала называться столица империи). Беспokoйные женщины, выстаивавшие часами в длинных очередях возле продуктовых магазинов, стали присоединяться к митингующим рабочим, хлынувшим в город с забастовавшего Путиловского завода. Вскоре столица была охвачена всеобщей забастовкой, во время которой чаще и чаще стали звучать призывы к немедленному окончанию войны и свержению самодержавия. А посланные на усмирение рабочих казаки с большой неохотой отнеслись к приказам начальства, а потом и вовсе перестали их выполнять. Восставшие захватили штурмом арсенал и сожгли главный полицейский штаб.

Оторванный от столицы пребыванием в Ставке, Николай II получил весьма противоречивые сведения о происходящих со-

бытиях и сначала распустил Государственную думу, а потом отдал распоряжение ввести в городе военное положение. Однако чуть позже генералы убедили его в том, что все это бесполезно и что ему необходимо отречься от престола, чтобы хоть такой ценой восстановить в стране мир ради продолжения войны с Германией. Отречение должно было произойти в пользу великого князя Михаила, брата Николая II, но тот решительно отказался от трона, напуганный антимонархическими настроениями восставших масс Петрограда. Люди срывали с государственных зданий императорских двуглавых орлов, а в Таврическом дворце, где располагалась Государственная дума, был сорван со стены портрет царя работы Репина.

Вот так неожиданно русский народ, оказавшийся вдруг без царя, в конце концов сверг и самодержавную монархию как таковую. Государственная дума подчинилась царскому приказу и прекратила работу, но ее лидеры тут же образовали Временное правительство, главной задачей которого стало проведение самых неотложных реформ и поддержание порядка в стране до того момента, когда всенародно избранное Учредительное собрание окончательно решит судьбу империи. Первое Временное правительство возглавил князь Георгий Львов, а большинство членов правительства принадлежало к партии кадетов.

Таким образом, к концу марта 1917 г. Россия окончательно погрузилась в давно предсказанную революцию. Она оказалась гораздо более разрушительной, чем можно было представить. Во время революции 1905—1907 гг. правящему режиму удалось выжить и в конце концов восстановить некое подобие законности и порядка, но в 1917 г., в условиях великой международной войны, Временному правительству это было не по силам. Армия, которая отчаянно защищала страну до начала революции, распалась на непокорные банды вооруженных людей, которые либо грабили все, что могли, либо возвращались в родные места. Веками скреплявшие общество традиционные социальные связи в одночасье разорвались, а вместе с ними исчезло и столь важное для русского народа чувство общей для всех морали. Народы империи оказались в руках жестоких и преходящих проходимцев, которые властвовали на местах. Знаменитое россий-

ское «хулиганство», которое десятилетиями беспокоило власти предрержащие, теперь действовало без всяких сдерживающих центров.

Однако слабость правящего режима была далеко не единственным отличием от революции 1905 г. В 1917 г. существовали политическая партия и ее политический лидер, которые были готовы не только взять власть в свои руки, но и всеми силами удерживать ее. Эта партия была хорошо организована и знала, как нужно использовать власть для претворения в жизнь своих задач, в соответствии с которыми должно быть перестроено все российское общество. Ленин многому научился на поражении социалистов в революции 1905 г. Прежде всего он понял, что наиболее важной частью революции являются крестьяне. Как марксист, он неохотно воспринимал этот тезис, но картина крестьянских погромов, захватов поместий и их поджогов порождала воображение. Он все чаще стал говорить о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства», которая в лице самостоятельных организаций пролетариата, крестьянства и солдат должна полностью ликвидировать старый режим. Именно это он имел в виду, провозглашая поразивший многих его сторонников лозунг «Вся власть Советам!», выдвинутый в апреле 1917 г.

Именно таким обращением к широким народным массам большевики отличались от всех других политических партий, доминировавших на политической сцене сразу после падения монархии и сформировавших Временное правительство. Все они — кадеты, меньшевики и эсеры — находились на левом крыле, иногда даже крайне левом, в политическом спектре царской России. Ни одна из них тогда не была полностью легализована. А сейчас, после падения старого режима, они вдруг оказались «у руля» и взяли на себя ответственность за единство России, защищая ее как от германской оккупации, так и от сторонников раздела страны. Фактически они неожиданно для себя стали чуть ли не единственными спасителями гбнущей цивилизации, а также наследниками империи и гарантами буржуазного общества, то есть исполнителями такой роли, о которой несколько месяцев назад не могли даже мечтать.

Только природой российского общества можно объяснить тот факт, что после падения самодержавия образовался не один наследственный режим, а целых два. Временное правительство, состоявшее преимущественно из членов Государственной думы, добровольных ассоциаций военного времени и представителей общественности, стремилось превратить страну в парламентскую демократию. Однако с самого начала ему довольно успешно противостояли различного рода Советы, которые воплотили заветную мечту революционеров 1905 г. и сторонников того идеала России, при котором страна должна представлять собой федерацию общин с уравнительными принципами распределения. Как только конец самодержавия стал более или менее очевидным, рабочие и солдаты тут же провели выборы в своих коллективах и послали делегатов в Таврический дворец. Правда, они так и не поняли, чем же там придется заниматься. Никому из них и в голову не приходило, что они должны управлять огромной страной. С другой стороны, их присутствие в парламенте стало безошибочным показателем того, что отныне никто не посмеет игнорировать мнение народа. Вскоре Советы были образованы практически во всех городах и даже во многих деревнях.

Новое правительство, несмотря на свой «временный» характер, быстро выработало план действий, который заключался прежде всего в попытке устранить самые негативные последствия старого режима. Оно распустило царскую полицию и жандармов, местные органы власти и всех государственных чиновников, которые запятнали себя жестокими и насильственными действиями до февраля. Тогда же Временное правительство объявило, что отныне все граждане России могут беспрепятственно пользоваться широким кругом гражданских прав, а все нерусские народы бывшей империи получают возможность полностью распоряжаться своей судьбой. Даже Ленин в то время признал, что Россия стала «самой свободной страной в мире»¹⁰.

Львов не мог не понимать, что его режим нуждается в поддержке Советов, и с самого начала пытался найти с ними общий язык. Кардинальным элементом такого соглашения должен был стать договор о необходимости продолжения войны на но-

вой основе, то есть превращении ее в оборонительную, пока не будет достигнуто мирное соглашение «без аннексий и контрибуций». И князь Львов, и Александр Керенский, заменивший его на посту премьер-министра в июле того же года, очень надеялись, что такое соглашение с Советами может вызвать новый прилив национального и постимперского патриотизма, который сможет объединить общественность и народ. Однако между последними оказалось слишком много различий, причем как внешних, так и внутренних, то есть ментальных. В своем стремлении отстоять этот новый союз кадеты, а потом и меньшевики с эсерами отделили себя от массовой социальной базы и в конце концов раскололись сами, облегчив большевикам задачу овладения народными массами. Став выразителями вековых чаяний народа, они вместе с тем не взяли на себя ответственность за сохранение законности, порядка и — империи.

Солдаты и армия

Разрыв хрупкой связи между общественностью и народом наметился с самого начала, когда 1 марта Петроградский Совет издал приказ № 1. В нем говорилось, что солдаты должны избрать в своих частях, вплоть до роты, комитеты, чтобы таким образом взять под контроль все сферы армейской жизни, за исключением военных действий, когда солдаты должны по-прежнему подчиняться своим офицерам. Это вполне соответствовало идеалу Советов, согласно которому трудящиеся берут на себя всю полноту ответственности за судьбу формирующейся нации. Этот приказ резко изменил настроения солдат, и те стали настаивать, что отныне только они будут иметь решающий голос во всех военных делах. При этом многие из них заметно расширили содержание приказа и стали выбирать себе офицеров. Что же до самих офицеров, воспитанных на старорежимных принципах безоговорочного подчинения старшим по званию и соблюдения воинской иерархии, то они посчитали новый порядок оскорбительным и диким, тем более что он самым фатальным образом подрывал их дисциплину.

линарную власть над солдатами. Один из офицеров Павловского полка горько отмечал в своем дневнике: «Когда мы говорим о народе, мы разумеем нацию, когда они говорят о нем, то разумеют демократические низы... Общего языка нам не найти — вот проклятое наследие старого порядка»¹¹.

Реформированная таким образом армия просуществовала весну и лето 1917 г. Многолетний опыт солдатской артели помогал комитетам решать многие практические задачи и выходить из затруднений. Однако когда Керенский попытался в июне начать наступление на австрийском фронте, то сразу же обнаружилось, что новые веяния в армии сумели даже за такой короткий срок подорвать ее боеспособность. Вместо того чтобы выполнить приказ о начале наступления, солдаты собирали комитеты и долго спорили, стоит ли выполнять приказ командира. При этом некоторые члены комитета доказывали, что наступление будет противоречить политике «мир без аннексий». А в одном полку приняли решение: «Своего не дадим, чужого не хотим» — и вообще отказались наступать¹².

Как и следовало ожидать, наступление вскоре захлебнулось, оставив офицеров наедине с волной мятежей и дезертирства. Попытка Керенского сплотить общественность и народ на волне агрессивного патриотизма полностью провалилась. Весьма показательна в этом смысле и ситуация во французской армии, также охваченной в 1917 г. многочисленными мятежами солдат. Они выразили солидарность с бастующими рабочими, были озабочены положением своих семей дома, призывали к миру «без аннексий и контрибуций» и в очередной раз подтвердили свою решимость «остановить нашествие бошей». В отличие от российских солдат, однако, французские были уверены в своем статусе «граждан-солдат», который непосредственным образом вытекал из существования стабильной республики. Они воспринимали Францию как родную страну, а себя — как часть единой нации. Когда их командиры приостановили наступательные операции и поставили перед собой в качестве первоочередной задачи восстановление морального духа и дисциплины, солдаты в конце концов вернулись на фронт и продолжили борьбу. Русские же солдаты не были уверены, что «нация»

Керенского является и их собственной. Более того, себя они в большей степени идентифицировали с Советами или крестьянскими общинами, а в момент кризиса были готовы бросить армию и фронт и разбежаться по домам¹³.

Таким образом, в России попытка восстановить дисциплину с помощью концепции гражданского общества полностью провалилась и погрузила армию в состояние безысходного кризиса. Новый главнокомандующий, генерал Лавр Корнилов, назначенный на этот пост в июле, был преисполнен решимости покончить с солдатскими комитетами и восстановить полную военную дисциплину, не исключая даже введения смертной казни за дезертирство и невыполнение приказа во время боевых действий. После долгих колебаний Керенский неохотно согласился с ним, не видя другой возможности восстановить утраченную боеспособность российской армии. Однако требования Корнилова грубо растоптали все деликатные компромиссы Керенского. В августе Корнилов двинул элитные войска на Петроград, собираясь ввести в стране военное положение и образовать военное правительство. Но эти войска были остановлены рабочими-железнодорожниками, а Керенский, принуждаемый покончить с компромиссами, сместил Корнилова с поста главнокомандующего, арестовал и обвинил в государственной измене¹⁴.

Таким образом, двусмысленный и непрочный союз Керенского развалился. Как Временное правительство, так и умеренные лидеры социалистов в Советах оказались в весьма уязвимом положении и были зажаты между генералами, которые требовали всей полноты власти для продолжения войны до победного конца, и широкими народными массами, которые считали, что война является лишь предлогом для возрождения репрессивного аппарата и восстановления экономической эксплуатации, характерной для прежнего режима.

И только большевики обещали народу немедленное прекращение войны, что привлекало к ним все больше и больше солдат. К осени того же года они стали отдавать большевикам предпочтение при выборе солдатских комитетов. К этому времени многие солдаты уже твердо решили, что им нет никакого смысла защищать чью-то Россию. Вместо этого они стремились

как можно скорее вернуться домой и принять участие в распределении отнятой у помещиков земли. Самые решительные брали оружие, покидали фронт и заставляли железнодорожников везти их в глубь страны. Недавно взлелеянный патриотизм мгновенно исчез, а на смену ему пришло чувство «малой родины», пораженной жестоким кризисом.

Захват власти большевиками в октябре 1917 г. придал этим чаяниям характер законности. Новые правители объявили о прекращении войны и издали декрет о передаче всей земли в руки сельских общин. Так Ленин начал создавать/строить «пролетарский интернационализм» на рыхлой, непрочной и в высшей степени неподходящей основе ограниченной крестьянской общинности.

Рабочие

Советы 1917 г. отличались от Советов 1905 г. целым рядом признаков. Самым важным являлось то, что теперь у них было что защищать: политическую систему, возникшую после распада старого режима. Теперь Советы представляли собой местную власть и являлись частью постреволюционного «истеблишмента». Это укрепляло у руководителей Советов чувство ответственности за судьбу страны и побуждало сотрудничать с Временным правительством вплоть до того момента, когда закончится война, а Учредительное собрание решит проблему будущего устройства России. В результате исполнительные комитеты все больше превращались в новую бюрократическую систему управления и все больше отдалялись от пленарных заседаний того или иного Совета, на которых обычно преобладали неуправляемые и хаотические настроения масс. Как вспоминал позже один из очевидцев: «Толпа стоящих настолько погустела, что... владельцы стульев также бросали их... «Президиум» стоял на столе, причем на плечах председателя висела целая толпа взобравшихся на стол инициативных людей, мешая ему руководить собранием»¹⁵. Поэтому нет ничего удивительного в том, что исполнительные комитеты все чаще

предпочитали принимать решения, не вынося их на обсуждение пленарной сессии.

Постепенно рабочие стали ощущать, что их интересы снова игнорируют. Именно тогда они начали перемещать фокус своей политической активности вниз, с городских Советов на выборные фабричные комитеты, которые решали все проблемы на рабочем месте и постоянно оказывали давление на работодателей, местные Советы и правительство. Фабричные комитеты имели возможность не только агитировать за введение восьмичасового рабочего дня, но и вводить его явочным порядком. На Путиловском заводе, к примеру (и не только там), ненавистных мастеров и начальников цехов сажали в тачки и выкатывали на улицу, после чего вываливали на землю или даже в ближайшую реку¹⁶. Это был своеобразный сельский самосуд в городском исполнении, и это устраивало рабочих гораздо больше, чем долгие разбирательства с исполнительными комитетами.

По мере ухудшения экономического положения летом того же года работодатели стали сокращать производство и увольнять рабочих, а иногда и вовсе закрывали промышленное предприятие. Все эти меры усиливали старые сомнения относительно справедливости распределения военного бремени. Рабочие, подозревая работодателей в том, что те просто-напросто пытаются спасти свою собственность, потребовали права на инспекцию заводских и фабричных финансовых отчетов и установление контроля за деятельностью предприятия. Эти меры получили название «рабочий контроль» и означали, что рабочие не доверяют правительству в деле сдерживания военных сверхприбылей предпринимателей. Именно поэтому они решили взять под свой контроль финансовое положение промышленных предприятий и не допустить злоупотреблений.

Меньшевики во Временном правительстве оказались перед необыкновенно сложной дилеммой. Рабочие стали все чаще выдвигать требования, которые они раньше всегда поддерживали, но сейчас это означало резкое сокращение производства, а вместе с ним и дальнейшие осложнения в ходе проведения военных действий. Известный меньшевик и министр труда М.И. Скобелев обратился к рабочим с просьбой

«прекратить дезорганизацию промышленности и истощение государственной казны» своими забастовками и требованиями повышения зарплаты¹⁷.

Многие рабочие отнеслись к подобным заявлениям как к предательству их интересов и все с большей симпатией стали прислушиваться к голосу большевиков, которые неустанно призывали их взять власть на предприятиях в свои руки. На съезде фабрично-заводских комитетов в июне впервые были официально приняты большевистские лозунги, призывавшие рабочих формировать собственную гвардию, экспроприровать собственность промышленников и банкиров и установить жесткий контроль над производством и распределением товаров¹⁸.

Кроме того, рабочие решительно поддержали солдат Петроградского гарнизона, которые выступили против решения командования направить их на фронт. В июле, когда восстали солдаты Первого пулеметного полка, рабочие вышли в центр города и потребовали, чтобы Советы свергли Временное правительство, взяли власть в свои руки и прекратили ненавистную войну. Виктор Чернов, лидер партии социалистов-революционеров, попытался успокоить их, но в ответ услышал весьма нелестные для себя слова: «Бери власть, пока ее тебе предлагают, сукин сын!» В этом возгласе рабочих, а также в замешательстве Чернова и его невразумительном ответе отразилась вся сложность той ситуации, в которой оказались социалисты во Временном правительстве. В конце концов, напуганные угрозой общественному порядку и решительным выступлением солдат мятежного полка, они вызвали на подмогу лояльные войска и приказали разогнать митингующих силой, в результате чего погибло около 300 человек. Таким образом, предполагаемые вожди рабочего класса сами устроили рабочим нечто превосходящее «кровавое воскресенье»¹⁹.

Наиболее эффективной рабочей организацией оказалась Красная гвардия — рабочая милиция, которая стала появляться то тут, то там весной и летом 1917 г. В результате ликвидации старой полиции и жандармов красногвардейцы оказались единственной эффективной силой, которая была в

состоянии поддерживать порядок на улицах столицы. А к осени того же года большевики стали завоевывать большинство в местных Советах и сразу же приступили к формированию военно-революционных комитетов, которые должны были мобилизовать все силы Красной гвардии и координировать взаимодействие отдельных ее подразделений с восставшими частями гарнизона. Именно этот союз сделал возможным захват власти и установление советского режима в Петрограде и других городах страны в октябре 1917 г.²⁰

Крестьяне

Крестьяне претерпели такую же политическую эволюцию, что и рабочие и солдаты: сначала осторожное сотрудничество с Временным правительством, а затем растущее разочарование, за которым последовали захват власти и устройство собственной жизни. Они быстро обнаружили, что Временное правительство не спешит с передачей земли тем, кто ее обрабатывает, а вместо этого создает какие-то местные комитеты по изучению земельного и продовольственного вопросов и намерено передать окончательное решение этих вопросов на рассмотрение Учредительного собрания. Это был, с одной стороны, разумный подход, поскольку столь сложную проблему перераспределения земли нельзя было решать в спешке и без тщательной подготовки, тем более что многие главы семейств из сельской местности все еще находились на фронте. С другой стороны, постепенность и законность подобных мер совершенно не соответствовали настроением крестьян. Вместе с ликвидацией царизма у них появилась надежда, что они сами могут распределить землю и распоряжаться ею по собственному усмотрению.

Вскоре крестьяне стали проникать в земельные комитеты, причем начали с волостных комитетов, а потом поднялись до уровня уездных и даже губернских, постепенно превращая их в выборные «комитеты народной власти». Эти новые комитеты на первых порах служили средством выра-

жения крестьянских чаяний, а потом стали эффективным орудием их власти. Что же до Временного правительства, то оно ничего не могло с этим поделать, так как полицейские органы были распущены, а других сил охраны общественного порядка, которые могли остановить этот процесс, у них не было.

Комитеты начали брать на себя всю полноту ответственности за частную землю в своем районе, позволив владельцам вести на ней хозяйство, но только под неусыпным контролем комитетов и с целью подготовки к окончательной ее экспроприации. Летом и осенью того же года сельские и волостные собрания приступили к непосредственным действиям, причем во многом это напоминало события 1905 г. Как и тогда, самые активные действия развернулись на территориях центральных черноземных районов, соседних областей Правобережной Украины и Белоруссии, а также Поволжья. Однако на этот раз устремления крестьян были эффективно подкреплены солдатами-дезертирами, которые в это время в огромном количестве покидали линию фронта и пробирались домой. Они были вооружены, озлоблены и полны решимости сражаться до конца в том случае, если им будет оказано сопротивление.

Но дело было не только в солдатах. В это движение быстро вошли все крестьянские хозяйства, так как в общинах по-прежнему действовала круговая порука. Обычно крестьяне, вооруженные кто чем мог, съезжались на телегах на деревенскую площадь, а потом направлялись к дому помещика. Тот, как правило, подписывал под их давлением соответствующий документ, передающий право на владение землей в руки сельской общины. Затем крестьяне загружали свои телеги помещичьим добром, разбирали скот и покидали поместье, оставляя на жизнь владельцу и его семье лишь прожиточный минимум²¹.

Во всех этих крестьянских акциях соблюдался некоторый порядок с налетом определенной законности. Даже помещику они оставляли его «справедливую» долю земли, но только при том непременном условии, что он не будет оказывать сопротивления новому порядку и станет работать сам, то есть без привлечения наемной рабочей силы. В тех же случаях, когда помещик

оказывал сопротивление, они убивали его и сжигали дом и все хозяйственные постройки. При этом крестьяне часто уничтожали картины, скульптуры, книги, мебель — словом, все, что олицетворяло богатство и чуждую для крестьян культуру²².

Министром сельского хозяйства в это время был Виктор Чернов, лидер партии социалистов-революционеров, в программе которой было четко записано, что сельские общины должны экспроприировать помещичью землю и разделить ее между крестьянами. Теперь же он вынужден был настаивать на том, чтобы они так не поступали, в противном случае это подорвало бы производство продуктов питания и весь сельскохозяйственный рынок. А когда Чернов попытался частично реализовать свою партийную программу, призывая крестьянские комитеты взять под контроль «плохо используемые» земли, его коллега, министр внутренних дел Иракий Церетели, меньшевик, публично унизил его, отменив своей властью этот указ²³. Социалисты-революционеры все еще оставались самой популярной партией среди крестьян, но под перекрестным давлением революции они быстро теряли свое значение и ощущение единства.

После экспроприации крестьянские общины приступали к перераспределению земель, руководствуясь при этом традиционно понимаемыми принципами справедливости. Обычно это делалось либо по количеству «едоков» (то есть по количеству ртов, которые нужно было кормить в той или иной крестьянской семье), либо по труду (то есть по количеству рабочих рук в семье). Причем в этот процесс были вовлечены не только так называемые столыпинские крестьяне, но и бывшие помещики. Каждому из них полагалась определенная норма, не более того. Каждый имел право на свою долю пропитания. В годы кризиса возобладали давние крестьянские ценности.

Большевики

Непрочный, только начавший складываться союз между общественностью и народом стал быстро распадаться под давлением снизу. Политические партии, вовлеченные в деятель-

ность Временного правительства и Петроградского Совета, были полностью дискредитированы своей поддержкой этого союза и тщетными попытками заставить его работать.

А большевики в это время заняли весьма удобную позицию, позволявшую им извлечь выгоды из создавшегося положения. Однако для этого им пришлось убить несколько собственных священных коров. Прежде всего пришлось отказаться от идеи немедленного переустройства сельского хозяйства на основе полной коллективизации. Крестьяне упорно отдавали предпочтение прежним формам хозяйствования в рамках привычной для них крестьянской общины. Изначальная ленинская идея, что революцию будет продолжать крепко сплоченная и строго дисциплинированная группа интеллигентов, ведущая за собой рабочий класс, была приостановлена самим ходом событий. Вместо этого большевики проложили путь к власти в условиях того социально-политического кризиса, который всколыхнул широкие народные массы. Партийные функционеры воспользовались этим обстоятельством и овладели уже готовыми организациями, созданными в годы революции рабочими, крестьянами и солдатами.

Военно-революционный комитет (ВРК) как инструмент захвата власти в Петрограде был создан не большевиками, а Петроградским Советом с целью организации обороны столицы как от второй попытки военного переворота, так и от германского нашествия. Примерно с 20 октября 1917 г. ВРК начал захватывать стратегически важные пункты в городе, чтобы полностью обеспечить проведение Второго Всероссийского съезда Советов, против которого могло выступить Временное правительство. Завершающая операция в городе развернулась тогда, когда Керенский попытался закрыть большевистские газеты и арестовать лидеров этой партии. Большая часть участников восстания была уверена, что ведет борьбу за передачу «всей власти Советам», которая будет воплощена в форме коалиции всех социалистических сил, представляющих интересы рабочих, крестьянских и солдатских сходов по всей стране.

Однако на съезде Советов Ленин неожиданно для всех смог навязать делегатам однопартийное правительство большеви-

ков (Совет народных комиссаров, или Совнарком). И случилось это прежде всего потому, что ему удалось заручиться поддержкой значительной части социалистов-революционеров. Разочарованные нерешительностью своих лидеров, многие эсеры вышли из партии и образовали новую партию левых социалистов-революционеров, которая поддерживала Ленина в течение нескольких месяцев, а отдельные ее члены даже вошли в правительство. Что же до остальных эсеров, то вместе с меньшевиками они покинули съезд, обвинив большевиков в узурпации власти, которая по праву принадлежит всему народу в лице всех социалистических партий²⁴.

Подобным же образом большевики захватили власть и в других городах страны. Там, где они пользовались популярностью, они эффективно использовали большинство в местных Советах; а там, где такой поддержки у них не было, часто использовались рабочие дружины и военно-революционные комитеты, которые претворяли в жизнь лозунг «Вся власть Советам!» по собственному пониманию. И только в районах преобладающего нерусского населения эта тактика не принесла желаемого успеха²⁵.

В течение нескольких месяцев после захвата власти большевики сумели консолидировать ее, закрывая все несоциалистические газеты и создавая собственные органы безопасности в форме ЧК (Чрезвычайной комиссии по борьбе против спекуляции и контрреволюции). При этом они позволили провести выборы в Учредительное собрание, но как только выяснилось, что самой большой партией в нем окажутся эсеры, большевики просто-напросто закрыли его. Таким образом, та форма демократизации, к которой общественность страны и все социалистические партии стремились несколько десятилетий, потерпела сокрушительное фиаско. Практически полностью были уничтожены те ростки гражданского общества, которые появились в последние годы императорской России. Отныне путь для формирования общества по своему образу и подобию был для большевиков полностью расчищен.

Первые шаги к новому обществу

Большевики пришли к власти, всецело нацеливаясь на мировую революцию. Для Ленина Россия была всего лишь начальным этапом в цепной реакции революционного процесса, страной, где по случайным историческим причинам началась международная пролетарская революция. Он нисколько не сомневался, что вслед за победой Советов в России начнутся аналогичные революции в Германии и других европейских странах. Именно поэтому большевики переименовали свою партию в коммунистическую. Тем самым они хотели показать, что истоки ее кроются не в России, а в традициях Парижской коммуны 1871 г. Когда в 1919 г. Ленин основал Коммунистический Интернационал в целях координации революционной деятельности пролетариата во всем мире, он хотел провести учредительный конгресс в Берлине, и только чрезвычайные обстоятельства вынудили перенести его в Москву²⁶.

Этот перенос был весьма симптоматичным. Геополитика была против него. Еще в марте 1918 г., когда Ленин подписал Брест-Литовский договор и в одностороннем порядке завершил войну с имперской Германией, он вынужден был признать, что первостепенная задача молодого пролетарского государства — не мировая революция, а защита России, единственного на тот период времени оплота социализма и его родины. Однако в партии он встретил сопротивление своим взглядам. Николай Бухарин, например, и группа «левых коммунистов» настаивали на том, что Россия должна стремиться не к миру с Германией, а к продолжению войны на новой основе. По их мнению, Германия непременно нанесет поражение России и оккупирует ее, но это вызовет ожесточенное сопротивление российских рабочих и крестьян, поднимет их моральный и патриотический дух, приведет к организации широкого партизанского движения и в конце концов вызовет возмущение пролетариата в самом сердце врага — Германии, что и будет началом мировой революции. В каком-то смысле это была идея «международной гражданской войны», которую раньше так рьяно отстаивал сам Ленин. Просто сейчас он имел в своем распоряжении все рыча-

ги государственной власти и именно поэтому отдавал предпочтение идее сохранения и защиты того, что уже завоевано российским пролетариатом. Конечно, государство пока было примитивным, неразвитым, но все же это было лучше, чем туманные перспективы мировой революции.

С этого момента, постепенно и неравномерно, международный социализм стал срастаться с российским империализмом. И эта смесь вовсе не была несовместимой. Идея Руси как тысячелетнего народного царства, несущего освобождение всему человечеству, служила основой национальной мифологии еще в XVI в. и с тех пор никогда полностью не исчезала из народного сознания, проявляясь в качестве своеобразной теневой идеологии имперской России. Эгалитаризм в форме «круговой поруки» веками определял жизнь русских крестьян и рабочего класса. Волей-неволей и большевики пришли к власти на волне широкой крестьянской революции, воодушевленной подобными идеями. И вскоре они оказались в положении строителей современного, прошедшего индустриализацию и распространившегося по всему миру пролетарского государства на основе отсталой и патриархальной сельской общины. Это противоречие преследовало их все последующие годы, и в итоге они пытались преодолеть его насильственными методами.

Эта судьбоносная двойственность присутствовала еще в учении Ленина, который сочетал в своей персоне самые разнообразные черты российской политической традиции. Прежде всего он был европейским интеллектуалом, высоко ценившим комфорт и упорядоченность буржуазного общества. В этом смысле его идеалом была работа швейцарского почтового ведомства и Библиотеки Британского музея. Как и многие другие европейские интеллектуалы, он был марксистом, свято веря в существование научных законов общественного развития и классовую борьбу как его главный источник. Однако в то же время он был типично русским народником, который верил в лидерство небольшой элиты, ведущей за собой основную массу населения по пути социального прогресса и опирающейся на революционный потенциал русского крестьянства.

Вообще говоря, народники и марксисты были ближе друг к другу, чем можно было судить по развернувшейся полемике 1890-х годов. Именно поэтому можно, вероятно, сделать вывод, что Ленин воплощал в себе общие черты обеих революционных традиций. Кардинальным моментом здесь является тот факт, что все элементы ленинского мировоззрения были так или иначе подчинены апокалиптическому видению титанической революционной борьбы, в ходе которой старый мир должен быть разрушен до основания, а на его месте создано совершенно новое и всецело гармоничное общество. И в этом обществе все люди получают возможность реализовать свой потенциал, потому что, как отмечал Маркс, «от каждого будет востребовано по способности и каждому будет дано по потребности».

Эмоциональная окраска такого видения революции уходит своими корнями через Бакунина к старообрядцам, а от них — к священникам Московии XVI — XVII вв., разрывавшимся между пророчествами о конце света и хвалебными песнями стране, которую они считали универсальным христианским царством, предназначенным осуществить промысел Божий для всего человечества. И все же, если Ленин и был провидцем, то одновременно он, безусловно, был весьма прагматичным политиком, а сочетание этих двух качеств было его огромным преимуществом. Его напряженная озабоченность практическими вопросами вплоть до мельчайших деталей, несокрушимая сила воли, подавлявшая противников, и его способность убеждать людей в своей непререкаемой правоте — все это напоминает Петра Великого и наиболее активных государственных чиновников XVIII и XIX вв.²⁷

Провидческую сторону личности Ленина всегда легко было не заметить, поскольку подавляющее большинство его письменных сочинений так или иначе посвящено тактике революционной борьбы. Но был в это время один короткий момент, когда он счел нужным не скрывать свои мечты относительно будущего России. Это произошло в 1917 г., когда революция только началась и перед страной открылись новые перспективы, но большевики еще не пришли к власти, а сам Ленин еще не был всецело поглощен ежедневными про-

блемами государственного управления. Именно тогда он написал книгу «Государство и революция», в которой отбросил прежнюю приверженность революционной тактике и впервые изложил свои взгляды на жизнь в будущем социалистическом обществе, в котором государство будет «постепенно отмирать» в силу того непреложного факта, что исчезнет эксплуатация человека человеком, а его оставшиеся простейшие операции регистрации, записи, проверки... станут вполне доступны всем грамотным людям»²⁸.

Многие исследователи и комментаторы восприняли «Государство и революцию» в качестве аномалии в сочинениях автора. Адам Улам, например, заявил по этому поводу, что «ни одна работа не может быть более несоответствующей политической философии этого автора»²⁹.

На самом деле, однако, именно тотальная природа его видения будущего оправдывала ту исчерпывающую дотошность, с которой Ленин неустанно преодолевал все возникавшие на его пути препятствия, неуклонно продвигался к окончательному претворению в жизнь этого видения, и именно поэтому уделял такое большое внимание тактике революционной борьбы. Бесконечная желаемость цели легитимизировала самые беспощадные средства. Только тотальность его конечной мечты позволяет объяснить, казалось бы, необъяснимые противоречия в политическом характере Ленина. Его безграничная уверенность в том, что он обладает научным, а посему совершенно неопровержимым знанием законов общественного развития, удивительным образом сочеталась с постоянным страхом, что может быть упущена та или иная реальная возможность для революции и все дело может закончиться крахом. Более того, его абсолютная уверенность в моральной правоте своего дела сопровождалась столь же абсолютным презрением ко всем моральным нормам. Наконец, его уверенность в безграничном политическом творчестве народных масс сочеталась с крайним недоверием к народу, который может быть отвлечен от своей исторической задачи повседневными нуждами и потребностями, а то и вообще уведен в сторону от революционной борьбы изоэшеленной буржуазной пропагандой³⁰.

Подобный раскол в мировоззрении Ленина во многом аналогичен противоречиям между трезвым научным анализом буржуазной политэкономии в работах Маркса и его пророческими мечтами о будущем идеальном человеческом обществе. Главным средством преодоления такого раскола стала для Ленина выпестованная им партия. Она должна была повести за собой обездоленные трудящиеся массы через мрачную, нищенскую и разложившуюся повседневную реальность к светлому будущему. А поскольку только партия имела единственно верное понимание предстоящего пути, то народные массы должны беспрекословно доверять ей и полностью подчиняться. При этом любое отклонение от этой линии неизбежно вызывало у Ленина резкий отпор и презрение. Он не понимал, да и не хотел понять того, что внутренние противоречия его мировоззрения чреватые весьма серьезными потенциальными конфликтами с непредсказуемыми разрушительными последствиями для всего общества.

Зимой 1917—1918 гг. кризис в стране явился тем горнилом, где провидения Ленина подверглись тяжким испытаниям. Сложившаяся ситуация объективно отражала все парадоксы ленинской политики. Кризис всегда является временем новых возможностей, а фундаментальный кризис — временем неограниченных возможностей. В такие периоды все становится возможным. Правда, сам Ленин никогда не утверждал, что имеет точный и подробный план построения социализма. Убежденный в принципиальной правоте своей теории, он надеялся повести за собой народные массы, но при этом рассчитывал на их энтузиазм и допускал возможность спонтанных действий.

Итак, Ленин, воодушевленный представлениями о созидательном творчестве масс, направляемый общими принципами учения Маркса и в полном соответствии с наполеоновским лозунгом «вмешаться и посмотреть, что будет», с головой окунулся в весьма хлопотное дело политического руководства. Однако действовать ему пришлось в условиях надвигающейся гражданской войны, изначально гипотетической, а потом и вполне реальной. И это было отнюдь не случайно. Тот способ, с помощью которого он захватил власть в стране, делал ее практически неизбежной, и Ленин прекрасно понимал это. Но сам факт имел

огромное значение. Он означал, что руководимая им партия вынуждена будет претворять в жизнь свои планы в атмосфере всеобщего раскола и ожесточенного конфликта, выйти из которого можно будет только с помощью сильной авторитарной власти. И в этих условиях все завоевания революции, которых добились рабочие, крестьяне и солдаты, будут сведены к нулю. Ведь большевики пришли к власти, громогласно обещая простым людям всевозможные блага, а теперь придется отказаться от своих обещаний, так как реальные условия не позволят выполнить их.

Самое главное обещание заключалось в передаче реальной власти народу. В ноябрьском номере газеты «Правда» за 1917 г. Ленин весьма откровенно выразил эту мысль. «Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством... Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки... Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное»³¹.

Однако в условиях острейшего кризиса и Гражданской войны введение «строжайшей дисциплины» и «подавления» возможно только сверху, а не снизу, и поэтому новое пролетарское государство со своей собственной полицией очень скоро заменило трудящихся в этой роли.

Марксистская традиция не выработала каких-либо готовых проектов строительства социалистической экономики, но она всегда исходила из предположения, что первыми шагами в этом направлении должна стать экспроприация буржуазии и обобществление средств производства. Новое пролетарское государство должно было начать именно с этого и тем самым обеспечить эффективное завершение переходного периода. Как писал Ленин в книге «Государство и революция»: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, и для подавления и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле налаживания социалистического хозяйства»³².

Для решения этой задачи в октябре и ноябре 1917 г. был созван Второй Всероссийский съезд Советов. Он ликвидировал

частную собственность на землю и передал ее для дальнейшего распределения в руки сельских и волостных комитетов. Это была небольшевистская политика, но Ленину пришлось пойти на такой шаг, чтобы заручиться поддержкой крестьянских масс. В городах недвижимая собственность изымалась из рыночного обращения и передавалась в руки местных Советов, которые сразу же приступили к процессу «уплотнения», то есть переселения людей с плохими жилищными условиями в просторные квартиры буржуазных элементов. Этот съезд фактически сделал рабочие комитеты владельцами промышленной и торговой собственности и предоставил им реальную власть и полный контроль над всеми действиями управляющего персонала. Все существовавшие прежде юридические институты были в одночасье заменены «народными судами» с избранными населением судьями. А для борьбы со спекуляцией и контрреволюционной деятельностью наряду с ЧК учреждались «революционные трибуналы», члены которых избирались местными Советами. В армии отменялись все чины и знаки различия, а воинские подразделения передавались под контроль солдатских комитетов.

Съезд Советов издал Декларацию прав народов России, которая уничтожала все формы национальной дискриминации и утверждала право наций на самоопределение «вплоть до отделения и образования независимых государств».

Никогда еще законодательный орган не декларировал такой широкомасштабной трансформации общества за столь короткое время. Весь иерархический порядок с его дискриминацией по признаку сословия, этнической принадлежности, пола и религии был заменен эгалитарным порядком с единственной формой дискриминации против «привилегированных» классов. Централизованное правительство уступало место союзу избранных народом Советов, а свободный рынок вытеснялся общественной собственностью на средства производства и общим владением недвижимой собственностью. Все банки были национализированы, а их управление способствовало никем и ничем не ограниченной эмиссии наличных денег. Таким образом, новый режим не предпринимал никаких попыток ограничить инфляцию, надеясь на то, что со временем все деньги будут

отменены, а все ресурсы будут так или иначе распределяться самим государством³³.

Логика всех этих мер вскоре вступила в полную силу. Из-за Гражданской войны и нового советского законодательства рынок товаров мгновенно обрушился. 2 декабря 1917 г. в целях «выработки общих норм и плана регулирования экономической жизни страны» был образован Верховный Совет народного хозяйства (ВСНХ). Рабочие комитеты преобразовывались в местные отделения профсоюзов, и все они стали подчиняться непосредственно ВСНХ. Эти меры были благожелательно восприняты рабочими, причем даже теми, кто совсем недавно боролся за самоуправление фабриками и заводами. Когда же война была на исходе, в начале 1918 г., а экономическая разруха стала еще сильнее, они сами обратились к ВСНХ с просьбой, чтобы предприятия были переданы в руки государства, так как предприниматели стали закрывать их из-за нехватки топлива, сырья и запасных частей. Таким образом, к лету того же года большинство промышленных предприятий оказалось в руках государства, а национализация всех акционерных компаний была завершена указом от 28 июня 1918 г. Дать ВСНХ возможность полностью овладеть всей экономикой, развернуть борьбу со «спекуляцией» и черным рынком стали важнейшими задачами ЧК. Чекисты часто устанавливали блокпосты на дорогах, прочесывали так называемые блошинные рынки и контролировали въезд в города, чтобы перехватывать прорывавшихся на базары «мешочников» (мелких торговцев)³⁴.

Несмотря на все эти меры, материальное положение трудящихся продолжало ухудшаться. Прекращение огня на фронте в декабре 1917 г. и безудержная инфляция до минимума сократили потребность в промышленных товарах. А когда Гражданская война возродила потребность в оружии и боеприпасах, на военных заводах была установлена жесткая военная дисциплина. Большинство же рабочих других отраслей промышленности были уволены и сами либо искали скудные источники пропитания, либо возвращались в родные деревни и села. Как в том, так и в другом случае их жизненные условия были катастрофически бедственными.

Еще более деморализующее воздействие на них оказывало весьма неприятное ощущение, что вся их борьба сначала

против царского режима, а потом против Временного правительства закончилась безрезультатно. Им было ужасно трудно понять, что же, собственно говоря, произошло в течение 1917—1918 гг. С одной стороны, им казалось, что они победили, так как были установлены восьмичасовой рабочий день, минимальная заработная плата и полный контроль над производством. К тому же от их имени была объявлена «диктатура пролетариата». А с другой стороны, на самом деле их жизненные условия стали намного хуже, и в конце концов они утратили даже то политическое влияние, которое имели раньше. Их «собственная» революция передала всю полноту власти в руки каких-то комиссаров в кожаных куртках, которые в ответ на любое проявление недовольства сразу же тянулись к револьверу.

Правительственный декрет от 26 октября 1917 г., ликвидировавший частное землевладение, был чрезвычайно популярен среди крестьян, которые видели в нем осуществление своих вековых чаяний. Они сразу же приступили к перераспределению земли и делали это традиционным способом, то есть с помощью сельских сходов. Однако даже такой подход вызвал множество нареканий, разочарований и конфликтов. Раздел земли проводился хаотично и в очень трудных условиях. Взаимная подозрительность и вражда, которые всегда были спутниками крестьянской жизни, заметно усугубились наплывом демобилизованных солдат, недавно вернувшихся с фронта, а также городскими рабочими, которые неожиданно заявили претензии на свою долю земли, к которой уже давно утратили всяческий интерес. Кроме того, многие сыновья вдруг захотели отделиться от родителей, с которыми прожили много лет, и тоже заявили о своем желании обзавестись участком земли. Таким образом, вскоре обнаружилось, что даже если учесть всю экспропрированную помещичью и церковную землю, то каждая крестьянская семья получала дополнительно в свое распоряжение в среднем чуть больше одной десятины. Выяснилась еще одна неприятная вещь: во многих наиболее консервативных деревнях началось быстрое расслоение крестьянства. Старожилы и богатые семьи получали больше земли, чем бедные и вновь образованные семьи³⁵.

И тем не менее до сих пор удивляет тот отрадный факт, что в целом перераспределение земли прошло в условиях относительной стабильности и без каких-либо кровопролитных конфликтов. Подчиняясь чувству здравого смысла, крестьяне постепенно убеждались в том, что наконец-то в их жизни наступил тот долгожданный и вполне справедливый порядок, который позволяет им вести самостоятельное хозяйство без вмешательства извне и в соответствии с волей Божией.

Однако внешнее вмешательство не заставило себя долго ждать, так как хаотичное перераспределение земли так и не решило одну из самых главных задач — обеспечение городского населения продовольствием. Фактически земельная реформа намного осложнила ее, поскольку раздробила крупные хозяйства, которые раньше были основным источником сельскохозяйственных продуктов на городских рынках. Случилось так, что аграрная революция привела к преобладанию более примитивных и менее продуктивных агротехнических методов. Учитывая острую потребность армии в продовольствии в ходе Гражданской войны, новый режим пришел к выводу, что единственным способом ликвидации продовольственного дефицита будут установление государственной монополии на торговлю зерном и отправка в деревни продовольственных отрядов (продотрядов), чтобы убедить крестьян в необходимости продажи зерна или в крайнем случае отобрать его силой оружия. Кроме того, власти вознамерились сохранить некоторые крупные поместья и превратить их в коллективные хозяйства, но такие попытки обычно наталкивались на ожесточенное сопротивление крестьян.

Гражданская война

Как Ленин и предвидел, захват власти большевиками привел к Гражданской войне, хотя и не совсем так, как он поначалу предполагал. Уже первые шаги большевиков — роспуск коалиционного социалистического правительства, учреждение ЧК, разгон Учредительного собрания и Брест-Литовский договор —

подтолкнули в ряды их противников даже многих убежденных социалистов. Первое серьезное военное сопротивление большевикам было оказано кадетами и эсерами (с помощью бывших военнопленных чехов) в Сибири, в городе Омске. В это же время в Самаре на Волге был образован Комитет Учредительного собрания (Комуч). А вместе они создали в сентябре 1918 г. свое правительство под названием «Директория».

В конце концов вооруженное сопротивление большевикам возглавили старшие офицеры бывшей императорской армии («белые»), развернувшие широкое движение на дальних окраинах бывшей империи: адмирал Александр Колчак захватил власть в Директории и возглавил антибольшевистское движение в Сибири; генерал Антон Деникин сформировал армию из казаков на Северном Кавказе, а генерал Николай Юденич обосновался в Прибалтике. Они получили некоторую помощь от бывших военных союзников России, которые все еще лелеяли надежду вернуть ее на фронт, а после ноября 1918 г. продолжали нерешительную борьбу против большевизма. Летом и осенью 1918 г. (Сибирь) и осенью 1919 г. (Северный Кавказ и Прибалтика) неоднократно возникало ощущение, что Советское государство находится на грани военного поражения. Но в обоих случаях ему удалось отразить все наступления противников. В 1920 г. Советская Россия столкнулась с новой угрозой — на этот раз со стороны недавно получившей независимость Польши. Воспрянув духом, поляки решили во что бы то ни стало вернуть те земли, которые они считали своими и которые утратили еще в XVIII в.: Белоруссию, Украину и Литву, горячо любимую родину их национального поэта Адама Мицкевича. И вновь Красная Армия не только остановила продвижение поляков, но и нанесла им сокрушительное поражение, а потом преследовала их уже на польской территории³⁶.

Для выполнения этой важной задачи большевикам пришлось создать новую армию и полностью перевооружить ее. Одним из наиболее популярных в 1917 г. шагов стали демократизация Вооруженных сил и Декрет о мире. Но с началом Гражданской войны, как и многие другие большевистские реформы, он был пересмотрен. Оказалось, что Красная Армия

и ее подразделения, управляемые солдатскими комитетами, неспособны поддерживать строгую воинскую дисциплину и обеспечить нормальную организацию войск. Именно поэтому военный комиссар Троцкий вынужден был приступить к созданию фактически новой рабоче-крестьянской Красной Армии, в которую набирали по призыву и где была восстановлена строгая военная дисциплина, правда, без старых званий и знаков различия. Причем воинская дисциплина и подчинение командирам восстанавливались под угрозой смертной казни. Солдатские комитеты были ликвидированы, а вместо них появились политические отделы, во главе которых были назначены политические руководители, ответственные за моральный дух и политическое воспитание рядовых военнослужащих. Более того, прекрасно понимая, что среди большевиков нет профессиональных военных, Троцкий решил привлечь на командирские должности бывших офицеров царской армии. Правда, для обеспечения полного контроля над их действиями он прикрепил к ним политруков, наделенных широкими полномочиями, вплоть до расстрела в случае крайней необходимости.

Однако к последней мере прибегать приходилось редко. Как оказалось, многие офицеры старорежимной армии охотно перешли на службу в Красную Армию, так как были крайне недовольны тем хаосом, который, по их мнению, поразил некогда могущественную военную силу по вине предательской политики Временного правительства. Теперь же они приветствовали появление режима, который со всей серьезностью относился к восстановлению воинской дисциплины и укреплению военной мощи страны. Более того, некоторые из них считали, что новый режим оказался значительно эффективнее в деле защиты России от иностранной интервенции, чем царская власть, Временное правительство и белогвардейцы. Причем эти настроения усилились еще больше, когда в 1920 г. на территорию Советской России вступила Польша — ее традиционный враг. Генерал Брусилов, наиболее удачливый полководец старого режима и убежденный враг социализма, обратился к своим коллегам со следующими словами: «Забудьте о тех неприятностях, которые вам пришлось испытать.

Сейчас ваш долг всеми силами защищать нашу любимую Россию». В противном случае, подчеркнул он, «наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что из-за эгоистических чувств классовой борьбы мы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли родной русский народ и загубили свою матушку Россию».

Его слова были странным образом созвучны заявлению Карла Радека, секретаря Коммунистического Интернационала, что белогвардейцы пытаются подчинить Россию иностранным колонизаторам, а Красная Армия ведет «национальную борьбу за освобождение»³⁷.

Социальные и политические последствия Гражданской войны

На первый взгляд Гражданская война в России шла между двумя сторонами — белыми и красными. Однако на самом деле в этой войне было много других участников, оторванных от нормальной жизни революционными событиями и ставших жертвами расколота на мелкие фрагменты общества. Может быть, здесь вообще неуместно слово «общество», так как связи между отдельными его частями были нарушены, взаимная вера утрачена, а большинство людей были заняты проблемой выживания. Вся империя распалась на отдельные регионы и этнические группы, а порой и просто на отдельные селения, брошенные на произвол судьбы и обреченные на борьбу с враждебным внешним миром, которому они уже не могли доверять.

Горожане, в том числе и рабочие, находились далеко не в лучшем положении. Если раньше они всецело зависели от многочисленных и достаточно сложных связей, характерных для индустриального общества, то теперь превратились в небольшие изолированные группы, живущие в нищете, отапливающие жилище сломанной мебелью и обменивающие оставшееся добро на зерно, картофель и молоко, чтобы хоть как-то выжить. Писатель Евгений Замятин описывает Пет-

роград как город «ледников, мамонтов и пустынь», в котором «завернутые в шкуры, в пальто, в одеяла, в лохмотья — пещерные люди отступали из пещеры в пещеру»³⁸. А крестьяне, которые хоть и с трудом, но все же могли обеспечить себя продуктами, окончательно покинули рынки и старались производить не больше того, что им требовалось для поддержания жизни. При этом они не расставались с привезенным с фронта оружием и оказывали сопротивление всякий раз, когда какие-нибудь случайные власти посылали к ним вооруженные отряды для заготовки продовольствия. Впрочем, защита им нужна была не только от властей, но и от хищных и жестоких соседей.

Именно в таких сложных условиях разворачивались военные действия между белыми и красными. У красных были значительные стратегические преимущества, которые и привели их в конце концов к окончательной победе, несмотря на все ошибки. Они располагались в самом сердце России с многочисленным населением и главными промышленными городами, производящими оружие и боеприпасы. Разворачивая военное наступление из центральной части страны, их армии имели возможность поддерживать между собой связь, координировать действия и быстро перемещаться от одного фронта к другому. Белые же, напротив, дислоцировались на отдаленной, малонаселенной периферии бывшей империи, где не было крупных промышленных центров, и к тому же зачастую им приходилось иметь дело с людьми нерусского происхождения, которые им не всегда полностью доверяли. Кроме того, силы Белого движения были практически изолированы друг от друга и не могли эффективно координировать свои действия.

Их единственное преимущество заключалось в наличии большого количества квалифицированных офицеров старой армии да в финансовой поддержке союзников России по Первой мировой войне. Если бы у них было компетентное военное руководство, а также общая объединяющая их цель, они могли бы лучше использовать те моменты, когда в их руках оказались значительные ресурсы, как, например, когда Колчак захватил промышленные центры Урала или Деникин ов-

ладел огромным сельскохозяйственным регионом в черноземной полосе России.

Однако этого не случилось. Вожди Белого движения оказались совершенно неспособны соединить политические и военные аспекты своей борьбы, что само по себе является первостепенным делом в любой гражданской войне, исход которой во многом зависит от доверия местного населения. Тем более что красные немало потрудились, чтобы испортить отношения с населением, причем как с рабочими, так и с крестьянами, которые уже однажды оказали им поддержку. Так, например, зимой 1918—1919 гг. вспыхнули антибольшевистские народные волнения на Урале и в Поволжье, а в самом начале 1919 г. против них восстали возмущенные политикой «расказачивания» казаки Дона и доведенные до отчаяния жестоким обращением украинские крестьяне. В обоих случаях белые заняли эти территории, но быстро утратили доверие населения по причине собственной жестокости. Правда, проявленная ими по отношению к местным жителям жестокость была не столь методичной, однако не менее болезненной и разрушительной, чем у красных³⁹.

Вожди Белого движения не смогли воспользоваться оказавшимися в их распоряжении возможностями прежде всего потому, что унаследовали от старой армии глубоко укоренившееся недоверие к политике и политикам. Они верили, что их дело — возрождение Российской империи и уничтожение социализма — было настолько справедливым и благородным, что не требовало никакой агитации или пропаганды. Именно поэтому их политические декларации были запоздалыми и туманными, не рассчитанными на привлечение на свою сторону массового энтузиазма. Более того, они не проводили никаких различий между либеральными и социалистическими политиками, считая и тех и других либо евреями, либо прислужниками большевиков. Для них было совершенно безразлично, с кем они имеют дело — с кадетами или правыми и левыми эсерами. А ведь многие либералы могли бы присоединиться к ним в общей борьбе против большевизма.

Кроме того, они были серьезно ослаблены тем очевидным для них фактом, что монархия не пользуется популярно-

стью в народе. Династия Романовых действительно настолько дискредитировала себя к 1917 г., что лидеры Белого движения, вне зависимости от личных убеждений, так и не посмели написать на своих знаменах лозунг восстановления монархии. Парадоксально, но тем не менее именно большевики, то есть революционеры, а не белые консерваторы, вставали на защиту существующих государственных институтов, пользующихся народным доверием, — Советов.

Белые так и не удосужились образовать хотя бы некое подобие политической организации, которая могла бы поддержать их военные усилия. При этом многие белые офицеры имели фактически бóльшую свободу действий, чем красные комиссары. В отличие от Троцкого ни у Деникина, ни у Колчака не было сколько-нибудь продуманной программы террора, но оба они охотно прощали своим подчиненным многочисленные случаи жестокости, кровопролития и массовых убийств, которые проводились как в целях подавления сопротивления врагов, так и в личных интересах. Подконтрольная Колчаку Сибирь вскоре стала родиной «атаманщины», то есть правления алчных и ненасытных местных военных предводителей, которые возродили господствовавший в XVI в. дух казачества с характерными для него набегами на мирное население и его ограблением. А на Украине во времена Деникина пышным цветом расцвели антиеврейские погромы, в результате которых погибло более ста тысяч человек, — больше чем когда бы то ни было за всю российскую историю⁴⁰.

Имея перед собой таких врагов, большевики не испытывали особой надобности в союзниках и даже не нуждались в массовой поддержке народа. Бóльшую часть времени население страны укрывалось за оградой собственных местных интересов и молило Бога, чтобы центральные правительства, независимо от их политической принадлежности, оставили их в покое. И в таком поведении не было ничего странного; сама история подготовила их к этому.

Красные, несмотря на ту враждебность, которую они вызывали против себя, сумели воспользоваться сложившимися обстоятельствами и весьма эффективно задействовали как пропаганду, так и откровенное насилие, чего нельзя сказать об

их противниках. Кроме того, они имели на своей стороне рьяно верующих в социальную справедливость, различного рода утопистов из всех слоев общества, которые лелеяли вековую мечту о тысячелетнем царстве и были глубоко убеждены, что именно сейчас началась борьба за светлое будущее и спасение всего человечества.

Таким утопистом, безусловно, оказался Троцкий — единственный выдающийся военный деятель той поры как среди белых, так и среди красных. Будучи в большей степени теоретиком и прекрасным оратором, нежели организатором, он тем не менее заметно превосходил всех остальных способностью к эффективной мобилизации весьма скудных ресурсов в интересах победы. Получив в свое распоряжение специальный бронепоезд, он неустанно колесил от города к городу и от фронта к фронту, воодушевляя подчиненных и вселяя в них уверенность в победе. Взбираясь на импровизированную трибуну, с горящими и воспаленными от усталости глазами, он убеждал колеблющихся и внушал рабочим, крестьянам и солдатам мысль о судьбоносной коммунистической идее, ради которой стоит пожертвовать жизнью.

Поведение красных во время Гражданской войны определялось не только практическими потребностями, но и самой природой их идеологии. Намеренно подрывая всю внутреннюю торговлю, оставляя города и армию под угрозой голода, большевики были вынуждены прибегнуть к реквизиции продовольствия как к последнему средству спасения страны. С этой целью они повсюду создавали «комитеты бедноты», которые, с одной стороны, выполняли роль поставщиков информации о наличии продовольствия и местах его хранения, а с другой — обеспечивали всем операциям видимость законной борьбы с классовым врагом.

Вскоре стало ясно, что все эти комбеды крайне неэффективны и к тому же в высшей степени продажны, что и привело в конце концов к их роспуску. После этого все продовольственные реквизиции окончательно превратились в ничем не прикрытое насилие над сельскими производителями. Продотряды приезжали в ту или иную деревню, выбирали самый большой и ухоженный дом, изгоняли из него хозяина-кулака, а потом при-

казывали всем жителям деревни свозить во двор продовольствие по установленным заранее квотам. Те же крестьяне, кто не хотел или не мог выполнить предписанные поставки, подвергались тщательному обыску, в ходе которого часто взламывали полы и разбивали мебель. Если и эти меры не приводили к желаемому результату, крестьян порой избивали или подвергали аресту. Подобным же образом вооруженные отряды проводили тотальный контроль на всех дорогах и железнодорожных станциях, где часто задерживали крестьян и изымали продовольствие, которое они везли для продажи на близлежащие рынки⁴¹.

Поначалу крестьяне реагировали на все эти меры скорее пассивным сопротивлением, чем какими-либо активными действиями. Они предпочитали укрывать собранный урожай, а не кормить за свой счет горожан и армию. А жители одной из деревень в Орловской губернии вообще отгородили себя от внешнего мира рвами и заграждениями из колючей проволоки⁴².

Однако проводимая большевиками политика продразверстки была безжалостной и часто вызывала стихийные восстания, которые подавлялись с особой жестокостью, а участники карались смертью. Возмущенные крестьяне убегали в леса и создавали там вооруженные банды, получившие название «зеленых», поскольку они вели упорную борьбу как с красными, так и с белыми. Иногда они действовали независимо друг от друга, а иногда превращались в своеобразное вооруженное крыло местных крестьянских общин. В любом случае они вели себя так, как это веками делали партизанские отряды, то есть всячески избегали столкновений с большими армейскими подразделениями, но не упускали возможности расправиться с мелкими армейскими частями и прототрядами.

Все эти выступления постепенно нарастали в течение 1919 г. и достигли своего пика в 1920 и первой половине 1921 г., когда коммунистическая власть во многих южных и восточных областях страны ограничивалась лишь крупными городами да основными дорогами и железнодорожными станциями. На Украине же антигородские настроения среди крестьян часто сопровождалось усилением националистических идей, а некоторые вожди «зеленых» стали откровенно называть себя атаманами⁴³.

В других местах крестьяне создавали свои союзы для координации деятельности между гражданской администрацией и военными подразделениями, причем часто это делалось под непосредственным руководством местных лидеров партии эсеров, хотя Центральный комитет этой партии все еще не решался открыто поддержать вооруженные восстания против большевиков.

С осени 1920 г. разрозненное партизанское движение на юго-восточных окраинах европейской России, особенно вокруг Тамбова, на Дону и на Кубани, а также в Восточной Сибири стало постепенно обретать форму мощных крестьянских армий. В Восточной Сибири, например, «зеленые» захватили и в течение некоторого времени успешно удерживали главные города этого региона, такие, как Тобольск и Петропавловск, фактически отрезав их от остальной части Сибири. В других местах «зеленые» успешно удерживали власть только в деревнях и небольших городах.

Политическая цель крестьянского движения в 1920—1921 гг. была очень проста: отстоять привычный образ жизни от посягательств «комиссарократии», как они называли правление коммунистов, и при случае взять над ними реванш. Что же до более широких политических целей, выходящих за рамки района их непосредственного проживания, то они включали восстановление свободной торговли и право проведения свободных выборов в местные Советы. Однако политическая наивность и неподготовленность выражались в том, что некоторые крестьяне, с ностальгией вспоминая передел земли в 1917 г., на полном серьезе выдвигали лозунги «Долой коммунистов!» и «Да здравствуют большевики!»⁴⁴.

Влияние коммунистов в сельской местности было чрезвычайно слабым, поэтому свою главную задачу в условиях нарастающего сопротивления они видели в поиске надежных союзников среди крестьян. С этой целью они поставляли в покорившиеся деревни больше продовольствия и всячески запугивали крестьян как жестокостями партизанских отрядов, так и суровыми мерами со стороны государственных органов. В то же самое время они составляли списки участников партизанского движения и без колебаний применяли репрессии как

против них самих, так и против членов их семей. Те же деревни, которые продолжали укрывать партизан и снабжать их продовольствием, могли быть сожжены дотла⁴⁵.

В условиях хаоса и крайнего экстремизма Гражданской войны для деятельности более умеренных политических партий, особенно тех, кто не предлагал простые решения сложных проблем, как это делали красные и белые, не оставалось никакой возможности. И даже там, где они пользовались широкой популярностью в народе, они не могли преобразовать ее в соответствующий политический капитал.

Самой популярной и по-настоящему массовой партией, которая, вероятно, могла бы рассчитывать на полную победу при свободных и демократических выборах в годы Гражданской войны, была партия социалистов-революционеров. Но у эсеров не было вооруженной силы, а сама партия находилась в состоянии хронического раскола. Одна часть ее членов поддерживала большевиков как освободителей крестьян, а другая придерживалась мнения, что в стране нужно возродить институты гражданского общества посредством усиления роли земских организаций и кооперативов. Первые, которые поддержали большевиков зимой 1917—1918 гг., позже стали их заклятыми и наиболее последовательными противниками и всеми силами поддерживали антибольшевистские крестьянские восстания 1920—1921 гг. При этом активность большинства эсеров была парализована их явным нежеланием сражаться с большевиками под непосредственным руководством бывших царских генералов, которые некогда были их главными врагами. Именно поэтому они хотели образовать нечто вроде «третьей силы», но в условиях расколотой и социально поляризованной России для такой силы просто не было места⁴⁶.

Меньшевики тоже были расколоты на тех, кто считал большевиков хоть и грубой, обманутой и импульсивной, но все же в целом прогрессивной силой, и тех, кто рассматривал их как чудовищную историческую реакцию, несущую в себе угрозу цивилизации и демократии. Приверженные европейскому пониманию социал-демократии, которую, по их мнению, Ленин предал забвению, они отстранились как от большевист-

ских идеалов крестьянской демократии, так и от практикуемого ими террора. Однако только небольшая часть меньшевиков была готова развернуть вооруженную борьбу против своих бывших тожарищей, а основная масса беспомощно плыла по течению, ограничиваясь лишь временными контактами с рабочими, которые все больше и больше отдалялись от них.

В отдельных случаях рабочие отвечали пониманием и даже участвовали в мирном сопротивлении. В Петрограде, например, инакомыслящие меньшевики и рабочие активисты 1917 г. образовали Чрезвычайное собрание уполномоченных от заводов и фабрик, с помощью которого организовали ряд мирных выступлений и забастовок, хотя все их попытки провести всеобщую забастовку в Петрограде в июле 1918 г. закончились неудачей. Несмотря на это, к весне 1918 г. меньшевикам и эсерам удалось одержать победу на выборах в большинстве городских Советов, но они так и не смогли эффективно воспользоваться своими демократическими мандатами в условиях, когда хозяином жизни все чаще становился человек с ружьем⁴⁷.

В Туле в марте 1919 и июне 1920 г. забастовали рабочие оружейных заводов, возмущенные тем, что они получают нищенскую зарплату, в то время как красные комиссары купаются в роскоши. А рабочие локомотивного завода в Сормове объявили забастовку, потребовав от властей отмены всех привилегий коммунистам, восстановления свободных выборов в Советы и повторного созыва Учредительного собрания. Аналогичные требования были выдвинуты в июне 1919 г. рабочими Твери, которые, помимо всего прочего, выразили протест против планировавшегося властями призыва десяти процентов рабочих в Красную Армию.

Во всех случаях большевистские власти сначала вступали в переговоры с забастовщиками и даже делали некоторые уступки, а потом, расколов основную массу участников, подвергали зачинщиков арестам и высылке в отдаленные районы. Рабочие Астрахани в марте 1919 г. совершили нападение на губернский комитет Коммунистической партии, убили многих сотрудников и временно разоружили местное подразделение Красной Армии. Там репрессии против повстанцев были

наиболее жестокими: чекисты арестовали и казнили сотни рабочих, причем многих просто-напросто сбрасывали в Волгу с барж⁴⁸.

В 1920 г. правящий режим попытался поставить под непосредственный государственный контроль не только промышленность, но и сам труд рабочих. Для этого были созданы «трудовые армии», куда вошли еще не демобилизованные военнослужащие Красной Армии, связанные строгой воинской дисциплиной. А в ключевых отраслях экономики, таких как железнодорожный транспорт и производство вооружений, профсоюзы были заменены «политическими отделами». Уклонение от работы рассматривалось как дезертирство со всеми вытекающими отсюда последствиями, а продовольствие выдавалось трудящимся напрямую, бесплатно и в соответствии с установленным властями рационом. Бухарин по этому поводу заявил, что «милитаризация есть не что иное, как самоорганизация рабочего класса»⁴⁹.

А когда новый режим просуществовал более года и худшие времена Гражданской войны против белых и иностранной интервенции были уже позади, рабочее движение обрело более согласованные формы. Зимой 1920—1921 гг. торговая политика коммунистов и многочисленные крестьянские восстания достигли критического уровня, повсюду усилился голод — это время было особенно трудным. Фабрики и заводы закрывались в результате острой нехватки сырья, топлива и запасных частей. В феврале 1921 г. в Петрограде, Москве и многих провинциальных городах рабочие протестовали против таких закрытий и сокращения без того уже скудного пайка. Когда же в Петрограде уволили забастовщиков, их коллеги объявили новую забастовку, вышли на улицы и устроили митинги, во время которых изгнали всех присутствовавших большевиков. «Мы не видим в советских органах ни одного рабочего, — жаловался один из выступавших. — Там сидят одни только белоручки, которые разрушают веру в советскую власть». Как и в 1918 г., на таких митингах часто избирали собрания уполномоченных, которые объявляли всеобщие забастовки и при этом заявляли следующее: «Мы, представители заводов, фабрик и социалистических партий Петрограда,

несмотря на наши многочисленные разногласия, объединились на основе достижения следующих целей: свержение большевистской диктатуры, свободные выборы в Советы, свобода слова, печати и собраний для всех и немедленное освобождение всех политических заключенных»⁵⁰.

27 февраля эти требования поддержали команды военных кораблей Балтийского флота, пришвартовавшихся у причалов Кронштадта. Более того, как и в сентябре 1917 г., они образовали собственные военно-революционные комитеты, которые повторяли требования рабочих, но в некоторых пунктах пошли еще дальше, потребовав ликвидации «политотделов», снятия всех заградотрядов на дорогах, восстановления свободной торговли, уравнивания продовольственных поставок и созыва беспартийной конференции рабочих, красноармейцев и матросов»⁵¹. Все эти требования во многом напоминали требования восставших крестьян в Тамбовской и других губерниях России. На какое-то время Петроград снова стал центром массовых народных выступлений и революции крестьян, рабочих, солдат и матросов.

Однако на этот раз власти оказались более жестокими; но в то же время и более гибкими, умело сочетая репрессии с частичными уступками. Зиновьев, партийный руководитель города, мгновенно закрыл большинство заводов и фабрик и объявил в городе чрезвычайное положение. Вслед за этим в город были введены курсанты военных училищ Красной Армии, которые арестовали лидеров рабочего движения и разогнали бастующих. В то же время в город было направлено большое количество продовольствия и одежды, а Зиновьев тем временем заявил, что власти рассматривают вопрос об отмене продовольственных реквизиций.

Это было весьма своевременное решение. Не успело правительство разгромить рабочее движение, как вспыхнуло восстание матросов Балтийского флота с требованием немедленного проведения свободных выборов в Советы. Ленин тут же заявил, что это восстание явилось результатом «белогвардейского заговора», поддержанного из-за границы, и послал на усмирение матросов командарма Тухачевского с армией курсантов и войск специального назначения. Они подвергли Кронштадт массиро-

ванной бомбардировке, а потом перешли в атаку по замерзшему льду.

В этот самый момент начался Десятый съезд партии, но потом его работа была приостановлена ввиду того, что часть делегатов ушла на подавление Кронштадтского восстания. Сам же Ленин обозвал это народное антикоммунистическое восстание «мелкобуржуазной контрреволюцией» и предупредил делегатов съезда, что на самом деле оно «гораздо более опасное, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые»⁵².

Гражданская война оставила глубокий след в советском обществе. Она завершила разрушение старого строя, которое началось с революции 1917 г.; после этой войны в стране не осталось в узнаваемой форме ни единого старорежимного института власти или старого социального класса. Стало быть, победившие в этой войне могли создавать совершенно новые институты власти, причем используя любую силу, позволявшую им держать народ под контролем. Такой силой в стране стала Коммунистическая партия, которая самым серьезным образом изменилась в ходе Гражданской войны. Из партии оппозиционно настроенных интеллектуалов, всецело поглощенной непрекращающимися дебатами и открытой для влияния со стороны рабочего класса, крестьянства и солдатских масс, она стала партией власти. Ее чиновники среднего и низшего звена, вне зависимости от социального происхождения, в подавляющем большинстве были ветеранами Красной Армии, которые привыкли ходить в военной форме и шеголять своей мужской агрессивностью. Сама же партия уже перестала прислушиваться к голосу настоящих рабочих, крестьян и солдат, зачастую называя их «деклассированными или мелкобуржуазными элементами», а к дискуссиям относилась как к непозволительной роскоши. Партия видела себя полувоенным братством, окруженным молчаливым и не заслуживающим доверия населением, которое не понимало ее великие идеи⁵³.

Правда, далеко не все ленинские соратники были в восторге от такой партийной метаморфозы. Некоторые из них все еще тосковали по тем дням, когда в почете были открытые дискуссии и свободный обмен мнениями и когда прово-

дидлись честные и справедливые выборы партийных функционеров. К осени 1920 г. они образовали фракцию единомышленников под названием «Демократические централисты» («децисты»), которая выступила за возрождение внутрипартийной демократии. Другие же члены партии были весьма обеспокоены растущей отчужденностью рабочих от правящего режима, который к этому времени уже привык выступать от их имени. Они сформировали так называемую рабочую оппозицию и всячески распространяли свои предложения о создании экономики под непосредственным управлением профсоюзов.

Все эти проблемы обсуждались на Десятом съезде партии, многие делегаты которого все еще были заняты подавлением Кронштадтского мятежа. Ленин снова потребовал от делегатов прекратить споры, так как, по его мнению, коммунисты не могли позволить себе такую роскошь, как свободные дебаты, в чрезвычайных обстоятельствах. При этом он предложил две резолюции, одна из которых осуждала рабочую оппозицию как «анархо-синдикалистский уклон», а другая называлась «О единстве в партии» и предписывала «немедленно распустить все без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе группы... Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1917—1924 гг.). — М.: Политиздат, 1970. — Т. 2. — С. 220).

Настроения среди делегатов съезда оказались таковы, что обе эти резолюции были приняты подавляющим большинством голосов. Таким образом, партия окончательно заменила собой рабочий класс и предоставила своим вождям формальное право подавлять все серьезные дискуссии.

Поскольку все другие политические партии фактически прекратили к этому времени свое существование, решения съезда вручили коммунистическим вождям тотальную монополию над всей политической жизнью в стране. С тех пор это была партия, которая поставила перед собой задачу переделать Россию по своему образу и подобию. И как только это произошло, стало ясно, что социальная память России отнюдь не умерла вместе с институтами старого общества, что

древние обычаи личной зависимости и патронно-клиентных сетей демонстрируют завидную живучесть и способны быстро возродиться при благоприятных условиях однопартийного господства коммунистов и зависимости людей от власти. Вероятно, сама завершенность разрушительных процессов в стране вынуждала людей искать спасения в знакомых социальных формах, в которых они видели единственный источник стабильности в окружающем их хаотическом мире.

Взгляды большевиков по национальному вопросу

С самого начала советские вожди разрывались между классовым и национальным дискурсом. Разогнав Учредительное собрание, они заявили, что Советы представляют собой более высокую форму демократии, признав тем самым главенство класса над нацией. Но само по себе это еще не решало проблему. Большевики тогда еще не знали, как будут развиваться события, и при строительстве новой политической системы постоянно разрывались между идеалом международного пролетарского сообщества, все еще считая его своей конечной целью, и геополитическими императивами нового Российского государства, власть над которым оказалась уже сейчас в их руках.

Ленин в отличие от теоретиков австрийского марксизма Бауэра и Реннера не верил, что нации являются постоянными факторами международного порядка, как горы на фоне равнинного ландшафта. С другой стороны, он не признавал точку зрения Розы Люксембург, что после социалистической революции нации просто-напросто растворятся в международном сообществе пролетариата, как растворяется лед во время весеннего половодья. Он считал, что существование наций является важным фактором развития, особенно в этот сложный период, но в конце концов их роль должна сойти на нет. Кроме того, он с оптимизмом оценивал революционный потенциал наций, колонизированных в XIX в. В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) он пред-

видел, что будущая революция развернется не в одной-единственной стране, а в международном масштабе, и к тому же вместе с борьбой колониальных народов против империализма. Провозглашение большевиками права наций и народов Российской империи «на самоопределение» соответствовало этой картине.

Но как только большевики пришли к власти, перспективы национального развития стали выглядеть для них несколько иначе, что вполне естественно. Если раньше перед коммунистами стояла задача подготовки и проведения революции, то теперь им пришлось управлять многонациональным государством или по крайней мере делать вид, что они им управляют. Теперь их национальная политика должна была удовлетворять все конфликтующие стороны и сглаживать все противоречия. Все ранние дебаты по поводу конституционных отношений между различными нациями исходили из предпосылки, что решение национального вопроса должно происходить во всемирном масштабе и в рамках всемирного государства, включающего Германию, Польшу, Венгрию и так далее вплоть до Бразилии, Соединенных Штатов и Китая. Подобного рода теоретическая экспансия продолжала доминировать во всех дискуссиях, которые проходили в годы Гражданской войны и вдохновлялись установлением (правда, как оказалось, весьма недолговечным) советских республик в Баварии и Венгрии.

Поворотным моментом в этом смысле стала советско-польская война 1920 г. Она началась как оборонительная, но как только Красная Армия освободила Киев и стала продвигаться дальше на Запад, сменяя сопротивление своего давнего врага, Ленин тут же попытался превратить это наступление в военную кампанию по освобождению пролетариата всей Европы, начиная с Польши и продолжая дело освобождения на территории Германии, Венгрии и Румынии⁵⁴.

Однако его надежды на то, что польский пролетариат поднимется на борьбу при виде наступающей Красной Армии, оказались в высшей степени иллюзорными. Поляки увидели в ней уже давно знакомых захватчиков, но только в незнакомой для них униформе. В результате быстрое продвижение Красной Армии было приостановлено перед самой Варша-

вой, а потом началось столь же быстрое отступление, пока Россия не согласилась на мирный договор, в соответствии с которым Западная Украина и Западная Белоруссия переходили к Польше, а Литва обретала долгожданную независимость⁵⁵.

В течение последующих двух или трех лет стало совершенно очевидно, что дожидаться победоносных социалистических революций в Европе нет никакого смысла. В связи с этим приоритетной задачей становится всемерное укрепление новой Советской России. А это помимо всего прочего означало, что правительство должно всячески вовлекать в «революционный процесс» все нерусские нации страны, не допуская при этом слишком грубой русификации, которую Ленин всегда осуждал. Подразумевалось, что в ходе такого развития будут происходить модернизация экономики и подъем культурного уровня отсталых наций до определенной степени зрелости.

И если для этого «самоопределившиеся нации» должны получить некую свободу действий в рамках нового Российского государства, то и само государство должно стать федеративным. Ленин, однако, никогда не предполагал, что придется построить федеративное государство и такое государство совершенно не соответствовало большевистской сверхцентрализованной системе политического контроля. Тем более что федерализм оставлял без ответа еще один важный вопрос: кто в каждом конкретном случае будет осуществлять право наций на самоопределение, провозглашенное в качестве важнейшей цели Советского правительства? И если это будут местные национальные лидеры, то не будет ли это означать передачу реальной власти в руки «буржуазии»?

Для успешного решения всех этих проблем новый режим попытался создать соответствующий орган, и вскоре был образован Народный комиссариат национальностей (Наркомнац), в который были избраны представители от каждой признанной властью национальности. В его функции входило обеспечение постепенного вхождения всех нерусских национальностей в новую политическую систему, выполнение посреднической роли при разрешении всех возникающих между ними конфликтов и в конечном итоге установление за ними надежного контроля со стороны центральной власти.

Работа Наркомнаца была впечатляющей по своим масштабам, так как все проблемы будущего межнационального сосуществования оставались нерешенными. В числе прочих задач предстояло решить, какие нации составят в будущем единое Советское государство, где и как будут определены их границы, каким должен быть язык каждой из них, какую часть политической власти они должны получить и вообще какие отношения должны быть установлены между всеми нациями. Недавно открытые архивы коллегии Наркомнаца показывают, с какой серьезностью большевики и члены Наркомнаца относились к своим непосредственным обязанностям. Они проводили переписи населения и исторические исследования, составляли этнографические, географические и лингвистические обзоры, чтобы как можно более точно определить этнический состав и уровень национального развития территорий, над которыми осуществляло суверенитет молодое Советское государство⁵⁶.

Образование Советского Союза

Пытаясь решить все эти проблемы, советские лидеры прекрасно понимали, что русская революция была по своему характеру революцией социальной и одновременно национальной или, точнее сказать, социально-национальной; в ней тесно переплелись как национальные проблемы, так и социальные. Как мы уже видели, урбанизация, индустриализация и формирование единого общенационального рынка на основе единого административного управления начались еще при старой империи, но развивались неравномерно и хаотично, вовлекая тем не менее огромные массы нерусского населения в процесс модернизации. С тех пор общинные традиции, родовые связи и племенные отношения заметно ослабли, а то и вовсе исчезли. Определить степень вовлеченности людей в горизонтальные (классовые) или вертикальные (национальные) связи в каждом отдельно взятом регионе можно было только с помощью анализа долговременных традиций и текущих обстоятельств. Ради-

кальные политики постепенно разделились на тех, кто провозглашал приоритет международного пролетарского братства, и тех, кто выступал за межклассовую этническую солидарность. Что же до большинства простых людей, то их настроения во многом определялись тем, в чем они видели главные источники своего бедственного положения — в социальной эксплуатации или подавлении их стремления к собственной культуре и языку. В дальнейшем решение этих проблем неизбежно ставило вопрос о том, является ли та или иная этническая группа гомогенной или смешанной, обладает ли Красная Армия достаточной силой для подавления сопротивления и вовлечены ли в этот конфликт внешние силы — Германия, Турция или Великобритания⁵⁷.

В 1917—1922 г. различные национальности и регионы по-разному заявляли о своем новом политическом статусе. В Финляндии, к примеру, где большинство социальных классов и политических партий испытывало сильные антирусские настроения, все еще помня русификаторскую политику царского режима, провозглашение независимости в декабре 1917 г. привело к ожесточенным антибольшевистским погромам и белому террору. Причем жертвами террора стали многие финские рабочие и жители городов, которых часто считали «пятой колонной» России. Белый террор, в свою очередь, вызвал ответное красное восстание как русских, так и финнов, поддержанных Советской Россией с другой стороны границы. После заключения Брест-Литовского мира германские войска разгромили это восстание. Таким образом, Финляндия, несмотря на ожесточенные классовые конфликты, в конце концов добилась независимости от России⁵⁸.

Из трех Прибалтийских республик наиболее развитой рабочий класс и активная интеллигенция находились в Латвии и Эстонии. Благодаря высокому образовательному уровню народов националистические и социалистические политики привлекли чрезвычайно широкую аудиторию, с пониманием относившуюся к их идеям. Раскол между социалистами и националистами был глубоким и непримиримым. Во время выборов 1917 г. большевики получили значительное количество голосов. Однако за несколько месяцев большевистского правления их популярность резко упала, особенно в Эстонии, а с

приходом германской армии весной 1918 г. националисты быстро перехватили инициативу и тут же объявили о независимости от России.

В последующие годы Красная Армия была слишком занята более важными делами, чтобы попытаться вернуть утраченные позиции в Прибалтике. Этого не случилось даже после того, как германские войска шесть месяцев спустя покинули Прибалтийский регион. Таким образом, Эстония и Латвия обрели независимость для одного поколения и быстро сформировались в качестве парламентских республик⁵⁹.

В Литве в это время уровень образования крестьян был намного ниже, а в литовских городах преобладали поляки, евреи и русские. Именно по этой причине литовский национализм был развит гораздо меньше и оформился в качестве особого движения только после германской оккупации и образования марионеточного литовского государства в 1918 г. Вероятно, по этой же причине в Литве были относительно слабыми и классовые конфликты. Основная же борьба за Литву развернулась между Германией, восставшей Польшей и Советской Россией. Иногда ареной такой борьбы становилась и соседняя Белоруссия. После окончания советско-польской войны была образована независимая от России Литовская Республика, правда, в очень усеченном виде, поскольку многие территории, включая крупнейший литовский город Вильнюс и часть юго-западной территории, отошли к Польше.

Социальное и этническое положение Белоруссии во многом напоминало Литву, но ее судьба в 1917—1921 гг. сложилась совершенно иначе. Влияние России здесь было намного сильнее, а Красная Армия держала под контролем большие территории. В конце концов белорусские коммунисты образовали в 1920 г. Белорусскую Советскую Республику, отдельную не только от Литвы, но и от России. Вероятно, это произошло из-за того, что они хотели создать республику явно русскую, но не московскую⁶⁰.

На Украине национальная и социальная революции хаотично пересекались, породив в разных слоях общества многолетнюю вражду и непонимание. При этом постоянно тлеющие конфликты часто перерастали в кровопролитные столкновения. На-

ходившаяся в Киеве Рада, поддержанная интеллигенцией, сельскими кооператорами и бывшими офицерами императорской армии, созвала Украинский военный съезд, который провозгласил в ноябре 1917 г. образование независимой Украинской Народной Республики. Однако против этого сразу же выступило новое Советское правительство в Харькове, поддержанное жителями многих индустриальных городов Восточной Украины, где с давних пор проживало много русских рабочих. Здесь, как и в государствах Прибалтики, Красная Армия взяла на себя главную роль хранительницы российского влияния. В конце концов ей удалось захватить Киев, но в апреле 1918 г. Гражданская война в этом регионе была на некоторое время прервана германской оккупацией.

В течение последующих двух с половиной лет на территории Украины один за другим сменилось семь военно-политических режимов — германский оккупационный, российский коммунистический, украинский коммунистический, российский белогвардейский, украинский националистический, анархистский и польский оккупационный. К этому времени стало очевидно: если представители интеллектуальных кругов и торгового капитала склонялись на сторону украинских националистов, то рабочие и крестьяне тяготели скорее в другую сторону. Многие рабочие были русскими и евреями по национальности и поддерживали советский режим в Москве. Что же до крестьян, то их больше волновал земельный вопрос, а не проблемы национального строительства, и поэтому они с одинаковым вниманием присматривались как к местным большевикам, так и к анархистам, лидеры которых, как, например, Нестор Махно, постоянно подтверждали свое обещание наделить их землей. Именно по этой причине украинские националисты никогда не имели достаточно широкой поддержки в народных массах, чтобы консолидировать свое движение⁶¹.

Несмотря на то что украинцам так и не удалось образовать свое национальное государство, независимое от России, память о незабываемых днях национальной независимости в 1917—1921 гг. постоянно порождала глубоко укоренившиеся в национальном сознании мифы⁶². Причем этими настроени-

ями были охвачены даже украинские коммунисты, которые в 1920-е гг. добились от Москвы права на украинизацию общественной жизни, включая преподавание на украинском языке в начальных школах, а также требование знания этого языка при занятии любой общественно-политической должности.

Парижская мирная конференция передала Бессарабию Румынии, в границах которой она оставалась вплоть до 1940 г. В противовес этому Советское правительство образовало в 1924 г. Молдавскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (МАССР) со столицей в Тирасполе. Эта республика была выкроена из промышленно развитых районов юго-западной части Украины и восточного побережья Днестра. Намерения советских властей были вполне очевидны: образовать на этой территории румынско-советский анклав для дестабилизации самой Румынии, постоянной демонстрации советского образа жизни и преимуществ социалистического хозяйства перед жалкой судьбой рабочих и крестьян при «боярском» правлении⁶³.

На Кавказе ситуация была, как всегда, чрезвычайно сложной. Многочисленные народы этого региона были отделены друг от друга религиозными и экономическими интересами, а также разногласиями по поводу проходящих между ними границ и их отношениями с Россией и другими державами. Поначалу большевики поддержали попытку образовать некую федерацию между тремя крупнейшими национальными государствами — Грузией, Арменией и Азербайджаном, однако в мае 1918 г. она распалась, и власть в этих государствах перешла к национальным правительствам. При этом в каждом из них преобладали самые различные политические силы. В Грузии, например, доминировали меньшевики; в Армении господствовали дашнаки, а в Азербайджане власть захватили члены мусаватистской партии, сочетавшей признаки социализма и национализма. Кстати сказать, правление мусаватов было крайне неустойчивым и постоянно подвергалось давлению со стороны русских рабочих в Баку, которые олицетворяли собой и коммунистов, и русских колонизаторов.

Каждое независимое государство в той или иной степени зависело от внешних сил. Грузия изначально рассматривала в

качестве покровителя Германию, а после ее поражения в 1918 г. переключила внимание на Англию. Азербайджан традиционно тяготел к Османской империи. А Армения хотя и очень осторожно, но все же склонялась к своему традиционному защитнику — России, даже в лице белогвардейского генерала Деникина, которого многие рассматривали как проводника традиционного российского империализма, пусть и с некоторым недоверием.

После окончания мировой войны все эти государства либо не желали, либо были не в состоянии погружаться в трудноразрешимые проблемы Кавказского региона. Воспользовавшись этим обстоятельством и развязав себе руки, бакинские коммунисты решили сыграть на антиармянских чувствах азербайджанцев и поднять восстание. А Армения тем временем отчаянно пыталась восстановить собственную независимость в самых неподходящих для этого условиях. Армяне были почти полностью подавлены турецким нашествием, которое совпало по времени с антиармянским восстанием в Баку. Заполненное до предела нахлынувшими сюда беженцами и находившееся под постоянной угрозой блокады со стороны враждебных соседей, молодое государство оказалось не в состоянии наладить сколько-нибудь нормальную экономическую жизнь в стране. По решению Парижской мирной конференции турецкие провинции Восточной Анатолии должны были быть переданы Армении, но Турции удалось заручиться поддержкой Советской России и заблокировать выполнение этого решения. В апреле 1920 г. по соглашению с Турцией Красная Армия вторглась в Азербайджан и установила там Советскую власть, а в сентябре того же года турецкая армия при непосредственной поддержке Советской России вторглась в Армению. По условиям советско-турецкого договора спорные территории Нахичевань и Нагорный Карабах были переданы Азербайджану. Что же до Армении, то она стала Советской республикой, потеряв при этом часть своих территорий⁶⁴.

Грузия на какое-то время добилась большего успеха, чем ее соседи. Преобладавшие здесь меньшевики сумели убедить народ в том, что они являются выразителями интересов всех классов и вообще грузинского национализма, что позволило

им быстро встать на путь проведения широких социальных реформ. Большевиков же поддерживали в основном не грузины, а представители Абхазии и Осетии, которые опасались, что могут оказаться угнетенным меньшинством в грузинской мини-империи. К этому времени Ленин уже стал отдавать приоритет сохранению контроля над бывшими территориями старой Российской империи и именно поэтому в мае 1921 г. послал в Грузию Красную Армию с единственной целью — вернуть ее в рамки Советского государства⁶⁵.

Отношения между коммунизмом и исламом всегда были противоречивыми, хотя при первом рассмотрении между ними обнаруживается немало сходных черт. Оба были настроены антикапиталистически (например, отвергали ростовщичество и частную собственность на землю), оба свято верили в конечное исчезновение наций и всеобщее братство народов. Такое сходство с особой яркостью проявилось в течение 1917—1918 гг., поскольку Белое движение так и не смогло предложить мусульманам что-либо новое. 20 ноября 1917 г. Советское правительство опубликовало декларацию «К трудящимся мусульманам России и Востока», осудив в ней религиозное и национальное угнетение, которому они подвергались при царском режиме, и пообещав: «Отныне ваша вера и традиции, ваши национальные и культурные институты будут свободными и нерушимыми... Ваши права, как и права всех народов России, находятся под строгим контролем революции»⁶⁶.

Вскоре в Красной Армии были созданы мусульманские военные части под общим руководством татарина Мирсаида Султан-Галиева, и они сыграли большую роль в разгроме Колчака на Сибирском фронте. Одновременно была образована полуавтономная Мусульманская Коммунистическая партия, а внутри Наркомнаца появился Центральный мусульманский комиссариат, главой которого был назначен выдающийся татарский деятель Мулла-Нур Вахитов. Был также разработан план образования Татаро-Башкирской Республики, которая могла бы объединить большинство образованных и прогрессивно мыслящих мусульман России⁶⁷.

Однако в конечном итоге мусульмане и коммунисты совершенно по-разному представляли себе общечеловеческое

братство, которое должно было прийти на смену империализму и национализму. Мусульманская *умма* имела очень мало общего с «пролетарским интернационализмом». Более того, с самого начала возникло немало противоречий и по непосредственным проблемам. В Средней Азии большинство рабочих, в основном железнодорожники или текстильщики, были преимущественно русского происхождения. Как объяснял в свое время председатель Ташкентского съезда Советов: «Невозможно принимать мусульман в высшие органы революционной власти, потому что отношение местного населения к власти Советов является колеблющимся и к тому же это население не обладает какой-либо пролетарской организацией». А когда в феврале 1918 г. Мусульманский народный совет провозгласил в Коканде самоуправление Туркестана, туда сразу же была послана для подавления Красная Армия. Подобным же образом Казанский совет арестовал лидеров Мусульманского военного совета Поволжья⁶⁸.

Да и сами мусульмане были разделены на отдельные течения со своими собственными идеалами. Члены движения Джадид надеялись, что революция поможет им в деле модернизации и в воспитании сознательных граждан, распространит грамотность на местных языках, освободит женщин и создаст политические институты для более широкого участия людей в управлении страной. Сейчас же некоторые из них стали мечтать о создании панисламского государства, в то время как другие все больше склонялись к идее пантюркизма.

С другой стороны, многие мусульмане отвергали саму идею модернизации. Так называемые басмачи, как и антирусские повстанцы XIX в., опирались на идеи суфийских мюридов, как правило, принадлежавших к ордену Нагшбанди, что давало им возможность поддерживать тесные связи с горными народами Кавказа. Центром басмаческого движения была Ферганская долина, а его главная цель заключалась в изгнании из Туркестана всех русских и всех коммунистов⁶⁹. Надежды восставших достигли вершины в тот момент, когда в Туркестане появился бывший военный министр Османской империи Энвер Паша, провозгласивший себя «Верховным командующим воинами ислама, родственником Халифа и посланни-

ком самого пророка Мухаммеда». Его армия басмачей наряду с басмачами эмира Бухарского захватила на какое-то время город Душанбе и окружила Бухару. И даже после гибели в бою Энвера Паши басмаческое движение не прекратило существования, а продолжалось долгие годы в виде партизанского восстания⁷⁰.

В 1918 г., находясь на пике успеха, Мусульманская Коммунистическая партия, развивая свои собственные идеи, пришла к выводу, что необходимо строить мусульманское социалистическое государство, которое могло бы привлечь к себе всех мусульман Азии, ведущих справедливую борьбу с империализмом. Султан-Галиев провозглашал, что «национально-освободительное движение в мусульманских странах имеет характер социалистической революции». Они надеялись превратить Татаро-Башкирскую Республику в главный «очаг революции, искры которой будут распространяться по всей Азии». Для Ленина и Сталина мировая революция, окрашенная в мусульманские цвета и под исламскими знаменами, была откровенным вызовом и воспринималась как совершенно ненужный соперник. Чтобы предотвратить столь нежелательный ход событий, Мусульманская Коммунистическая партия была интегрирована в состав Российской Коммунистической партии, а ее отдельные военные формирования вошли в состав Красной Армии. В 1923 г. Султан-Галиев был арестован и обвинен в «национализме» и «антипартийной деятельности», став первым крупным коммунистическим деятелем, которому были предъявлены обвинения в преступных действиях⁷¹.

В Средней Азии, где мусульмане были более многочисленны, национальное строительство развивалось менее успешно, чем где бы то ни было в пределах бывшей Российской империи. Приход русских сопровождался ростом нового городского населения и способствовал появлению незнакомой производственной техники, но в остальном родоплеменные отношения остались в неприкосновенности, особенно в горных областях, степных районах и в районах пустынь, где каждое племя говорило на своем собственном диалекте. Местные жители старались держаться подальше от пришлых русских и в отдельных случаях пытались силой выдворить их из своих

родных мест. При этом обе стороны прекрасно осознавали существование значительных культурных различий, которые часто воспринимались как различия между мусульманами и христианами или по крайней мере между исламом и чуждым для этих мест европейским образом жизни⁷².

Как только в Средней Азии прочно установилась Советская власть, сразу же встал вопрос о формировании соответствующего административного аппарата. Многие местные политические лидеры склонялись к идее создания единой Центрально-Азиатской Республики, нового Туркестана, вокруг которого, вероятно, могло бы сформироваться в будущем пантюркистское или панисламское государство. Русские коммунисты выступили против этой идеи, и главным образом потому, что предполагаемое государство, несомненно, было бы мощной тюркско-исламской державой, достаточно сильной, чтобы представлять потенциальную угрозу для московских властей.

Альтернативой подобному развитию событий могло быть только образование ряда отдельных республик, каждая из которых представляла бы ту или иную отдельную нацию. Главной проблемой в реализации этого плана явилось слабое развитие национальных элементов и традиций в сельских районах Средней Азии. Но в городах и оазисах узбеки и таджики имели вполне развитые литературные языки и довольно сильное чувство национальной принадлежности, что во многом явилось результатом полувекового правления России. Взяв за основу эти регионы, Наркомнац решил, что наилучшим выходом из положения будет образование автономных республик на этнической основе и в рамках Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). К середине 1930 г. пять таких республик стали союзными: Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия и Таджикистан.

В определенном смысле народом, с которым новые коммунистические правители обошлись наихудшим образом, стали русские. Они имели свою собственную республику — РСФСР, однако значительную ее часть составляли поспешно сформированные и формально нерусские автономные образования. Такая ситуация преобладала в Сибири, Поволжье и к юго-востоку от Поволжья — в Средней Азии. Здесь Советское

правительство основало автономные республики (или области, в соответствии с размерами и важностью того или иного местного народа), присвоив им местные этнические названия, причем даже в тех случаях, когда местная нация находилась в меньшинстве или когда это встречало сопротивление проживавших там русских. Это поразительное свидетельство того предела, до которого сумело дойти в то время Советское правительство, проводившее политику пролетарского интернационализма и стремившееся любой ценой продемонстрировать принципиальный отход от политики старой Российской империи и российского шовинизма.

После долгой и скрупулезной работы Наркомнац выработал сложную и тщательно проверенную систему национальных отношений в стране. Нерусские национальные лидеры, даже коммунисты, приучились за короткий период национальной независимости не демонстрировать открытое подчинение Москве. Именно поэтому восемь национальных государств были первоначально признаны в качестве независимых советских социалистических республик: Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербайджан, Бухара, Хорезм (бывшая Хива) и Дальневосточная Республика. Советская Россия заключила с каждой из них двусторонние договоры, которые мало отличались друг от друга, но иногда подразумевали, что старшей все-таки будет Российская Республика. В любом случае никогда не вставал вопрос о подрыве влияния и руководящей роли Коммунистической партии. Все центральные комитеты национальных компартий оставались в безоговорочном подчинении Москве. Более того, в течение всего периода Гражданской войны центральные органы власти России, такие, например, как ВСНХ, Совет труда и обороны (который координировал все гражданские аспекты войны) и Революционный военный совет (Реввоенсовет — политический орган Красной Армии) осуществляли всю полноту власти по всей территории бывшей Российской империи и никогда не прекращали своей деятельности. Не первый раз в российской истории иностранные и внутренние дела были связаны воедино и не разделялись на отдельные виды деятельности.

Критический и во многом поворотный момент наступил в 1922 г., когда все номинально независимые советские республики подписали Союзный договор, который окончательно объединил их в единое федеративное государство. Вопрос же о сущности и названии подобной федерации все еще оставался спорным. Сталин, будучи народным комиссаром по национальным отношениям, считал, что новое государство должно называться Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой. Однако многим казалось, что это название подразумевает попытку реставрации старых имперских отношений под руководством России.

Ленин к этому времени уже потерял всякую надежду на скорую мировую революцию, но тем не менее хотел придать новому государству интернациональный характер и настаивал, чтобы принцип интернационализма был закреплен в самом названии федерации. Именно поэтому он предложил лишенное каких бы то ни было этнических и географических признаков название «Союз Советских Социалистических Республик».

Его разногласия со Сталиным стали еще более заметными после очередного конфликта на национальной почве. На этот раз речь шла о Грузии, родной республике Сталина. Грузия наряду с Арменией и Азербайджаном первоначально должна была войти в Закавказскую Федеративную Республику, но это предложение вызвало глубокое возмущение у грузинских коммунистов, которые требовали, чтобы их страна вошла в Советский Союз в качестве равноправной и отдельной республики наподобие Украины или Белоруссии. В ходе ожесточенного спора по этому поводу заместитель Сталина Серго Орджоникидзе применил физическую силу против одного из своих оппонентов. Сталин сделал все возможное, чтобы скрыть этот прискорбный факт, а Ленин, все же узнав об этом инциденте, еще больше утвердился в своих худших опасениях относительно неприглядных черт характера Сталина и откровенно заявил об этом в своем завещании.

В конце концов Ленину удалось сплотить вокруг себя противников сталинской идеи, и новое государство получило то название, которое он отстаивал. Это был федеративный союз

номинально независимых республик, объединенных на основе Конституции СССР от 1923 г. Однако на самом деле даже на формальном уровне у этой федерации было немало странных черт. Да и слово «федерация» практически не употреблялось в документе. Но самое главное заключалось в том, что функции центральных органов власти были чрезвычайно широки и подрывали устои даже формальной независимости. Они включали не только военные и дипломатические дела, но и экономику, правовую систему, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и другие важные сферы жизнедеятельности, обычно делегируемые центром субъектам федеративного государства. Более того, не было никаких гарантий, что и оставшиеся в их распоряжении функции будут осуществляться без вмешательства центральной власти⁷³. Фактически республикам оставили только вопросы культурного строительства и языковую политику, хотя и эти сферы деятельности, как мы увидим позже, окажутся чрезвычайно важными.

Значение революции

События 1917 г. самым решительным образом прервали развитие страны, которая хоть и с колебаниями и многочисленными отступлениями, но все же в течение полувека настойчиво начинала интегрировать огромные массы народа в политическую систему Российской империи. После революции этот интеграционный процесс был возобновлен и стал развиваться в новом, совершенно ином направлении.

Отмена крепостного права заметно оттолкнула крестьян от веками существовавшей системы патернализма и огосударственной личной власти со стороны их владельцев. При этом государство так и не заполнило образовавшийся вакуум новым институциональным содержанием, за исключением, возможно, ненавистных земских начальников. Таким образом, получилась какая-то крестьянская «невесомость», которая усугубилась резкими социальными переменами, постигшими их в следующие десятилетия: урбанизацией, индустриализацией, введением обя-

зательного начального образования и военной службы. Крестьяне оказались брошены в бурный водоворот российского общественного развития, не получив при этом никаких социальных и политических институтов, посредством которых они могли бы сформулировать, выразить и публично представить свои требования и чаяния. К тому же многие из них стали рабочими или солдатами, что еще больше дезориентировало их. Что до Православной церкви, то и она не сумела оказать моральную поддержку и стать духовной опорой людям, которые не могли самостоятельно справиться с переменой жизненного уклада.

В то же время быстро набирал силу процесс десакрализации российской монархии. Влияние царя на народ во многом опиралось на военную мощь и определялось его военными победами и героическими сражениями. Однако сокрушительные поражения в годы Крымской и Русско-японской войн заметно подорвали его репутацию защитника народа. А поражения на начальном этапе Первой мировой войны окончательно разрушили веру в способность империи отстаивать свои интересы на полях сражений. Кроме того, моральная основа монархии была значительно подорвана «кровавым воскресеньем» и коррумпированностью действий Распутина.

Неизбежным следствием всех этих изменений стало то, что во время революционного кризиса 1917 г., когда монархия была разрушена, крестьянско-солдатская идентификация с понятием «Россия» была ослаблена, а на ее месте появилось ощущение коллективной ответственности общины за жизнь родных и близких при безусловном отвержении всей европеизированной культуры российской аристократии, а заодно с ней и всей чуждой для них культуры городской интеллигенции. Отсюда берет начало исключительная жестокость и разрушительность революции, которая быстро перешла в фазу психопатологии и откровенной преступности. И тем не менее крестьяне постепенно восстанавливали законные формы общественной жизни и распределяли землю в соответствии со своим пониманием социальной справедливости.

Только большевики оказались способны восстановить контроль над элементарной жестокостью народной революции, да и то лишь с помощью таких же жестоких авторитарных и

диктаторских методов. Но они сделали и кое-что еще: закрепили в сознании людей примитивные уравнилельские принципы крестьян и рабочих и окрасили их в цвета тысячелетнего царства, которое должно явиться в результате «мировой революции» и «пролетарского интернационализма». И снова между крестьянской общиной и мечтами о международном братстве и солидарности не было больше ни «нации», ни «гражданского общества», ни каких-либо других ценностей, которые могли бы укрепить ответственность людей за свою судьбу. Таким парадоксальным и хрупким было основание нового послереволюционного общества⁷⁴.

11. Социальные преобразования и террор

Советский Союз как многонациональное государство

Если отвлечься от текста Советской Конституции 1923 г. и поразмыслить над другими реалиями, повлиявшими на образование нового государства, впечатление о русской гегемонии в этом государстве станет просто поразительным. Российская Республика (РСФСР) занимала 90 процентов территории и охватывала 72 процента населения СССР. Коммунистическая партия стала еще более централизованной, чем прежде, и в 1927 г. 65 процентов ее численности составляли русские¹. Кроме того, все союзные институты власти, такие, например, как Красная Армия, Чрезвычайная комиссия, ВСНХ и Госплан (государственные плановые органы), были расположены в Москве и полностью контролировались Коммунистической партией. Казалось бы, необходимы чрезвычайно надежные гарантии, чтобы удержать Россию от господства над Союзом в таких условиях, но их не было и в помине. Ленина вполне удовлетворяла форма Советской Конституции, но ее содержание скорее отвечало пожеланиям Сталина.

Однако, сколь это ни парадоксально, положение русских как ведущего этноса в сложившейся ситуации было далеко не удовлетворительным. Единственная из всех союзных республик, Россия не имела собственной столицы и республикан-

ской Коммунистической партии. Для примера можно привести любопытное сопоставление одного из исследователей, который сравнивал положение дел в СССР с коммунальной квартирой, где каждая республика имела свою отдельную комнату и только русские ютились в коридоре, на кухне, в ванной и других местах общего пользования. Они управляли всем жилищем и всем мешали, но своего места в нем не имели². Даже в большей степени, чем прежде, статус России как национального государства был размыт в многочисленных имперских институтах власти, а старые противоречия между национальными и интернациональными задачами серьезно обострились.

Чтобы добиться еще большей политической лояльности от местного населения, правящий режим взял на вооружение тактику «коренизации», в соответствии с которой национальными республиками должны править национальные кадры, естественно, обученные и подготовленные в Москве. Они должны были говорить от имени коренных народов и представлять их интересы в Наркомнаце и Коммунистической партии. С этой целью в 1920-е гг. власти всячески поощряли вступление в Коммунистическую партию нерусских. На Украине, к примеру, доля украинцев в партии увеличилась за период 1922—1932 гг. с 24 до 59 процентов, а в Белоруссии за тот же период — с 21 процента до 60³. Таким образом, советские власти активно снабжали нерусские народы страны, причем даже самые отсталые, кадрами для будущего национального строительства и создавали для них своеобразную конструкцию, из которой в будущем могло бы получиться полноценное национальное государство. И все это на бескрайних просторах бывшей Российской империи.

Такая тенденция углублялась еще и социально-экономической политикой правящего режима. Широкомасштабная урбанизация и индустриализация 1930-х гг. пришлось на тот период, когда начальное образование на местных языках существовало уже более десяти лет, а это означало, что в массе людей, которые хлынули в города, было немало тех, кто получил образование на родном языке и неплохо знал свою национальную культуру. Так, например, украинцы, переезжавшие в 1930—1950-е гг. из сельской местности в Харьков, Донецк и

Днепропетровск, как правило, не ассимилировались с доминирующей русскоязычной культурой. Скорее они стремились украинизировать эти города, в результате чего украинская нация впервые за всю свою историю получила достаточно прочную городскую основу. Подобным же образом складывалась ситуация и в Тбилиси, городе, где традиционно преобладало русское и армянское население. Он впервые стал преимущественно грузинским городом, а Баку — по-настоящему азербайджанским⁴.

Поскольку все эти социальные перемены не сопровождались какими-либо мерами по созданию эффективно работающих институтов гражданского общества, в некоторых национальных регионах произошла парадоксальная вещь. Консолидация национальных сил и местных политических структур стала происходить на основе укрепления традиционных родоплеменных отношений. Номенклатурная система (о которой будет сказано ниже) оказалась самой подходящей формой для усиления таких отношений и превращения их даже в более мощный фактор, чем раньше. Это было особенно характерно для республик Средней Азии и Кавказа, где родоплеменные отношения были повсеместными и весьма эффективными. В Казахстане, например, признавшие Советскую власть аулы продолжали управляться вождями родовых кланов, которые значительно укрепились в результате поддержки более мощного и централизованного государства⁵.

Будучи народным комиссаром по делам национальностей и позже Генеральным секретарем ЦК партии, Сталин всегда настаивал на огромном значении территории для того или иного народа. Именно поэтому каждый народ вплоть до самого маленького был одарен своей собственной территорией в форме «автономной» республики, края. Или даже района. Причем этот принцип был распространен даже на евреев, классически безземельный народ, давно уже не имевший своей территории. Им была предложена автономная область Биробиджан, что на границе с Китаем, куда, однако, они переселялись с большой неохотой. Даже когда «коренная нация» уступала по количеству другим этническим группам, проживавшим на той же территории, ее название закреплялось в названии административной

единицы. Так, например, в Мордовской Автономной Советской Социалистической Республике русские составляли около 60 процентов населения, а в Карелии и Бурятии — более половины⁶.

Альтернативой территориальным единицам могла бы быть только культурно-национальная автономия, как это предлагали в свое время австро-марксисты, но ее применение в Советском Союзе предполагало бы внедрение концепции индивидуальных гражданских прав, которую коммунисты всегда отвергали как ложную. Вместо этого Советское государство предложило миру своеобразную концепцию «этнического строительства», осуществление которой сопровождалось образованием наций на основе имеющегося этнического материала. С этой целью в каждый этнический район направлялись этнографы, которые собирали необходимые данные о состоянии национальных языков, религий, обычаев и традиций, национальной экономики, родоплеменных образований и так далее. А после этого они делали заключение о том, каким образом из этого «сырья» можно сконструировать нацию.

Ключевым фактором при этом был национальный язык. Чтобы сделать неграмотных или малограмотных людей объектом своей пропаганды и политического образования, советский режим вынужден был во что бы то ни стало обеспечить тому или иному народу письменность, иногда даже создавая ее на пустом месте. В лучшем случае приходилось выбирать один из наиболее доступных и приемлемых диалектов. Сделав выбор, власти неустанно заботились о том, чтобы этот язык широко использовался в процессе ликвидации безграмотности (ликбеза), в средствах массовой информации и национальной системе образования.

Конечно, доминирование национальных языков часто вызывало недовольство русского населения, которые считали оскорбительным для себя обучать своих детей «дворовым диалектам» и самим использовать эти языки в официальных документах. И тем не менее к концу 1920-х гг. специалисты идентифицировали 192 национальных языка, большинство из которых должно было получить свою грамматику и словари, чтобы в полной мере выполнять возложенные на них функции⁷.

В соответствии с отдаленными перспективами, обозначенными в марксистской теории, подобное национальное строительство должно носить временный характер. И все же бесспорным является тот факт, что Советское государство создало национальную структуру, плохо сообразующуюся с марксистской теорией и совершенно не отражавшую реальности существования смешанного этнического населения. А когда оказалось, что национальное строительство — явление отнюдь не временное, решения 1920-х гг. неожиданно обрели новое и судьбоносное значение.

Аномалии в национальной политике еще больше углубились в 1932 г., когда в стране были введены внутренние паспорта. В каждом удостоверении личности был выделен «пункт № 5»: национальность. Это означало, что каждый советский гражданин впредь будет идентифицирован и даже фиксирован по национальному признаку и в соответствии с этнической принадлежностью, так как изменить «пункт № 5» было совершенно невозможно. Только молодые люди в возрасте шестнадцати лет, впервые получавшие этот документ, имели право выбрать себе ту или иную национальность, и то лишь в том случае, если их родители имели различное национальное происхождение.

На практике с середины 1930-х гг. национальность человека стала иметь более важное значение, чем его социальное происхождение, и вскоре превратилась в серьезный фактор дискриминации и манипуляции при формировании кадровой политики. После принятия Конституции 1936 г. представители «бывших» социальных классов были полностью восстановлены в своих гражданских правах, включая право голосовать на выборах. А в обвинительных заключениях зловещий термин «классовый враг» стал постепенно заменяться не менее зловещим термином «враг народа», причем в последнем случае подчеркивалось принципиальное безразличие к классовому или национальному происхождению человека. В целом же, хотя и в разных местах по-разному, дискриминация в области образования, жилищных условий и приема на работу была в пользу коренного населения в союзных и автономных республиках, а до начала 1950-х гг. и лиц славянско-

го происхождения. Каждая союзная республика, таким образом, стремилась закрепить себя в качестве оплота для своей коренной нации (хотя социальное происхождение сохранялось в паспорте вплоть до 1974 г.)⁸.

Нерусские руководители не имели возможности действовать во всем по своему усмотрению. Местные кадры, безусловно, получали власть на местах, но все самые важные решения, касавшиеся их назначения и снятия, принимались в Москве. Экономика республик постепенно развивалась, но только в строгом соответствии с той линией, которая определялась Всесоюзным Госпланом и отвечала интересам Советского Союза в целом, а не потребностям коренного населения той или иной республики. А после перехода в 1928 г. к пятилетним планам национальная экономика республик все больше и больше управлялась прямыми директивными методами из Москвы.

Подобным же образом развивались национальные языки и культуры. Они даже создавались заново, но только в тех рамках, которые сохраняли и все больше подчеркивали преимущество русского языка и культуры вместе с российскими имперскими ценностями, навязываемыми местному населению в качестве непреложного и обязательного требования. На протяжении 1930-х гг. и еще больше после 1945 г. к русским царям уже относились не как к эксплуататорам народов, а как к создателям и хранителям великой державы, которая передала свое великое наследие Советскому Союзу. С 1938 г. все школы обязаны были преподавать русский язык не менее четырех часов в неделю независимо от родного языка, а в 1930-е гг. русский язык стал официальным языком обучения при получении среднего и высшего образования, за исключением Закавказских республик. Кроме того, все советские республики, опять же исключая Армению, Грузию и Азербайджан, вынуждены были перейти на кириллицу, что сразу же отрезало многие народы от прежней письменной культуры. Русский язык стал единственным языком командования в Красной Армии, а в 1938 г. все нерусские воинские подразделения были вообще распущены. С тех пор воинские части принципиально формировались из призывников, представлявших самые

различные национальности. Причем нельзя сказать, что все эти меры были навязаны исключительно сверху. Многие амбициозные люди из национальных республик не без оснований полагали, что хорошее знание русского языка поможет им быстро сделать карьеру и предоставит массу преимуществ при трудоустройстве в любой другой республике СССР⁹.

Сталин приветствовал эти перемены как триумф «интернационализма», однако большинство людей видели в этом проявление русификации. Правда, последняя точка зрения также является слишком упрощенной. В течение 1930-х гг. в стране были разрушены и многие основы русского национального самосознания: сельские общины, Православная церковь, выдающиеся произведения литературы и искусства. Если то, что делал Сталин, можно назвать русификацией, то это была русификация имперская, неороссийская и высокомерная не только по отношению к другим народам, но и по отношению к русской этнической культуре, угрожавшая самому ее существованию. Для Сталина все русские были всего лишь сырьем для строительства социалистической империи, а их язык и культура представляли ценность только с точки зрения сохранения и укрепления этой империи. В частности, они способствовали ассимиляции нерусских народов и превращению их в неотъемлемую часть империи. По крайней мере на обозримое будущее «интернационал» означал для него не весь мир, а многонациональный Советский Союз, в котором «великий русский народ» был первым среди равных.

Таким образом, русский национализм, который так старательно насаждал Сталин, был совершенно не таким, каким его признавало и исповедовало большинство дореволюционных русских националистов. Он неожиданно стал интернациональным, социалистическим и революционным, неразрывно связанным с наукой, техникой и индустрией, подкрепленным огромной военной мощью и поклонением Великому вождю народов.

И все же в нем осталась слабая тень старой русской этнической культуры, без которой новая имперская культура была бы лишена своей важнейшей сущности и той таинственной силы, вызывавшей потребность в поклонении и преданности власти. Так, например, советские люди называли Вторую мировую войну

Великой Отечественной, однако солдаты шли в бой под боевым кличем «За Сталина! За Родину!», и под словом «Родина» они понимали прежде всего «родную землю», родную деревню или город, где они родились и где остались их родители, что было прекрасно воспето замечательным русским поэтом Александром Твардовским. На самом деле эти два важнейших для русского человека понятия стали совершенно неразделимы: Родина вдохновляла русских на сражения, но она не могла бы выстоять одна, без военной и индустриальной мощи Отечества, или империи. Именно это и стало сущностью «советского патриотизма».

Итак, к концу 1930-х гг. стали обнаруживаться и быстро развиваться два противоречивых процесса одновременно. Нерусские народы СССР получили свою собственную территорию, язык, культуру и структуры административного управления. Но в то же время жестко централизованная партия, государственное планирование экономики и лихорадочный всплеск социальной мобильности населения неизбежно ослабляли национальные различия и способствовали формированию советско-русского мировоззрения. По сути дела, нерусские народы постепенно обретали самосознание, но при этом теряли суверенитет, что само по себе представляло весьма взрывоопасную смесь.

Революционная культура и «новый человек»

Апокалиптическая политика Ленина находилась в полном соответствии с духом его времени. Отчасти из-за слабости Православной церкви двадцать предреволюционных лет стали временем бурного религиозного и культурного эклектизма, весьма изобретательного, но в то же время совершенно недисциплинированного, в котором почти каждый человек, возжелавший серьезного к себе отношения, вынужден был провозглашать если не собственную революцию, то, во всяком случае, собственное откровение.

В этих условиях русская культура окончательно отошла от реализма и утилитаризма и в конце концов прибилась к тому

новому состоянию, которое называли «искусством для искусства». А главными его провозвестниками стали символисты. Однако вскоре обнаружилось, что все, чему так страстно поклонялись символисты, на самом деле было не автономным искусством, а еще более амбициозным проектом преобразования жизни в соответствии с новым и более глубоким проникновением в реальность. Решительно отвергая одностороннюю и слишком упрощенную эпистемологию (теорию познания) Чернышевского, символисты пришли к выводу, что ощущаемая материальная действительность — всего-навсего ворота в более глубокую духовную сущность, проникновение в которую является истинной задачей художника. Причем происходит это в результате не столько эстетического восприятия мира, сколько религиозного откровения. Владимир Соловьев, чьи идеи легли в основу мировоззрения символистов, считал, что искусство имеет своей целью примирение небесной благодати и земной жизни, чтобы в конце концов преобразовать действительность. Андрей Белый, один из ведущих символистов России, откровенно заявил о том, что «искусство при помощи мрамора, красок, слов создает жизнь Вечной Жены», а творчество, проведенное до конца, непосредственно переходит в религиозное творчество — в теургию¹⁰.

Для него революция была неотъемлемой частью этого процесса, трагической и противоречивой, но тем не менее совершенно неизбежной. «Акт революции двойствен, — писал он, — он — насильственен; он — свободен; он есть смерть старых форм; он — рождение новых»¹¹. В том же духе интерпретировал русскую революцию и поэт-символист Александр Блок, рассматривая ее в качестве нового скифского нашествия из глубины степей, которое должно было разрушить и очистить старое российское общество, а затем и всю европейскую цивилизацию. В своей последней поэме «Двенадцать» он изобразил петроградских красногвардейцев как библейских апостолов, во главе с самим Иисусом Христом.

Появившееся несколько позже поколение футуристов едко высмеивало символистов за их «мистицизм», но в своих более отдаленных перспективах они мало чем от них отличались и тоже считали, что отживающий старый мир переживает кризис,

который неизбежно приведет к вселенским потрясениям и рождению нового мира и нового человека. Владимир Маяковский, один из самых известных поэтов того поколения и убежденный в юные годы большевик, был абсолютно уверен, что революция станет грандиозной очистительной силой. Погруженные с головой в современную городскую жизнь с ее техникой, спортом и средствами массовой коммуникации, футуристы призывали «выбросить Пушкина, Достоевского, Толстого и всех других классиков» за борт «корабля современности» и обновить язык литературы различного рода неологизмами, извлеченными из чрева городской жизни. Искусство, таким образом, должно оживить саму жизнь и сделать возможным создание «нового человека»¹².

Коммунистические лидеры взяли на вооружение многое из подобных идей. Для них культура оказалась гораздо более важной сферой деятельности, чем для царей. Именно идея создания «нового человека», более гармоничного, более разностороннего и более сознательного, чем все предыдущие поколения, придавленные веками классово́й борьбы и разделения труда, придавала революции невероятную силу поступательного движения, а затем и обеспечила массовую поддержку новому Советскому государству. Вооруженный новейшей технологией и правильной теорией социальной революции, «новый советский человек» должен преобразовать природу и всецело приспособить ее для нужд человека. «Он укажет, где быть горам, а где расступиться, — писал в свое время Троцкий. — Изменит направление рек и создаст правила для океанов». И непременно соединит свои новаторские способности с лучшими качествами человека эпохи Возрождения. «Человек станет несравненно сильнее, умнее, тоньше; его тело — гармоничнее, движения ритмичнее, голос музыкальнее... Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гете, Маркса. Над этим кряжем будут подниматься новые вершины»¹³.

Отношения между этим сверхъестественным созидательным человеком и обществом, в котором он живет, разными коммунистическими мыслителями понимались по-разному. Большинство из них полагало, что и все общество станет настолько развитым и гармоничным, что человек будет только

рад подчинить все свои личные желания потребностям коллектива и добьется при этом еще больших возможностей для реализации своих творческих потенций. Алексей Гастев, директор Центрального института труда, пошел дальше в своих предположениях и высказал догадку, что новый человек будет полностью ассимилирован миром машин. У него будут «нервы из стали» и «мускулы, как стальные рельсы», а механизация пролетарской психологии достигнет таких рубежей, что новые люди станут анонимными единицами, «А, Б, С или 123, 456, лишенные души и других качеств старой личности, без эмоций и лирики, которые будут выражать свои чувства не посредством крика боли или радостного смеха, а посредством измерения кровяного давления»¹⁴.

Гастевский Центральный институт труда стал первым заведением, приступившим к «научному исследованию труда», в котором все производственные процессы были разбиты на поминутные компоненты, а люди так тесно вплетены в них, что даже самых простых, легко изучаемых жестов и движений, казалось, будет достаточно, чтобы максимально повысить производительность труда. Эта производственная модель, фактически копирувавшая систему Тейлора, впервые использованную на заводах Форда при сборке автомобилей в Детройте, вызвала у Ленина небывалый энтузиазм. Он увидел в ней важное средство резкого увеличения производительности труда в отсталой и неграмотной России¹⁵.

Первый эксперимент по внедрению новой культуры был предпринят так называемым Пролеткультом — Пролетарской культурно-образовательной ассоциацией, которая возникла в 1917 г. наряду со многими другими организациями рабочего класса. Ее теоретиком стал Александр Богданов, который безгранично верил, что пролетариат действительно может создать новую культуру, принципиальным образом отличающуюся от культуры старого аристократического и буржуазного мира. И случится это прежде всего потому, что образ жизни пролетариата, управляемого механическими процессами, а также его коллективистские традиции непременно выработают новое сознание. При этом искусство как «высшая и наиболее доступная форма организационной деятельности» сыграет главную

роль в процессе преобразования всего общества. Новаторская «организационная наука» Богданова, или «тектология», объединила искусство, науку и другие сферы познания в единый и высочайший пролетарский синтез¹⁶.

В 1917 г. только в Петрограде возникло около 150 рабочих кружков просветительского и культурного характера, в которых состояло около 100 тысяч членов. В основном это были рабочие кружки, организованные при заводских комитетах. Они включали хоровые коллективы, танцевальные ансамбли, драматические группы, кружки самообразования, группы политического просвещения и агитационные центры¹⁷. Как и многие другие рабочие организации, эти кружки с большим подозрением относились к действиям Временного правительства, а после Октября 1917 г. они, опираясь на свою самодостаточность, сохраняли определенную дистанцию как от Советского правительства, так и от Коммунистической партии. В последующие годы решительных преобразований они, вероятно, стали самыми многочисленными, самыми независимыми и самыми энергичными массовыми организациями. Членами местных организаций Пролеткульта обычно становились молодые люди, жаждавшие учиться и экспериментировать.

Интеллектуалы и рабочие общались друг с другом в организациях Пролеткульта на равных, чего никогда не случалось в предыдущие периоды российской истории. Семинары в Пролеткульте проводили такие хорошо известные деятели культуры, как кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, реформатор русского театра Константин Станиславский и писатели Евгений Замятин и Андрей Белый. А дух творческой активности этой организации можно без особого труда определить по названиям отдельных публикаций: «Заря будущего», «Железный мессия», «Машинный рай»¹⁸. Один пролетарский поэт призывал своих коллег «напрячь силы ума и тела... чтобы возрождение России распространилось по всему миру». А Павел Лебедев-Полянский, председатель Пролеткульта, пророчествовал, что «новая наука, искусство, литература и мораль, то есть новая пролетарская культура, зарождающаяся в рядах промышленного пролетариата, готовит нового человека с новой системой эмоций и верований». Таким образом, новая орга-

низация взяла на вооружение «производственное искусство», чтобы раз и навсегда покончить с «буржуазным» разделением на искусство и производство и использовать индустриальные приемы, чтобы привнести искусство в повседневную жизнь народа¹⁹.

Апогеем пролетарской культуры стал майский день 1920 г., когда в Петрограде прошло грандиозное представление «Мистерии освобожденного труда» с участием 4 тысяч актеров и в присутствии почти 30 тысяч зрителей. Причем в качестве актеров, помимо пролеткультовцев, были задействованы солдаты Красной Армии. По этому случаю весь город был превращен в театр под открытым небом. На подмостках перед зданием Фондовой биржи «капиталисты» в цилиндрах и фраках отплясывали цыганские танцы и канкан. Позади них виднелись золотые ворота, ведущие в царство равенства и братства, а внизу под звуки траурного марша Шопена уныло шествовали несчастные и обездоленные, которым был закрыт путь в рай. Спектакль состоял из нескольких актов, отражавших самые известные моменты всех народных революций в мировой истории, канонизированных культурными деятелями нового режима, — от восстания Спартака в Древнем Риме до русской революции 1905 г. В самом конце на Востоке появлялась красная заря нового мира, и угнетенные народные массы свергали своих угнетателей, штурмовали золотые ворота и широко распахивали вход в царство обетованное. Заканчивался спектакль всеобщим танцем вокруг Дерева Свободы, украшенного яркими огнями корабельных прожекторов, а оркестр в это время исполнял «Интернационал» в сопровождении мощных заводских гудков, сливавшихся в оглушительный хор по всему городу²⁰.

Разумеется, этот спектакль вряд ли можно назвать спонтанным. Он был тщательно продуман и осуществлен ведущими театральными режиссерами Петрограда. И в то же время Пролеткульт больше, чем какая бы то ни было постреволюционная организация, воплотил стихийное желание рабочего класса улучшить свою жизнь, а также выразил в универсальной форме потенциальный мессианский дух. Правда, Пролеткульт как организация так никогда и не разрешил неизбежного в

таких случаях противоречия между двумя этими целями. Более того, он не смог достаточно внятно объяснить, в чем, собственно, заключается его главная задача: в том, чтобы приучить рабочих к основам старой культуры или смело продолжать эксперименты по созданию новой. Несмотря на вызывающее отношение к властям, Пролеткульт практически полностью зависел от государственных субсидий. К зиме 1920—1921 гг. этот источник финансирования заметно иссяк. Впрочем, Ленина это не очень расстроило, так как он давно не испытывал никаких симпатий к независимым от партии организациям. В конце концов он настоял, чтобы Пролеткульт был строго подчинен Народному комиссариату просвещения (Наркомпросу) и его партийным ячейкам на местах. Большинство образовательных и агитационных функций передавались Агитпропу, агитационно-пропагандистским отделам партии, или отделу политического образования Наркомпроса под названием Главполитпросвет, которым заведовала жена Ленина Надежда Крупская²¹.

С потерей независимости из Пролеткульта ушел его новаторский дух. Все попытки создать совершенно особую пролетарскую культуру и воплотить в жизнь утопические проекты воодушевленных народных масс были брошены. Таким образом, был перекрыт важнейший источник революционного энтузиазма и народного творчества. Так называемые пролетарские писатели следующего десятилетия, объединенные в РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей) и аналогичные творческие союзы, были уже не пролетарскими и уж тем более не новаторскими. Их творческий метод все больше напоминал классический реализм XIX в.²²

Однако попытки разрушить барьеры между искусством и жизнью и тем самым соединить искусство с индустрией продолжались уже среди самих художников. Первая рабочая группа конструктивистов, оформившаяся в марте 1921 г., призывала художников «идти на заводы и фабрики, где производится настоящая плоть реальной жизни», чтобы «осуществить коммунистическое воплощение материальных структур». А Владимиру Татлину отдел изобразительных искусств Моссовета поручил соорудить памятник революции в соответствии с ленинским

планом монументальной пропаганды. Такие памятники должны были окружить рабочих архитектурными и скульптурными символами того самого нового общества, которое они призваны построить. В результате проект В. Татлина — Башня — стал самым поразительным среди ранних советских композиций, сочетавших в себе признаки модернизма, утопии и утилитаризма.

Модель Башни была выставлена на Восьмом Всероссийском съезде Советов в 1920 г., к этому времени монумент получил название «Памятник Третьему Интернационалу» (то есть памятник, который указывал скорее в будущее, чем в прошлое), а его демонстрация сопровождалась знаменитой речью Ленина, посвященной великой программе электрификации России. Монумент должен был соединять берега Невы и состоять из трех гигантских стеклянных объемов, охваченных двумя металлическими диагональными спиралями, взмывающими вверх до высоты Эйфелевой башни. Все три объема были задуманы вращающимися с разной скоростью. В основании монумента должен был находиться громадный куб, олицетворявший собой законодательные собрания Интернационала. Он совершал свой оборот за год. Центральная часть — пирамида — олицетворяла исполнительные и руководящие органы и совершала вращение в течение месяца, а самая верхняя часть — цилиндр — обращалась вокруг своей оси в течение суток и служила центром агитации и пропаганды. Таким образом, монумент должен был сочетать в себе эстетические и функциональные принципы в лучшем духе «производственного искусства». Сам Татлин говорил, что «железо олицетворяет силу воли пролетариата, а стекло означает чистоту его сознания и помыслов»²³.

Весьма символично, что этот монумент так и не был возведен. Отчасти это объясняется его непрактичностью в инженерном смысле, однако более вероятно, что во времена прагматичной и весьма прозаичной новой экономической политики (нэпа) мессианский дух Советской власти ослаб.

В театральном искусстве новаторские идеи попытался воплотить Всеволод Мейерхольд, создавший свою версию разрушения границ между искусством и реальной жизнью. Он всеми силами стремился освободиться от «театра Станиславского», который традиционно отгораживался от зрителей пространством

сцены и ее освещением. Мейерхольд попытался привнести на сцену элементы реальной жизни. Для него театр означал прежде всего цирковое действо, пространство волшебного мира с его скоморохами наподобие *commedia dell'arte*, музыкой и танцами в такой же степени, что и вербальным декламированием. При этом он всячески культивировал стиль ритмического движения тела, получившего название биомеханики, что, по его замыслу, должно было способствовать сочетанию гармонии и драматического эффекта. Будучи далек от мысли спровоцировать «свободный отказ от безверия», он самым тщательным образом «срывал маски» и привлекал внимание зрителя к искусственности драматического исполнения²⁴.

У отчаянных новаторов, Мейерхольда и Гастева, было нечто общее: прежде всего желание разрушить старые табу и преодолеть старые границы, извечно существовавшие между театром и жизнью, между теорией эстетики и производством — и все это, безусловно, в интересах созидания нового мира. Главным источником их вдохновения была не Коммунистическая партия, а мессианские ожидания тысячелетнего царства и иконоборческое стремление избавиться от предрассудков, владевшее умами интеллектуалов накануне и вскоре после революции²⁵.

Православная церковь

Октябрьская революция совпала по времени с самым выдающимся событием в истории Русской православной церкви за более чем два последних столетия. В то время, когда артиллерия обстреливала Москву, в Кремле заседал давно ожидавшийся Поместный собор, на котором было принято историческое решение о восстановлении патриаршества, ликвидированного более двухсот лет назад. Кроме того, присутствовавшие на этом Соборе обсуждали также вопрос о том, какое место должна занять Церковь в новой политической системе, лишенной покровительства царя.

Во время этих дебатов во второй раз были резко изменены правила игры. К власти пришел новый политический ре-

жим с мессианскими идеями тысячелетнего царства, но атеистический по своему характеру и решительно настроенный на разрушение и окончательную ликвидацию всех форм веры в Бога. В январе 1918 г. Советское правительство приняло декрет, эвфемистически названный «Об отделении Церкви от государства». В 1920-е гг. он был дополнен соответствующим законодательством. Этот декрет позволял экспроприировать все церковные земли без какой бы то ни было компенсации и лишал все религиозные организации их привычного юридического статуса. Любая религиозная община, состоявшая из более чем двадцати официально зарегистрированных взрослых верующих, могла по новому закону бесплатно арендовать церковные здания для осуществления религиозных обрядов, при условии бережного отношения к имуществу, и нанимать для этой цели «служителя культа». Все другие виды религиозной деятельности, включая образование, были строжайшим образом запрещены. Отныне любой священник был просто-напросто наемным работником, а не пастырем своего стада. Кроме того, Церковь лишалась возможности заниматься благотворительной деятельностью, общественными мероприятиями, устраивать публичные процессии и молитвенные собрания, изучать Библию и даже звонить в колокола во время церковной службы. Собственно говоря, за пределами храма и еженедельной церковной службы прихожане практически ничего не могли предпринимать, что заметно ограничило духовную и общинную жизнь православных верующих.

Новый патриарх Тихон очень резко отреагировал на первые декреты новой власти и предал анафеме атеистов и всех тех, кто принимал участие в насилии против невинных людей. Он не призывал верующих к вооруженному сопротивлению советскому режиму, но тем не менее в ходе Гражданской войны большевики относились к священникам как к своим заклятым врагам. К 1921 г. многие из них были арестованы и заключены в концентрационные лагеря или убиты, а около шестисот православных монастырей были закрыты²⁶.

Таким образом, Православная церковь перестала быть единой религиозной организацией, а патриарх Тихон был лишен какой бы то ни было возможности проводить свою политику

мирного сопротивления новой власти. Некоторые священнослужители благословляли вооруженное сопротивление большевикам, но это было либо в местах, контролируемых Белой гвардией, либо за рубежом. Так, в городе Карловцы в Югославии в 1921 г. эмигрантские священники на испех созванном Соборе призвали к свержению тирании коммунистов и восстановлению монархии.

Такие разногласия в период социальных потрясений позволили коммунистам представить Православную церковь в качестве своего противника, а также расколоть ее в целях полного подчинения своей власти. Кроме того, они всячески способствовали расколу Церкви внутри самой России. Разногласия в церковной среде, возникшие в период 1905—1907 гг., так и не преодоленные до конца, разгорелись с новой силой. Обновленцы, стремившиеся открыть епископат для белого духовенства и реформировать сам процесс литургии посредством перевода ее на современный русский язык, сформировали группу под названием «Живая Церковь», которая поставила перед собой задачу усиленной пропаганды своих взглядов и установления лояльных отношений с новым режимом. Некоторые из них даже считали, что коммунизм является современной формой учения Христа.

Страшный голод в Поволжье в 1921—1922 гг. предоставил правящему режиму возможность оказать большее давление на Православную церковь и тем самым усилить ее раскол. Патриарх Тихон хотел, чтобы церковь использовала оставленные ей ценные предметы нелитургического назначения для спасения голодающих, но при этом постоянно настаивал, что церковь сама должна распределять собранные деньги и продовольственные ресурсы. Однако коммунистические вожди всячески подталкивали «обновленцев» агитировать, чтобы это дело взяло под свой контроль государство и тем самым отмежеваться от тех, кого Троцкий называл «черносотенными священниками». Для этого они призывали собрать новый Собор и избрать новых иерархов Православной церкви²⁷.

Когда ГПУ (как стала называться ЧК) прислало своих агентов для конфискации церковного имущества, некоторые священнослужители оказали ожесточенное сопротивление, но

были арестованы и даже казнены, как, например, митрополит Петроградский Веньямин. Патриарх Тихон был посажен под домашний арест, и два священника-обновленца Александр Введенский и Владимир Красницкий явились к нему с целью убедить его в том, что он больше не может исполнять обязанности патриарха. Вскоре они образовали Высшую церковную администрацию во главе с обновленцем архиепископом Антонином, заявив, что инициатива эта исходила от самого патриарха Тихона. С помощью ГПУ новая администрация сумела получить контроль над многими приходами, назначив туда своих священников и приступив с их помощью к проведению намеченных реформ.

Разногласия в Церкви означали, что теперь центр противостояния переместился в приходы, получившие такую свободу действий, которой не имели в течение более чем двухсот лет. Они могли, например, избирать себе священников, но в конце концов оказалось, что обновленцам так и не удалось закрепить успех. Их реформы не получили широкой поддержки среди высших иерархов церкви и прихожан, особенно в сельской местности. Мера, которая встретила самое ожесточенное сопротивление, казалось бы, незначительная: принятие григорианского календаря (который даже Тихон готов был принять). Сельские жители опасались, что из-за нового календаря отпадут праздники некоторых святых. Приходские священники стали запугивать высших иерархов, что подобные реформы, вероятно, приведут к массовому исходу верующих в лоно старообрядческой церкви²⁸.

В конце концов правящий режим, находясь под впечатлением растущей мощи церковной оппозиции, отказался поддерживать обновленцев и вынужден был освободить патриарха Тихона, правда, при условии, что он выступит с заявлением в поддержку коммунистов. И он это сделал незадолго до своей смерти в марте 1925 г.

Коммунисты не позволили провести новый Поместный собор, чтобы избрать патриарху преемника, но его местоблюститель, митрополит Сергей, опубликовал по этому поводу даже более примиренческую декларацию. «Мы хотим быть православными, — писал он, — и в то же время сознавать Советский

Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз... сознается нами как удар, направленный в нас». Самоидентификация Православной церкви с «гражданской родиной», а не просто с Советским государством имела глубокий смысл и была тщательно продумана. Однако это не предотвратило дальнейшего раскола Церкви, поскольку отдельные священнослужители и общины отказались принимать даже такое сдержанное подчинение советскому порядку²⁹.

В середине и в конце 1920-х гг. борьба правящего режима с Православной церковью сфокусировалась на атеистической пропаганде и распространении светской культуры. С этой целью в 1925 г. была образована так называемая Лига безбожников (с 1929 г. — Воинствующих безбожников) с собственными журналами, газетами и другими агитационными материалами. Предполагалось, что атеистически настроенные агитаторы должны быть специальным образом подготовлены, чтобы знание литургии, Священного Писания и катехизиса помогло им разрушить аргументы верующих в многочисленных спорах на религиозные темы. Им вменялось в обязанность изобличать Церковь как угнетающую и эксплуатирующую народ организацию, обманывающую простых людей фальшивыми обещаниями и выманивающую у них деньги за свою службу. На местах воинствующие атеисты должны были открывать читальни и «красные уголки», способствовать местным жителям в ликвидации безграмотности и организовывать дискуссии и диспуты в целях всестороннего раскрытия преимуществ светского и научного мировоззрения³⁰.

Реакция на подобную агитацию была различной, особенно в небольших городах и деревнях. Молодые люди, главным образом те из них, кому довелось хоть немного поработать на промышленных предприятиях, отслужить в Красной Армии или очень хотелось отделиться от родителей и жить самостоятельно, относились к подобной агитации благосклонно. И все же в целом население отвергало пропаганду атеистов, относилось к ним враждебно или с подозрением, а сами атеисты были слишком неумелыми и плохо обученными, чтобы разрушить веками устоявшиеся религиозные представления

большинства верующих. Кроме того, многие из них сами были в прошлом верующими или даже священниками и именно поэтому так и не смогли полностью отречься от прежних религиозных форм. Иногда религиозные организации маскировались под различного рода артели, кооперативы или коллективные хозяйства, и таким образом их руководители получали официальную возможность принимать активное участие в деятельности сельских советов³¹.

В конце концов все попытки создать атеистическую контркультуру постепенно сошли на нет в удушающей атмосфере поспешно проводившихся сверху социальных перемен. Даже без атеистической пропаганды осталось мало места для деятельной веры.

Большинство новых промышленных окраин и рабочих поселков, выросших в годы первых пятилеток, не имели никаких церковных построек и храмов, куда могли бы отправиться немногочисленные верующие, а в сельской местности развернувшаяся коллективизация зачастую сопровождалась закрытием церквей и арестами приходских священников. Активисты атеистического движения снимали с церковных колоколен и звонниц колокола, ссылаясь на нужды промышленности и потребности в цветных металлах, реквизировали иконы и церковную утварь, опечатывали двери и готовили церковные здания для светских целей. Иногда в них открывались читальни, кинозалы, а многие просто превращали в складские помещения для местных колхозов. К 1939—1940 гг. в стране продолжали действовать не более пятисот церквей, что не превышает одного процента от дореволюционного времени. А в самой патриархии осталось четверо епископов и горстка обновленцев и сторонников антисергианской деноминации. Можно предположить, что за это время было арестовано и содержалось в тюрьмах и лагерях около 25—30 тысяч священнослужителей, причем многие из них были казнены в ходе репрессий 1930-х гг.³².

Даже непосредственно перед началом массовых репрессий 1930-х гг. православная культура простых россиян во многом покоилась больше на традиции, общинных порядках

и унаследованных от прежних времен обычаях, чем на сознательной вере, изучении Библии или личном убеждении. Коммунисты пришли к власти как раз в тот момент, когда у православных верующих только начала вырабатываться личная вера, основанная на изучении Священного Писания. Однако ураганный ветер социальных перемен и разгул атеистической пропаганды смел все писания, разрушил приходские общины и прервал вековые традиции, подорвав тем самым все основания для личной веры. Для большинства граждан это закончилось постепенным исчезновением религиозных убеждений, духовной дезориентацией или по крайней мере религиозным равнодушием. Но меньшинство в таких жестких условиях только укрепилось в вере и находило выход в тайном отправлении культа в сообществе с самыми верными и преданными единоверцами. Причем женщины оказались в лучшем положении и чаще сохраняли приверженность привычной вере, поскольку они гораздо реже делали карьеру в общественно-политической жизни.

В целом же дело церковной реформы в СССР погубила деятельность обновленцев, отчасти потому, что они имели постоянную связь с полицейским государством. Но самое главное: проведение истинной церковной реформы было практически невозможным в условиях повального равнодушия населения, с одной стороны, и жесткой приверженности традиционализму — с другой. Священнослужители, в первую очередь епископы, быстро стали, по существу, членами номенклатурной системы, которая оценивала достоинства того или иного из них в зависимости от его преданности правящему режиму и отсутствия у него истинно религиозного рвения. Таким образом, в результате вышеперечисленных причин, а также в силу того несомненного факта, что священники не исполняли никаких функций за пределами храма и ограничивались лишь еженедельной церковной службой, Православная церковь в конце концов превратилась в строго иерархическую и в высшей степени формальную организацию.

Новая экономическая политика

Во время проведения Десятого съезда партии, когда в Кронштадте полным ходом шло подавление мятежа, а в самой партии резко усилилась дисциплина, экономическая политика режима заметно ослабла. Немногие коммунисты приветствовали столь неожиданное отступление от прежних идеологических установок, но даже они прекрасно понимали, что без такого послабления просто не обойтись. Осадная экономика и государственная монополия полностью провалились. Промышленное производство составляло лишь пятую часть, а то и меньше, от уровня 1913 г., а производство железа и стали упало ниже пяти процентов. Большие города обезлюдели из-за острой нехватки продовольствия и работы, причем количество промышленных рабочих по сравнению с 1913 г. уменьшилось больше чем наполовину. Железные дороги были почти парализованы, перевозки осуществлялись только при доставке военных грузов. Сельское хозяйство находилось в лучшем положении, но и оно пребывало на грани краха. Многие сельскохозяйственные угодья не обрабатывались по несколько лет и пришли в полное запустение, домашний скот голодал, а лошадей давно уже реквизировали для военных нужд. Лишь малая часть урожая достигала городских рынков, да и то только благодаря так называемым мешочникам, которые на свой страх и риск преодолевали многочисленные блокпосты на дорогах, а потом взвинчивали цены на свою продукцию на городских базарах³³.

Все понимали, что каким-то образом нужно поднять производство и торговлю, чтобы доставить товары для простых людей. Ради этой цели и были восстановлены некоторые элементы рыночной экономики, вошедшие в программу новой экономической политики (нэп).

Реквизиции зерна прекратились, и вскоре их заменили продовольственным налогом, который был гораздо ниже и более предсказуем, чем грабительская политика последнего времени. Крестьянам снова позволили нанимать рабочую силу и арендовать землю. В то же время была легализована частная

розничная торговля и отменена нормированная система пайков. Крестьяне снова ощутили интерес к производству, так как это позволяло им продавать излишки продовольствия по разумным ценам на городских рынках и получать прибыль. А чтобы они могли купить необходимую промышленную продукцию, власти отменили все ограничения на частную розничную торговлю потребительскими товарами в городах.

В ноябре 1922 г. был открыт новый Государственный банк, который сразу же приступил к выпуску нового рубля (червонца), обеспеченного золотом и сбалансированным государственным бюджетом, хотя еще долгое время ходили и прежние обесцененные бумажные деньги. Все эти меры означали возрождение денежного рынка и биржи в стране³⁴.

Результатом такой политики явилось быстрое улучшение экономики и торговли, хотя это по-прежнему не нравилось очень многим коммунистам. Эмма Гольдман, иностранная социалистка, посетившая СССР в это время, вспоминала позже, что «магазины и лавки возникли буквально за одну ночь и были загадочным образом наполнены деликатесами, которых Россия не знала годами. На продажу было выставлено большое количество масла, сыра и мяса... А мужчины, женщины и дети с исхудавшими лицами и блестевшими от голода глазами толпились у витрин магазинов и тарасили глаза на это невиданное чудо. Все то, что еще вчера считалось предосудительной роскошью и было недоступно, теперь лежало перед ними и продавалось совершенно открыто и на законных основаниях»³⁵.

На улицах городов снова появились давно забытые базары, и на них могли открыто торговать сельские жители, которых еще вчера называли мешочниками и всячески преследовали. Повсеместно расцвела мелкая кустарная промышленность, а на улицах стали открываться небольшие частные кафе, зазывавшие прохожих яркими огнями и немислимыми ароматами вкусной еды. Наряду с этим стали открываться и публичные дома, что вызывало у некоторых товарищей возмущение. Частная торговля затронула все сферы жизни, не исключая даже самой интимной.

Однако оживление экономической жизни было отнюдь не повсеместным. В регионе Волги и Камы, в Западной Сибири и на Южной Украине крестьяне переживали далеко не лучшие времена. Эти районы были поражены неурожаем, и многие люди умирали от голода. Правительство предпочло прекратить всякое транспортное сообщение с этими районами, чтобы предотвратить распространение инфекционных заболеваний, и вместе с тем позволило образовать Общественный комитет по оказанию помощи голодающим (Помгол), который занимался распределением продовольствия, лекарств, одежды, инструментов, семян и других необходимых вещей, доставленных в страну из США по решению администрации президента Гувера. Несмотря на значительную международную помощь, в СССР от голода и недоедания умерло около пяти миллионов человек. Правящий режим с нескрываемым подозрением относился к работникам Помгола, иногда конфисковывал собранные ими продукты и в конце концов арестовал большинство членов этой организации³⁶.

В выполнении своих первоначальных целей (о дальнейшем их развитии инициаторы и не помышляли) новая экономическая политика оказалась весьма успешной. В главных отраслях промышленности — уголь, электричество, железо, сталь и машиностроение — к концу 1920-х гг. Советский Союз вплотную приблизился к уровню дореволюционного 1913 г. и даже стал превышать его³⁷.

Но в процессе экономического возрождения обнаружились и новые противоречия. Производство сельскохозяйственных товаров достигло уровня 1913 г. к середине 1920-х гг., но уровень товарности и развитие рынков не поднимались выше 60 процентов. Крестьяне по-прежнему предпочитали оставлять себе значительную часть выращенной продукции, причем не только для собственного потребления, но и для откорма скота, самоноварения и других нужд. Они были крайне разочарованы состоянием товарного рынка, где цены на промышленные товары намного превышали цены на продовольствие. Сельскохозяйственное производство в силу своего характера возродилось намного быстрее, чем крупная промышленность, и поэтому цены на его продукцию стали ниже, чем на промышленные товары.

К осени 1923 г. цены на промышленные изделия были в три раза выше по сравнению с продовольственными товарами, чем в 1913 г. Это был своеобразный «кризис ножниц цен». Во время Гражданской войны крестьяне вынуждены были полностью перейти на самообеспечение и поэтому сейчас отреагировали на «ножницы цен» не лучшей и более напряженной работой, которая позволила бы им больше заработать, а демонстративным уходом с городских рынков и почти полным отказом от промышленных товаров. Они по-прежнему не доверяли ни городскому населению, ни коммунистическому правительству и просто устали от порожденных ими экономических неурядиц. А города периодически испытывали острую нехватку продовольствия, причем даже тогда, когда голодные годы были уже позади.

В 1923 г. правительство вынуждено было отреагировать на возникший кризис установлением жесткого контроля над ценами на те промышленные товары, которые пользовались наибольшим спросом у сельских жителей, а в следующем году был возобновлен экспорт зерна, что само по себе привело к повышению цен на продовольствие. Таким образом, советский режим попытался восстановить равновесие торгового оборота между городом и селом в основном за счет городских потребителей. Результатом подобных мер стало более или менее благополучное развитие сельского хозяйства в последующие годы. Однако для долгосрочного экономического развития никаких условий создано не было, и у членов партии, кроме политических причин, появились дополнительные экономические основания для недовольства политикой нэпа.

Положение рабочих в условиях диктатуры пролетариата тоже оказалось далеко не самым лучшим. По мере восстановления экономического развития и формирования свободного рынка труда многие рабочие, нашедшие убежище в сельской местности, опять потянулись в города в поисках работы и заработка. Далеко не у всех эти поиски были успешными, поскольку желающих найти работу всегда было намного больше, чем рабочих мест. К концу 1926 г. безработных насчитывалось около миллиона человек. Но даже те, кому посчастливилось устроиться на работу, не были в восторге от своей жизни. Установленный ранее рабочий контроль на заводах и фабриках был к этому време-

ни полностью упразднен, и снова восстановились прежние отношения между работодателями и наемными рабочими. При энергичной поддержке Ленина новые хозяева жизни охотно восприняли принципы организации труда по Тейлору, что привело к дегуманизации не только самого труда, но и контроля трудящихся над своим рабочим временем. Иными словами, они оказались в тисках нового модифицированного капитализма и в условиях государственного контроля за ценами на промышленные товары, которые оставались низкими и тем самым определяли низкую заработную плату рабочих.

Особенно страдали при этом работающие женщины. Многие из них привыкли за годы войны к ответственному и довольно квалифицированному труду, но в условиях мирного времени их стали все чаще и чаще заменять рабочими-мужчинами, предпочтение которым отдавали не только работодатели, но и партийное руководство страны. Несмотря на всю риторику насчет всеобщего равенства, женщины всегда отодвигались на менее квалифицированную, менее надежную и соответственно менее оплачиваемую работу.

В еще более сложном положении оказались профсоюзы, поскольку им приходилось защищать интересы рабочих от посягательств своего же «рабочего» государства. Им было трудно проводить акции протеста, не говоря уже о всеобщей забастовке. Более того, рабочие очень скоро обнаружили, что в новом обществе их собственные организации находятся под угрозой. Производственные артели строились на коллективистских и уравнилельных принципах и поэтому, казалось бы, вполне соответствовали коммунистической идеологии. В то же время они были самоуправляемыми, ограниченными в своей деятельности местными рамками и зачастую имели под собой религиозную основу. А коммунистические работодатели, как, впрочем, и старые капиталисты, предпочитали иметь дело с индивидуальными рабочими, которым можно было навязать любые условия труда. К тому же артели всеми силами противились введению сдельной оплаты труда. Наконец терпение властей лопнуло, и в 1931 г. артельное производство было ликвидировано. Правда, отдельные организации продолжали существовать еще некоторое время и в конце концов

трансформировались в модные для того времени «бригады коммунистического труда»³⁸.

В то же время высококвалифицированные работники, администраторы и управляющие оказались в более благоприятном положении. Правящий режим остро нуждался в их лояльности, так как, кроме них, управлять национальной экономикой было практически некому. Именно поэтому Совнарком с самого начала стал проводить строгий учет специалистов и относился к ним как к самому ценному человеческому ресурсу. Большинство «буржуазных специалистов», со своей стороны, готово было работать на новый политический режим, поскольку он очевидно стремился восстановить на производстве соответствующий порядок и закон, серьезно относился к техническому развитию и насаждал рабочую дисциплину. Так, например, генерал В.Н. Ипатьев, ведущий инженер химической промышленности при старом режиме и человек крайне консервативных взглядов, согласился стать директором Государственного научно-технического института именно потому, что коммунисты, что бы там о них ни думали, «спасли страну от разгула анархии и по крайней мере на какое-то время сохранили интеллигенцию и материальные богатства страны»³⁹.

Это, конечно же, вовсе не означало, что «буржуазные специалисты» стали коммунистами. Исследования 1928 г. показывают, что из общего числа инженеров в советской промышленности только 138 были членами партии⁴⁰. И все же они становились частью новой элиты, а все их противоречия с новой властью заметно сглаживались на основе идеологии модифицированного российского имперского патриотизма. Отчасти благодаря им такой патриотизм постепенно стал работающей идеологией нового строя, которая уже заметно отличалась от идеологии теоретической.

Усилению тенденций русского патриотизма в рядах Коммунистической партии способствовало и осложнение международной обстановки. К 1923 г., когда было подавлено коммунистическое восстание в Гамбурге, стало совершенно ясно, что мировая революция откладывается на неопределенный срок, во всяком случае, в наиболее развитых странах Европы. Стало быть, все проблемы социалистического строительства Россия

должна будет решать собственными силами, без какой бы то ни было реальной помощи со стороны более развитых в экономическом отношении стран. На Четырнадцатой партийной конференции в 1925 г. Сталин добился принятия партией решения о принципиальной возможности построения социализма «в отдельно взятой стране», хотя и подвергся острой критике со стороны Троцкого за отказ от мировой революции. Однако последовавшее в 1927 г. поражение коммунистического восстания в Шанхае и Кантоне, казалось, полностью подтвердило правоту Сталина.

Тем не менее оставался один важный вопрос: как построить социализм в таких условиях? Ленин всегда исходил из предположения, что развитие современной индустриальной цивилизации в отсталой России будет во многом опираться на помощь более развитых стран Европы, которые, по его твердому убеждению, к тому времени тоже станут социалистическими. А где отсталой России взять те огромные средства и ресурсы, которые понадобятся ей для создания развитой экономики, да еще в условиях враждебного окружения капиталистических стран?

При решении этого важнейшего вопроса партия раскололась на две части. Одна группа во главе с Троцким предлагала, чтобы Советское государство приступило к осуществлению стремительной программы социалистической индустриализации, извлекая для этого финансовые средства из высоких налогов на частный сектор и всех так называемых нэпманов.

Вторая же группа, которую возглавил Бухарин, решительно возражала против такого подхода, доказывая, что подобные меры неизбежно приведут к обострению отношений между рабочими и крестьянами, что будет не просто глупо, но и чрезвычайно опасно, учитывая изолированность России в современном мире и ее осадное положение. Было бы намного разумнее, считал он, всемерно поощрять частный сектор и частных производителей, особенно в области сельского хозяйства. В этом случае будет развиваться общенациональный рынок и возрастет накопления жителей страны, которые и станут финансовой основой социалистического строительства. Бухарин признавал, что предлагаемый им путь будет гораздо

более медленным, но при этом гораздо более безопасным и надежным⁴¹.

Сталин поначалу поддержал Бухарина, но потом постепенно отошел от участия в этом споре и полностью сосредоточился на окончательном формировании партийного аппарата, который он контролировал в качестве Генерального секретаря. Большинство рядовых коммунистов тогда не понимали, что именно в этом аппарате зарождается самая что ни на есть настоящая власть, тем более в условиях, когда все другие политические партии, институты и социальные классы практически ликвидированы. Они охотно позволили Сталину собирать, классифицировать и подшивать личные дела коммунистов, не задумываясь о том, какая огромная сила кроется в этих бумажных делах. А он со временем стал использовать личные досье для выдвижения и продвижения по службе тех людей, которые поддерживали его, как правило, тех, которые вступили в партию во время Гражданской войны, и блокировал продвижение тех, кто находился в оппозиции его взглядам, принадлежал к старой гвардии и кто с самого начала принимал участие в подпольной борьбе против старого режима.

Партийный устав от 1919 г. постановил, что в любой организации при наличии не менее трех членов партии должна быть создана партийная ячейка, «обязанность которой заключается в усилении влияния партии по всем направлениям, проведении партийной политики в непартийных организациях и обеспечении контроля над деятельностью всех организаций и институтов». В 1922 г. отдел персональных назначений секретариата ЦК издал список 445 «центральных организаций и их местных отделов, персональные назначения и продвижения по службе в которых требуют специального одобрения Центрального Комитета РКП(б)»⁴². Ради полного выполнения этого решения Двенадцатый съезд партии в 1923 г. инструктировал все комитеты на всех уровнях, чтобы они составляли регулярные и самые современные списки работников, способных к выполнению особых заданий и готовых к продвижению в своей сфере деятельности.

Эти списки впоследствии были объединены со списками специалистов, составленными Совнаркомом, тщательно выверены секретариатом ЦК и в конце концов легли на стол

Сталину, который теперь мог контролировать все назначения на высшие и ответственные посты в государстве. Причем это касалось и тех постов, на которые обычно не назначали, а формально выбирали. Требования, предъявляемые к претендентам на тот или иной пост, были изложены Сталиным следующим образом: «...люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками. Вот почему... необходимо каждого работника изучать по косточкам». Так начала формироваться номенклатурная система, которая со временем превратилась в самую широкую и самую подконтрольную систему подбора кадров, какую только видел мир. Именно с ее помощью Центральный Комитет партии держал под строгим контролем весь правящий класс Советского Союза⁴³.

Ядро номенклатуры в первые годы Советской власти состояло из большевиков рабоче-крестьянского происхождения, в большинстве своем вступивших в партию в период между 1905 и 1917 гг. и познавших все тонкости подпольной борьбы, тюрьмы и изгнание. Они, как правило, принимали активное участие в революции и выполняли роль политических комиссаров в годы Гражданской войны. Такими были, например, Валериан Куйбышев, работавший в Поволжье, Лазарь Каганович (Поволжье и Средняя Азия), Серго Орджоникидзе (Закавказье) и Сергей Киров (Закавказье и позже Ленинград). Эти люди были сплочены крепкими связями и товарищескими узами, созревшими еще в годы революции и Гражданской войны, а получив назначение на высокий пост, они, как правило, предпочитали брать с собой уже хорошо знакомых и проверенных подчиненных. Сталин сознательно и целенаправленно продвигал этих товарищей, так как был по духу гораздо ближе к ним, чем к высоколобым и рафинированным интеллектуалам, окружавшим Ленина и Троцкого⁴⁴.

Теперь же Коммунистическая партия сама определяла, что такое класс, и создавала иерархию, при которой можно было разграничить его ступени. С началом так называемой коренизации, а позже — с введением внутренних паспортов и про-

писки подобная система позволяла определять место конкретного человека в зависимости от его национального происхождения. После смерти Ленина в партию по так называемому ленинскому призыву было принято большое количество рабочих, которые уже в следующее десятилетие превратились в сырье для формирования сталинской системы власти⁴⁵.

Первым признаком латентной власти при такой системе стало то, что Сталин использовал ее не только для победы над своими оппонентами, но и для морального подавления всех тех, кого считал соперниками и потенциальными противниками в борьбе за власть. Он использовал все рычаги назначения на тот или иной высокий пост, чтобы ослабить влияние Троцкого среди политических комиссаров, затем для ущемления сторонников Зиновьева в ленинградской партийной организации и Каменева — в московской. А когда Троцкий, Зиновьев и Каменев собрались вместе и сформировали объединенную оппозицию, Сталин тотчас же стал увольнять их сторонников и применять насилие для разгона их публичных митингов. Но и этого было мало. Он всячески пытался унижить соперников, навесив на них ярлык «левых уклонистов», откровенно заявляя о том, что они исказили наследие Ленина и всей партии. В конце концов Пятнадцатый съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. объявил их «фракцией» и исключил из членов Центрального Комитета.

Реакция изгнанных из руководящих органов партии была весьма показательной. Каменев, к примеру, продолжал считать свои взгляды правильными и постоянно повторял, что в «нормальной» политике рано или поздно должна появиться оппозиционная партия. Однако в условиях диктатуры пролетариата подобная оппозиция просто недопустима. «Мы считаем необходимым признать, — писал он своим единомышленникам, — что должны подчиниться решениям партии, какими бы тяжелыми они для нас ни были». И в итоге призвал их последовать его примеру⁴⁶. Таким образом, партия сохраняла свой тотальный контроль даже над инакомыслящими членами.

В течение следующих двух лет Сталин применил такую же тактику борьбы по отношению к Бухарину и его ближайшим сторонникам — руководителю профсоюзов Михаилу Томско-

му и председателю Совета народных комиссаров Алексею Рыкову (наследнику единственной официальной должности Ленина). На пленуме Центрального Комитета партии в ноябре 1929 г. они были осуждены как «правые уклонисты» и выведены из состава Политбюро.

Все эти внутривнутрипартийные дрязги и интриги происходили отнюдь не в вакууме. Речь шла о фундаментальных вопросах экономического развития страны. В 1928 г. острая нехватка продовольствия заставила принимать экстренные меры и искать выход из положения. Государственные закупки зерна были на четверть ниже уровня предыдущего года, и на сей раз правящий режим оказался не готов к решению этой проблемы путем оказания поддержки крестьянам и снижения цен на промышленные товары. Многие коммунисты считали, что кулакам и нэпманам, которые всеми силами стремились разрушить пролетарское государство, и так было сделано слишком много уступок за последнее время.

Продовольственный кризис сыграл на руку тем многочисленным коммунистам, которые считали, что настало время избавиться от компромиссов с классовыми врагами и вернуться на путь построения социалистического общества. Кризисная атмосфера возродила старые коммунистические идеи о тысячелетнем царстве свободы и справедливости. Партия объявила о частичном возврате к методам Гражданской войны. В связи с этим на Урале и в Сибири были закрыты все рынки и частная торговля. Крестьянам было предложено продавать излишки продовольствия государственным закупщикам по твердо фиксированным ценам. А для обеспечения этих мер в деревнях и селах снова появились специальные отряды, которые рыскали по дворам в поисках спрятанной продукции.

Первые результаты такой политики были вполне обнадеживающими. Удалось обнаружить большие запасы зерна, предназначенного для самогонварения, откорма скота или просто спрятанного до лучших времен. В государственных магазинах появилось кратковременное изобилие продовольствия, но в 1929 г. положение на продовольственном рынке резко ухудшилось. Узнав о том, что произошло на Урале, крестьяне просто-напросто сократили посевные работы, оставив себе лишь

небольшое количество урожая для поддержания жизни. Действительно, зачем производить то, что все равно будет конфисковано?

Государство ответило на эти меры так же, как и в 1918 г. По инициативе властей в деревнях снова появились комбеды, готовые «развязать классовую войну в деревне» и оказать всемерную помощь продовольственным отрядам в поисках укрытой продукции. В деревнях стали проводиться митинги, на которых все крестьяне делились на бедняков, середняков и кулаков, причем последние облагались чрезвычайно высокими налогами и были обязаны поставлять продовольствие.

Такая социальная конфронтация, несомненно, подрывала основу новой экономической политики, и именно поэтому Бухарин и его «правые» сторонники решительно выступили против подобных мер. При этом они часто цитировали Ленина и имели на это право. Ленин называл нэп «периодом передышки», но в последние годы жизни все чаще склонялся к мысли, что эта передышка может оказаться весьма продолжительной во времени, что это «всерьез и надолго». Он, разумеется, не отбросил в сторону конечную цель коллективизации сельского хозяйства, но в последние годы все чаще рекомендовал делать это постепенно, посредством создания и укрепления «цивилизованных кооперативов», преимущество которых над семейным и мелкотоварным хозяйством станет настолько очевидным, что крестьяне добровольно перейдут на новые формы хозяйствования⁴⁷. Уральско-сибирская кампания Сталина 1928—1929 гг. была первым сигналом об отказе правящего режима от этой долгосрочной политики и возврате к чрезвычайным методам военного времени.

Коллективизация сельского хозяйства

Реакция партии на нехватку зерна полностью изменила концепцию коллективизации. Теперь многие убедились, что ее надо проводить быстро, в сжатые сроки и в массовом порядке, чтобы раз и навсегда решить проблему обеспечения

страны продовольствием. Но позиции партии в деревне были чрезвычайно слабы. Она не имела там надежных агентов, с помощью которых можно было бы легко и просто выполнить эту задачу. С другой стороны, в деревне были достаточно сильные позиции Коммунистического союза молодежи, почти в четыре раза превосходившего по численности партию. Беда заключалась в том, что комсомольцы были не только молоды и неопытны, но и слишком нетерпеливы и горячи. В комсомол обычно вступали выходцы из бедных слоев населения, яростно настроенные против власти глав семейств и традиционного уклада сельского мира.

Единственная возможность использовать их таланты и способности заключалась в том, чтобы отбросить политику убеждения силой собственного примера и перейти к методам классовой борьбы в сельской местности. А для этого надо было послать в деревню большое количество наделенных всеми полномочиями работников из района, чтобы они руководили процессом на местах. Беднейшие крестьяне и комсомольцы должны были развернуть борьбу против зажиточных крестьян, объявив их кулаками, а потом методом угроз, лести и обмана убедить остальных в необходимости перехода в коллективные хозяйства (колхозы). Именно так рассуждали многие партийные секретари зимой 1929—1930 гг., ломая голову над выполнением возложенной на них миссии. «Лучше зайти слишком далеко, чем недостаточно далеко» — таков был главный лозунг момента⁴⁸.

При создании колхозов в сельской местности проще всего было бы отказаться от слишком долгих и малоэффективных разговоров, а просто собрать сельский сход и заставить всех крестьян подписать соответствующий документ. И коллективное хозяйство будет готово, пусть даже только на бумаге. Что же до кулаков, то их в колхозы не пускали, а их собственность подлежала конфискации в пользу коллектива. С этой целью по всем деревням и селам разъезжали полномочные представители, которые вместе с комсомольцами и местными активистами «инспектировали» дома зажиточных крестьян, срывали полы, вспарывали матрасы и крушили мебель в поисках спрятанного добра. Мебель и одежду часто грузили на телеги и увозили прочь, чтобы потом либо про-

дать, либо разделить между колхозниками. Впрочем, нередко самые ценные вещи доставались «инспекторам»⁴⁹.

Некоторые кулаки, с ужасом ожидая таких визитов, распродавали имущество и наиболее ценные вещи, забивали скот, доставали запасы самогонки и устраивали гулянку, не имея никаких перспектив на будущее. После этого они покидали свои дома, в которых веками жили их предки, и уходили в города в надежде найти хоть какую-то работу. Те же, кто замешкался и остался дома, были разорены, все их имущество было конфисковано в официальном порядке, а сами они были задержаны.

Всех кулаков разделили на три категории. Одни получали бросовые земли в соседнем районе, которые отказывались брать колхозы. Другим повезло меньше. Их называли злостными кулаками и поэтому с ними не церемонились: подвергали аресту и затем отправляли в ссылку. В лучшем случае они попадали на какую-нибудь стройку в большом городе, а в худшем оказывались в отдаленных и безлюдных районах Казахстана и Сибири, где вынуждены были возделывать пашню и обзаводиться новым хозяйством на пустующих и не всегда пригодных для этого землях. Многие начинали новую жизнь в мрачных, сырых, недостроенных бараках; некоторые вообще селились в землянках или палатках. Первая волна этой широкомасштабной операции продолжалась с января по апрель 1930 г. и охватила около 141 тысячи кулаков. Проходила она под непосредственным руководством ГПУ, агенты которого проводили аресты и обеспечивали заключенных транспортными средствами⁵⁰.

Некоторые из так называемых кулаков вовсе не были зажиточными, а их единственная вина заключалась в том, что они демонстративно отказывались вступать в колхоз. По словам одной школьной учительницы из Курской области, которую послали в поддержку этой кампании, многие арестованные были «обычными русскими крестьянами и крестьянками», которых подняли ночью с постели и приказали немедленно покинуть дом с минимальным количеством вещей и одежды. Односельчане с ужасом наблюдали за происходящим, плакали и рыдали им вслед. «Раскулаченных» грузили в товарные

вагоны для скота и строго-настрога запрещали покидать их до конечного пункта. «В вагонах — теснота, духота, вонь. Было нелепое распоряжение коменданта — людей из вагона не выпускать. Оправляться велели в ведро. В вагонах все вместе — девушки, дети, мужчины»⁵¹. Во время переезда погибло так много людей, что один современный российский историк счел возможным обвинить Советскую власть в геноциде⁵².

В то время еще никто не знал толком, каким образом должны быть организованы колхозы и какая часть домов, личного имущества, земли и личного труда должна быть коллективизирована. Но активисты предпочитали не задумываться об этом. В редакционных статьях газеты «Правда» им недвусмысленно намекали, что для достижения цели хороши даже самые крайние меры. Именно поэтому кое-кто стал настаивать, чтобы крестьяне отдали в коллективное пользование все, что у них было, не исключая даже мебели и одежды. Подобный подход к коллективизации вызвал у крестьян отчаянное сопротивление. При этом стали распространяться самые невероятные слухи — некоторые современники называли это «кулацким агитпропом», — что даже женщины станут «коллективной собственностью» и будут спать вместе с остальными колхозниками под одним «коллективным одеялом». Существовали и более реалистичные слухи о том, что отныне голод и нищета станут постоянным явлением и что очень скоро наступит день Антихриста. А в некоторых селах Северного Кавказа говорили, что по стране бродит человек, называющий себя Иисусом Христом и показывающий всем некий документ, в котором Дева Мария призывает всех верующих выйти из колхозов до наступления Судного дня. В других регионах страны также распространялись грозные предупреждения, что вступившим в колхоз будут ставить на лбу печать Антихриста, чтобы выделить и быстро распознать их во время Второго Пришествия Христа⁵³.

Такие апокалиптические настроения усиливались еще и тем, что коллективизация часто сопровождалась закрытием церквей и арестом приходских священников. В феврале 1930 г. агенты ГПУ докладывали, что в населенных пунктах Центрально-Черноземного района широко распространились слухи о том, что «все колхозники будут отмечены печатью дьявола,

а их жены перейдут в общественное пользование... все церкви будут закрыты, а колокола переплавлены на артиллерийские снаряды для будущей войны»⁵⁴.

Большинство комсомольцев были воинствующими атеистами, и в некоторых деревнях они сознательно нагнетали атмосферу антирелигиозного карнавала. Все начиналось с того, что они взбирались на колокольни и сбрасывали оттуда колокола, после чего отправляли их в города на переплавку «ради выполнения первого пятилетнего плана». Потом они принимались измываться над священниками, отнимали у них церковное облачение и торжественно маршировали в нем по селу или даже наряжали в него лошадей, ходили по улице с иконами в руках, после чего бросали их в кучу на базарной площади и поджигали. Причем иконы они отнимали у крестьян насильно, врываясь в их дома. Иногда им оказывали сопротивление. Так, например, в одной деревне в Брянской области крестьяне напали на активистов, которые пытались снять церковный колокол, когда же туда для разбирательства прибыла официальная комиссия, они и ее прогнали, угрожая вилами и косами. А в феврале 1930 г. в Астраханской области несколько сот пьяных крестьян, вооруженных вилами, топорами и дубинами, услышав колокольный звон, сбежались к сельскому Совету и окружили его в тот момент, когда там проходило заседание местных активистов, обсуждавших проблему борьбы с кулачеством. В результате шесть коммунистов, которые вышли к ним из здания сельсовета, были убиты или ранены⁵⁵.

Самым чувствительным моментом для многих крестьян была коллективизация домашнего скота. В таких случаях инициативу по оказанию сопротивления часто брали на себя женщины. Предполагая, что их, вероятно, не арестуют, они поднимали крик, звонили в колокола, собирали других женщин и вместе преграждали путь активистам, когда те пытались увести их коров. А если не успевали этого сделать, то потом часто собирались перед колхозным загонем и силой возвращали свое добро⁵⁶.

В Казахстане кампания по проведению коллективизации оказалась наиболее разрушительной, сочетаясь повсеместно с

не менее жестокой кампанией по насильственной ликвидации кочевого образа жизни и переходу к земледелию на огромных и потенциально плодородных землях. Большинство казахов относилось к земледелию как к совершенно чуждому и недостойному занятию, и вскоре после начала этой кампании многие из них оставили свои пастбища и перекочевали в Китай или в те отдаленные горные республики СССР, где еще сохранялись остатки кочевого скотоводства. Те же казахи, которые все-таки решились перейти к новому образу жизни, вскоре обнаружили, что семена плохие, орудий труда нет, да и земля для возделывания совершенно не подготовлена. Во многих районах нужно было создавать сложную систему ирригации и удобрять землю, чтобы она могла приносить урожай.

Результаты такой коллективизации были катастрофическими. Резко сократилось количество населения. Если в 1929 г. в этой республике было 1 223 000 хозяйств, то к 1938 г. их число уменьшилось до 565 000. При этом погибло, вероятно, около полутора миллионов человек. Количество крупного рогатого скота уменьшилось с 7,4 миллиона в 1929 г. до 1,6 миллиона в 1933 г., а количество овец — с 22 миллионов до 1,7 миллиона. Потери эти были настолько значительны, что полностью восстановить прежнее поголовье скота Казахстану удалось только в 1960-е гг.⁵⁷.

На Северном Кавказе, где кочевое скотоводство было привычным делом, раскулачивание сразу же спровоцировало ожесточенную реакцию собственников. Особенно когда дело дошло до коллективизации лошадей, которые издавна являлись символом мужественности горцев, их хозяйственной состоятельности и непременным атрибутом воина. Сразу же вспыхнули восстания в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Осетии, Кабарде, Балкарии и Карачае. Северокавказский военный округ выслал туда большую группу войск, состоявшую из четырех пехотных и трех артиллерийских дивизий, однако тогда им так и не удалось восстановить порядок. В отдельных районах власти сумели договориться о перемирии, пообещав горцам, что их лошади не будут национализированы, но во многих районах Северного Кавказа партизаны контролировали высокогорные земли до конца 1930-х гг. Согласно далеко не полным данным, около

2700 восставших погибли в этом регионе во время отчаянного сопротивления коллективизации⁵⁸.

Напуганное невообразимым хаосом, воцарившимся в деревне, руководство партии решило направить туда большое количество партийных кадров, которые могли бы заставить работать всю эту сложную систему. В ноябре 1929 г. по всей стране был объявлен призыв 25 тысяч наиболее сознательных рабочих и служащих для отправки в деревню. Этот призыв подчеркивал усиление классовой борьбы в деревне, направленной прежде всего против кулачества, и модернизацию сельскохозяйственного производства, чтобы в будущем обеспечить население страны продовольствием.

Призыв нашел широкий отклик: в течение нескольких недель более 70 тысяч рабочих подали заявки на участие в этой кампании, а к ранней весне 1930 г. из этого числа было отобрано около 27 тысяч человек, которые прошли краткосрочные курсы подготовки и были немедленно отправлены в сельские районы⁵⁹.

Один из них, Лев Копелев, так вспоминал о тех идеалах, которые вдохновляли его тогда: «Сталин сказал: борьба за хлеб — борьба за социализм. Я был убежден, что мы — бойцы невидимого фронта, воюем против кулацкого саботажа за хлеб, который необходим для страны, для пятилетки. Прежде всего — за хлеб, но еще и за души тех крестьян, которые закоснели в несознательности, в невежестве, поддаются вражеской агитации, не понимают великой правды коммунизма...»⁶⁰.

Большинство активных участников этой кампании были опытными и квалифицированными рабочими, членами партии или комсомола, а некоторые не без гордости вспоминали ужасы Гражданской войны и массовых реквизиций зерна. На этот раз они были полны решимости во что бы то ни стало победить на «хлебном фронте» и тем самым обеспечить победу социализма в сельской местности. На заводах и фабриках их провожали цветами и под звуки духовых оркестров, но на местах встречали без особого энтузиазма. Они прибыли в деревню в конце зимы 1930 г., в самый разгар хаоса и неразберихи. Местное руководство встречало их довольно равнодушно, а

иногда и с нескрываемой враждебностью. Многие двадцатипятидесятники неожиданно обнаружили, что жить им практически негде, да и продовольственных карточек для них зачастую не находилось. Порой приходилось выслушивать ехидные замечания, что они, мол, могут сами доить коров и чистить конюшни. И только постепенно, спустя какое-то время и во многом благодаря решительному вмешательству партийных органов, самые находчивые смогли основательно осесть на новом месте.

Надо сказать, что у местного руководства были весьма серьезные основания испытывать подозрительность к посланцам из города, так как некоторые из них должны были вытеснить или заменить их самих. Многие двадцатипятидесятники заняли руководящие места в сельских Советах, стали председателями колхозов, пробились в районную администрацию или заняли ответственные посты в государственных органах, занимавшихся созданием колхозов (колхозцентрах). Кроме того, они должны были активно проводить исходившую из центра более умеренную политику коллективизации, исправляя те опустошительные перегибы, которым подверглась деревня зимой 1929—1930 гг. Другими словами, они должны были навести порядок в деревне, обеспечить нормальное проведение посевной кампании, превратить «бумажные» колхозы в настоящие и приучить колхозных крестьян к новому и во многом непривычному для них режиму работы. Люди привыкли работать на своей земле, сами определять себе распорядок дня, начиная и заканчивая работу тогда, когда считали нужным. Теперь же им приходилось делать все по свистку, по команде начальника и, собрав инвентарь, отправляться на поле целыми бригадами, а не поодиночке. Крестьяне, которые привыкли к непринужденным словопрениям сельского схода и его принципам взаимопонимания, пришли в недоумение от формальных методов принятия решений на колхозных собраниях и риторических речей нового руководства⁶¹.

Хаос коллективизации значительно усугубился засушливым летом 1931 г., что привело к крайне низкому урожаю зерновых. На следующий год, как только из сельских регионов стала поступать информация о неблагоприятном положе-

нии дел с заготовками зерновых, Сталин выступил против предложений о прекращении экспорта зерна, ссылаясь на то, что прекращение поставок зерна за границу может подорвать кредитоспособность Советского Союза. Вместо этого он приказал разослать инструкции о более бережном отношении к собранному урожаю и об увеличении продовольственных поставок. В селах, не выполнивших эти поставки, закрывали кооперативные магазины и прекращали розничную торговлю. Индивидуальные производители, которых уличили в сокрытии зерна, а также нерадивые председатели колхозов, ответственные за плохую работу своих хозяйств, подвергались самому суровому наказанию, включая аресты, осуждение на срок от пяти до десяти лет лагерных работ, высылку в отдаленные районы страны или даже расстрел за особо тяжкие преступления. Закон от 7 августа 1932 г. позволял приговаривать к высшей мере наказания любого человека, который воровал «коллективную или кооперативную собственность». Это чем-то напоминало жестокие законы Англии XVIII в., когда людей вешали за воровство овец. Для строгого выполнения этого закона и соответствующих инструкций в наиболее важные сельскохозяйственные районы посылались специальные представители правительства, наделенные особыми полномочиями. Когда Р. Терехов, секретарь харьковской парторганизации, предупредил, что Украина находится на грани голода, Сталин ответил, что тот «сочиняет сказки», и с циничным юмором посоветовал ему вступить в Союз писателей⁶².

И тем не менее Терехов был прав. В самых продуктивных сельскохозяйственных регионах страны — на Украине, на Кубани, в Западной Сибири и в Поволжье — люди стали умирать от голода. Все их зерно и другое продовольствие изымалось в пользу государства, городских жителей и Красной Армии, а в деревнях люди ели траву, ветки и листья деревьев, воробьев, кошек, собак, крыс, а иногда дело доходило даже до каннибализма. В Западной Сибири врач, инспектировавший этот регион, сообщал, что однажды в обеденное время посетил одну крестьянскую семью и увидел «на столе... обглоданные кости мертвой лошади», а по соседству крестьяне «варили стебли подсолнухов, конопляные и льняные семена, картофельные

очистки... Их дома были грязными, а во дворах повсюду виднелись отходы человеческие как результат массовых кишечных заболеваний. Люди бродили по улицам, как призраки, молчаливые, опустошенные... Редко можно было встретить хоть какое-то животное. Вся живность в деревнях уже была съедена»⁶³.

В отличие от голода 1921—1922 гг. этот так и остался неизвестным большинству граждан страны, поскольку власти очень не хотели подрывать веру людей в успех первого пятилетнего плана. Голодающие крестьяне, пытавшиеся прорваться в города в поисках работы и пищи, были отогнаны заградительными отрядами, а иностранных корреспондентов вообще держали подальше от пораженных голодом районов. По некоторым подсчетам, общее число погибших от голода людей составило от четырех до пяти миллионов⁶⁴.

Подводя итоги, в классовом противостоянии двадцатипятилетия можно без труда обнаружить столкновение двух миров: городского и сельского. Причем и тот и другой были порождением российской истории, которая свела их воедино в последней апокалиптической схватке не на жизнь, а на смерть. Ни одна из сторон не могла одержать верх в этой беспощадной борьбе, и именно поэтому она должна была закончиться своеобразным компромиссом. В конечном итоге победа не досталась ни принципу коллективизма, ни принципу индивидуализма. Крестьяне вынуждены были подчиниться восторжествовавшей власти, однако партийному руководству тоже пришлось признать, что оно не в силах контролировать все аспекты сельской жизни. Когда в 1935 г. был опубликован Колхозный устав, в нем указывалось, что трудовая деятельность колхозников должна быть организована в форме коллективных бригад и оплата труда должна производиться в соответствии с «трудоднями» каждого колхозника. В то же время крестьянам позволялось содержать небольшое приусадебное хозяйство и небольшое количество домашних животных, включая коров, а также предоставлялось право торговать излишками продуктов на городских рынках. Без таких уступок индивидуальному хозяйству власти не смогли бы окончательно решить продовольствен-

ную проблему в городах. На этой основе и был достигнут «modus vivendi» (способ сосуществования) между партией и крестьянством⁶⁵.

Первые пятилетки

Коммунисты всегда пребывали в уверенности, что социалистическое общество должно быть высокоразвитым в промышленном отношении, а все средства производства должны принадлежать народному государству. Первые шаги в создании такого общества были сделаны вскоре после революции. В 1918 г. с этой целью был создан ВСНХ, а в 1921 г. к нему прибавился Госплан, который с самого начала приступил к сбору и обработке статистической информации о состоянии национальной экономики и выработке перспективных планов на будущее. Каждый год Госплан издавал так называемые контрольные цифры, пытаясь предсказать производство продукции на следующий год, а чуть позже эти разработки легли в основу составления пятилетних планов экономического развития страны.

Однако в самом Госплане было две группы специалистов, по-разному подходивших к коренным вопросам планирования социалистической экономики. Одни выступали в поддержку научных методов планирования, основанных на принципах экстраполяции уже проявившихся тенденций и достижения общего баланса между различными отраслями экономики. Другие же рекомендовали внедрять «телеологические» методы планирования, при которых устанавливается ведущая задача национального развития и ее выполнению подчиняются все ресурсы и средства экономики. Для создания социалистической экономики важнейшей задачей в те годы было восстановление тяжелой индустрии. Как убеждал Сталин на пленуме Центрального Комитета партии в 1928 г., тяжелая индустрия нужна прежде всего в условиях существования единственного социалистического государства, находящегося в окружении развитых капиталистических стран. Для выживания в таких условиях нужно,

во-первых, производить современное вооружение, а во-вторых, необходимое оборудование для других отраслей промышленности и сельского хозяйства.

В феврале 1931 г. перед конференцией хозяйственников он предупредил о том, что «отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим. История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость... Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы д<олжны> пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин И.В. Соч. — М.: Госполитиздат, 1951. — Т. 13. — С. 38—39).

Подобные настроения свидетельствуют о полной победе принципов телеологического планирования или, выражаясь более образно, планирования в расчете на тысячелетнее развитие страны. В 1931 г. из Госплана были уволены В.Г. Громан и все сторонники сбалансированного планирования, причем некоторые из них предстали перед судом по обвинению в «преступном» замысле задержать экономическое развитие страны. Результатом их разгрома стало постоянное корректирование пятилетнего плана в сторону увеличения показателей. Все данные в нижеследующей таблице приводятся в миллионах тонн⁶⁶.

Товар	Реальное производство (1927—1928)	Первая версия (1932)	Вторая версия	Оптимальное производство	Реальное производство (1932)
Уголь	35,4	68	75	95—105	64
Нефть	11,7	19	22	40—55	21,4
Железная руда	5,7	15	19	24—32	12,1
Металл	3,3	8	10	15—16	6,2

Даже если учесть, что первоначальные цифры были слишком оптимистичны (не говоря уже о последних), то все же можно констатировать, что за период первых двух пятилеток в стране был достигнут внушительный прогресс. Выпуск продукции во всех отраслях тяжелой промышленности удвоился или почти удвоился уже в течение первой пятилетки. Кроме того, были созданы совершенно новые промышленные районы

ны — на Днестре, например, где была сооружена крупная гидроэлектростанция — Днепрогэс, а также металлургические комбинаты в Магнитогорске (Урал) и в Кузнецком бассейне (Западная Сибирь). Крупные тракторные заводы были построены в Сталинграде, Челябинске и Харькове, и именно они стали главными поставщиками машин и техники для сельскохозяйственных районов страны.

Эти поразительные результаты были достигнуты прежде всего благодаря массовому перемещению сельских жителей в города для работы на промышленных предприятиях. За период 1926—1939 гг. городское население страны увеличилось больше чем вдвое, с 26 до 56 миллионов. Только за годы первой пятилетки (1928—1932) количество приезжавших в города превысило количество уезжавших почти на 12 миллионов. Количество получавших зарплату людей увеличилось за этот же период с 11,4 до 23,2 миллиона человек. Только в Москве количество рабочих рук в промышленности выросло со 186,5 тысячи человек в 1928-м до 614 тысяч в 1937 г. Нет необходимости доказывать, что большинство новых горожан — это бывшие крестьяне, по разным причинам покинувшие насиженные места. Некоторые были еще очень молоды и тяготились рутинной и строго регламентированной жизнью в деревне. В городах же они надеялись получить образование и приобщиться к новейшим достижениям культуры, что открывало перед ними новые жизненные перспективы. Другие ощутили надвигавшуюся на сельских жителей опасность раскулачивания и решили укрыться за городской стеной, пока еще не поздно. Среди них было немало раскулаченных крестьян, у которых отняли все имущество. У этих просто не было другого выбора, кроме как уехать в город в поисках работы и средств к существованию. Были, наконец, и самые настоящие депортированные крестьяне, которых в свое время мобилизовали на крупнейшие новостройки страны в качестве дешевой рабочей силы. Они были приписаны к «специальным поселениям» и проживали неподалеку от строившихся заводов и фабрик⁶⁷.

Одно из последствий подобного переселения заключалось в том, что многие города стали фактически полукрестьянски-

ми по своему характеру. При переезде в город, что было для крестьян крайне сложно и пугающе дискомфортно, они обычно полагались на помощь и поддержку родственников и на традиционные связи между городом и родной деревней. Только так они могли найти работу и получить хоть какую-то крышу над головой, чтобы со временем встать на ноги и жить на свои средства. Эти люди обычно приезжали в город из близлежащих деревень и выбирали место работы, где было много знакомых лиц. Часть из них сразу же вступали в артели, как делали еще их предшественники в 1890-х гг. Особенно это было характерно для строительства и транспорта, где избранный рабочими артели «старшой» считал своей обязанностью найти нужную работу, заключить договор об оплате труда и потом распределить заработанные деньги между членами артели.

Как мы уже видели, руководители фабрик и заводов не любили иметь дело с коллективной рабочей силой. Им было гораздо выгоднее заключать индивидуальные контракты с рабочими, так как это помогало им поддерживать трудовую дисциплину и теоретически способствовало увеличению производительности труда. Однако многие администраторы все же вынуждены были соглашаться на членство рабочих в артелях, а сама эта форма организации труда сохранилась даже в тяжелой промышленности⁶⁸.

Массовый наплыв крестьян в города потребовал такого большого количества жилья, удовлетворить которое не могла даже самая грандиозная жилищная программа. А в первых пятилетних планах строительству жилья вообще уделялось мало внимания. Поначалу такой пренебрежительный подход к жилищной проблеме объяснялся особенностями социальной инженерии советского общества и желанием поскорее ликвидировать все пережитки «буржуазной семьи». Как говорилось в одной из магнитогорских газет в 1930 г., «семья, основная ячейка... капиталистического общества... утрачивает в условиях социализма экономическую основу своего существования». Таким образом, отдельные семьи перестали получать отдельные квартиры. Каждому городскому жителю выделялась теоретическая «жилплощадь», независимо от ре-

альной планировки квартиры — расположения комнат, коридоров и т.д.

В результате такого распределения жилой площади недавно прибывшие в город крестьяне ютились по несколько человек в одной комнате, иногда занимая только небольшую ее часть. А если в такой комнате селились целые семьи, то им приходилось отгораживаться друг от друга полками, шкафами или простынями, чтобы сохранить хотя бы видимость частной жизни. А в районах новостроек положение было еще хуже. В Магнитогорске, например, рабочие жили в палатках до тех пор, пока для них не построили новые дома. А башкиры и татары, работавшие на железной дороге, сооружали в качестве жилища грязные хижины, покрытые остатками жести и известные местным жителям под названием «Шанхай»⁶⁹.

В городах того времени нередко возникали и другие экстраемальные ситуации. В некоторых вспыхивали эпидемии тифа, а в центре текстильной промышленности Иванове острые нехватки продовольствия привели в апреле 1932 г. к всеобщей забастовке⁷⁰.

Можно представить себе, в каких условиях жили советские рабочие в 1930-х гг., постоянно испытывая голод и болезни, находясь в состоянии непрекращающегося психологического напряжения, без каких бы то ни было гарантий частной жизни, тратя все свое свободное время на поиски нужных товаров и стояние в длинных очередях. Кроме того, они были совершенно незащитны перед ворами, бандитами и доносчиками. Их жизнь была крайне нестабильной; люди часто переезжали с места на место. Правда, теперь можно было без проблем найти работу, так как безработицу ликвидировали еще в ходе первого пятилетнего плана, но условия труда были настолько тяжелыми, что многие рабочие бросали одну работу и пытались найти другую, более подходящую. Порой люди уходили после нарушения строгой трудовой дисциплины, не дожидаясь, когда их уволят. И все это время они пытались выжить с семьей в одной комнате, обеспечить домочадцев продовольствием и одеждой, найти школу для детей. А чтобы купить необходимые вещи, нужно было давать взятки, использовать блат или обращаться с просьбой к начальству⁷¹.

Не менее острыми были и другие проблемы — транспорт, уход за детьми, медицинское обслуживание и т.д. Для организации ежедневного общественного питания были созданы общественные столовые, но длинные очереди и низкое качество продуктов отпугивали многих потенциальных клиентов. В городах остро ощущалась нехватка детских садов, общественных бань и прачечных. Многие рабочие-мужчины приходили к выводу, что единственный способ выжить в таких условиях — это как можно быстрее жениться.

Доступ ко всем жизненным благам во многом зависел от отношений с местным начальством, а это означало, что человек должен иметь хорошую репутацию в местной партийной организации, органах безопасности и в местном профсоюзе. Те, кто трудился не покладая рук и выполнял все производственные задания, как, например, ударники или стахановцы, могли рассчитывать на внимание со стороны руководства. Им платили более высокую зарплату, предоставляли лучшие жилищные условия, их дети без особого труда попадали в детский сад или школу, а сами они часто отдыхали в профсоюзных санаториях и домах отдыха где-нибудь на берегу теплого моря. Кроме того, самых заслуженных передовиков производства нередко выдвигали на какую-нибудь административную должность или открывали доступ в партийно-государственную иерархию⁷².

Коммунисты с самого начала провозгласили своей главной целью создание всеобщего равенства людей на основе изобилия, однако на деле создали строго иерархическую систему, основанную на дефиците товаров и услуг. Манипуляция этим дефицитом и вообще системой распределения материальных благ быстро превратилась в весьма эффективный инструмент социального контроля над населением.

Одним из самых важных орудий контроля стала изобретенная новой властью паспортная система. Сначала Советское правительство попыталось удержать под контролем массовую миграцию людей из сельской местности в города с помощью системы оргнабора, или трудовой мобилизации. Но такая система оказалась недостаточно эффективной. Многие крестьяне продавали свои дома и уезжали в города, минуя оргнабор или другие официальные способы миграции. В конце концов влас-

ти решили, что стихийной миграции надо положить конец. Декретом Совнаркома от 27 декабря 1932 г. было объявлено, что в стране вводится общегражданский паспорт, который получают «все граждане СССР старше шестнадцати лет, постоянно проживающие в городах и рабочих поселках, работающие на транспорте, в совхозах или на новостройках»⁷³. В этом перечне не было колхозников, а это означало, что они лишались возможности переехать в город без разрешения председателя колхоза. Чтобы получить паспорт, нужно было теперь прежде всего получить прописку, которая указывала на национальность человека, его социальный статус, место жительства и место работы.

Паспортная система является ключевым элементом для понимания сущности советской социальной структуры. Она дала возможность властям получать всю необходимую информацию о том или ином человеке, а это, в свою очередь, позволяло им определить его социальный статус и место в социальной и политической структуре общества. Кроме того, паспортная система позволяла регулировать миграционные потоки в стране, так как уже в то время появились города, где уровень жизни был намного выше и куда устремились желающие приобщиться к городским благам. В числе таких городов были Москва, Ленинград (переименованный в 1924 г.), а вслед за ними и столицы союзных республик. В этих городах получить прописку простому человеку было очень трудно. Для этого требовалось иметь либо профессию, в которой город нуждался, либо покровительство высокопоставленного начальника. Другими важнейшими факторами, которые непременно учитывались при предоставлении прописки, были следующие: социальное происхождение, национальность, уровень образования и стаж предыдущей работы. Если во Франции времен Бальзака люди вынуждены были заключать браки по расчету, чтобы получить деньги и собственность, то в сталинской России фиктивные браки часто заключались, чтобы получить столь желанную для соискателя городскую прописку⁷⁴.

В течение всего 1933 г. паспортная система всю использовалась для изгнания из городов представителей «бывших» социальных классов, то есть тех людей, которые когда-то были священниками, дворянами, купцами, а также членов их се-

мей. В Ленинграде, прежней столице империи, таких людей проживало особенно много, и, как сообщалось в печати, город вынуждены были покинуть около 10 тысяч человек. «Огромные толпы людей брели прочь из города по дорогам в поисках пропитания и крыши над головой... Некоторых депортированных граждан сажали в железнодорожные вагоны и отправляли в сельские районы, находившиеся на расстоянии не менее шестидесяти миль от Ленинграда»⁷⁵.

Террор

В 1934 г. состоялся Семнадцатый съезд Коммунистической партии, на котором коммунисты поздравили себя с успешным выполнением первого пятилетнего плана и завершением коллективизации сельского хозяйства. Он вошел в историю как «съезд победителей». После ожесточенной борьбы за коллективизацию и первую пятилетку советские вожди всеми силами пытались создать впечатление, что они сплотились вокруг товарища Сталина, великого ученика и последователя Ленина. Однако за триумфальными заголовками в партийной газете «Правда» скрывались весьма серьезные внутривнутрипартийные конфликты. Если это действительно следовало считать победой, то для партийных вождей не было секретом, какой ценой она досталась измученной стране. Страна потеряла миллионы сограждан, и еще многие миллионы имели веские основания ненавидеть Сталина и все партийное руководство. Общество находилось в состоянии крайнего недовольства и, даже несмотря на декларируемые победы, только очень немногие имели возможность радоваться и наслаждаться их плодами. Напротив, условия жизни для огромного большинства населения стали гораздо хуже. Новая система породила надежды на тысячелетнее царство добра и справедливости, но вместе с ними пришло и чувство апокалиптического страха. Она облагодетельствовала многих и открыла перед ними новые перспективы, но при этом гораздо большее число людей безжалостно подавляла и репрессировала.

Плюс ко всему в 1930 г. к власти в Германии пришли нацисты, которые откровенно заявили, что будут стремиться к искоренению большевизма и завоеванию территории Советского Союза в качестве ее колонизации и превращения в жизненное пространство для немецкого народа. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что, несмотря на победные декларации, советские вожди не чувствовали себя в полной безопасности. Они по-прежнему ощущали себя главными участниками борьбы, где схватка шла не на жизнь, а на смерть.

Коммунисты пришли к власти полтора десятилетия назад с неистребимой надеждой, что им удастся преобразовать Россию и весь мир, создав для всех гуманное и справедливое общество. Судя по всему, этого не произошло, и хотя каждый мог привести массу уважительных причин для объяснения столь печального поражения, тем не менее на душе оставались неприятный осадок и даже некоторое беспокойство относительно будущего страны. Разумеется, в таких условиях трудно избавиться от желания переложить всю вину за случившееся на кого-то другого. Все неудачные строители тысячелетнего царства рано или поздно начинают искать козла отпущения. В голосе Сталина, выступавшего на Семнадцатом съезде, звучали триумфальные нотки, но в то же время он предупредил участников, что страна переживает момент, когда «не убаюкивать надо партию, — а развивать в ней бдительность»⁷⁶.

После разгрома так называемого правого уклона все свободные и открытые дискуссии в партии стали практически невозможными. И все же среди отдельных членов Центрального Комитета крепили сомнения относительно того, что Сталин вообще ведет страну к социализму. В 1930 г. В.В. Ломинадзе, первый секретарь Закавказской Федерации, обвинил партийных работников в том, что они практикуют «барское отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян». А С.И. Сырцов, кандидат в члены Политбюро, назвал Сталинградский тракторный завод «потемкинской деревней». Кроме того, некоторые из соратников Сталина стали испытывать серьезные сомнения относительно его личных качеств и методов борьбы с оппонентами. Тот же Сырцов обвинил

Сталина в попытке обойти привычные и проверенные временем партийные процедуры принятия решений и в создании внутри Политбюро своей собственной «фракции». А Бухарин, правда, в частном порядке, написал Сталину в октябре 1930 г. гневное письмо, жалуясь на те «чудовищные обвинения», которые тот распространяет о нем. «Или то, что я не лижу тебе зада (и не пишу тебе статей а la Пятаков), — писал он, — или это делает меня «проповедником террора»?»⁷⁷.

А из низов партии доносились куда более резкие выражения. В 1932 г. Михаил Рютин, секретарь райкома партии в Москве, стал широко известен в партийных организациях столицы своим «обращением ко всем членам партии», в котором содержалась критика «авантюристической» коллективизации и индустриализации как политики, которая ведет к массовому обнищанию народа, его полной деморализации и депопуляции сельских районов страны. При этом он назвал Сталина «диктатором», а его соратников — «бандой беспринципных, лживых и трусливых интриганов, которые уничтожили ленинизм и привели страну на грань катастрофы». Он также заявил, что устранить их от власти можно только силой, и предложил создать для реализации этой цели Союз марксистов-ленинцев внутри Коммунистической партии⁷⁸.

Рютин был исключен из партии и арестован. Нет никаких доказательств того, что он готовился к соответствующим действиям, но тон его выступлений был явно вызывающим. Сталин, крайне возмущенный этим «обращением», предложил членам Политбюро, чтобы Рютина казнили как «террориста». Это был первый случай, когда подобные меры предлагались в отношении члена партии и в связи с политической полемикой, поэтому многие члены Политбюро во главе с Кировым воспротивились Сталину. В конце концов все сошлись на десяти годах тюремного заключения⁷⁹.

Съезд победителей хорошо отразил все эти тревожные тенденции в партии. Многие его делегаты были ветеранами революционного движения и соратниками Ленина. Они знали, что в последние месяцы жизни Ленин, потрясенный поступком Сталина в так называемом «грузинском деле», составил завещание, предупредив всех членов партии, что Сталин скон-

центрировал в своих руках «необъятную власть», которой не может распорядиться должным образом и с большой осторожностью в интересах дела. Чуть позже он сделал приписку, в которой назвал Сталина «невоспитанным грубияном» и посоветовал своим товарищам найти какой-нибудь способ сместить его с должности Генерального секретаря партии и заменить человеком, «более терпим, более лоялен, который будет более вежлив и более внимателен к товарищам»⁸⁰.

Некоторые из числа старых партийцев стали группироваться вокруг Кирова и предложили ему выставить свою кандидатуру на место Генерального секретаря партии вместо Сталина. Киров отклонил это предложение, но Сталин узнал о нем и затаил злобу на возможного соперника. А позже, во время выборов Центрального Комитета, более ста делегатов вычеркнули имя Сталина из бюллетеней для голосования, в то время как Киров получил только три или четыре голоса против. Опубликованные итоги выборов были сфальсифицированы, и Сталин сохранил в своих руках всю полноту власти. Большинство членов Центрального Комитета было не готово раскачивать лодку⁸¹.

Теперь мы можем перейти к анализу психологических особенностей личности Сталина. Он всегда был скрытным, злобным, злопамятным и мстительным человеком, хотя и обладал редким терпением и недюжинным политическим талантом. В течение многих лет он добросовестно руководил организационными делами партии, постепенно устанавливая над ней свой контроль и неустанно собирая все секретные сведения о личных качествах каждого партийного руководителя, особенно тех, кто мог стать его возможным соперником. В 1932—1934 гг. наступила полоса экономического кризиса, когда сельская местность была поражена голодом, а в городах царили хаос и беспорядок. Многие соратники Сталина тогда отвернулись от него и объявили его главным виновником всех этих бед. Кроме того, в жизни Сталина случилась еще одна беда. В ноябре 1932 г. покончила с собой его жена Надежда.

Вообще говоря, паранойю можно назвать профессиональной болезнью всех политиков, а Сталин страдал ею в полной мере. Более того, ею страдали практически все лидеры Комму-

нистической партии. Она была вызвана теми обстоятельствами, при которых они захватили власть и удерживали ее любой ценой. Они воспринимали мир как арену непрекращающейся борьбы между добром и злом, свято веря в идею тысячелетнего царства на земле и в конечное искоренение зла, сопровождаемое апокалиптическими настроениями. Именно они, а также все те, кто вступил в партию после 1917 г., закалили этот новый мир в горниле Гражданской войны. Они в полном объеме восприняли методы, менталитет и настроения этой войны, включая напряженное подвижничество, готовность к самопожертвованию, преданность общей борьбе и своим товарищам, чудовищную ненависть к врагам и полное пренебрежение традиционными моральными нормами и принципами. К началу 1930-х гг. все партийные документы, выступления и статьи ведущих партийных деятелей были составлены в этом духе и пропитаны одинаковой ненавистью к противникам. Унифицированная риторика вождей стала обязательной для всех членов партии. Каждый, кто избегал подобных выражений, мог быть изобличен как «уклонист» и тем самым утратить всякую надежду на дальнейшее продвижение по службе. Те же, кто в свое время прослыл «уклонистом», должны были признать свои ошибки и покаяться перед властями, дружно вступив в гордо марширующие колонны своих товарищей. Приход к власти Гитлера в Германии окончательно сплотил эти колонны. Отныне риторика стала виртуальной реальностью, если не самой реальностью⁸².

Сталин возвел эту тенденцию в высочайшую степень. В течение 1920-х гг. он убедил себя в том, что только он один является достаточно сильным, чтобы избежать колебаний и отступлений, допущенных его товарищами по партии, полностью выполнить волю Ленина и воплотить в жизнь его теоретическое наследие. Будучи сторонником умеренности и компромиссов внутри партии, он всегда обладал умением, знаниями и искусством манипуляции сознанием, чтобы создать вокруг себя центральный блок сторонников внутри неуклонно растущего аппарата управления и тем самым обеспечить победу в борьбе с оппонентами и экстремистами.

Причем он делал это не только организационными средствами, но и умелым обращением к менталитету рядовых чле-

нов партии и официальных чиновников. У него был ясный, хотя и довольно грубый ум, позволявший ему успешно разделять людей и политические тенденции на правых и неправых, прогрессивных и реакционных, сторонников и противников. При этом он всегда излагал свои аргументы, как семинарист на уроках катехизиса, задавая вопросы и тут же отвечая на них, собирая всевозможные доказательства своей правоты и решительно отбрасывая аргументы противников методом подавляющей и несокрушимой логики. Нет никаких сомнений, что подобный стиль дискуссии, причем как в устной, так и в письменной форме, был гораздо более убедительным для рядовых членов партии, чем изысканная диалектика его более образованных и более космополитичных коллег. Теперь это стало единственным разрешенным властью языком общения внутри партии.

Этот «новояз» точно выражал убеждения Сталина в том, что и во время его наивысшего триумфа, и во время глубочайшего кризиса многие из товарищей по партии оставили его и тем самым «объективно» сыграли на руку контрреволюционерам и империалистам. Иногда это означало не более чем защиту интересов огромных и постоянно растущих ведомств против соперничающих структур, а также против возможных арестов персонала и расследований его деятельности. Орджоникидзе, к примеру, в качестве народного комиссара тяжелой промышленности отчаянно боролся за своих многочисленных сотрудников, не исключая даже старых специалистов и управляющих, когда они попадали в поле зрения органов прокуратуры или тайных спецслужб. Он скоропостижно скончался в феврале 1937 г. и, по мнению многих его соратников, просто покончил с собой после очередной бурной ссоры со Сталиным, может быть, предвидя все последствия надвигающейся волны террора⁸³.

Для самого же Сталина такие товарищи, занятые строительством своего собственного феодального владения в рамках государства, по существу, становились врагами. В борьбе с ними он решил на ожесточенную войну против оппонентов, искореняя всяческое своеволие внутри партии. В апреле 1933 г. новой партийной комиссии во главе с Яном Рудзута-

ком было дано задание организовать вместе с органами ГПУ «обмен партийных билетов», то есть фактически начать тщательно продуманный процесс чистки партийных рядов. В соответствии с этим указанием каждый член партии должен сначала сдать свой партийный билет, потом отчитаться о своей работе перед партийными органами и доказать свою преданность делу партии. Только при таких условиях он мог рассчитывать на получение нового билета⁸⁴.

Однако именно здесь внутреннее стремление к единодушию вступило в противоречие с самой природой правящего класса, созданного партией. Местные партийные руководители были меньше всего заинтересованы в тонкостях идеологии и, что вполне естественно, стали использовать «чистки» в целях усиления своего патронажа, проталкивая наверх собственных протеже и избавляясь от оппонентов. В результате Сталин постепенно стал подозревать, что многие бывшие «уклонисты» все еще оставались в своих гнездах. Поэтому он решил продолжить процесс чистки партийных рядов, но на сей раз минуя партийные каналы и привлекая к этому делу службу безопасности. В 1933—1934 гг. он объединил ГПУ с НКВД и возложил на новое ведомство ответственность за трудовые лагеря, охрану границ, внутреннюю безопасность и регулярные части милиции. Таким образом, все силы внутреннего порядка сосредоточились в одних руках и могли быть использованы в интересах укрепления режима. Тогда же было создано Особое совещание, обладавшее правом внесудебного преследования и вынесения приговоров до пяти лет заключения. Одновременно была образована Специальная военная коллегия Верховного суда, которая должна была рассматривать дела о шпионаже, контрреволюционной деятельности и других особо тяжких преступлениях⁸⁵.

Вскоре после этого, 1 декабря 1934 г., произошло весьма драматическое событие, потрясшее всю страну. В Ленинграде молодым членом партии Леонидом Николаевым был убит Сергей Киров. Николаев имел личные основания ненавидеть Кирова, но вскоре прошел слух, что это убийство организовано самим Сталиным. Никто и никогда не доказал, что он имел какое-либо отношение к этому делу, однако косвенные улики

не могут не наводить на мысль, что Николаев, который хотя и не был связан с органами НКВД, имел свободный доступ к Кирову и рассматривался ими как потенциальный убийца Кирова⁸⁶.

У Сталина были более чем серьезные мотивы для устранения Кирова. Его убийство ликвидировало главного и самого опасного соперника, по крайней мере в институциональном смысле. Киров пользовался в Ленинграде огромным авторитетом и имел там большое количество сторонников, а Ленинград уже раньше оказался оплотом оппозиции. Кроме того, это убийство могло стать благовидным предлогом для принятия чрезвычайных мер к усилению внутренней безопасности страны. Теперь в унифицированной риторике обвинение в «уклонизме» стало почти что синонимом «терроризма». Сталин немедленно издал директиву, что во всех случаях, когда речь идет о подозрении в «терроризме», расследование и осуждение должны проводиться с предельной быстротой, причем дело может быть заслушано в отсутствие обвиняемого, и при этом не допускалось никаких апелляций со стороны осужденного, даже если речь шла о смертном приговоре.

В течение 1935 г. органы НКВД арестовали всех, кто когда-нибудь был причастен к так называемой левой оппозиции, и вынудили их к признанию вины перед партией и участия в широком заговоре, организованном и направляемом из-за рубежа Троцким. Именно Троцкий, по официальной версии, организовал и осуществил убийство Кирова, а также замышлял то же самое в отношении Сталина и других руководителей Коммунистической партии. Конечной целью «заговорщиков» было свержение советского строя и восстановление капитализма. В ходе расследования все обвиняемые должны были не только признать свою вину, но и разоблачить других участников заговора.

Результатом этого разоблачительного безумия стали три грандиозных показательных процесса, проведенных в Москве в течение 1936—1938 гг. На первом из них в августе 1936 г. Зиновьев, Каменев и другие признались в том, что были членами «троцкистско-зиновьевского центра», который организовал убийство Кирова в качестве первого шага на пути к ликвидации всего партийного руководства. Все они были при-

говорены к высшей мере наказания и казнены, вероятно, безо всяких проволочек. Их признание бросило тень на Томского, который вскоре покончил с собой, а также на Рыкова и Бухарина. Государственный обвинитель Андрей Вышинский объявил на первом процессе, что по поводу всех подозреваемых будут проведены соответствующие расследования.

На втором процессе, который проходил в феврале 1937 г., Карл Радек и Григорий Пятаков, два ближайших ленинских соратника, признали себя виновными в организации террористических групп и подрывных акций против Советской власти, а также в том, что они организовали акции саботажа на советских промышленных объектах. Пятаков был приговорен к смертной казни, а Радек к десяти годам тюремного заключения; несколько лет спустя он умер в трудовом лагере.

И наконец, в марте 1938 г. Бухарин, Рыков, Николай Крестинский и Генрих Ягода (который сам раньше возглавлял органы НКВД) признались в том, что состояли в «правотроцкистском блоке», который всячески подрывал боеспособность советских Вооруженных сил и вместе с иностранными разведслужбами готовил нападение на СССР с целью его расчленения. Все обвиняемые по этому делу были приговорены к смертной казни, а Вышинский закончил свое обвинительное заключение следующими словами: «Мы, наш народ будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму» (Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока, 2—13 марта 1938 г. — М., 1938. — С. 346).

Это было примитивное и во многом манихейское* повествование о революции и советской эре, превращенное в театрализованное судебное зрелище, где все спектакли проходили по одному и тому же драматическому сценарию, написанному для полуграмотных представителей новой политической элиты и их последователей. Все судебные речи и признания обвиняемых воспроизводились в центральной и местной печати, а на заводах и фабриках проводились многочисленные

* Манихейство — религиозное учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия.

митинги, на которых простые рабочие единодушно требовали смертной казни для всех обвиняемых. Иностранцы никак не могли понять, что происходит и как ко всему этому следует относиться. Все обвинения звучали абсурдно и немыслимо, однако трудно было поверить, что за ними ровным счетом ничего не стоит. Почему же тогда все делают такие страшные признания и почему НКВД принуждает их к этому? В конце концов правящий советский режим всегда мог без особого труда просто убить всех своих противников.

Для Сталина же этого было мало. Он хотел избавиться от оппонентов и уничтожить их не только физически, но и морально. Он не хотел, чтобы, например, Зиновьев или Бухарин остались в памяти народа в качестве борцов за идеалы социализма, святых мучеников за идеи добра и справедливости, чье дело могут продолжить будущие поколения оппозиционеров. Он также хотел придать этим процессам характер законности, что, по его мнению, должно было способствовать созданию нового стабильного и цивилизованного общества, а не какого-то террористического режима. К тому же все признания обвиняемых должны были служить материалом для прокурора, поскольку никаких других более или менее серьезных доказательств вины обвиняемых не было.

То же самое повторялось тысячи раз во всех регионах страны и на всех уровнях. Обвинения приводили к арестам и к дальнейшим обвинениям до тех пор, пока большая часть населения не была поражена страхом. Многие готовили сумки с вещами на тот случай, если ночью к ним постучат, разлучат с семьей и уведут навсегда в обитель бессмысленного страдания и горя. Большая часть арестов не сопровождалась открытыми процессами, так как управлять ими было сложно и отнимало слишком много времени. Сообщения о массовых арестах не появлялись даже в местных газетах, однако все процессы проходили по строго определенной процедуре, тщательно фиксировались в протоколах и в большинстве случаев были основаны на признательных показаниях обвиняемых.

Почему же люди, которые верой и правдой служили партии в течение многих лет, так неожиданно признавались в ужас-

ных и невероятных преступлений? Для жертв из высших эшелонов власти это был финальный этап на том сложном пути, который проложил еще Каменев, когда отказался создать оппозицию властям. Партия навсегда отреклась от компромиссов с оппонентами и перешла к тактике поголовного уничтожения всех врагов, к которым она причисляла инакомыслящих, несогласных, сомневающих, а в конце концов даже тех, кто не заявлял громогласно о своей лояльности режиму. Обвиняемые сами когда-то вели себя точно так же и теперь не могли рассчитывать на другое к себе отношение. Они посвятили партии свою жизнь и, вероятно, даже на суде все еще верили в окончательную победу того строя, которому отдали все силы. В любом случае у таких людей не было альтернативных моральных или религиозных убеждений, которые они могли бы противопоставить давлению следователей и судей. Как сказал Бухарин во время суда: «...когда спрашиваешь себя: во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной ясностью абсолютно черная пустота». Впрочем, и смысла жить тоже никакого не было, если человек оказывался «изолирован от всех остальных в качестве врага народа»⁸⁷.

Те же, кто принадлежал к низшим слоям и никогда публично не признавался в своих преступлениях, были сломлены «конвейерной» машиной НКВД, когда допросы продолжались днем и ночью при неперменной смене следователей. Холод, голод, физическое и моральное истощение, а порой и жестокие пытки ломали даже самых сильных людей. Тем более что они прекрасно знали: конца их страданиям не будет. Именно поэтому они в конце концов подписывали все, что от них требовалось.

На первых стадиях террор 1937 г. был направлен прежде всего против бывших членов партии, исключенных из нее по каким-либо причинам. А таких было немало — в некоторых регионах даже больше, чем оставшихся членов партии. Однако эта операция обрела собственную силу инерции, особенно после того, как стал практиковаться метод добровольного признания обвиняемых и осуждения совершенно невинных людей. Тем более что нацистская угроза неизбежно создавала атмосферу страха перед возможными провокациями и диверсиями, а также перед опасностью формирования в стране «пя-

той колонны». Как вспоминал позже Молотов: «Если учесть, что после революции рубили направо, налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали, и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 37-му году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны»⁸⁸. (Последняя фраза, конечно же, неправда. Как мы увидим позже, немало советских людей сражались в годы Второй мировой войны на стороне Германии. И тем не менее умонастроения Молотова в то время можно понять.)

Выработанная еще в годы Гражданской войны практика навешивать ярлык «враг» на всех противников, чтобы их потом уничтожать, обрела теперь собственную трагическую динамику. Решение Политбюро от 28 июня 1937 г. «О раскрытии в Западной Сибири контрреволюционной организации заговорщиков среди ссыльных кулаков» положило начало новому этапу террора. По всей стране были расставлены сети, в которые должны были попасть все бывшие кулаки или белогвардейцы, все принадлежавшие к «подозрительным» национальностям (таким, например, как немцы, поляки, корейцы) и все, которые когда-то были членами некоммунистических политических партий и организаций, а также все выходцы из «бывших» социальных классов. Причем их число резко увеличивалось за счет членов семей и родственников. Короче говоря, к числу подозрительных элементов относились все, кого можно было подозревать в том, что он вынашивает злые намерения против правящей в стране партии.

Все дела рассматривались в срочном порядке, по сокращенной процедуре, так называемой «тройкой», в которую входили по одному представителю от партии, НКВД и прокуратуры. Органам НКВД в каждой области вменялось в обязанность выполнять определенную квоту на аресты и осуждение подозреваемых. Некоторые органы НКВД ухитрялись даже «перевыполнять» их. Обращение с высокопоставленными заключенными контролировалось лично Сталиным или специальной комиссией Политбюро, куда в разное время входили Молотов, Каганович, Ворошилов, Ежов и Микоян. Однако совершенно очевидно, что они не могли детально контролировать все процессы,

происходившие на отдаленных окраинах страны. На местах все эти дела решались по-своему, в соответствии с личными обидами, амбициями, интригами, персональными склоками. Именно эти обстоятельства и определяли судьбу арестованных людей: жить им или умереть. Шла ожесточенная борьба между патронно-клиентными ячейками, и в этой борьбе главным оружием становились органы безопасности⁸⁹.

Среди историков давно уже ведутся споры относительно общего числа жертв сталинского террора. Недавно открытые для исследователей архивные материалы позволили значительно сузить рамки допущенных ошибок, но от этого споры стали еще более горячими.

Теперь уже, кажется, ясно, что номенклатурная элита пострадала в этот период гораздо сильнее, чем простые рабочие и крестьяне. Из 139 членов Центрального Комитета партии, избранных на «съезде победителей» в 1934 г., 110 были арестованы до начала Восемнадцатого съезда в 1939 г., а из 1966 делегатов этого съезда 1108 просто-напросто бесследно исчезли. Это означало, помимо всего прочего, что власти пытались физически уничтожить всех коммунистов, которые были соратниками Ленина еще в 1917 г., хорошо знали Сталина в самом начале его политической карьеры и которые все еще могли поднять вопрос о ленинском завещании.

Некоторые регионы и республики пострадали в эти годы особенно сильно. Одной из главных целей Сталина в тот период было разрушить патронажную систему на национальных окраинах и тем самым подавить сопротивление местных вождей приказам из Москвы. Файзулла Ходжаев, председатель узбекского Совета народных комиссаров, прослыл упорным противником хлопковой монокультуры, не без оснований опасаясь, что подобная практика превратит его феодальное владение в своеобразную «банановую республику» внутри СССР. «Мы не можем есть хлопок», — заявлял он, по словам свидетелей. В 1937 г. он был арестован, обвинен в «буржуазном национализме» и расстрелян. Подобная судьба ожидала многих других республиканских вождей. Центральные комитеты компартий Армении, Казахстана, Туркмении и Татарской АССР были почти полно-

стью уничтожены, а вместо выбывших туда посылались русские или обученные в Москве представители коренных народов, которые должны были установить на местах более лояльные к центральной власти режимы. На Украине такие чистки производились дважды: сначала в 1933, а потом в 1937 г. После второй чистки в Киев был командирован из Москвы Никита Хрущев, который навел там надлежащий порядок. Таким образом, контроль России над Всесоюзной Коммунистической партией был значительно усилен. В 1939 г. 66 процентов членов Центрального Комитета партии составляли русские, а к 1952 г. их доля увеличилась до 72 процентов⁹⁰.

Поскольку власти очень часто ссылались на угрозу нацистского вторжения, то чистки руководства Вооруженных сил кажутся особенно странными и уродливыми. Среди арестованных оказались заместитель наркома обороны и крупнейший военный теоретик маршал Тухачевский, начальник Генерального штаба маршал Егоров, командующий Дальневосточной особой армией маршал Блюхер, который незадолго до этого нанес сокрушительное поражение знаменитой Маньчжурской армии Японии на озере Хасан, командующие Киевским и Белорусским военными округами, командующие Черноморским и Тихоокеанским военными флотами, а также более половины командиров армий, корпусов и дивизий. Если это было подготовкой к войне против нацистской Германии, то можно с уверенностью сказать: такая подготовка выглядит очень странно. Во всяком случае, и в Германии, и во всем мировом общественном мнении сложилось впечатление, что в результате этих репрессий Советский Союз стал намного слабее в военном отношении. Однако для Сталина более важным было считать, что единственная сила, способная оказать массированное сопротивление, отныне всецело находится под контролем людей, бесконечно преданных лично ему, на которых можно положиться.

А ураган, пронесшийся над другими представителями политической и номенклатурной элиты — дипломатической, научной, промышленной, преподавательской, художественной, культурной, медицинской, юридической, коминтерновской и даже среди самих органов безопасности, — едва ли был менее разрушительным.

Трудовые лагеря, куда отправляли большинство арестованных, не были «лагерьями смерти» в нацистском понимании этого слова. В стране официально не существовало таких категорий населения, которые бы однозначно подлежали уничтожению. Но условия жизни в лагерях и невыносимые условия труда неизбежно приводили к массовому вымиранию или долгосрочной инвалидности заключенных от болезней и голода. В 1929 г. концентрационные лагеря, действовавшие со времен Гражданской войны, были превращены в неотъемлемую часть плановой экономики страны. От заключенных требовали выполнения плановых заданий, а сами лагеря находились в самых отдаленных и неблагоприятных регионах России, где нужно было рубить лес, добывать руду, строить шоссейные и железные дороги, заводы и фабрики, открывать новые месторождения полезных ископаемых, короче говоря, делать все то, что не хотели делать свободные люди за обычную заработную плату. Первый такой лагерный комплекс был создан в Карелии и на побережье Белого моря, где находились главные предприятия лесной промышленности. Вслед за ним появились лагеря по добыче угля в Воркуте и Печорском угольном бассейне, затем — промышленное строительство в Западной Сибири, на Урале и в Казахстане, где заключенные непосильным трудом создавали основу инфраструктуры. Самый большой лагерный комплекс был создан на Дальнем Востоке в окрестностях Магадана и в бассейне реки Колымы, где, помимо леса, заключенные добывали золото, платину и другие ценные металлы. Это был огромный замерзший континент, практически полностью отрезанный от остальной части страны сотнями километров непроходимой тайги. Заключенных доставляли туда на специальных судах, а сам путь вскоре стал напоминать атлантическую работоторговлю⁹¹.

То, что происходило в этих лагерях, действительно можно назвать рабским трудом. Обычно экономисты отстаивают точку зрения, что рабский труд является малопродуктивным, поскольку рабы не заинтересованы в результатах своего труда. Работники НКВД не могли принять эту теорию, так как их лагеря являлись промышленными предприятиями, которые должны были выполнять все производственные задания. Там «материальная заинтересованность» состояла в стремлении не умереть от голода.

Зеки (заключенные) получали полный дневной паек только в том случае, если выполняли дневную норму. А сама норма определялась количеством произведенной всей бригадой продукции, поэтому каждый член бригады был кровно заинтересован в том, чтобы хорошо работали все остальные в его бригаде. Таким образом, все заключенные были связаны «круговой порукой» в новой и отвратительной форме.

Если же зеки не выполняли дневную норму, то и питание они получали в урезанном виде, что неизбежно приводило к их физическому истощению и дальнейшему невыполнению производственных заданий. Как заметил в свое время Юрий Марголин, бывший лагерный зек: «Чем больше мы голодали, тем хуже мы работали. Чем хуже мы работали, тем больше мы голодали. Из этого порочного круга не было выхода». Только этим можно объяснить, почему так много узников погибло в сталинских лагерях. Причем погибали прежде всего «политические» заключенные, так как они были совершенно не приспособлены к тяжелому физическому труду. В отличие от жестоких рабовладельцев прошлого НКВД не имел никаких особых причин дорожить жизнью своих рабов, так как таких же рабов всегда можно было арестовать. И даже если в системе НКВД не было официально признанных «лагерей смерти», то у Александра Солженицына имелись все основания назвать их «истребительно-трудовыми лагерями»⁹².

Согласно архивам НКВД, за период самых жестоких репрессий 1937—1938 гг. было арестовано 1,6 миллиона человек, из них 87 процентов по политическим мотивам, а общее население тюрем, трудовых лагерей и трудовых колоний (где содержались заключенные на относительно непродолжительные сроки) выросло с одного миллиона в начале 1937 г. почти до двух миллионов в начале 1939 г. А если к ним добавить людей, отправленных в ссылку и проживавших в специальных поселениях, то общее количество репрессированных приблизится к 3,5 миллиона человек, но, вероятно, не более того. За этот же период времени более 680 тысяч человек были приговорены к смертной казни за так называемую «контрреволюционную и антигосударственную деятельность». А за весь

период 1930—1952 гг. число казненных составило 786 тысяч человек⁹³.

Органы НКВД вели свою документацию самым тщательным образом, и поэтому все данные можно считать вполне достоверными. Во всяком случае, дальнейшие исследования в этой области вряд ли смогут существенно повлиять на эти цифры. С другой стороны, в архивах нет никаких данных о количестве умерших не по приговору судов. Открытые в конце прошлого века массовые захоронения в Куропатах, что неподалеку от Минска, а также аналогичные захоронения в других местах свидетельствуют о том, что неизвестное нам количество людей было убито помимо отработанной ГУЛАГом процедуры. Поэтому вся находящаяся в нашем распоряжении статистика должна быть сопоставлена с уровнем общей преждевременной смертности, вызванной государственными репрессивными мерами в целом, включая ужасные условия в трудовых лагерях и тюрьмах, депортацией населения, коллективизацией сельского хозяйства, индустриализацией и сопутствующим ей голодом миллионов людей. Если учесть общее количество населения, приведенное в засекреченных в свое время данных переписи 1937 г., то кажется вполне вероятным, что только за период самого острого голода 1932—1933 гг. погибло около 5—6 миллионов человек, в основном крестьян. А вместе с жертвами репрессий 1930-х гг. общее количество жертв приближается к 10—11 миллионам человек⁹⁴. Что же касается более позднего периода, то после 1940 г. практически невозможно отделить жертв репрессий от жертв войны.

После 1939 г. количество репрессированных стало увеличиваться с пугающей быстротой. К ним добавились депортированные поляки, украинцы, белорусы и жители Прибалтики, которых сгоняли с насиженных мест, оккупированных Советским Союзом в 1939—1940 гг. А в годы войны и вскоре после нее за ними последовали немцы, крымские татары и северокавказские мусульмане. Еще нужно добавить заключенных, захваченных на территории государств гитлеровского блока, а также тех советских солдат, которые вернулись на родину из фашистского плена. Таким образом, общее количество заключенных в советских лагерях и тюрьмах на январь

1941 г. составляло приблизительно 3,3 миллиона человек, а к январю 1953 г. оно увеличилось до 5,5 миллиона⁹⁵.

Эти цифры меньше оценок, сделанных западными историками во времена, когда архивные материалы были недоступны. Но они не становятся от этого менее ужасными. Трудно сказать, сколько осталось в стране семей, особенно среди крестьян и интеллигенции, у которых не было хотя бы одного родственника за колючей проволокой трудовых лагерей, или высланного в отдаленные и совершенно пустынные, непригодные для жизни районы страны, или просто сгинувшего в суматохе тех лет. А если представить себе все горе, все те беды и физические страдания, выпавшие на долю этих несчастных и скрытые за указанными цифрами, то можно без труда увидеть, что эти два с половиной десятилетия были для советских народов периодом невиданных мучений.

12. Формирование советского общества

Большевики пришли к власти, дав клятвенное обещание построить всемирное социалистическое общество, основанное на принципах равенства и справедливости, в котором все люди и народы навсегда избавятся от лишений и будут сполна наслаждаться счастливой и беззаботной жизнью. Однако из самого характера захвата большевиками власти и последовавшей вскоре вслед за этим Гражданской войны неизбежно вытекало, что новая государственная структура власти будет авторитарной и иерархической. Социальная революция проходила в таких условиях, что в конечном итоге привела не к всеобщему изобилию, а к хроническим дефицитам. Эти постоянные дефициты стали самой существенной чертой нового общества, сформировавшегося как раз вокруг тех самых институтов, с помощью которых можно было от этих дефицитов избавиться. В то же время, несмотря на многочисленные трудности и лишения, общество выработало свой собственный тип внутренней лояльности, который был значительно дополнен и укреплен войной 1941—1945 гг.

Сельское хозяйство и колхозы

Нелегкий компромисс, достигнутый между правящим режимом и крестьянством после всех потрясений коллективизации, в конце концов дал возможность колхозам производить достаточное количество продуктов, чтобы накормить города и армию. Уровень продовольственного потребления стал постепенно повышаться, хотя в целом ситуация в этой области все еще оставалась неудовлетворительной. Крестьяне пребывали в твердом убеждении, что их самым жестоким образом ввергли во «второе крепостничество». Они даже столь привычную аббревиатуру ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков) переименовали во «Второе крепостное право (большевицкое)»¹. И для такой точки зрения у них было немало оснований, поскольку многие из них были лишены возможности получить паспорт и, значит, оказались полностью прикреплены к земле. Кроме того, они были обязаны поставлять государству определенное количество продукции, причем не только с колхозных полей, но и со своего собственного приусадебного хозяйства. Помимо всего прочего, на них возлагались обязательные трудовые и транспортные повинности. А их новым «барином» стал председатель колхоза, реальный повелитель всего огромного хозяйства. Фактически это было возрождение давно забытой системы «сбирания дани» и в известном смысле системы «кормления». И все же одна существенная черта старого режима не дожидаясь до той поры. Несмотря на массивную пропаганду, большинство людей однозначно возлагали вину за все ужасы коллективизации, голодомора и «второго крепостничества» именно на Сталина и других коммунистических вождей. Никакого синдрома «царя-батюшки» в советской коллективизированной деревне не было и в помине².

Но несмотря на все эти недостатки, советское общество было более мобильным и предоставляло людям большие возможности для выхода из той тупиковой ситуации, в которой находились дореволюционные крепостные России. Так, например, молодые люди могли получить паспорт, если уезжа-

ли в города для получения высшего или среднего специального образования или для прохождения армейской службы. Поскольку сельские начальные школы находились в ужасном состоянии, то мало кто из их выпускников мог рассчитывать на первую возможность. С другой стороны, если кому-то удалось тем не менее вырваться и получить специальное или высшее образование, то это был такой успех, который повышал весь статус сельской школы. Почти все годные к воинской службе молодые мужчины призывались в армию, а отслужив положенный срок, мало кто из них возвращался на прежнее место жительства. Получив на руки гражданский паспорт, они с его помощью получали городскую прописку и превращались в городских жителей. Таким образом, число сельских жителей постоянно уменьшалось. Через некоторое время в сельской местности остались только дети, старики и женщины разных возрастных категорий, которые уже не имели никакой возможности выйти замуж и обзавестись семьей.

Этот демографический дисбаланс значительно усиливался за счет государственной инвестиционной политики, которая отдавала предпочтение отраслям тяжелой промышленности и оставляла коллективные хозяйства в состоянии хронического дефицита финансовых ресурсов. Одним из главных мотивов коллективизации было создание наиболее благоприятных условий для механизации сельского хозяйства. На практике же только немногие колхозы получили возможность обзавестись комбайнами, тракторами или какой-либо другой техникой. Вместо этого каждый колхоз был прикреплен к определенной машинно-тракторной станции (МТС), которая и обеспечивала его необходимыми машинами и специалистами. МТС также служили в качестве оплота партийного руководства и органов безопасности. Через эти организации они могли не только контролировать, но и определенным образом влиять на развитие сельского хозяйства, где они по-прежнему были представлены очень слабо.

Поскольку «трудовые дни» колхозникам оплачивали только после того, как колхоз рассчитывался по всем другим финансовым обязательствам, включая, например, долги перед МТС, колхозникам была гарантирована только скромная оплата, если

они ее вообще получали. Таким образом, в стране снова возродилось нечто вроде давно забытой «барщины». На деле же это неизбежно приводило к тому, что колхозные крестьяне больше заботились о своем приусадебном хозяйстве, снабжавшем, несмотря на свои небольшие размеры, страну значительной долей тех яиц, мяса, фруктов, овощей, молочной и другой продукции, которая продавалась на рынках.

Кроме того, «трудодни» оплачивали по так называемой скользящей шкале, в соответствии с которой более квалифицированные и умелые работники получали больше, чем все остальные колхозники. Такая система оплаты быстро стала основой формирования своей собственной деревенской иерархии, во главе которой находился председатель колхоза, после которого следовали остальные представители колхозной элиты — бухгалтер, агроном, зоотехник, трактористы и шоферы, члены колхозной администрации, бригадиры и т.д. Все вышестоящие руководители колхозов все чаще и чаще брали на себя роль фактических владельцев колхозных ресурсов и хозяев самих крестьян. С одной стороны, они несли ответственность за благополучие колхозников, а с другой — могли беззастенчиво пользоваться дешевой рабочей силой.

Испытывая постоянную нехватку средств по причине низкой оплаты труда, колхозники, естественно, возмущались подобными привилегиями, особенно когда подвергались откровенным оскорблениям, но у них не было практически никакой возможности добиться защиты от государственных органов. Они, конечно, писали письма в местные газеты, а иногда адресовали их даже Сталину или Молотову, но это редко приводило к серьезным улучшениям. Правда, на такие письма власти иногда реагировали, особенно во время массовых «чисток» 1936—1938 гг.: так же, как в городах, в сельской местности власти использовали доносы для устранения неугодных чиновников, а на реальной жизни крестьян это практически не сказывалось. Судебные процессы в деревнях превращались под умелым руководством организаторов в своего рода карнавал, во время которого крестьяне получали редкую возможность поиздеваться над злыми начальниками³.

По большому счету все эти судебные процессы ничего не меняли в жизни колхозного крестьянства. Как и всякий другой карнавал, они были нацелены не на коренное улучшение условий жизни, а на снятие опасной для власти социальной напряженности в сельской местности. Установление колхозного строя помогло решить проблемы обеспечения страны зерном и продовольственным снабжения городов и армии. Однако такой выход из положения оставил после себя постоянно тлеющие очаги деморализации крестьянства и хронической отсталости всего сельского хозяйства, что в конце концов послужило главной причиной крушения коммунизма и до сих пор представляет собой реальную угрозу его наследникам.

Руководители и рабочие промышленности

Современные российские историки называют промышленную структуру, созданную в годы первого пятилетнего плана, «командно-административной системой». При этом имеется в виду, что руководители предприятий издавали приказы, подготовленные в Госплане, а рабочие их беспрекословно выполняли. Но на самом деле все не так просто. Модель советской индустриализации, сформировавшаяся в 1930-е гг., скрывала в себе огромной силы противоречия между «большевистской силой воли», технической целесообразностью и интересами самих рабочих. Советская промышленная политика металась из стороны в сторону между этими тремя императивами, каждый из которых был враждебен традициям трудовой гордости, в которой воспитывалось старшее поколение российских рабочих.

Тейлоризм, то есть система научной организации промышленности, которой так поклонялся Ленин, означал тщательное и весьма детальное изучение всех индустриальных процессов, разбитых на минимальные единицы и операции, выполнение которых позволило бы рабочим использовать свое рабочее время с максимальной эффективностью. Подобный интерес к де-

талям и мелким операциям предполагает стабильную обстановку на производстве и хорошо организованный труд рабочих. Но в условиях России очень трудно было приспособить такой подход к текучке рабочей силы и вековым привычкам бывших крестьян, которые никак не могли адаптироваться к жесткому ритму индустриального мира. Они привыкли выполнять всю работу или какое-либо особое задание от начала до конца и при этом готовы были работать сколько потребуется. А на промышленном предприятии от них требовали определенной дисциплины труда, при которой они должны были приходить на работу в определенное время и заканчивать ее по гудку. Кроме того, им приходилось выполнять рутинные мелкие задания, представлявшие собой лишь частичку огромного целого. Зачастую им просто-напросто не хватало нужной квалификации, а более опытные рабочие неохотно помогали им, опасаясь превратить их в своих соперников. В результате новички на промышленном предприятии часто допускали досадные просчеты, способные затормозить весь производственный процесс, а это, в свою очередь, часто приводило к срыву производственных заданий, заметному уменьшению зарплаты всех и провоцировало всеобщий ропот недовольства⁴.

Так же трудно было приспособить принципы тейлоризма к утопическому планированию. В течение 1928—1931 гг. Советское государство все еще надеялось заменить деньги и рыночные отношения причудливой комбинацией директивных указаний и неуклонно растущего энтузиазма населения. Оно всячески внедряло образ героического революционного подвижничества и закладывало в свои планы совершенно фантастические цифры, не имевшие под собой реальных оснований. Именно поэтому в стране возник и официально поддерживался лозунг о том, что «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики». А когда реальные дела не подтверждали ожиданий, всегда находились какие-нибудь драматические обстоятельства, которыми власти объясняли свои неудачи. Так, например, во всех смертных грехах обвинили «буржуазных специалистов», а после знаменитого «шахтинского дела» в Донбассе в 1928 г. начались массовые аресты и показательные

судебные процессы, которые советская пресса изображала в те годы как части вселенской борьбы между добром и злом.

Вскоре в стране развернулось так называемое социалистическое соревнование; в него включились прежде всего молодые, полные энтузиазма рабочие и ударники труда, которые брали на себя повышенные обязательства, делили поровну зарплату и всячески демонстрировали, что все предостережения «специалистов» не стоят и ломаного гроша. Это движение дало поначалу ошеломляющие результаты, но вместе с тем породило постоянно угрожавший производству хаос, особенно в тех случаях, когда плохо подготовленные рабочие брали на себя обязательства, превышавшие их реальные силы и профессиональные возможности; квалифицированные рабочие возмущенно покидали предприятие и искали новую работу с более высокой зарплатой или по крайней мере с возможностью полностью проявить свое мастерство.

После 1931 г. власти стали все чаще и чаще признавать, что с помощью голого энтузиазма и силы воли далеко не всегда можно добиться желаемого результата. Уравнительные тенденции и презрение к квалифицированной экспертизе постепенно перестали быть модными. Сталин вынужден был реабилитировать высокое значение мастерства, опыта и профессионального обучения для дальнейшего технического прогресса страны. Более того, было признано, что материальная заинтересованность в результатах труда играет положительную роль, а неравенство в оплате способствует позитивным сдвигам в промышленном производстве. «Нельзя терпеть, — провозгласил Сталин, — чтобы машинист на железнодорожном транспорте получал столько же, сколько переписчик... Нам нужны теперь сотни тысяч и миллионы квалифицированных рабочих. Но чтобы создать кадры квалифицированных рабочих, надо дать стимул и перспективу необученным рабочим к движению вперед и движению вверх»⁵. Именно с этого времени государство стало уделять гораздо больше внимания назначению отдельных рабочих на более подходящие места и более разумному использованию их мастерства и опыта.

В 1935 г. политика государства снова изменилась, однако полного возврата к уравнительным принципам уже не было. Напротив, советская печать дружно подхватила опыт Алексея

Стаханова, донбасского шахтера, который, как сообщалось, добыл за одну смену 102 тонны угля вместо 7 тонн по официальной норме выработки. Отныне все технические нововведения и разработки сочетались с принципами трудового героизма. Стахановцы были призваны резко увеличивать выпуск продукции не только благодаря упорному и напряженному труду, но прежде всего благодаря техническим изобретениям и новым технологиям. Именно таким образом государство надеялось повысить производительность труда и внедрить новую мотивацию для рабочих, не прибегая к рыночным стимулам и не предоставляя руководителям производства большей власти при принятии важных производственных решений. Подчеркивались поразительные индивидуальные достижения отдельных простых рабочих. Они стали получать намного больше денег, чем все остальные, не говоря уже о возможности приобретать лучшую одежду, получать квартиры, проводить отпуск на море и пользоваться всем набором медицинского обслуживания. Некоторые стахановцы стали получать так много, что могли позволить себе даже покупку автомобиля⁶. Таким образом, в промышленности постепенно складывалась новая иерархическая система, многих представителей которой позже стали посылать на учебу в высшие партийные школы, после чего они становились полноправными членами партийно-государственной элиты страны.

И все же этот метод шел вразрез с преобладающей в обществе традицией уравнительности и «круговой поруки». Успешная и эффективная работа стахановцев зависела от помощи других рабочих, которую те не всегда готовы были предлагать, поскольку испытывали зависть к льготам и привилегиям передовиков производства. Почему одному рабочему должны доставаться все блага, создающиеся общими усилиями? Возникло также немало возмущенных вопросов относительно справедливости оплаты труда. Если на предприятие своевременно не поставлены материалы, если нет запчастей или они некачественные, если производственная линия все время простаивает, то как же можно вообще выполнить производственную норму? Кроме того, рабочие места часто были грязными, а помещения плохо проветривались. Подсобные рабочие могли задержаться с выгрузкой продукции, с ремонтом или техническим осмотром.

Помешать выполнению нормы могли длинные очереди в заводской столовой или необходимость пораньше уйти с работы, чтобы купить дефицитные товары в магазине⁷.

Короче говоря, добиться высоких результатов в работе по указке свыше оказалось невозможно. В результате советский завод, как и старая сельская община, стал социальной единицей, устремленной прежде всего на выживание своих членов. В такой производственной общине руководители, инженеры, техники, представители профсоюзов, передовики производства и простые рабочие — все имели свое место и, в свою очередь, частично зависели от чиновников Госплана и промышленных министерств. Поскольку давление рынка полностью отсутствовало, то именно эти люди в совокупности определяли, какую промышленную продукцию им выпускать, сколько должна стоить готовая продукция, сколько нужно платить каждому рабочему за его личный вклад в производство и, наконец, в каких условиях они должны работать. При этом рабочий зависел от своего начальства, которое должно было заботиться об условиях труда и отдыха и сносной зарплате. А начальство зависело от выполнения рабочими производственных заданий и норм, чтобы избежать крайне нежелательных для себя проверок, расследований, наказаний, смещений с руководящих постов или даже ареста и суда. Таким образом, советское промышленное предприятие превратилось в новую форму патриархальной общинной структуры, в которой начальство и рабочие часто имели между собой больше общего, чем с вышестоящим начальством в Москве. Их принципиальные интересы заключались в том, чтобы максимально снизить производственный план и всячески уклоняться от любых перемен.

Время от времени Москва пыталась разорвать эти отношения взаимозависимости, но особого успеха так и не добилась. В течение 1937—1938 гг. правящий режим отчаянно возрождал атмосферу 1928—1929 гг. с ее системой преследования специалистов и проведения показательных судебных процессов. Только на сей раз жертвами стали управленцы и технические работники, которые невольно заняли место «буржуазных специалистов». Любые несчастные случаи и невыполнение планов теперь приписывались недостаткам

управляющего персонала, коррупции или даже тщательно подготовленному саботажу. С этой целью проводились многочисленные митинги, на которых обвиняемые практиковали «самокритику» и признавали свои ошибки перед лицом всего трудового коллектива. Некоторые управленцы подвергались арестам, а отчеты о судебных процессах аккуратно публиковались в местной печати⁸.

Общественная система, созданная советским режимом, в конечном итоге оказалась вовсе не такой уж безденежной и нерыночной, как того хотелось. Это была система, в которой отдельные элементы рынка причудливым образом сочетались с директивной экономикой и своеобразной мотивацией к труду. А в самом центре этой системы стоял патронаж директора предприятия, который нанимал рабочих и увольнял их, поддерживал отношения с партией, Госпланом, промышленными министерствами и, по мере необходимости, с органами безопасности. Кроме того, он прилагал немало усилий, чтобы добыть горючее, топливо, запчасти, сырье и материалы и в целом обеспечивал бесперебойную работу своего предприятия, преодолевая на этом пути многочисленные трудности и опасности.

Что же до рабочих, то материальные интересы заставляли их смириться с существующей иерархией на производстве и всеми силами защищать свое место в этой системе. Однако здесь присутствовали и нематериальные интересы, которые долго и напористо пропагандировала партийная идеология. Обещание коммунистов построить общество социальной справедливости, равенства и благополучия для всех было выполнено лишь частично, но партия немало сделала для создания широкой системы народного образования и медицинского обслуживания. Многие рабочие все еще помнили старую систему эксплуатации при царском режиме, хотя для многих новая система оказалась не лучше. Тем не менее они ценили обещание дать социальные гарантии. Кроме того, режим всячески афишировал ужасы последнего этапа капитализма, которые проявлялись тогда в нацистской Германии. Партийная пропаганда усиленно эксплуатировала это сочетание антикапитализма с патриотизмом, тем более в условиях действительно реальной угрозы со стороны германского нацизма. Это еще

больше способствовало укреплению в народе образа Сталина как простого, скромного Друга и Учителя всех трудящихся, Мудрого Вождя угнетенных народов и всего прогрессивного человечества. Другими словами, такой патриотизм был по своему характеру скорее советским, чем исконно русским. Впрочем, различия между этими видами патриотизма не были абсолютными. Мы уже видели, что русские люди всегда были склонны отстаивать систему общечеловеческих, наднациональных ценностей, включая в нее все другие народы⁹.

Успешное выполнение первого пятилетнего плана привело к значительному росту промышленной продукции, но произошло это прежде всего из-за широкого использования новых ресурсов, главным образом людских. В промышленное производство было вовлечено большое количество крестьян, а государственная власть сделала все возможное, чтобы сосредоточить новые ресурсы на немногих избранных направлениях промышленного производства. Все другие сферы экономики отходили на второй план или были вообще запущены. К застойным отраслям можно отнести сельское хозяйство, жилищное строительство, розничную торговлю, сферу обслуживания и производство товаров широкого потребления. И это не могло не сказаться на всей экономике в целом. Даже рабочие приоритетных сфер нуждались во вспомогательных отраслях. Без их успешного развития люди были вынуждены тратить свободное время и силы на обеспечение своих семей необходимыми потребительскими товарами. А недостатки в сфере медицинского обслуживания, например, самым непосредственным образом сказывались на развитии приоритетных отраслей промышленности. Мало внимания уделялось даже таким важным сферам производства, как химическая промышленность и электроника, что приводило к весьма разрушительному кумулятивному эффекту.

Однако неравномерное развитие советской экономики было отнюдь не самым главным недостатком, таившим серьезные опасности для будущего развития страны. Все дело в том, что так называемая плановая советская экономика не являлась таковой в строгом смысле слова. Это была патерналистская экономика, в которой рабочие и служащие зависели от администрации предприятия, а та, в свою очередь, зависела от министерского начальства; в целом же все зависели друг

от друга и делали все возможное, чтобы обеспечить себе более благоприятные условия и гарантированное благополучие за счет слоев населения, оставшихся за бортом тяжелой индустрии. А просуществовала эта система так долго прежде всего потому, что Россия располагала огромными ресурсами, как человеческими, так и природными. Как отмечал в свое время Моше Левин, «все было построено на затратных принципах, без которых не могло работать ни одно предприятие, и на этой основе возникла огромная паразитическая надстройка». Промышленные министерства выбивали у Госплана дополнительные ресурсы для вверенных им предприятий, а промышленные предприятия выбивали у министерств ресурсы для своих подразделений. При полном отсутствии рыночных сил и каких бы то ни было механизмов финансовой дисциплины получение максимальных дополнительных ресурсов было главным показателем эффективности производства. Именно поэтому довольно часто к реализации строительных проектов приступали, не зная толком, когда и каким образом будет завершено это строительство и будет ли оно вообще завершено когда-нибудь. По этой же причине в страну часто завозили дорогостоящее импортное оборудование, не зная, как его использовать с максимальной выгодой. А потом эти машины ржавели под дождем и снегом на открытом воздухе, так как не было готовых помещений для их бережного хранения. И так далее и тому подобное. В стране с богатейшими природными и людскими ресурсами такая экономическая система могла существовать очень долго, но не до бесконечности. В конечном итоге стали истощаться ресурсы, а всевозрастающее давление международной конкуренции в конце концов обнажило все недостатки и пороки такой системы¹⁰.

Архитектура и городское планирование

Нигде больше стремление разрушить старый мир и построить на его месте новый не оказывает такого громадного влияния на повседневную жизнь, как среди архитекторов. В то время как одни архитекторы считали, что будущее социалистическое об-

щество в России должно быть негородским, то есть рассеянным на небольшие коммуны вдоль скоростных и надежных шоссе-ных дорог, большинство все-таки придерживалось мнения, что создание нового общества следует начинать с коренного преобразования крупных городов. Тем не менее единодушия по поводу того, как именно это нужно делать, не было. Наиболее радикальные члены ОСА (Общество современных архитекторов) мечтали о создании своеобразных домов-коммун, в которых все коммунальные услуги: приготовление пищи, стирка белья, ремонтные мастерские и т.д. — будут предоставляться жильцам централизованно, чтобы максимально освободить людей, и в первую очередь женщин, от рутинных и не всегда приятных обязанностей. Каждый человек, проживающий в таком доме, должен был иметь собственную комнату, спальню-гостиную, близкую к другим членам семьи, но все же отделенную от них. Детей предполагалось селить отдельно от семьи и под неусыпным контролем специалистов-воспитателей, но недалеко от родителей, чтобы те могли регулярно навещать их. Все семьи имели бы возможность обедать или ужинать вместе, но не дома, а в близлежащих кафе или общественных столовых¹¹.

На практике же жилищный кризис, вызванный первым пятилетним планом, оказался настолько острым, что не дал никакой возможности для осуществления столь амбициозных и широкомасштабных планов. Миллионы сельских жителей ринулись в города, и их пришлось втиснуть в реально существующие жилища. Многие семьи ютились в тесных коммунальных квартирах, занимая в лучшем случае отдельную комнату, пользовались общей кухней, туалетом, ванной, коридором и при этом все вместе, без каких-либо разграничений по признакам пола или возраста. Зажиточные и культурные люди были вынуждены ежедневно сталкиваться с доселе неизвестными проявлениями семейного насилия, грязной руганью и полным отсутствием элементарных гигиенических норм. Кроме того, они то и дело подвергались различного рода унижениям и даже опасностям, так как каждый сосед по коммуналке мог без особого труда следить за домашней жизнью и бытом остальных жильцов и докладывать об этом представителям власти. И в этом смысле коммунальная городская квартира быстро превратилась в некое подобие

сельской общины с ее слухами, сплетнями, доносами и так далее. Правда, в то же время такое сожительство принуждало их улаживать конфликты и обходить опасности посредством определенного соглашения.

Такова была реальность советского общества, и она оказалась очень далека от утопических мечтаний первых лет Советской власти. По словам одного из жильцов такой коммунальной квартиры, это был «убогий роман с идеей коллектива, противоречащий как широко распространенной общинной мифологии, так и традиционным семейным ценностям... Каждый жилец коммунальной квартиры, вероятно, всю жизнь носит на себе шрамы символической «круговой поруки» — двойственной связи любви и ненависти, зависти и преданности, интимности и открытости, возмущения и уступок»¹².

Погружение в эту неприглядную реальность невольно принуждало к переоценке того грубого пролетарского образа жизни, который был воспринят многими членами партии. В коридорах и подъездах появились таблички с призывами соблюдать взаимную вежливость и правила личной гигиены, а жильцов коммунальных квартир заставляли регулярно подметать и мыть полы, ежедневно выбрасывать мусор и воздерживаться от стирки грязной одежды в кухонных раковинах. Между тем высшие слои партийно-государственной номенклатуры уже начали готовиться к отходу от некогда священных принципов коммунального сожительства. Они все чаще и чаще стали получать отдельные квартиры, где можно было жить без соглядатаев и обустривать свое жилье более или менее сносной мебелью, шкафами и буфетами. Причем в 1930-е гг. подобные привилегии стали весомее и значительнее, чем денежные доходы, так как на них в условиях плановой экономики и всеобщего дефицита трудно было что-либо приобрести. Вместо этого градации номенклатурной иерархии стали давать доступ к более существенным привилегиям: отдельным квартирам, дачам, домам отдыха, специальному медицинскому обслуживанию, автомобилям (с шофером для вышестоящих), чтобы освободить руководящих работников от необходимости толкаться в переполненных автобусах или вагонах метро. В то время как остальные граждане страны испытывали острую нехватку самых необходимых това-

ров и толпились в очередях в государственных магазинах или платили за них грабительские цены на рынках, высокопоставленное начальство могло без особого труда отовариться доброкачественными и при этом дешевыми товарами в специальных магазинах, доступ в которые был открыт только для избранных¹³.

Грандиозные архитектурные проекты разрабатывались вне жилищной сферы и касались преимущественно общественных зданий и таких проектов, как Московский метрополитен, первая в стране линия подземного общественного транспорта. Здесь вместо чистых и прямых архитектурных линий и простых, почти стерильных форм, столь излюбленных в международном авангарде, структурные формы постепенно стали обрастать причудливыми деталями неоклассицизма с его арками, колоннами, резными плинтусами и капителями. На Первом съезде советских архитекторов в 1934 г. его председатель Алексей Щусев воздал хвалу публичным зданиям императора Августа в Древнем Риме и добавил: «В этой области непосредственными преемниками Рима являемся только мы, только в социалистическом обществе, при социалистической технике возможно строительство в еще больших масштабах и еще большего художественного совершенства»¹⁴.

Однако со временем пропорции неоклассицизма постепенно становились все более размытыми, более искаженными, с удлинненными формами и аляповатыми декоративными мотивами в стиле необарокко, где непременным атрибутом стали молот и серп, красные знамена, застывшие статуи солдат или рабочих. Примерами такой архитектуры являются здания Госплана и гостиницы «Москва» в самом центре Москвы, на очищенном от торговых лавок Охотном ряду. Теперь этот район напоминал библейский храм, откуда изгнали торговшей и ростовщиков. Такими же примерно архитектурными особенностями отличались и первые здания на улице Горького (1936—1940), а также на Московском проспекте в Ленинграде. Подобным образом были оформлены шлюзы на каналах Волга — Дон и Москва — Волга, построенных с помощью рабского труда заключенных. В павильонах Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москве национальные

мотивы были вплетены в монументальный стиль сталинского барокко и тем самым задали тон градостроительному оформлению столиц всех союзных республик.

Высшим достижением сталинского небарокко стали несколько амбициозных зданий вокруг центра Москвы, частично скопированных с манхэттенских небоскребов Америки, которые были своеобразным «свадебным пирогом» архитектурного облика столицы после Второй мировой войны. Правда, нижние части этих зданий были более широкими, чем у небоскребов и к тому же обильно декорированными неомосковскими мотивами. Здания должны были наподобие кремлевских башен венчаться шпилем с огромной красной звездой. Самым ярким примером такой архитектуры является массивное здание Московского университета на Ленинских горах, оконченное в 1953 г. Это здание стало своеобразной данью государственной политике, отдающей приоритет науке и образованию в коммунистическом обществе. На самом же деле это был публичный стиль экспансивной и самоуверенной империи, русской по духу и интернациональной по своим формальным признакам¹⁵.

Литература и искусство

Сталин стал делать то, к чему так долго призывал авангард, то есть пытался разрушить границы между жизнью и искусством. Он отвергал также раннее постреволюционное иконоборчество, воспринимая империю как воплощение тысячелетних чаяний русского народа и используя утопическую риторику как главное средство государственной пропаганды. В литературе пышные эксперименты писателей раннего Пролеткульта и футуристические опыты Маяковского постепенно уступили место традиционному реализму, а затем культу героического подвига, преподнесенного в весьма доступной для понимания манере. В 1932 г. все соперничавшие друг с другом литературные группы и кружки были закрыты, а вместо них появилась новая и единая для всех ассоциация —

Союз советских писателей. На своем Первом съезде в 1934 г. эта новая организация провозгласила, что единственным творческим методом, которым должны пользоваться все советские писатели, является «социалистический реализм»; его основные черты — народность, партийность и идейность. Содержание этих терминов было крайне размыто и туманно, и тем не менее все понимали, что отныне писать надо о простых людях труда простым и понятным для них языком и в том неприменном духе, который был идеологически выдержан и одобрен партией. Тех писателей, кто придерживался этого метода, постоянно публиковали и предоставляли им многочисленные привилегии, доступные членам Союза писателей, — лучшие квартиры, специальные клиники, дома отдыха и т.д.¹⁶. Те же писатели, которые обходились без подобного метода, вели жизнь обычных советских граждан, а порой их судьба менялась далеко не в лучшую сторону.

Ключевыми персонами в Союзе писателей были его секретари и главные редакторы журналов и издательств. Эти люди держали под своим контролем доступ на страницы популярных изданий, и именно они решали, что соответствует строгим критериям Союза писателей в каждом конкретном тексте. На самом деле главным критерием для публикации того или иного произведения служил их собственный вкус, а не партийная идеология. А поскольку на этих высоких постах часто оказывались второстепенные писатели, то они всячески культивировали осторожность, консерватизм и легко понятный писательский стиль. Их пугали любой эксперимент, любая неясность и самая безобидная критика советского общества. Со временем желание приспособиться к их вкусу стало второй натурой большинства советских писателей и весьма эффективно закреплялось на так называемых творческих семинарах, общественных чтениях и дискуссиях о текущей литературе. Кроме того, для писателей далеко не последнее значение имело мнение Главлита, официального цензора, который зорко присматривал за литературным процессом и играл существенную, хотя и вспомогательную роль, обеспечивая сохранность всех государственных секретов. Главлит следил также за тем, чтобы в литературных произведениях не появлялись точки зрения на отечественную историю, проти-

воречившие официальным постановлениям правительства и указаниям партии.

Структура Союза писателей СССР стала моделью для всех других творческих союзов и профессиональных объединений, таких, например, как союзы инженеров, адвокатов, врачей и т.д. Их руководители назначались через номенклатурную систему; они, с одной стороны, должны были быть признанными авторитетами в своей области, а с другой — безукоризненно проводить в своих коллективах генеральную линию партии. А взамен на свою лояльность эти творческие объединения могли порадовать своих членов некоторыми льготами и привилегиями, которые защищали их от необходимости вести постоянную борьбу за существование. То есть творческие союзы организовывали своим членам такой образ жизни, который причудливо сочетал профессиональную компетенцию и беззаветную службу во благо партии и народа.

А для писателей, обладавших настоящим или в какой-то степени оригинальным талантом, подобная институционализация литературы создавала неразрешимые проблемы, которые зачастую принимали формы агонии творческого процесса. И дело тут не только в том, что их произведения оценивали выдающиеся посредственности, хотя и это само по себе доставляло им массу неприятных ощущений. У них как бы украли собственное призвание. Большинство таких писателей свято верили в то, что литература играет особую, даже в некоторой степени священную роль в российском обществе. А теперь коммунисты откровенно заявляли, что готовы окончательно завершить этот процесс сакрализации русской литературы, но не с помощью художественных методов, а посредством грубого политического давления.

Большинство известных писателей так или иначе пытались на каком-то этапе приспособиться к советской действительности и переориентировать свою работу в том направлении, на которое им указывала партия. Выдающийся поэт Борис Пастернак, например, сделал все возможное, чтобы стать частью коммунистического литературного мира. Он иногда ездил в «творческие командировки», занимал официальные должности в Союзе писателей, ему была выделена великолепная дача в подмосковном

писательском поселке Переделкино. «Я стал частицей своего времени и своего государства, — писал он, — и его интересы стали моими собственными». Он даже написал хвалебную оду Сталину, но она была такой своеобразной, что ее невозможно было использовать в пропагандистских целях¹⁷.

И все-таки он не смог сыграть ту роль, которую сам себе навязывал. Во время поездки на Урал вместе с другими членами Союза писателей в годы первой пятилетки он был настолько потрясен увиденными в Свердловске сценами ужасающей нищеты и моральной деградации населения, что вернулся домой в совершенно подавленном состоянии и не смог написать отчет о поездке, который от него требовали. С тех пор его произведения все чаще стали отвергать в журналах Союза писателей, упрекая автора в «неясности своих социальных идей». В конце концов он перестал сочинять стихи и полностью переключился на переводы, что, естественно, не создавало ему таких творческих дилемм и к тому же способствовало более глубокому знакомству с иностранной литературой. Переводя Шекспира, Гете и грузинских поэтов, он чувствовал, что по крайней мере может избежать мучительного состояния клаустрофобии, характерного для советской литературы, и может постоянно находиться в общении «с Западом, с исторической почвой и открытым лицом всего мира»¹⁸.

Судьба Пастернака оказалась относительно удачной. А Владимир Маяковский и Сергей Есенин покончили с собой, когда почувствовали, что границы их творческой свободы сужаются до неприемлемых размеров. Исаак Бабель, еврейский писатель из Одессы, практиковал «жанр молчания», как он называл свою реакцию на давление, в течение семи лет. Но и это его не спасло. Он был арестован, обвинен в шпионаже и терроризме и отправлен в лагерь, где и умер через некоторое время¹⁹.

Осип Мандельштам тоже долго не мог публиковаться и даже попытался написать оду Сталину, но вместе с тем и пасквиль на него, который зачитывал только самым близким друзьям. Он тоже был арестован, обвинен в «контрреволюционной деятельности» и умер в декабре 1938 г. в одном из пересыльных лагерей Владивостока²⁰.

Анна Ахматова провела бесчисленное количество часов в очереди у ленинградской тюрьмы, пытаясь получить весточку о судьбе мужа и сына, а заодно передать им продукты. Этот печальный опыт она впоследствии описала в своем знаменитом произведении «Реквием», посвященном памяти женщины, с которой она стояла в очереди перед тюрьмой.

Писатель и драматург Михаил Булгаков избежал ареста и тюрьмы, но все 1930-е гг. провел в постоянной и зачастую тщетной борьбе за право публиковать свои произведения. Несмотря на личное обращение к Сталину, ему запретили эмигрировать из страны и продолжали отказывать в постановке его пьес. В конце концов, не выдержав этой неравной борьбы, он слег и умер после тяжелой и продолжительной болезни, вызванной нескончаемым психологическим напряжением и состоянием крайней подавленности.

Во всех видах художественного творчества требовался не столько идеологический конформизм, сколько профессиональная компетенция по критериям искусства девятнадцатого века с его романтизмом или реализмом, в зависимости от обстоятельств. В изобразительном искусстве предпочтение однозначно отдавалось монументальным формам и праздничной манере исполнения, изображению исторических лиц России, героических революционеров, героев труда или колхозников на фоне плодов их труда. В то же время художникам разрешался менее героический стиль при условии, что их произведения были бы доступны простым людям. Так, они часто изображали на своих полотнах портреты или сцены из повседневной жизни.

Музыка всегда была более отвлеченной формой художественного творчества, но и она претерпела существенные изменения. Например, композитор Дмитрий Шостакович, вдохновленный джазом, танцевальной музыкой и индустриальными ритмами 1920-х гг., создавал произведения, вызывавшие растущее недоумение его коллег. А в 1936 г. на его экспериментальную оперу «Леди Макбет Мценского уезда» обрушилась разгромная критика официальной печати. Газета «Правда» писала по этому поводу, что опера представляет собой не музыку, а «сумбур вместо музыки». Это заставило его отозвать свою Четвертую симфонию непосредственно перед первым исполнением и значительно уп-

ростить ее музыкальный стиль. В результате в 1937 г. появилась Пятая симфония — чрезвычайно удачная и успешная работа, выполненная в относительно традиционной форме сонаты. Он назвал ее «Ответ советского художника на справедливую критику», полагая, что дипломатия стала важнейшим инструментом советского музыкального искусства. И тем не менее в течение довольно долгого времени Шостакович пребывал в состоянии панического страха, что его могут в любой момент арестовать²¹.

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. все художественные течения в СССР постепенно трансформировались в сторону высокого технического совершенства под непосредственным влиянием системы обучения, организованной и налаженной творческими союзами в сочетании с серым и консервативным стилем, поддерживаемым второразрядными художниками из числа руководящей элиты.

Образование и новая элита

Образовательная политика советских властей продвигалась в том же иерархическом, имперском и консервативном направлении. В течение 1920-х гг. от школьников требовали проходить профессиональный и политехнический курс обучения, который непременно включал в себя уроки труда. При этом большая часть такого обучения проводилась «на рабочих местах», то есть на фабриках, заводах или в колхозах, а так называемая учебная часть протекала не за письменным столом, а на общественных работах. Обучение истории носило социально-экономический характер и критически относилось к до-революционному прошлому. Деятельность царей, генералов и помещиков преподносилась не как вклад в строительство и укрепление государства, а как нескончаемая эксплуатация трудового народа.

Вскоре работодатели и родители учащихся стали все чаще жаловаться на то, что выпускники школ приходят на производство без соответствующей общеобразовательной подготовки. В августе 1931 г. Центральный Комитет партии издал

декрет, в соответствии с которым учебные планы средней школы должны предусматривать больше времени на обучение детей правописанию, чтению и математике наряду с историей, географией, точными науками, русским языком (и национальными языками, где они широко используются), а также основами марксизма-ленинизма. Труд и профессиональное обучение практически полностью исчезли. Преподавание снова стало вестись в школьных зданиях, и обучение постепенно формировалось на основе стандартных школьных учебников и систематической проверки знаний с помощью контрольных работ и экзаменов. А учителям истории рекомендовали избегать «абстрактных социологических схем» и больше внимания уделять хронологии событий. В моду снова вошли исторические даты, короли, цари и военные сражения, в первую очередь — победоносные для России. Школьники снова стали заучивать деяния Ивана Грозного, Петра Великого и Екатерины II, которые преподносились теперь как национальные герои, а все их завоевания стали вдруг «прогрессивными», поскольку способствовали укреплению империи во главе с великим русским народом. Ведь вокруг этого великого народа со временем сформируется великий Советский Союз. Все антирусские восстания, такие, например, как восстание Шамиля, перестали относить к народным и национально-освободительным и осудили как антипатриотические²².

К концу 1930-х гг. в школах восстановили единую форму с обязательной косичкой для девочек. А для трех старших классов средней школы была введена плата за обучение, что положило начало процессу сознательной и целенаправленной классовой стратификации, так как, не окончив старших классов, невозможно было получить высшее образование.

Все эти перемены отражали тот факт, что новая социальная элита теперь начинала занимать самые высокие посты, — элита, сформированная по образцу дореволюционного воспитания и обучения, но всецело под контролем советской системы. Страстно желая сменить «буржуазных специалистов», партия еще в конце 1920-х гг. разработала программу переобучения, в соответствии с которой самые перспективные молодые люди направлялись на учебу в высшие и сред-

ние специальные учебные заведения, чтобы потом стать основой нового класса «красных специалистов». Направленные с заводов или из колхозов партийными организациями, комсомолом или профсоюзами, эти люди обеспечивались скромными стипендиями и должны были учиться от трех до пяти лет преимущественно в технических институтах, где они набирались опыта и знаний для будущей руководящей работы. В течение 1928—1932 гг. около 110 тысяч молодых членов партии и 40 тысяч беспартийных получили таким образом высшее образование, что составило примерно одну треть всех студентов высших учебных заведений²³.

Первые выпускники начала 1930-х гг. сразу же стали идеальными кандидатами на занятие самых престижных должностей в стремительно развивающейся промышленности первых пятилеток. Они превосходно вписались в созданную Сталиным систему номенклатуры и быстро стали ядром этой системы в области промышленности, сельского хозяйства и Вооруженных сил.

К концу 1930-х гг. образ жизни «красных» и «буржуазных» специалистов стал практически неразличим. Новая техническая элита перенимала манеры традиционного буржуазного общества и быстро стала тянуться к соответствующим материальным благам. Кожаные куртки и рабочие спецовки постепенно уступали место двубортным пиджакам и галстукам. Бороды и длинные волосы были сострижены, в моду вошли свежесбритые лица. Женщины стали свободно пользоваться косметикой и духами. В городских квартирах вновь появились занавески, ограждавшие частную жизнь граждан от любопытных взоров посторонних, а над столами вешались абажуры, уютно рассеивающие свет по всей комнате. Еду все чаще стали подавать на обеденные столы, покрытые белоснежными скатертями.

Многие газеты и журналы той поры настойчиво убеждали читателей, что такой стиль жизни подходит не только для директоров заводов или государственных чиновников, но и для ударников и стахановцев. И все это сопровождалось внедрением таких «профессиональных» достоинств, как стремление к чистоте, аккуратности, пунктуальности, вежливости, то есть всего того, что вскоре стало называться одним словом «культ-

турность». Любое же другое поведение, которое не вписывалось в эти рамки, публично осуждалось как «некультурное»²⁴.

Слово «культура» в русском языке имеет более широкое значение, чем в английском, и сочетает в себе традиционное для англичан понятие «культуры» с вежливостью, навыками хорошей работы и преданностью общественному служению. Широкое распространение именно такого понимания культуры отражает тот факт, что советское общество неуклонно становилось на путь цивилизованного развития, подробно описанный Норбертом Элиасом, — своего рода возобновление кампании Петра I по европеизации своей элиты в XVIII в. Вместе с понятием «культура» в русское сознание вернулось понятие «общественность», но уже в качестве положительного термина, пригодного для описания образованных людей (вполне возможно, рабочих по происхождению, но обладавших высокой квалификацией), политически сознательных и социально активных. Это был тот самый образ, которому хотела подражать новая красно-буржуазная элита. И именно для нее создавалась однообразная, самодовольная, склонная к идеализации всего героического культура так называемого социалистического реализма.

Разумеется, этот образ был очень далек от той реальной жизни, которую вели простые советские люди. Идеалы «культурности» совершенно не соответствовали образу жизни в коммунальных квартирах, где люди были не в состоянии защитить свою частную жизнь или соблюдать все правила личной гигиены. А потребительские товары, которые так красочно изображали многие журналы и газеты, были недоступны для простых людей в обыкновенных государственных магазинах. Чтобы удовлетворить все запросы, которые даже сама власть считала вполне законными, человеку необходимо было протиснуться в верхние слои привилегированной элиты, получить протекцию какого-нибудь важного начальника или обзавестись широким кругом полезных знакомств с теми людьми, которые имели доступ к дефицитным товарам преимущественно зарубежного производства²⁵.

Таким образом, пропаганда определенных социальных идеалов в конечном счете лишь обострила социальное расслоение

общества, обнаружила полную неспособность советской промышленности удовлетворить возрастающие потребности людей и заметно ускорила процесс формирования особого типа отношений, связанных с патронажем, кумовством, покровительством, протекционизмом и фаворитизмом. Несколько десятилетий спустя именно такие отношения станут основной и повсеместно преобладающей чертой советского образа жизни.

Семейная политика

Марксистское учение о семье исходило из предположения, что в будущем социалистическом обществе женщина может быть полностью освобождена от лицемерного брачного союза, навязанного ей отношениями собственности и разделением труда. Приготовление пищи, стирка и воспитание детей будут возложены на общественные организации, а женщина получит полную свободу для творческого развития и равную с мужчинами оплату своего труда. Таким образом, брак и традиционная семья станут излишними, а мужчины и женщины будут вступать в союзы и расторгать их, исходя из отношений равенства и собственных чувств.

Раннее советское законодательство, окончательно сложившееся в Семейном кодексе 1926 г., во многом претворило в жизнь эти принципы. В стране был введен институт гражданского брака и легализованы аборт, которые стали вполне доступны для большинства женщин. Имущественные права женщин были полностью уравнены с мужскими, а семьи, живущие в гражданском браке, получили такой же статус, что и зарегистрированные. Внебрачные дети получили те же права, что и рожденные в браке. Любой из супругов мог без труда получить развод, для чего требовалось лишь проинформировать партнера, даже не спрашивая его согласия. При этом алименты выплачивались только для поддержания детей и инвалидов²⁶.

В результате всех этих реформ в стране резко подскочил уровень разводов. К середине 20-х гг. разводы в Советском Союзе достигли самой высокой в Европе отметки. В Москве к 1926 г.

на два брачных союза приходился один развод²⁷. Еще более широкое распространение получили аборт, особенно в больших городах, где молодые женщины стремились к получению образования и хорошей работы и где жилищные условия были совершенно непригодны для существования больших семей. В Москве, например, количество абортов поднялось с 19 на одну тысячу новорожденных в 1921 г. до 271 в 1934 г. В других городах их количество было несколько меньшим, но тенденция примерно такой же. А резко возросшее количество абортов неизбежно приводило к столь же резкому снижению рождаемости. В 1927 г. на одну тысячу жителей приходилось 45 новорожденных, а к 1935 г. их количество снизилось до 30,1, хотя общий уровень заключения браков за это же время заметно возрос²⁸.

Разумеется, успех такого семейного законодательства самым серьезным образом зависел от стремления государства освободить расторгнутые семьи от обязанностей материально поддерживать детей, стариков, больных и инвалидов. А сделать это было чрезвычайно трудно. В 1920-е и в начале 1930-х гг. на улицах крупных городов появились сотни тысяч сирот и беспризорных детей. Обычно они бродили вокруг рынков и железнодорожных станций, выпрашивали еду у прохожих, обворовывали людей, а иногда собирались в крупные банды и грабили мелких торговцев. Главной причиной такого большого количества беспризорных детей стали ужасы и разорения времен Гражданской войны, а потом к ним добавились пострадавшие в ходе сплошной коллективизации и урбанизации. Однако не стоит недооценивать и роль советского законодательства, в корне подорвавшего традиционные семейные узы.

Некоторых беспризорников доставляли в специальные детские приюты, но они были плохо обеспечены и пользовались дурной славой государственных заведений, где нет ни нормального питания, ни сколько-нибудь удовлетворительного ухода за детьми, особенно медицинского. Многие приюты стали рассадниками преступности и заразных болезней. Других беспризорников направляли в сельскую местность, где в крестьянских хозяйствах требовались дешевые рабочие руки. Но там они подвергались нещадной эксплуатации и были лишены всякой возможности получить хоть какое-то образование²⁹.

К началу 1930-х гг. советское руководство получило вполне очевидные доказательства того, что проводимая им семейная политика имеет крайне разрушительные последствия. Она создает нестабильные и неполные семьи, приводит к резкому падению рождаемости и способствует увеличению количества сирот и беспризорных детей. Подобные тенденции были крайне опасны для общества, которое переживало нелегкие времена социальных преобразований и роста преступности, а также для правительства, которое крайне нуждалось в пополнении Вооруженных сил и выполнении своих крупномасштабных экономических планов.

В итоге официальная пропаганда снова стала превозносить достоинства и ценности стабильной и прочной семейной жизни. «Брак является положительной ценностью для Советского социалистического государства только тогда, когда супруги готовы к продолжительному семейному союзу. Так называемая свободная любовь является буржуазным изобретением»³⁰. В связи с этим в июне 1936 г. были запрещены аборты, правда, за исключением тех случаев, когда роды могли нанести серьезный вред здоровью женщины, а по всей стране стали в ускоренном порядке строиться детские сады и другие дошкольные учреждения. Государственным учреждениям регистрации актов гражданского состояния вменялось в обязанность проводить торжественные регистрации браков и свадебные церемонии, чтобы тем самым подчеркнуть особое значение, которое государство придает институту семьи. А с 1944 г. добиться развода можно было только по решению суда.

Еще более важное значение уделялось укреплению семьи как важнейшей экономической ячейки общества, в связи с чем были восстановлены права наследования семейного имущества. И хотя в целом в советском обществе количество собственности было гораздо более скромным, чем в любом буржуазном, это тем не менее привело к тому, что ребенок мог унаследовать квартиру родителей, дачу с небольшим участком земли или любую другую собственность, нажитую родителями. А это было немало в условиях полного дефицита и отсутствия надежного источника доходов. Дети же из незарегистрированных семей автоматически лишались таких наслед-

ственных прав, что так же автоматически восстанавливало в своих правах концепцию законности брака.

Таким образом, восстановление основных принципов буржуазной семьи было косвенным признанием того прискорбного для советских реформаторов факта, что марксистский идеал семейной жизни на практике оказался совершенно нежизнеспособен. Попытка эмансипации женщин приводила к нарастанию социальных проблем и к падению рождаемости. Наиболее губительными эти последствия оказались для женщин, которые, по мысли советских руководителей, должны были получить максимальные выгоды от таких реформ. Взамен Советское государство предложило женщинам то, что американская ученая Уэнди Голдмен назвала «молчаливым договором»: «государство всемерно увеличивает свою поддержку семьям и закрепляет ответственность мужчин за состояние семьи, но взамен должно получить молчаливое согласие женщин на двойное бремя работы и материнства». В результате, хотя женщины получали все больше работы на промышленных предприятиях, это не привело к их полной эмансипации, так как оплата женского труда значительно снизилась в течение первого пятилетнего плана. Иными словами, теперь для нормального поддержания семьи и воспитания детей требовались доходы обоих родителей, и поэтому женщины волей-неволей вынуждены были согласиться на так называемое двойное бремя, с которым они могли бороться только методом ограничения рождаемости. И в этом смысле плоды женской эмансипации незаметно стали столпами сталинской неопатриархальной социальной системы³¹.

Внешняя политика

Новое Советское государство выступило со своим дипломатическим дебютом, призвав одновременно ко всеобщему миру и всемирной пролетарской революции. И оно проводило эту противоречивую политику с совершенно несовместимыми целями в течение почти семидесяти лет. Причем поначалу советские вожди не видели в этом никакого проти-

воречия, поскольку искренне верили в то, что именно пролетарская революция может привести к всеобщему миру, а этот всеобщий мир практически невозможен без пролетарской революции. Для них революция в России была лишь начальным этапом обоих процессов. Оставалось только опубликовать все секретные договоры, которые царское правительство заключило со своими союзниками в 1915 г., и все возмущенные народы Европы немедленно свергнут прогнившие режимы в собственных странах. Троцкий, самый верный апостол мировой революции, получив должность первого народного комиссара иностранных дел, тут же заявил: «Все, что нужно сейчас сделать, так это обнародовать все секретные договоры, а после этого я прикрою всю эту лавочку»³².

Как нам уже известно, все оказалось намного сложнее, чем представлял себе Троцкий. Ввергнутая в горнило Гражданской войны, Россия стала не субъектом важнейших международных и дипломатических отношений, а их непосредственным объектом. В то же время Советское государство приступило к реализации давнего плана по разжиганию мировой революции, создав в марте 1919 г. Коммунистический Интернационал, или просто Коминтерн. Первая мировая война только что закончилась, и многие европейские страны переживали очень сложный период социальных и этнических конфликтов. В таких условиях идея мировой революции не казалась тогда слишком шокирующей. Члены Коминтерна обрушились с критикой деятельности «реформистских» и «оппортунистических» лидеров европейской социал-демократии, которые, по их мнению, позволили своим партиям стать «вспомогательными органами буржуазного государства», и призвали заменить прогнившие парламентские режимы «новой и более высокоорганизованной демократией рабочих» в форме Советов»³³.

Второй конгресс Коминтерна разработал проект двадцати одного «условия», при соблюдении которых в эту международную организацию могут быть приняты другие социалистические партии мира. Они должны были порвать все отношения с социал-демократами и другими партиями, серьезно относившимися к профсоюзам или парламентаризму. Кроме того, члены Коминтерна обязаны были «разоблачать

социал-патриотизм», а вместе с ним отвергать и «фальшивый социал-пацифизм», мешавший революционному воспитанию масс. Они должны были готовиться к насильственному захвату власти, например, путем создания тайных революционных ячеек в вооруженных силах и всемерного использования их в целях революционной пропаганды³⁴.

Эти «условия» наглядно демонстрируют полное несоответствие российского мессианского социализма европейской социал-демократии, даже в ее марксистской интерпретации. Они надолго исключили возможность сотрудничества между коммунистами и другими рабочими партиями по всей Европе, что само по себе нанесло большой вред как тем, так и другим. Запретив разрабатывать альтернативные «особые пути к социализму», Коминтерн тем самым воздвиг серьезные препятствия на пути создания широких народных объединений, получивших впоследствии название стратегии Народного фронта. В конце концов Коминтерн расколол все европейское социалистическое движение на две враждебные группировки, в которых коммунисты занимали далеко не лучшие позиции. Именно поэтому революционное движение во всем мире стало не международным, как это предполагалось ранее, а управляемым из Москвы. Как выразился один из немецких коммунистов, не без иронии вспоминая лорда Нельсона в битве при Трафальгаре: «Россия ожидает, что все станут выполнять свой долг»³⁵.

Новое Советское государство навязало европейской дипломатии чрезвычайно сложную проблему: как справиться с державой, которая откровенно нацелена на подрыв своих дипломатических партнеров и свержение их социально-политических систем и которая к тому же поддерживает организации, стремящиеся к реализации этой цели даже насильственным путем. Даже Ватикан, использовавший иезуитов в своих отношениях с протестантскими государствами в XVII в., не создавал подобной дилеммы.

Но для России эта ситуация была не совсем нова. Подобные отношения она культивировала с Казанским, а чуть позже и с Крымским ханством, поддерживая недовольных племенных вождей, действовавших внутри этих обществ. Но структура и принципы дипломатических отношений в то вре-

мя были настолько иными, что проводить такие параллели было практически невозможно.

В любом случае Народный комиссариат иностранных дел вынужден был сосуществовать с Коммунистическим Интернационалом. С одной стороны, СССР хотел подтолкнуть мировую революцию, а с другой — отчаянно нуждался в стабилизации международной обстановки, чтобы поскорее восстановить разрушенное войной и революцией народное хозяйство и защитить свои границы. Поскольку первый в истории социалистический режим сформировался только в России и не имел поддержки в других странах, ему волей-неволей приходилось соблюдать традиционные российские дипломатические приоритеты. А среди них на первом месте находились проблемы безопасности империи, вне зависимости от того, какую форму она обрела после революции. Однако эта безопасность могла быть подорвана страстным желанием коммунистов разжечь мировую революцию и дестабилизировать международную обстановку; ведь только так можно было создать условия, при которых победа социализма в других странах становилась реальной. Но такая нестабильность могла привести к победе на Западе не просоветские социалистические силы, а, наоборот, правозащитные антисоветские движения.

Таким образом, советской дипломатии нужно было справиться не только с проблемой институционального дуализма, но и с внутренними противоречиями в своей внешней политике. Другие европейские державы, естественно, столкнулись с большими трудностями, пытаясь понять эти цели и выработать адекватное отношение к Советскому Союзу. Некоторые иностранные государственные деятели видели в Советском государстве источник подрывной политической деятельности и предпочитали минимальный контакт с ним. Другие же считали, что оно продолжает преследовать традиционные цели Российской империи как великой европейской державы и что поэтому его можно с некоторым основанием рассматривать как стабильную силу и важный элемент системы коллективной безопасности в Европе.

Эту упрямую противоречивость внешней политики, преследовавшую Советский Союз в течение всего межвоенного

периода, можно считать главной причиной неудачи СССР в формировании антифашистского альянса и предотвращении Второй мировой войны.

Как только Советский Союз решил, что настало время искать союзников или по крайней мере дружески настроенные к нему государства, самым естественным партнером в этом деле для него стала Германия, подобно СССР исключенная ведущими державами из процесса послевоенного устройства мира. В апреле 1922 г. обе страны подписали в Рапалло договор, который позволял им полностью восстановить нормальные дипломатические и торговые отношения. Однако военные и промышленные круги приступили к такому сотрудничеству еще до подписания Рапальского договора и успешно развивали его в течение целого десятилетия. Германская армия, рейхсвер, в полной мере использовала военные базы на территории СССР, которые были запрещены в Германии по условиям Версальского договора. А между тем германские промышленники тайно наращивали военное производство на территории дружеского СССР, что приносило выгоду обеим сторонам. Советский Союз получил широкий доступ к новейшим технологиям Германии, особенно в авиационной и химической промышленности. Таким образом, как ни странно, две армии, которым через двадцать лет суждено будет сразиться не на жизнь, а на смерть, вместе создавали свою боевую мощь, отработывали стратегию и тактику военных действий, создавали новейшие образцы вооружений³⁶.

Правда, в 1923 г., когда в Германии происходили выступления трудящихся, а на горизонте смутно замаячила перспектива насильственного захвата власти, Советский Союз на короткое время изменил политику, отдал приоритет стратегии Коминтерна и официально поддержал идею проведения всеобщей забастовки, вооружения рабочих и захвата ими власти. Но как только появились первые признаки поражения восставших, Советское правительство сразу же восстановило прежние отношения, так как ни одна из сторон не была заинтересована в продолжении взаимной враждебности³⁷.

Что же до других крупных европейских государств, то в течение 1921—1933 гг. Советский Союз постепенно устанавливал

ливал с ними дипломатические отношения, всякий раз неискренне заявляя, что ни при каких обстоятельствах не станет заниматься подрывной деятельностью против новых партнеров. Эти заявления подкреплялись тем, что к середине 1920-х гг. стало совершенно ясно: перспектива мировой революции откладывается на неопределенное время. Разумеется, это вовсе не означало, что коммунисты отказались от своей конечной цели. Просто теперь приоритет отдавался проблемам консолидации Советского Союза в качестве великой державы и построения в нем более эффективной и более процветающей национальной экономики. «Построение социализма» теперь означало укрепление и защиту Советского Союза, а не разжигание мировой революции.

Но ситуация сложилась так, что основная угроза безопасности СССР в течение почти всего периода 1930-х гг. исходила с Востока, от Японии. Когда в 1931 г. Япония напала на Маньчжурию, это был первый сигнал о том, что она вновь заявила о своих имперских амбициях на континенте. Многолетнее противостояние на советско-маньчжурской границе в конце концов привело к ожесточенным сражениям на озере Хасан в 1938 г., а в августе следующего года Красная Армия под руководством генерала Георгия Жукова перешла в наступление в районе Халхин-Гола, с помощью танков опрокинула оборонительные укрепления противника и изгнала японцев со спорной территории. Без преувеличения можно сказать, что это была решающая победа, вынудившая японских генералов направить свои агрессивные устремления в районы Юго-Восточной Азии и Тихого океана. А Советский Союз получил возможность сконцентрировать внимание на еще более опасной угрозе из Европы³⁸.

Тот раскол, который коммунисты инспирировали в европейском социал-демократическом движении, оказался наиболее разрушительным в Германии, где в 1932—1933 гг. многочисленные идеологические конфликты между коммунистами и социал-демократами расчистили путь нацистской партии Гитлера и тем самым способствовали его приходу к власти. Это событие коренным образом изменило международную ситуацию. Прежние капиталистические режимы на самом деле оказались не столь враждебными Советскому Союзу, как тот новый поли-

тический режим, который открыто провозгласил своей целью уничтожение большевизма. Отныне проблемы безопасности страны стали не просто главной задачей, а единственным приоритетным направлением советской внешней политики. В то же время отвратительная природа нацизма означала, что впервые Советский Союз мог надеяться на поддержку широких политических сил других европейских стран, а не только на крайне левые партии и организации. Под руководством Максима Литвинова, космополитически настроенного и ориентированного на Запад народного комиссара иностранных дел предвоенной поры, советская дипломатия сделала все возможное для развития и расширения всестороннего сотрудничества с демократическими партиями Западной Европы. Она приветствовала приход к власти правительств Народного фронта в Испании и Франции, где коммунисты успешно сотрудничали с социал-демократами, и незамедлительно установила с ними хорошие отношения³⁹.

Однако относительная слабость западных демократий, что было весьма полезно для Советского правительства в 1920-е гг., теперь вошла в противоречие с его коренными интересами. Тем более что эта слабость сопровождалась неспособностью западных правительств к объединению и решительным действиям против всевозрастающей угрозы международному миру и безопасности. В 1934 г. СССР громко заявил о себе как о стороннике сохранения статус-кво, вступая в Лигу Наций, но это была Лига Наций, которая уже успела скомпрометировать себя неспособностью противостоять неспровоцированной агрессии.

В то же время Советский Союз подписал соглашение с Францией, благодаря чему в Европе вновь возникла идея баланса сил, призрачное воспоминание о кануне Первой мировой войны. Правда, на этот раз советско-французское соглашение не привело к практике взаимных консультаций генеральных штабов и совместного военного планирования. Это был альянс, рассчитанный скорее не на ведение войны, а на ее предотвращение. Но даже эти возможности не были полностью использованы, так как в 1936 г. германские войска заняли Рейнскую демилитаризованную зону, что повергло в состояние шока не только западные державы, но и Советский Союз. Теперь они стали сродно

разрабатывать планы по созданию системы «коллективной безопасности» в Европе, направленной против нацистской Германии.

Когда в июле 1936 г. в Испании произошел военный переворот и нависла угроза над правительством Народного фронта, против которого выступили также вооруженные силы Германии и Италии, Советский Союз воздержался от отправки своих войск в Испанию, чтобы не возбуждать тревогу в правящих кругах Англии и Франции, однако оказал существенную поддержку интернациональным бригадам, в составе которых воевали антифашисты из многих стран, в том числе и Советского Союза. Готовность СССР оказать всемерную помощь Народному фронту резко контрастировала с бездействием официальных властей Англии и Франции и вызвала нескрываемую симпатию со стороны европейских радикалов и социалистов, причем даже тех, кто никогда не сочувствовал коммунистам. Но советский режим быстро растерял большую часть этой популярности своим решительным противодействием попытке троцкистов и анархистов Каталонии захватить власть в этой провинции. Джордж Оруэлл не без оснований сетовал на то, что «коммунисты больше, чем кто-либо другой, блокировали революцию в Испании»⁴⁰.

Кроме того, Гражданская война в Испании совпала по времени с террором внутри самого СССР, спектаклем, за которым с удивлением, негодованием и ужасом наблюдали многие интеллектуалы и политические деятели Европы. Они могли воспринимать все это только как знак того, что СССР не может быть ни надежным, ни желательным союзником, тем более что основной удар пришелся по высшим офицерам Вооруженных сил. Сталинское кровопускание поднимало вполне закономерный вопрос: можно ли считать Советскую Россию предпочтительнее в моральном отношении, чем нацистскую Германию?

Все эти проблемы так или иначе определили те колебания и сомнения, с которыми Великобритания и Франция подошли к вопросу о заключении антифашистского союза с СССР, особенно после того как нацисты в сентябре 1938 г. оккупировали Судетскую область Чехословакии, а в марте 1939 г. заняли всю Чехословакию. Мюнхенское соглашение в сентябре 1938 г. было отчаянным и недостойным поступком британского премьер-

министра Невилла Чемберлена, вызванным прежде всего его ненавистью к Советскому Союзу. Когда же он оставил свою политику умиротворения и предложил Польше гарантии против германской агрессии, его генштабисты резонно заметили, что такие гарантии являются совершенно бессмысленными без соответствующего союза с СССР. Но Чемберлен продолжал настаивать на своем «глубоком недоверии» к Советскому Союзу, скептически оценив его способности вести эффективную военную кампанию против Германии и вообще с большим недоверием относился к советской трактовке свободы⁴¹. Как бы то ни было, он хорошо знал, что любой союз с советским режимом будет непременно означать карт-бланш Красной Армии на проход по территории Румынии, Польши и государств Прибалтики. А это не получит поддержки и одобрения ни в одном из этих государств. В результате всех этих причин переговоры между Советским Союзом, Великобританией и Францией летом 1939 г. не привели к положительному результату, несмотря на объективную потребность этих государств в совместном оборонительном пакте.

В конце концов, заменив Литвинова на более покладистого, сговорчивого и послушного Вячеслава Молотова, Сталин решил получить все возможное от Гитлера. 23 августа 1939 г. Молотов и его партнер по переговорам со стороны Германии Риббентроп подписали советско-германский пакт о ненападении, а также секретный протокол, который предоставлял СССР свободу действий в Финляндии, республиках Прибалтики, Восточной Польше и Бессарабии, то есть в тех районах, где Сталин больше всего хотел закрепить свое стратегическое присутствие⁴².

Со стороны Сталина этот пакт был отчаянным шагом. Он давал Советскому Союзу лишь непродолжительные преимущества, да еще со стороны человека, который никогда не делал секрета из своих намерений уничтожить коммунизм. Он ликвидировал «буферную зону» в Польше и таким образом, в случае неудачных попыток предотвращения войны с Германией, грозил оставить Советский Союз без второго фронта на Западе, что всегда было для Германии самым жутким стратегическим кошмаром.

Сталин попытался компенсировать недостатки этого договора аннексией в 1940 г. Прибалтийских государств и Бессарабии, что, по его мнению, давало Советскому Союзу значительные преимущества в регионе Балтийского и Черного морей, а также в устье Дуная. Кроме того, он попытался вернуть в состав империи Финляндию, но финны оказали настолько ожесточенное сопротивление, что после короткой и незавершенной «зимней войны» 1939—1940 гг. Советский Союз вынужден был удовлетвориться лишь относительно небольшой территорией в юго-восточной части Финляндии.

Великая Отечественная война

Западному человеку очень трудно писать о советско-германской войне 1941—1945 гг. Отчасти это объясняется характером источников. С одной стороны, этой войне посвящено больше материалов, чем любому другому периоду советской истории. А с другой — все они либо однообразно патриотичны и преувеличенно героичны, либо отражают преимущественно умонастроения авторов и время публикации. Только в последние годы историки получили возможность более беспристрастно освещать события того времени.

Еще важнее то, что исследование этой войны требует немалого воображения. Это была война, нацеленная на взаимное уничтожение в невиданных ранее масштабах. Советские военные потери почти в сорок раз превышают аналогичные потери Великобритании и в семьдесят — потери Соединенных Штатов Америки (а по последним данным — еще больше). Но даже эта ужасная статистика не отражает того бесспорного факта, что Германия относилась к восточноевропейским народам с гораздо большей жестокостью, чем к западноевропейским, а катастрофическая нехватка продовольствия, жилья и других бытовых вещей делала жизнь советских людей просто невыносимой.

Тем не менее важно попытаться вообразить себе все это, не только из-за масштабов и серьезности предмета исследо-

вания, но также и потому, что эта война оказалась важнейшим фактором, формирующим мировосприятие большинства тех людей, которым пришлось пережить все ее ужасы, особенно для молодого поколения. Более того, она продолжает формировать мировоззрение бывших советских граждан до настоящего времени.

Когда гитлеровская Германия вторглась в СССР на рассвете 22 июня 1941 г., она добилась полной внезапности и сначала пользовалась неоспоримым господством в воздухе. Немцы напали на страну, которая, конечно же, готовилась к войне, но не ожидала, что это произойдет именно в тот момент, и поэтому не успела развернуть на границе свои Вооруженные силы для отражения неожиданного нападения. До сих пор еще встречается немало спекуляций по поводу того, почему Германия застала Сталина врасплох, несмотря на многочисленные предупреждения как советской разведки, так и разведывательных служб других стран. По словам Никиты Хрущева, Сталин был изрядно напуган неудачами в советско-финской кампании и с тех пор делал все возможное, чтобы не спровоцировать Гитлера на войну⁴³.

Разумеется, он прекрасно понимал, что Красная Армия, несмотря на свой почти пятимиллионный состав, в то время была еще не готова к полномасштабной войне с германским вермахтом. Кроме того, его пугало, что Германия может заключить сепаратный договор с Великобританией, чтобы тем самым обеспечить себе безопасный тыл во время нападения на СССР. А без такого договора, как казалось Сталину, Германия вряд ли посмеет напасть на него из опасений повторить печальный опыт войны «на два фронта», которая и привела ее к поражению в 1918 г. Что же до предупреждений Черчилля о предстоящем нападении, то Сталин расценивал его как хитрую уловку опытного политика, пытавшегося, по его мнению, спровоцировать СССР на войну с Германией в условиях полной изоляции и без надежных союзников. А знаменитый перелет помощника Гитлера Рудольфа Гесса в Англию 12 мая 1941 г. лишь укрепил его в подозрениях, что Германия и Англия могут объединиться в общей борьбе против Советского Союза⁴⁴.

В последние годы некоторые историки высказали предположение, что летом 1941 г. Сталин усиленно готовился к нанесению превентивного удара по Германии и именно поэтому оказался неподготовленным к обороне страны в тот самый момент, когда советские войска готовились к нападению⁴⁵. Надо сказать откровенно, что в многочисленных советских архивах, ставших доступными исследователям в настоящее время, нет никаких сколько-нибудь убедительных доказательств подобных намерений.

Правда, третий пятилетний план (1938—1942) был нацелен прежде всего на увеличение производства военной продукции, и в июне 1940 г. в стране были введены драконовские законы о трудовой дисциплине, которые фактически перевели рабочую силу на заводах и фабриках на военное положение. А весной 1941 г. в армию были призваны резервисты общей численностью почти миллион человек. Нет также никакого секрета в том, что вся военная доктрина Красной Армии была нацелена на проведение наступательных операций, и боевые действия должны были вестись на территории врага при непосредственной поддержке со стороны просоветски настроенных рабочих, готовых поднять восстание против своего правительства. Более того, даже само расположение воинских частей Красной Армии накануне войны доказывало истинность подобных предположений. Они были расположены так, что в случае внезапного нападения боевые действия мгновенно перенеслись бы на вражескую территорию.

Пересмотру этой ошибочной стратегии не помогли даже впечатляющие успехи германской армии во время «молниеносной войны» в Польше и во Франции в 1939—1940 гг., хотя они должны были повлиять на выработку и уточнение военной стратегии в случае войны с Германией. Советским властям следовало подумать о том, что только более глубокая и более эшелонированная оборона может задержать продвижение внезапно напавшего на страну противника. Однако до сих пор не представлено никаких более или менее серьезных документов, свидетельствующих о подготовке Сталина к решительному наступлению на возможного противника именно летом 1941 г.⁴⁶

В 1937—1938 гг. Сталин репрессировал практически всех ведущих теоретиков наступательной военной доктрины, но с тех пор они так и не были заменены альтернативными кандидатурами, хотя их главные догмы остались в силе. И сейчас эти догмы стали претворяться в жизнь командирами, которые не имели для этого ни знаний, ни опыта, ни сколько-нибудь продуманной стратегии. Они просто-напросто стали проводить перегруппировку войск после кардинальных изменений контура западной границы в 1939—1940 гг. Несмотря на трагические предчувствия генерала Жукова, начальника Генерального штаба Красной Армии, командование так и не догадалось организовать подготовку стратегического оборонного резерва, а вместо этого приступило к демонтажу старых фортификационных укреплений, не обеспечив сооружение новых. Таким образом, когда началась война, на Западном фронте не было ни одного законченного оборонительного рубежа⁴⁷.

Единственным утешением для Сталина в самый начальный период войны была готовность Великобритании и Соединенных Штатов оказать военную и материальную помощь СССР. Таким образом, система «коллективной безопасности» вступила в силу, но произошло это, к сожалению, слишком поздно. В итоге она сыграла решающую роль в окончательной победе над фашизмом, но для ее фактической материализации потребовалось очень много времени. В течение почти трех долгих лет Сталин умолял союзников открыть второй фронт и возмущался их нежеланием спешить с этим делом, хотя сам же отверг этот единственно возможный союз, подписав в 1939 г. советско-германский договор о ненападении.

Ошеломленные внезапным нападением, советские войска сопротивлялись, как могли, разрозненно и без какой-либо линии обороны, на которую могли бы отступить. Более того, зачастую они делали это без соответствующего командования и контроля со стороны высшего военного руководства. Советские генералы тоже были сбиты с толку и продолжали отдавать совершенно безумные приказы о переходе в наступление и переносе военных действий на территорию врага. Иногда они оказывались отрезанными от своих воинских частей и не могли

управлять войсками, так как средства связи были слишком примитивными и к тому же разрушенными внезапным нападением противника. В довершение всего они не могли рассчитывать на поддержку авиации, так как почти все советские самолеты, которые стояли на аэродромах без надлежащей маскировки и прикрытия, были уничтожены авиацией противника при первых же авианалетах. Не могли советские войска рассчитывать и на дополнительный оборонный резерв, с помощью которого можно было бы залатать бреши на фронте. Конечно, существует немало примеров поистине героического сопротивления советских войск, как, например, среди защитников Брестской крепости, которые продолжали оказывать сопротивление вплоть до 12 июля 1941 г., но это только доказывает, насколько эффективной могла бы быть хорошо подготовленная и надлежащим образом организованная оборона. Однако большинство советских частей были отрезаны от тыла, окружены или просто-напросто обойдены противником и впоследствии захвачены в плен. Солдаты отчаянно сражались за свою страну, часто переходя в штыковую атаку, когда заканчивались боеприпасы, но изменить ход военных действий уже не могли. «Русские повсюду сражаются до последнего солдата, — докладывал начальник немецкого генерального штаба. — А сдаются в плен только в отдельных случаях»⁴⁸.

Первые цели плана «Барбаросса» были достигнуты без особого труда. 16 июля пал Смоленск, расположенный на полпути к Москве, а к концу августа германские армии группы «Север» стали угрожать непосредственно Ленинграду. Правда, на юге сопротивление советских войск была намного сильнее, так как там было расположено больше войск, но в конечном итоге это привело лишь к большому количеству окруженных и захваченных в плен солдат. А когда угроза нависла над Киевом, Сталин наотрез отказался сдавать город, как советовал Жуков, чтобы сократить линию обороны, и приказал сражаться до последнего патрона. Киев все-таки был сдан, но ко времени его падения 19 сентября 1941 г. более полумиллиона советских солдат были убиты или взяты в плен.

Концентрация германских войск на северном и южном направлениях несколько оттянула наступление на Москву. А

когда это наступление началось в конце сентября, немецким войскам удалось сначала добиться заметного успеха и окружить еще пять советских армий под Вязьмой. В середине октября Москва пребывала в состоянии паники: в городе спешно сжигали важные документы и эвакуировали в Куйбышев все иностранные представительства, правительственные учреждения и квалифицированных специалистов. А простые москвичи пытались пробиться в железнодорожные вагоны, автобусы и грузовики и всеми силами стремились как можно скорее покинуть осажденный город.

В конце концов Сталин решил остаться в столице и объявил о своем решении, чтобы укрепить моральное состояние москвичей. Его знаменитое обращение к жителям города значительно усилило волю к сопротивлению. 7 ноября 1941 г. на Красной площади был проведен традиционный военный парад, с которого солдаты уходили прямо на фронт, находившийся в 60 километрах от города. К этому времени осенняя распутица превратила дороги в грязное месиво, которое оказалось довольно серьезным препятствием для быстрого продвижения немецких моторизованных частей. В еще более сложном положении немецкие войска оказались месяц спустя, когда начались небывало сильные морозы. Разумеется, это все сыграло на руку советским войскам, но отнюдь не потому, что русские легче переносят морозы, — дело в том, что их коммуникации оказались намного ближе к линии фронта. Немецкая армия была не готова к затяжной зимней кампании и испытывала немало трудностей с доставкой теплого обмундирования, меховых шапок и антифриза для боевой техники. Все это нужно было доставлять на расстояние в несколько сотен километров по вражеской территории, где к этому времени стали активно действовать многочисленные партизанские отряды.

Ответственным за оборону Москвы был назначен Г.К. Жуков, и с первых дней он столкнулся с проблемой организации остатков разбитых немцами воинских частей и формирования народного ополчения из числа оставшихся в столице местных жителей. В то же время Ставка перебросила в Москву подкрепление с Дальнего Востока, так как Рихард Зорге, один

из важнейших источников советской разведки, сообщил из Токио, что японцы пока не планируют нападение на Советский Союз. Многие москвичи вспоминали впоследствии то облегчение, которое они испытали, наблюдая за прибытием свежих воинских формирований, одетых в зимнюю одежду и готовых к решительному сопротивлению.

Они прибыли как раз вовремя. Немецкие войска уже находились практически на окраинах Москвы. Теперь об этом напоминают гигантские противотанковые «ежи», установленные на Ленинградском шоссе. Их можно увидеть на пути из аэропорта Шереметьево: этот памятник обозначает самое дальнее продвижение германских войск. 5 декабря 1941 г. Жуков начал массированное контрнаступление, которое отбросило немецкие войска назад примерно на 120 километров. На этом рубеже он хотел остановиться, чтобы стабилизировать фронт и подготовиться к дальнейшей операции в 1942 г. Но Сталин настоял на том, чтобы наступление продолжалось, в надежде полностью окружить центральную группу немецких армий. Такое наступление в то время было явно выше возможностей Красной Армии, и в результате безуспешных попыток выполнить приказ Главнокомандующего советские войска потеряли еще 400 тысяч человек.

И тем не менее угроза полного разгрома советских войск была ликвидирована, что можно с полным основанием считать выдающимся достижением. Битва под Москвой стала первым серьезным сражением, в котором германская стратегия блицкрига потерпела полный провал. Но это был лишь временный успех, и сталинская попытка несмотря ни на что добиться дальнейшего продвижения войск чуть было не привела к катастрофе. В течение поздней весны и всего лета 1942 г. германские войска снова продвинулись далеко вперед, на этот раз по территории Украины и донских степей, где погода и почва были более благоприятными для бронетанковых войск. Вскоре немцы захватили полуостров Крым и Ростов-на-Дону, а затем продвинулись далеко на Кавказ и водрузили знамя со свастикой на вершине Эльбруса. Советские граждане все чаще задавались вопросом: «Куда еще отступать?» 28 июля 1942 г. во всех воинских частях был распространен приказ № 227 с

директивой «Ни шагу назад!», в соответствии с которым все «паникеры» и «труссы» подлежали немедленному уничтожению или по крайней мере переводу в так называемые штрафные батальоны, которым всегда поручали самые опасные и самые неприятные задания⁴⁹.

Коренной перелом в войне наступил под Сталинградом. В этом крупном промышленном центре, названном именем вождя, германские моторизованные группы войск встретили наиболее ожесточенное сопротивление, которого никогда не видели прежде, даже в этой жестокой войне «на тотальное уничтожение». Если бы город не выдержал натиска и пал, то немецкие войска могли бы пересечь Волгу, а это, в свою очередь, позволило бы им полностью окружить Москву и Ленинград, после чего Советский Союз неизбежно превратился бы в усеченное северное азиатское государство, отодвинутое за пределы Уральских гор.

Но Сталинград не пал. Советские войска отстояли свои позиции, доказывая свою способность вести бой небольшими частями. Город был полностью разрушен, но отдельные советские части стояли до последнего, защищая каждый дом и каждую улицу. Порой контролируемая ими территория была настолько мала, что немецкая авиация и артиллерия боялась обстреливать город, опасаясь нанести ущерб собственным войскам. Уличные бои не давали вермахту использовать свои обычные преимущества. Танки и другая техника на узких улочках застревали и превращались в хорошую мишень для советских бойцов. Кроме того, германские войска сражались теперь в условиях крайней перенапряженности ресурсов, которые поставлялись к ним только по одной железнодорожной ветке и по воздуху.

В этот ответственный момент войны в советском военном руководстве произошли серьезные изменения. В отличие от Гитлера Сталин оказался способен извлекать уроки из прошлых ошибок. Он стал больше прислушиваться к своим генералам и в конце концов пришел к выводу, что не подготовленное надлежащим образом наступление равносильно самоубийству, особенно в таких сложных и непредсказуемых условиях. В сентябре того же года Жуков посоветовал ему начать контрнаступление

на южном направлении от реки Дон до Ростова-на-Дону, что позволило бы советским войскам отрезать германскую группировку войск на Кавказе и под Сталинградом. Но для этого потребуется почти два месяца интенсивной подготовки, во время которой и без того измотанные войска генералов Чуйкова и Еременко должны будут держать оборону без какого бы то ни было подкрепления. Сталин согласился и позволил Жукову приступить к реализации этого плана.

Во время Сталинградской битвы произошло и весьма символическое изменение в государственной иерархии. Еще в 1940 г. были восстановлены дореволюционные военные ранги. Теперь на военных мундирах появились золотые галуны, петлицы и погоны, а на офицерских мундирах стали появляться новые боевые награды: ордена Михаила Кутузова и Александра Невского. Политические комиссары были понижены до статуса «заместителей по политической части» (замполитов) и лишены права вмешиваться в планирование военных операций. Такие перемены были не только символическими, но и постоянными. Отныне офицеры советских Вооруженных сил пользовались гораздо большей самостоятельностью, чем представители любой другой профессиональной или социальной группы⁵⁰.

К тому времени Красная Армия научилась размещать свои вооруженные силы примерно так же, как и германская, сосредоточивая танки в крупные, быстро перемещающиеся формирования, вместе со знаменитыми минометами «катюша» и зенитными орудиями. Кроме того, советское командование стало усиленно формировать моторизованные части пехотных дивизий, способные быстро передвигаться на местности и захватывать территорию, освобожденную массовой танковой атакой. Военно-воздушные силы также стали действовать более крупными эскадрильями, связанными с наземными войсками улучшенной системой радиосвязи. Советская промышленность к этому времени наладила выпуск достаточного числа танков и других вооружений самого различного типа, причем делала это с небывалым успехом и в огромных количествах. Словом, командование и контроль над войсками всех уровней стали намного эффективнее по мере наработки советскими офи-

церами необходимого опыта. Конечно, такой опыт доставался им нелегкой ценой, но они оказались способными учениками и быстро усваивали новейшие достижения военной промышленности⁵¹.

Нет никаких сомнений, что именно в таком духе было подготовлено проведение операции «Уран», начатой 19 ноября 1942 г. Во всяком случае, стратегические вопросы и проблемы материального обеспечения были решены намного лучше, чем во всех предыдущих военных операциях. И она полностью выполнила поставленные перед ней цели. К концу января 1943 г. германская Шестая армия была окружена в Сталинграде и уничтожена, тогда как германские войска на Кавказе стали в спешном порядке покидать захваченные ранее территории.

Восстановление советской военной мощи было подтверждено в июле 1943 г., когда войска вермахта развернули грандиозное по своим масштабам и хорошо подготовленное танковое наступление под Курском. Здесь германские войска уже действовали в таких погодных условиях и на такой почве, которые для них можно было считать идеальными. Однако Красная Армия уже успела оправиться от поражений и успешно отразила наступление. Таким образом, немцам пришлось навсегда забыть о молниеносной войне. Разумеется, вермахт все еще оставался грозной военной силой, но он уже не мог опрокинуть советские войска и перехватить инициативу.

К этому времени все ресурсы Советского государства были мобилизованы так полно, как это только можно было сделать в условиях войны. В течение второй половины 1941 и начала 1942 г. огромное количество промышленных предприятий было эвакуировано в восточную часть страны, подальше от тех районов, которые могли быть захвачены и оккупированы врагом. Сотни тысяч рабочих и служащих отправились следом в Поволжье, на Урал, в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Правительственным декретом от февраля 1942 г. все трудоспособное население страны было мобилизовано для военных целей. Люди работали по пятьдесят пять часов в неделю, имея в своем распоряжении только один выходной день в месяц. Причем многие работали еще больше, выполняя сверх-

урочные задания и ночуя на полу в цеху. Во многих отраслях, таких, например, как производство боеприпасов и железнодорожный транспорт, рабочие находились на военном положении, и поэтому даже минутное отсутствие на рабочем месте могло означать немедленное осуждение и отправку в ГУЛАГ. Впрочем, такие строгости были излишними: большинство рабочих было настроено патриотически. Кроме того, они как никогда зависели от начальства, чтобы получать необходимый прожиточный минимум⁵².

В результате успешной мобилизации всех ресурсов к середине 1943 г. советская промышленность уже намного превосходила германскую, которая к тому же была отчасти разрушена авиационными бомбардировками. В тех областях, где промышленность была все еще слаба, нехватки восполнялись постоянными поставками из Великобритании и Соединенных Штатов по соглашению о ленд-лизе. Советский Союз получил значительное количество тракторов, грузовых автомобилей, автомобильных шин, взрывчатых материалов, полевых телефонов, телефонных проводов и консервированного мяса. Все эти поставки не без иронии называли «вторым фронтом». По словам Н. Хрущева, Сталин несколько раз признавался в кругу своих ближайших помощников, что поставки по ленд-лизу сыграли большую роль в мобилизации ресурсов для окончательной победы. «Если бы нам пришлось иметь дело с Германией в одиночку, — говорил он, — мы бы с ней не справились, так как потеряли значительную часть наших промышленных предприятий»⁵³.

Это превосходство позволило Красной Армии уверенно проводить комбинированные военные операции в таком же духе, как это удавалось германским войскам на начальном этапе войны. Серия успешных массированных наступлений летом 1944 г. в Белоруссии и на Украине отбросила немецкие войска за пределы Советского Союза, включая даже те территории, которые были аннексированы в 1939—1940 гг. После этого советские солдаты вступили на территорию Польши, Словакии, Венгрии и Румынии.

Однако в течение кампании 1944 г. советские войска были предельно истощены, и поэтому последний этап войны оказал-

ся более продолжительным, чем можно было ожидать. Особенно в условиях, когда с Запада начали наступать войска союзников. Эти трудности помогают объяснить, почему Красная Армия ожидала почти пять месяцев (с августа 1944 по январь 1945 г.), пока не приступила к окончательной операции против захваченной гитлеровцами Варшавы. Но в этом, несомненно, были и свои политические мотивы. В августе 1944 г. польская Армия Крайова, руководство которой находилось в руках людей, не испытывавших симпатий к коммунистам, подняла восстание, пытаясь самостоятельно освободить польскую столицу от гитлеровской оккупации. Красная Армия подождала, пока немцы не разгромили восстание, и только после этого предприняла наступление на Варшаву.

Советские потери на завершающем этапе войны были чрезвычайно велики. Из-за ожесточенного сопротивления германских войск на своей территории Советская Армия потеряла более 300 тысяч убитыми и 1,1 миллиона ранеными⁵⁴. Даже те немцы, которые не знали, какие жестокости творила их армия на оккупированной советской территории, прекрасно понимали, что от русских теперь можно ожидать жестокого реванша. Советские командиры, со своей стороны, всячески пытались не допустить массового насилия и убийств мирных жителей на немецкой территории, но делали это только для того, чтобы поддержать дисциплину. На самом же деле они считали, что немцы вполне заслужили такое обращение и что страдания людей их по большому счету не касаются. Для них эта война все еще оставалась войной на истребление между двумя нациями — Россией и Германией. Многие помнили напечатанные в газете слова военного журналиста Ильи Эренбурга: «...немцы — не люди... Если вы убили одного немца, то убейте и другого. Нет ничего более приятного, чем трупы немцев»⁵⁵.

По этой причине Висло-Одерская операция, начавшаяся в январе 1945 г., заняла почти четыре месяца, в течение которых советские войска продвинулись лишь на четыреста километров по направлению к Берлину и при этом понесли огромные потери. Германская армия уступала по численности советской в пропорции один к трем, а в конце операции

превосходство СССР было даже бóльшим. И все же немцы продолжали оказывать упорное сопротивление и сражались с отчаянием обреченных. К тому же они были неплохо вооружены и находились под умелым командованием, по крайней мере до последних дней. 30 апреля Гитлер покончил с собой, а на Рейхстаге появилось красное знамя с серпом и молотом. 9 мая 1945 г. германское командование подписало Акт о безоговорочной капитуляции.

Советский Союз торжествовал победу, но страна находилась в состоянии крайней разрухи и истощения. Особенно впечатляющими были человеческие жертвы. На полях сражений погибло, вероятно, в общей сложности 8,5—8,7 миллиона человек; к ним нужно добавить неизвестное количество гражданских лиц, которые эмигрировали, были депортированы или просто умерли в результате голода, болезней, репрессий германского оккупационного режима и многих других невыносимых страданий и лишений. Недавние публикации переписи населения в 1939 г. дают возможность предположить, что общее количество населения Советского Союза непосредственно перед началом войны составляло 197 миллионов человек. Если учесть при этом существовавший тогда уровень прироста населения, то в 1946 г. их должно было быть 212,5 миллиона. На самом же деле в стране насчитывалось 168,5 миллиона человек. Таким образом, общие потери СССР в годы войны составили почти 44 миллиона человек, хотя эта цифра включает в себя нерожденных в результате войны детей, численность которых, вероятно, приближается к 10 миллионам, а также тех, кто умер в результате репрессий, но не с германской, а с советской стороны. К последним следует причислить прежде всего погибших в трудовых лагерях и специальных поселениях. Разумеется, точные данные военных потерь сейчас определить практически невозможно, однако цифра в 25—27 миллионов человек отнюдь не кажется нам невероятной, особенно в свете последних опубликованных материалов⁵⁶.

Как же советскому руководству удалось мобилизовать не только Вооруженные силы и военную индустрию, но и гражданское население, которое совсем недавно вынесло на своих плечах все ужасы и страдания коллективизации, индустриали-

зации и массовых репрессий? Ответ здесь может быть только один: это была война против жестокого и беспощадного врага, который вознамерился уничтожить их Родину, это была война на выживание, война против рабства и полного уничтожения. Как заявил британскому журналисту один советский полковник: «Об этом ужасно говорить, но своим жестоким обращением с нашими пленными немцы только помогают нам»⁵⁷.

В государствах Прибалтики и на Западной Украине местное население поначалу приветствовало появление немцев и относилось к ним как к освободителям от коммунистического рабства. Однако эти настроения очень быстро улетучились, и все увидели, что немецкие оккупационные власти вовсе не собираются восстанавливать национальные государства или даже вводить на оккупированных территориях нормальную жизнь. Прибалтийский регион был преобразован в рейхскомиссариат Остланд, а на Украине вся власть оказалась в руках рейхскомиссара Эриха Коха, который с самого начала недвусмысленно заявил: «Здесь нет никакой свободной Украины. Наша задача заключается в том, чтобы заставить украинцев работать на Германию»⁵⁸.

Закрытые большевиками церкви вскоре были открыты, однако германское командование не восстановило частное землевладение. Оказалось, что колхозы были пригодны для нацистской эксплуатации местного населения в такой же степени, как и для коммунистов. Здоровых молодых мужчин и женщин, не исключая даже подростков, сгоняли в специально отведенные места, а потом грузили в железнодорожные вагоны и отправляли в качестве рабов в Германию, где их ждал изнурительный труд на промышленных предприятиях и шахтах. Тех же, кто сопротивлялся, публично вешали на площадях в назидание другим. Несколько миллионов человек работали на немцев на оккупированных территориях или служили в их армии и на гражданских постах, но делали они это из безысходности, так как единственной альтернативой была обычно насильственная смерть.

Правда, не всегда. Некоторые люди становились коллаборационистами, надеясь на то, что германские власти будут поддерживать российское антикоммунистическое движение. Самым ярким примером стал генерал Андрей Власов, один из

героических защитников Москвы в декабре 1941 г. Захваченный в плен на Северном фронте летом 1942 г., когда советские войска отступали по всем направлениям, он согласился сотрудничать с немцами и собрать вокруг себя группу советских военнопленных, которых можно было бы интегрировать в вермахт. В своем обращении к военнопленным, которое генерал Власов написал в 1943 г., он следующим образом объяснил причины своего разрыва с коммунизмом: раскулачивание (от которого пострадал и его отец), массовый террор, унижение армейских офицеров присутствием политических комиссаров и, наконец, «растаптывание всего русского»⁵⁹.

Власов составил политическую программу, которая в целом признавала Октябрьскую революцию и многие черты Советского государства: национализацию предприятий, бесплатное образование и медицинское обслуживание, пенсионную систему и социальное страхование. Однако в отличие от коммунистов Власов предлагал ввести рыночную систему для сельского хозяйства, частной розничной торговли и сферы обслуживания, а также большинства промышленных предприятий. Кроме того, в его программе содержалось требование истинного самоопределения народов страны. Весьма поразительным для программы, составленной под неусыпным контролем нацистского режима, является полное отсутствие в ней каких-либо антисемитских признаков⁶⁰. В целом его программа, вероятно, отражала общие настроения советских граждан той поры, по крайней мере насколько можно судить по беседам послевоенных гарвардских исследователей с перемещенными лицами из СССР⁶¹.

Трагическая слабость генерала Власова заключалась в том, что Гитлер вовсе не собирался поддерживать русский национализм и вплоть до осени 1944 г. не позволял ему создать собственную армию или какое-либо политическое движение. А после 1944 г. было уже слишком поздно менять естественный ход вещей. Многие советские солдаты и офицеры, попавшие в немецкий плен, именно по этой причине отказались присоединиться к нему. Таким образом, планы образования российского национально-освободительного движения, независимого как от Сталина, так и от Гитлера, оказались практически неосуществимыми. В конце концов получилось так,

что по иронии судьбы единственным крупным сражением, предпринятым освободительной армией Власова, было сражение *против* немцев. В мае 1945 г. власовцы вели ожесточенные бои с войсками СС в Праге, помогая чехам освободить от оккупации свою столицу⁶².

А многие советские граждане как раз оказывали отчаянное сопротивление немецкой оккупации. В Белоруссии и на Украине, как и во многих российских областях, таких, например, как Ленинградская, Калининская (Тверская), Смоленская и Брянская, вышедшие из окружения советские солдаты объединялись с беглыми военнопленными и гражданским населением и создавали вооруженные партизанские отряды, которые скрывались в лесах и наносили немецким оккупантам довольно ощутимый урон. Они взрывали шоссе и железные дороги и мосты, нападали на небольшие немецкие подразделения, захватывали у немцев продовольствие и боеприпасы и снова укрывались в лесах. Ставка пыталась поддерживать с ними контакт и даже руководить военными операциями. Она могла это делать нечасто, но с постоянно возрастающей эффективностью. Самый большой вклад партизан в окончательную победу над Германией заключался в том, что они нарушали и без того сложный механизм тылового обеспечения германских войск. Практически все коммуникации тыловых служб с фронтом находились под ударом партизан, что не могло не подрывать обеспечение войск самыми необходимыми вещами.

С другой стороны, мощное партизанское движение способствовало заметному росту сепаратистских настроений в Белоруссии и особенно на Украине, где антифашистское движение незаметно переросло в антисоветское и продолжало существовать в первые послевоенные годы, пока его окончательно не подавили⁶³.

В годы войны Коммунистическая партия создала более эффективный механизм управления страной, чем в мирное время. И в этом нет ничего удивительного. Как мы уже видели, партия испытала огромное влияние Гражданской войны и даже в мирное время продолжала вести свою пропаганду с использованием военной терминологии. Кроме того, она была идеально приспособлена к эффективной и быстрой мобилизации гражданского

населения в чрезвычайных обстоятельствах. Как только германские войска приближались к тому или иному городу, партийные власти тут же создавали местные комитеты обороны, собирали ополчение из женщин, подростков и более или менее здоровых стариков, часто формировали импровизированные оборонительные рубежи и возводили фортификационные сооружения, а из числа промышленных рабочих создавали рабочие отряды городской милиции, которым вменялось в обязанность защищать город до подхода регулярной армии. Именно таким образом был, например, предотвращен захват в октябре — ноябре 1941 г. города Тулы с ее крупнейшими военными предприятиями.

Еще более красноречивым примером подобного рода стал Ленинград, в котором Совет обороны возглавил партийный секретарь города Жданов. В этот орган вошли представители партийного руководства, городского Совета, органов НКВД, а главной его задачей стала координация усилий военных и гражданских подразделений по защите города. Однако Сталин с большим подозрением относился к независимой деятельности этой организации и приказал распустить ее сразу же после снятия блокады⁶⁴.

С августа 1941 и по январь 1944 г. Ленинград был полностью отрезан от остальной части СССР, а его население боролось за выживание в невероятно трудных условиях, особенно в течение первой зимы. Сделать точный подсчет нереально, но можно с определенной долей вероятности предположить, что во время блокады погибло более одного миллиона человек⁶⁵.

Местное партийное руководство всегда держало под строгим контролем деятельность всех промышленных предприятий в подопечном регионе. В военное время такой контроль стал практически тотальным. Николай Патолитчев, первый секретарь Челябинской партийной организации, вспоминал впоследствии, что кто-то из членов Государственного комитета обороны чуть ли не каждый день названивал директорам Магнитогорского металлургического комбината и Челябинского тракторного завода, чтобы выяснить, все ли там в порядке. Местный партийный руководитель должен был своевременно предупредить

появление слабых мест в своем хозяйстве и следить за тем, чтобы промышленные предприятия вовремя получали рабочую силу, продовольствие, горючее, запасные части и т.д. По словам Патоличева: «Рабочий день секретаря обкома партии начинался с "Правды" и "поездного положения"»⁶⁶.

Партийные секретари знали, что им нечего бояться арестов, если они справлялись со своей работой. Более того, личная дружба, окрепшая во время войны на партийной и государственной работе и в процессе преодоления общих трудностей, оказалась чрезвычайно прочной и служила костяком партийной сети вплоть до 1970-х годов. Иерархия номенклатурных и партийных работников зависела от прочности, стабильности и личных связей этого проверенного в войне товарищества.

Одной из самых сложных проблем для партийно-государственной элиты являлись продовольственные поставки. Во-первых, потому, что и в довоенное время партийный подход оказался малоэффективным в сельском хозяйстве. А во-вторых, в годы войны появились дополнительные трудности с продовольствием, так как германская оккупация лишила страну наиболее развитых сельскохозяйственных районов, которые давали более трети зерна, половину промышленных культур и почти весь объем сахарной свеклы. Кроме того, из колхозов в армию было мобилизовано большинство трудоспособных мужчин, и их пришлось заменять женщинами, стариками, подростками и даже инвалидами. Известный писатель Федор Абрамов, выходец из Архангельской области, где сельское хозяйство традиционно дополнялось заготовкой леса, так описывает сложившуюся ситуацию:

«Лес всем мукам мука. Гнали стариков, рваных-перерванных работой, подростков снимали с учебы, девчушек сопленосых к ели ставили. А бабы, детные бабы, — что они вынесли за эти годы! Вот уж им-то скидки не было никакой — ни по годам, ни по чему другому. Хоть околеи, хоть издохни в лесу, а в барак без нормы не возвращайся! Не смей, такая-разедакая! Дай кубики! Фронт требует! И добро бы хоть они, бедные, пайку свою съедали, а то ведь нет. Детям сперва надо голодный рот заткнуть»⁶⁷.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что производство продовольствия катастрофически упало на начальном эта-

пе войны. Если в 1940 г. в стране производилось 95,5 миллиона тонн зерна, то в 1942 г. оно снизилось до 30 миллионов тонн. А число свиней за этот же период упало с 22,5 миллиона до 6,1 миллиона⁶⁸.

И все же советские власти не повторили ошибок времен Гражданской войны. Они решали проблемы нехватки продовольствия посредством смешанных методов принуждения и определенной гибкости. С одной стороны, они увеличили производственные нормы для колхозников, о чем можно догадаться из слов Абрамова, а с другой — отменили все ограничения на частные приусадебные участки и допустили свободную торговлю на городских рынках. Более того, они стали поощрять мелкое сельскохозяйственное производство среди заводских рабочих, что позволило тем обеспечить свои семьи дополнительными продуктами питания и немного заработать на стороне. Таким образом, любой колхозник или заводской рабочий мог заработать неограниченное количество денег на производстве и продаже овощей, фруктов, яиц и молока, если, конечно, у него хватало сил заниматься всем этим после выполнения обязательной производственной нормы в колхозе или на предприятии. В результате во многих регионах стала быстро развиваться частная торговля, хотя цены оставались слишком высокими для массового потребителя. Путешествуя на поезде из Мурманска в Москву летом 1942 г., британский журналист Александр Верт видел на железнодорожных станциях многочисленных колхозниц, которые бойко торговали продуктами питания, но только по очень высоким ценам или за бартер⁶⁹.

Понятно, что, имея такой побочный заработок, многие колхозники стали пренебрегать работой в колхозах. Чтобы хоть как-то заинтересовать их в результатах труда, председатели колхозов вынуждены были перейти на «звеньевую» систему отработок. Звено представляло собой небольшую группу колхозников численностью около десятка, основой которой, как правило, была крупная семья. Это звено брало на себя ответственность за определенный участок земли и работало на нем в течение года. Если такая бригада работала эффективно, то без особого труда сдавала государству обязательную норму, а

остальное могла свободно продавать на колхозных или городских рынках по любой приемлемой для членов бригады цене. Некоторые колхозы вскоре фактически распались на небольшие семейные фермы, которые при этом пользовались колхозным скотом, орудиями труда и удобрениями. И до тех пор, пока колхоз выполнял план и сдавал государству требуемое количество продовольствия, никто не задавал этим людям никаких лишних вопросов⁷⁰.

Правящий режим также пытался заручиться поддержкой населения, идя на определенные уступки в области религиозной веры. Еще в 1939 г. стали постепенно затихать массовые преследования священнослужителей Православной церкви. Не исключено, что это произошло прежде всего потому, что партийное руководство надеялось с помощью более гибкой политики привлечь на свою сторону православных верующих в западных районах Украины и Белоруссии. А во время войны Сталин предпринял более решительные шаги навстречу Православной церкви. Священнослужители стали пропагандировать в церквях идеи патриотизма и внушать верующим уверенность в окончательной победе над врагом. Кроме того, Церковь стала восхвалять силу советского оружия и даже собирала деньги на создание танкового подразделения. Во время церковной службы, на которой вручали эти деньги, митрополит Московский Николай обратился к Сталину со словами: «наш общий отец»⁷¹.

В 1943 г. Сталин встретился с местоблюстителем патриарха митрополитом Сергием и дал свое согласие на восстановление патриархата и на возобновление деятельности центральной церковной администрации, богословской академии и трех православных семинарий. Кроме того, он позволил издавать периодический богословский журнал и возобновить регулярную церковную службу в нескольких православных приходах⁷².

Однако было бы неправильно интерпретировать все эти уступки как достижение полного согласия между Церковью и государством. Вся религиозная деятельность по-прежнему находилась под полным контролем Совета по делам церквей, председателя которого Г.Г. Карпова шутливо называли «народным комиссаром Бога». А все священники, и особенно епископы, могли занять свое место в церковной иерархии толь-

ко после тщательного изучения соответствующими государственными органами и доскональной проверки на лояльность Советской власти. В этом смысле можно с полным основанием считать их членами номенклатурной системы. Как и прежде, государство не разрешало никакой религиозной деятельности, кроме еженедельной церковной службы, что само по себе оставляло мало возможностей для поднятия общинного духа среди верующих.

Депортация народов

В течение 1920-х гг. советские вожди всеми силами пытались создать зоны компактного расселения отдельных народов России. С этой целью они, например, насильно выселили казаков из районов их традиционного проживания у реки Терек, чтобы освободить место для заселения на их землях чеченцев. Кроме того, они очень надеялись, что образ жизни советских народов станет привлекательным для проживавших за пределами страны соотечественников — например, украинцев из Польши. Предполагалось, что эти соотечественники станут в массовом порядке переезжать на территорию Советской Украины. Но после неурядиц ранних 1930-х гг., а также в результате обострения международных отношений в Европе в этот период оптимизм коммунистов заметно угас. Они испугались, что так называемый пьемонтский принцип может принести Советскому Союзу больше вреда, чем пользы. К иммигрантам стали относиться настороженно, с подозрением как к реальным или потенциальным вражеским агентам. Именно поэтому те советские граждане, которые проживали на границе с другими государствами, стали подвергаться специальному государственному контролю с точки зрения их лояльности. А некоторые вообще были выселены из приграничных районов, как, например, корейцы во время войны с Японией в конце 1930-х гг.⁷³

По этой же причине Советский Союз в течение 1940—1941 гг. включил в свой состав Эстонию, Латвию, Литву и Бессарабию. При этом элита указанных стран — учителя, вра-

чи, ученые, политические деятели (в общей сложности около 5—10 процентов населения) были депортированы на постоянное место жительства в Сибирь. А в освободившиеся дома и квартиры тут же вселились выходцы из России и Украины. Это была прежняя «этническая инженерия», но только проводимая сейчас в интересах не социальной революции, как прежде, а территориальной безопасности.

Наиболее драматичными операциями этой «этнической инженерии» были депортации целых народов во время и вскоре после Второй мировой войны. В 1941 г., например, в Среднюю Азию и Сибирь были высланы все немцы, проживавшие в Поволжье и других крупных городах России, а Немецкая Автономная Республика Поволжья была полностью ликвидирована. Вслед за этим в 1944—1945 гг. были депортированы крымские татары и проживавшие в Крыму греки. За ними последовали калмыки, балкарцы, карачаевцы, чеченцы и ингуши. Им дали несколько часов, чтобы погрузиться в вагоны для скота с примитивными санитарными условиями и без медицинского обслуживания, и в течение месяца везли на Восток. Они погибали от брюшного тифа, и, как позже вспоминал один из депортированных: «Во время коротких стоянок, на глухих безлюдных разъездах, возле поезда в черном от паровозной копоти снегу хоронили умерших (уход от вагона дальше чем на пять метров грозил смертью на месте)».

Большинство депортированных были расселены в районах Казахстана или Сибири на землях, мало пригодных к их привычному укладу жизни, и в совершенно чужом для них климате. Им было запрещено выпускать газеты или обучать детей в школах на родных языках. А в это время русские и украинцы, главным образом военнослужащие Красной Армии и их семьи, спешно заселяли освободившиеся сельские дома и городские квартиры.

Нет никаких сомнений, что главная цель всех этих депортаций носила неприкрытый империалистический характер. Властям нужно было примерно наказать, а в конечном итоге и полностью уничтожить те народы, которые оказались неспособны быстро ассимилироваться с Российской или, точнее сказать, Советской империей и представляли определенную

опасность в самых чувствительных и стратегически важных районах страны. Позже настроения обиды и возмущения несправедливостью, выражаемые депортированными народами, стали одной из причин усиления межнациональных конфликтов и деградации межнациональных отношений в СССР⁷⁴.

Патриотизм и гражданственность

Эмигрантские историки Михаил Геллер и Александр Некрич доказывали, что победу в войне обеспечили не коммунистические убеждения народа, а его русский патриотизм, как будто это были совершенно разные понятия⁷⁵. Все оказалось не так просто. Нет никакого сомнения в том, что главной причиной победы в Великой Отечественной войне стал русский патриотизм, что вызвало удивление у многих современников. Довоенные марксистские теоретики неоднократно повторяли, что будущая война будет классовою по своему характеру, на чужой территории и к тому же «малой кровью». Однако случилось непредвиденное. Война стал народной, необыкновенно жестокой, кровопролитной и к тому же на своей территории. И это коренным образом изменило поведение русского народа. Советскому государству и Коммунистической партии удалось сплотить все слои населения в единый народ, объединить гражданских лиц и военное сословие, империю и местные общины, причем сделали они это гораздо лучше, чем царский режим за последние пятьдесят лет своего существования. Местное население откликнулось на мобилизацию и само защищало свои дома. Наиболее выдающимся примером подобного рода защиты является Ленинград — что было возможно только в рамках общего контроля государства. Традиционные качества русских солдат: выносливость, неприхотливость, стойкость духа, способность к самостоятельным решениям и самопожертвование ради боевых товарищей — возродились с небывалой силой внутри новой политической системы, которая использовала их со всевозрастающей эффективностью. В годы войны правящий режим

наконец-то обрел свою истинную сущность: он осознал свою конечную цель и действовал в полном соответствии с преобладающими настроениями народа. Его воинственная риторика впервые обрела по-настоящему реальное значение, и он всемерно поддержал и подтвердил жертвенный патриотизм русского народа, а не подорвал его, как бывало прежде.

Вторая мировая война больше, чем что бы то ни было в предыдущие годы, способствовала кристаллизации русского национального самосознания. Разумеется, большую роль при этом сыграл тот факт, что отчаянно сражавшиеся с врагом молодые люди прошли советскую школу и были вполне грамотными людьми. Но решающим фактором была война, опыт защиты своей Родины, боевое сотрудничество с товарищами и самое главное — способность принимать самостоятельные решения и воевать на свой страх и риск, не имея подчас никаких указаний партийного или государственного руководства. Как вспоминал впоследствии Вячеслав Кондратьев, ветеран войны и писатель: «Было такое чувство, словно ты один в своих руках судьбу России держишь, — это есть не что иное, как истинное и подлинное чувство гражданина, ответственного за свое Отечество. Эта война стала для нашего поколения самым важным делом жизни... Это был настоящий взрыв любви к своей Родине. Это священное чувство готовности пожертвовать своей жизнью ради родной земли просто незабываемо». Кондратьев, как и многие другие его современники, почувствовал с горечью после войны, что этот свежий и истинный гражданский патриотизм был растоптан Сталиным и Коммунистической партией⁷⁶.

В 1945 г. наступил очень короткий период времени, когда пропаганда и реальность почти полностью совпали по своему содержанию. Многонациональный Советский Союз одержал победу в трудной войне во многом благодаря взрыву русско-советского патриотизма, которому охотно подчинились многие другие народы — украинцы, татары, армяне, евреи, казахи и другие. И не только подчинились, но и признали его лидерство. Это было время наивысшего достижения многонационального единства, которого ни одному русскому лидеру не удавалось достичь ни раньше, ни позже.

И все же даже в этот период наивысшего триумфа были допущены очень серьезные ошибки. Депортация крымских татар и других мусульманских народов обнажила порочное наследие ненависти и нетерпимости, которое постоянно ослабляло южные рубежи Советского Союза. А грубая аннексия Прибалтийских государств, Западной Украины и Молдавии имела аналогичные негативные последствия на западной границе. В непримиримой враждебности этих народов к России и Советскому Союзу можно без особого труда увидеть семена раскола и окончательного крушения Советского Союза.

VI. ЗАКАТ И КРУШЕНИЕ УТОПИИ

13. Восстановление экономики и «холодная война»

Начало «холодной войны»

После победы в войне СССР оказался в парадоксальной для победителя ситуации, когда многие его планы рушились, а надежды не оправдались. Страна, только что одержавшая победу в величайшей из войн, имела, казалось бы, все основания рассчитывать на мирную и безопасную жизнь. Однако условия, в которых эта победа была одержана, лишили Советский Союз многих связанных с ней надежд. Союзнические отношения с Соединенными Штатами и другими демократическими державами Запада, являясь в лучшем случае временными и оставаясь на всем их протяжении весьма настороженными, ко времени окончания войны значительно ухудшились в обстановке взаимного недоверия и подозрительности. К 1945—1946 гг., когда общий враг был уничтожен, возобновилась начавшаяся еще до войны вражда между коммунистическим лагерем и капиталистическими странами. Более того, в это время атомная бомба — оружие, с помощью которого главный союзник Советского Союза победил в войне, — угрожала опрокинуть все прежние расчеты СССР, основанные на обладании крупными сухопутными армиями. Как докладывал по этому поводу британский посол сэра Арчибальд Кларк Керр: «Равновесие сил, которое установилось к тому времени и выглядело стабильным, было внезапно и резко нарушено. Россия была остановлена Западом именно тогда, когда все, казалось, находилось в ее руках. Триста дивизий были практически лишены своего стратегического значения»¹.

Россия всегда стремилась к обеспечению своей территориальной безопасности, либо стараясь укреплять собственные границы, либо отгораживаясь от потенциального противника обширными «буферными зонами». Именно такую стратегию проводил Сталин на заключительном этапе войны, создавая заслон из государств-сателлитов между Россией и армиями бывших союзников. В 1944—1945 гг. Красная Армия захватила у немцев и их союзников Польшу, Восточную и Центральную Германию, Чехословакию, Венгрию, Румынию и Болгарию, а возглавляемые коммунистами партизаны освободили Албанию и Югославию. В Европе Советский Союз к 1945 г. добился своих самых амбициозных имперских целей. За исключением Стамбула (Константинополя) и Греции, он поглотил все территории и народы, на которые в свое время претендовали панслависты. Для себя же Советский Союз создал «санитарный кордон» на случай нападения со стороны любой европейской державы, особенно Германии, которая рано или поздно должна была оправиться от поражения. Увы, именно в это время подобные «санитарные кордоны» стали быстро терять свое стратегическое значение.

На международных конференциях в Ялте и Потсдаме, состоявшихся в 1945 г., союзники СССР признали его приоритетные интересы в этих странах, хотя и пытались обусловить свое согласие тем, что в них должны быть установлены демократические режимы. Но советское толкование этого термина весьма отличалось от того, что имели в виду Трумэн и Черчилль. Различие состояло в том, что в одном случае речь шла о демократии, коренившейся в конституционном порядке, а в другом — о демократии, основанной на так называемой взаимной ответственности в условиях авторитарного режима. В течение некоторого времени это различие затухало тем фактом, что во всем этом регионе, где население горячо приветствовало армии и политические движения, освободившие их от нацистов, широкую поддержку получила идея создания коалиционных социалистических правительств. Но поддержка стала заметно слабеть, по мере того как становилось ясно, что коммунисты желают играть доминирующую роль в таких коалициях и заставить их действовать по совет-

скому образцу. После того, что пришлось испытать стране в период с 1941 по 1945 г., было вполне естественно, что советские лидеры стремились к абсолютной безопасности и были готовы пойти на все ради достижения этой цели, невзирая на то, как их стремление отразится на других народах. По мнению бывшего советского министра иностранных дел Максима Литвинова, это и составляло главную исходную причину начала «холодной войны», в то время как другой ее причиной стала неспособность Запада указать Советскому Союзу пределы, ограничивавшие его стремления².

Таким образом, в послевоенные годы Советский Союз обеспечил себе контроль над образовавшимися государствами Восточной и Центральной Европы, оказывая поддержку податливым и послушным режимам, пришедшим к власти в этих странах. Красная Армия, тайная полиция и местные коммунисты использовались для срыва митингов, организуемых другими партиями, а социал-демократов принудили объединиться с коммунистами. К 1948 г. во всех странах региона были введены однопартийные режимы. Потом этим странам были навязаны социально-экономические реформы, скопированные с советской модели. Промышленность была национализирована и полностью подчинялась централизованному планированию. Профсоюзы, подчиненные единому центру, подпали под политический контроль, а их роль свелась к выполнению функций социального обеспечения. Земельные реформы лишили права на землю ее прежних владельцев и частных фермеров, сельское хозяйство было коллективизировано. Система образования была поставлена под контроль государства с особым упором на практическую и техническую подготовку и с обязательным изучением марксистско-ленинской теории. Культуру и средства массовой информации коммунистические партии превратили в послушные орудия своей пропаганды.

После 1948 г. имелись все основания рассматривать эти страны как своего рода «внешнюю империю», которая сначала удерживалась усилиями Коминформа (Коммунистического информационного бюро, сменившего после войны Коминтерн), а затем — Советом экономической взаимопомо-

щи (СЭВ), созданным в 1949 г., и подкреплялась Варшавским Договором, заключенным в 1955 г. Однако на территории этой империи далеко не всегда царили мир и спокойствие. Как мы увидим далее, в период с 1953 по 1981 г. здесь имели место довольно частые конфликты, в центре которых стояли серьезные разногласия по поводу путей и моделей демократического развития. Таким способом народы Восточной и Центральной Европы боролись за введение в своих странах основных принципов демократического социализма, таких, как свобода слова и право на создание оппозиционных партий и других независимых объединений.

Единственным восточноевропейским государством, не вошедшим в состав советского блока, являлась Югославия. Так как освобождение страны от нацизма не было напрямую связано с помощью СССР, то ее лидер маршал Тито не считал себя обязанным находиться в абсолютном подчинении у Сталина. На самом деле Тито был даже более радикальным коммунистом, поскольку стремился проводить программы индустриализации и коллективизации быстрее, чем это представлялось целесообразным Сталину. По словам Милована Джиласа, соратника Тито, который сопровождал последнего в ходе некоторых визитов в Москву, всех югославских руководителей отталкивали высокомерие Сталина, его цинизм и двуличие. «Он знал, что был одним из самых жестоких и деспотичных фигур в истории человечества. Но это его ни в малейшей мере не волновало, так как он был убежден, что исполняет предназначения истории»³. Личные отношения между двумя лидерами охладели до крайности. В конце концов в 1948 г. Сталин добился исключения Югославии из Коминформа.

Внезапный разрыв торговых связей с Советским Союзом и отзыв из страны всех русских советников заставили югославское руководство пересмотреть самые основы социализма в своей стране и вернуться к проводившимся в Советской России в 1917 г. экспериментам, которые впоследствии были либо остановлены, либо преднамеренно отменены властями СССР. Была предоставлена подлинная автономия национальным республикам, входившим в состав Югославии, что наполнило более реальным содержанием ленинский лозунг о самоопределении

наций. На производстве был возрожден «рабочий контроль», который позволял Советам, выбранным из числа рабочих, контролировать управление предприятиями в целом. Колхозы были преобразованы в кооперативы, а мелким фермерам возвращены их частные земельные наделы и предоставлены кредиты, торговые площади, организована оптовая закупка их продукции. В 1990-е гг., глядя на судьбу Югославии, мы могли убедиться в том, что такая структура союзного государства создавала питательную среду для разрастания межнациональных конфликтов. Однако в течение определенного времени она демонстрировала Европе альтернативу ленинской модели социализма.

Ядерное оружие и отношения с Западом

После взрывов американских атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки буферные государства Центральной Европы и даже гигантская Советская Армия, победившая в войне, во многом утратили свое значение. Дело не в том, что Сталин верил, будто Соединенные Штаты намеревались в ближайшем будущем направить ядерное оружие против СССР. Но он понимал, что президент Трумэн будет отныне считать себя вправе разговаривать с ним с позиции силы, и Сталин был полон решимости лишиться его такого преимущества. Он очень рано пришёл к выводу, что Организация Объединенных Наций — новая международная организация, пришедшая на смену Лиге Наций, — не в состоянии обеспечить эффективных гарантий международной безопасности, и поэтому, как и раньше, войну можно предотвратить только равновесием сил. Такой взгляд должен был неминуемо повлечь за собой актерскую игру с целью убедить мировое общественное мнение, что советская военная машина гораздо сильнее, чем на самом деле, иными словами, требовался «маскарад» в духе Горчакова. Такая политика предполагала периодические столкновения с Западом, но не риск вступления в серьезную войну. Это также означало, что Советский Союз должен был срочно создать свою атомную бомбу как противовес западному ядерному потенциалу⁴.

Соединенные Штаты также не рассматривали Организацию Объединенных Наций в качестве серьезного инструмента обеспечения международной безопасности. США выдвинули предложение, получившее название «План Баруха», который предусматривал создание специальной группы при ООН для осуществления контроля над любыми видами использования ядерной энергии. Такая группа имела бы право «контролировать, инспектировать и лицензировать» любую деятельность в области использования ядерной энергии. Соединенные Штаты брали на себя обязательство уничтожить все имеющиеся у них атомные бомбы и не создавать новых после учреждения такой группы и начала ее реальной деятельности. Сталин подозревал, что это предложение было не чем иным, как уловкой, позволявшей США сохранить временную монополию на ядерное оружие. В любом случае Советский Союз не собирался предоставлять кому-либо, даже самому авторитетному международному органу право инспектировать свои военные объекты без заблаговременного уведомления. Поэтому Андрей Громыко, представитель СССР в ООН, в свою очередь, выступил с альтернативным предложением: все существовавшее в то время ядерное оружие должно быть уничтожено, а производство такого оружия полностью запрещено. Компромисс между этими двумя позициями так и не был найден⁵.

Советский Союз смог найти и оперативно мобилизовать все ресурсы, необходимые для создания собственного ядерного оружия. Это стало возможным только благодаря существовавшему политическому режиму. К проекту были привлечены огромные экономические ресурсы и мощный механизм принуждения, находившиеся в руках НКВД. Люди, работавшие на положении рабов, построили ядерный реактор под Челябинском, а на месте монастыря Святого Серафима Саровского недалеко от Горького был создан завод по производству атомных бомб. Это было примером того, как советский Левиафан, запущенный на полную мощность, способен в рекордно короткие сроки совершить чудо, оборачивающееся колоссальной гуманитарной и экологической катастрофой. Заключенным, добывавшим уран в шахтах Средней Азии или строившим ядерные установки, не была обеспечена необходимая защита от

радиации, и большинство из них умерли, пусть даже и дожив до окончания срока заключения. Уже в 1949 г. в районе Челябинского реактора среди населения стали регистрировать случаи лучевой болезни, а в 1951 г. стало известно (естественно, не из газет) о том, что обширные районы бассейна реки Тобол заражены ядерными отходами. Было эвакуировано десять тысяч человек и построена система дамб, которые отрезали зараженные участки речной системы⁶.

Однако одного рабского труда было недостаточно. Для успешной реализации проекта советское руководство нуждалось в ученых высочайшей международной квалификации. Хотя Советы и располагали сведениями, переданными разведчиком Клаусом Фуксом, участвовавшим в работе над американским ядерным проектом, любая информация о работе, выполненной кем-либо другим, никогда не исключает необходимости искать и находить свой собственный путь продвижения вперед. К счастью для советских лидеров, их страна имела почти вековую традицию фундаментальных исследований в области физики. Игорь Курчатов, научный руководитель ядерного проекта, являлся продолжателем этой традиции: в двадцатых годах он проходил обучение в Ленинградском физико-техническом институте, который возглавлял Абрам Иоффе. В определенном смысле он был членом международного сообщества физиков-ядерщиков, хотя бы только по переписке, поскольку так никогда и не получил возможности выезжать за рубеж.

Курчатов и его коллеги находились под постоянным давлением. Они понимали, что у них нет иного выбора, кроме сосредоточения всех сил на создании бомбы, которую требовало от них руководство страны. С другой стороны, они работали и по убеждению. Они знали, что союзнические отношения с Западом, существовавшие во время войны, распались, и чувствовали, что если у США имеется атомная бомба, то она должна быть и у СССР, так как «нельзя позволить какой-либо стране, особенно Соединенным Штатам, иметь монополию на это оружие». Курчатов частенько называл себя «солдатом», и, как отмечал Андрей Сахаров, он сам и его коллеги были «одержимы истинно военной психологией». Заманчивое желание достичь «первоклассного научного уровня» в

сочетании с патриотизмом служило хорошей мотивацией, заглушавшей возникавшие у них сомнения⁷.

Триумф произошел в августе 1949 г., когда Советский Союз провел в степях Казахстана первое успешное испытание атомной бомбы. Сталин не стал трубить об этом успехе. Напротив, в ответ на слухи, опубликованные в зарубежной прессе, было распространено коммюнике, в котором говорилось, что у СССР уже в течение некоторого времени имелась атомная бомба. Главное заключалось в том, чтобы продемонстрировать уверенность и мощь⁸.

Установление зависимых от Советского Союза режимов в Восточной и Центральной Европе вызвало у Запада реакцию, выразившуюся в «стратегии сдерживания», как ее впервые сформулировал американский дипломат Джордж Кеннан. Но Кеннан рассчитывал, что эта политика будет реализовываться путем оказания дипломатического, экономического и пропагандистского давления, а не только и не столько военными методами. В действительности же американская политика стала носить преимущественно военный характер. Отчасти это вызвано тем, что такие методы легче всего было представить общественному мнению как объяснение того, почему США отошли от политики изоляционизма. В свою очередь, стратегия сдерживания стала в основном опираться на ядерный потенциал, поскольку ядерное оружие при всех затратах на его создание оказывалось все-таки дешевле, чем содержание огромных армий на европейском континенте. Эта политика подпитывала чувство угрозы безопасности России и дала прекрасный аргумент в руки сторонников массированного вооружения⁹.

В рамках конфронтации с западными державами СССР располагал огромным преимуществом и не менее важным недостатком. С одной стороны, он мог непосредственно угрожать странам Западной Европы, используя обычные вооружения, в то время как Соединенные Штаты могли бы ответить на такую угрозу только с использованием ядерного оружия, решение о применении которого было намного сложнее и опаснее. С другой стороны, если бы дело дошло до широкомасштабной войны с Соединенными Штатами, то у них начиная с конца 1950-х гг. было гораздо больше средств межконтинен-

тальной доставки ядерного оружия для бомбардировки советских городов. Именно этот стратегический дисбаланс определял многое из того, что происходило в годы «холодной войны».

Отношения с Соединенными Штатами представляли для России такой вид соперничества, с которым она никогда до этого не сталкивалась. У России не было никаких территориальных споров с ее новым противником. Напротив, Россия в какой-то мере походила на США. Обе политические системы выросли из представлений о создании совершенного общества, которые были унаследованы от эпохи Просвещения XVIII в.; обе державы стремились распространить свои идеи по всему миру. Обе были отчасти европейскими и отчасти неевропейскими* и поэтому инстинктивно тяготели к культуре друг друга. Большинство русских людей восхищались способностью американцев сочетать высокоразвитые технологии с высоким уровнем общественного развития. Владимир Маяковский, убежденный коммунист и поэт, воспевавший Советское государство в 1920-е гг., написал полное энтузиазма и восхищения стихотворение о Бруклинском мосте. Как бы ни были советские коммунисты настроены против «хищнического» капитализма, который, по их мнению, был характерен для американского общества, они всегда стремились к сближению с США или хотя бы к разрядке напряженности в отношениях с этой страной, рассматривая это как один из способов сокращения своих военных расходов, стабилизации международной обстановки и приобретения западных технологий, которые не могли быть созданы Россией самостоятельно¹⁰.

Сущность ядерного оружия подходила для таких отношений. Угроза противнику оружием, применение которого было практически нереальным из-за угрозы взаимного уничтожения, как нельзя лучше соответствовала условиям длительной конфронтации сторон, не имевших непосредственных территориальных споров. СССР и США вряд ли бы вообще начали даже обычную войну между собой: этого не позволило бы взаимное ядерное сдерживание. И все же такая политика была далеко не удовлетворительным способом поддержания мира:

* С точки зрения культурно-исторических традиций, географического положения и т.п. — *Примеч. пер.*

стратегия, предусматривавшая создание угрозы противнику оружием, которое нельзя применить без того, чтобы не быть уничтоженным самому, всегда содержала в себе элемент нездоровой фантазии.

Каковы бы ни были силы, ограничивавшие взаимную враждебность двух держав, несовместимость их обоюдных претензий на гегемонию именно своей модели развития мира и явившиеся результатом такой политики стратегические союзы и соответствующие обязательства делали очевидным тот факт, что Советский Союз и Соединенные Штаты в определенном отношении останутся смертельными врагами. Если бы одна из этих стран сумела распространить свою доктрину на большую часть планеты, то другая страна тут же утратила бы статус мировой державы; кроме того, это могло бы создать для нее опасные внутренние проблемы.

План Маршалла как раз и был заявкой США стать единственной мировой сверхдержавой. Предложенный госсекретарем США Джорджем Маршаллом в 1947 г., этот план предусматривал долгосрочное финансирование Соединенными Штатами программы экономического развития Европы в целях преодоления послевоенной разрухи, нищеты и безработицы, что стало бы основой восстановления здесь демократических режимов. Такая помощь предлагалась всем европейским государствам при условии принятия ими требования перехода к рыночной экономике. Советский Союз отклонил эти предложения и заставил своих сателлитов сделать то же самое, опасаясь, что принятие помощи потребует демонтажа барьеров, воздвигнутых на пути развития международной торговли, а также предоставления обширной информации о функционировании советской экономики. Советское руководство понимало, что модель экономики, призванная поддерживать советскую империю, несовместима со свободными международными рыночными отношениями. В любом случае большая часть необходимой информации была засекречена либо вообще неизвестна даже самим советским лидерам в силу того, что принятая в СССР система отчетности полностью отличалась от использовавшейся в остальном мире.

Отказ от плана Маршалла содействовал закреплению раздела Европы, способствуя созданию двух несовместимых типов экономики. Этот процесс с наибольшими осложнениями проходил в Германии, где в американской, британской и французской оккупационных зонах развивалась западная модель демократии и экономики, а в советской зоне зарождалась модель плановой экономики и укреплялась коммунистическая монополия на власть. Полярная противоположность этих двух моделей острее всего проявлялась в Берлине, который, находясь в советской зоне, также имел на своей территории три небольшие западные зоны. Когда в 1948 г. не только в Западной Германии, но и в западных зонах Берлина в качестве новой денежной единицы ввели немецкую марку, по приказу Сталина были закрыты все сухопутные пути сообщения между западной и восточной зонами, что спровоцировало серьезный международный кризис. Сталин надеялся предотвратить создание западногерманского государства или по меньшей мере помешать его включению в западный блок.

Он ожидал, что западные державы будут вынуждены пойти на включение всего Берлина в советскую оккупационную зону. Вопреки этому, опираясь на поддержку большинства населения, западные союзники около года осуществляли все необходимые поставки в Западный Берлин по «воздушному мосту». Чтобы прервать эти поставки по воздуху, пришлось бы сбивать самолеты союзников, но Сталин не был готов к прямым военным действиям. Вместо этого он фактически отступил от своей позиции, согласившись на то, чтобы Западный Берлин стал самостоятельным субъектом международного права. Казалось, что «холодная война» готова перерасти в настоящее военное столкновение, но Сталин, памятуя об американском ядерном оружии, оставил за собой путь к отступлению¹¹.

В действительности опасность настоящей войны между СССР и Соединенными Штатами была намного реальнее в 1950—1951 гг. в Корее. Очевидно, Сталин чувствовал, что может позволить себе рисковать в Азии больше, чем в Европе, и понимал, что ему нужно утвердить здесь интересы Советского Союза и противостоять как американцам, доминировав-

шим в Японии и Южной Корее, так и китайским коммунистам, чья революция, успешно осуществленная в 1949 г., знаменовала собой возрождение Китая как великой державы и представляла угрозу советскому единоличному лидерству в мировом коммунистическом движении. Сталин поддержал северокорейского руководителя Ким Ир Сена в его планах завоевания Южной Кореи, предполагая, что США не решатся на войну ради ее защиты. Когда он понял, что ошибался, то есть когда увидел, что США не только вмешались в конфликт, но и утроили в связи с этим свой военный бюджет, то изменил позицию, позволив Китаю взять на себя основное бремя поддержки Северной Кореи¹².

Таким образом, в послевоенные годы Соединенные Штаты и Советский Союз неоднократно подвергали испытанию предельные параметры своих отношений вражды и подозрительности, не доводя дело до фактических боевых действий, последствия которых были непредсказуемы и могли привести к огромным разрушениям. Каждая из двух держав рассматривала другую в качестве приоритетного фактора при определении всей своей международной и военной политики. Советский Союз шел позади США, отягощенный бременем традиционной отсталости и неэффективной экономики, что усугублялось потерями, понесенными в ходе Второй мировой войны. В советских попытках добиться паритета с Соединенными Штатами всегда присутствовали элементы блефа и опасности провала всех расчетов. Сталин начал блокаду Берлина, не имея достаточной решимости и не располагая ресурсами, необходимыми для ее реального доведения до желаемого результата. Аналогичным образом в ходе Берлинского кризиса 1958—1961 гг. Хрущев угрожал блокадой Западного Берлина, если западные державы не оставят город, но, как только Запад проявил твердость, оказалось, что он не располагает необходимыми средствами для осуществления своей угрозы. В следующий раз, разместив летом 1962 г. ракеты среднего радиуса действия на Кубе, Хрущев попытался найти дешевый способ компенсировать отсталость СССР посредством межконтинентальной доставки ядерного оружия, но, когда президент Кеннеди потребовал убрать ракеты с острова, оказалось,

что СССР не располагает в этом регионе достаточным количеством военно-морских сил, которые могли бы «прикрывать» эти ракеты. Не готовый пойти на риск развязывания ядерной войны, Хрущев был вынужден выполнить это требование, и ракеты с Кубы вывезли¹³.

Учитывая все эти унижительные уступки, советские руководители, сменившие своих предшественников, приняли решение расширить производство и развертывание всех типов вооружений, как ядерных, так и обычных, сухопутного и морского базирования, чтобы быть готовыми к любой конфронтации с Соединенными Штатами, где бы таковая ни возникла. Несомненно, на это решение существенно повлиял тот факт, что советская экономика была лучше приспособлена для производства вооружения, чем какой-либо другой продукции. Но даже здесь США смогли опередить СССР, особенно в производстве высокотехнологичных компьютеризированных систем оружия.

Вплоть до начала восьмидесятых годов Советский Союз пытался компенсировать свое относительное отставание путем размещения ракет среднего радиуса действия СС-20, нацеленных на территорию Западной Европы, а не на Соединенные Штаты. Смысл этого шага состоял в том, чтобы превратить Западную Европу в заложницу: угроза ракетного удара по Европе не касалась бы напрямую Соединенных Штатов, поэтому советское руководство надеялось, что они не смогут найти эффективный ответ на такую угрозу, что вбило бы клин между США и их европейскими союзниками по НАТО. Размещение ракет сопровождалось массовой пропагандистской кампанией, направленной на оказание поддержки различным европейским движениям в защиту мира в их требованиях сделать Европу безъядерной зоной и вывести из Европы натовские войска. Несмотря на широкую общественную оппозицию, правительства стран — членов НАТО ответили на советские действия размещением на европейской территории своих ракет среднего радиуса. Когда же, помимо всего прочего, во время правления президента Рейгана выяснилось, что США могут развернуть управляемые ракеты-истребители, способные сбивать советские межконтинентальные ракеты, Советский Союз понял, что не сможет разработать соответствующую

щую технологию, обеспечивающую адекватный ответ. Это понимание способствовало появлению «нового мышления» (по выражению Горбачева): если безопасность не может быть обеспечена с помощью превосходящей военной мощи, следует искать другие способы ее достижения¹⁴.

Советский Союз был всегда крайне заинтересован в сохранении своих территориальных завоеваний, особенно в разделе Германии, который был официально признан западными державами в окончательном мирном договоре. Шумные угрозы Хрущева в 1958—1961 гг. по поводу статуса Берлина были направлены как раз на достижение этой цели. Однако до конца шестидесятых годов западногерманское правительство не желало ни признавать ГДР (бывшую советскую оккупационную зону), ни мириться с окончательным разделом Германии. Такая позиция получила поддержку западных держав, что было крайне важно для придания международной легитимности западногерманскому государству.

Но избрание в ФРГ в 1969 г. социал-демократического правительства во главе с канцлером Вилли Брандтом указывало на готовность общественного мнения Западной Германии к новому подходу к этим вопросам, иначе говоря, к признанию законности существования ГДР и нового территориального статус-кво в обмен на гарантии специального статуса Западного Берлина и полного его открытия для Запада. В результате такого изменения в позиции ФРГ в 1971 г. был подписан договор, который подготовил почву для более полного территориального урегулирования в Европе и для последовавшего в 1975 г. заключения Хельсинкского соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этим Советский Союз в каком-то смысле добился цели, к которой стремился с 1945 г.: официальное международное признание границ, установленных де-факто после окончания Второй мировой войны, и создание постоянной Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Эта Конференция должна была периодически проводить политические консультации по совместному урегулированию кризисных ситуаций и проблемных вопросов. С другой стороны, Запад настоял на том, чтобы частью гарантий, обеспечивающих взаимную безопасность и

сотрудничество, стало принятие на себя всеми сторонами обязательств по соблюдению прав человека в соответствии с тем, как это определено в Хартии ООН. Принятие Советским Союзом такого обязательства предоставляло западным идеологам мини-плацдарм внутри страны, и это обстоятельство в течение последующих 15 лет постоянно раздражало советское руководство. С другой стороны, именно это обязательство постепенно учило советских лидеров воспринимать международные дела с точки зрения Запада.

Настоящие трудности возникли в отношениях с Китаем, хотя эти отношения должны были бы быть самыми близкими. Здесь ситуация оказалась прямо противоположной той, которая сложилась в отношениях между СССР и США. Со времени китайской коммунистической революции 1949 г. Россия и Китай были братьями по оружию, но одновременно с этим они являлись двумя главными державами Евразии, соседями, имевшими общие границы протяженностью несколько тысяч километров, между которыми существовали территориальные споры, возникшие из-за того, что Китай называл «неравноправными договорами», заключенными еще в XIX в. Эти споры касались северо-восточных районов Казахстана и морской акватории, расположенной к северу и востоку от рек Амура и Уссури. Кроме того, большинство образованных русских людей привыкли считать «азиатчину» источником тирании и коррупции и смотрели на самую многочисленную и хорошо вооруженную азиатскую нацию со страхом и неприязнью. Китай был единственной соседней страной, по численности населения превосходившей Россию. Кроме того, с 1964 г. у Китая имелось собственное ядерное оружие. Большинство простых людей в России считали именно Китай, а не страны НАТО или США своим самым опасным противником.

Китай являлся и прямым идеологическим противником СССР. В течение нескольких лет после прихода к власти китайские коммунисты соглашались оставаться в роли младшего партнера в международном коммунистическом движении. Но после того как в 1955 г. Хрущев стал искать сближения с Тито и начал пропагандировать принцип мирного сосуществования с Западом, развенчав культ личности Сталина, Мао

Цзэдун подверг его резкой критике за «контрреволюционную политику»; Соединенные Штаты лидер Китая с презрением окрестил «бумажным тигром». На это Хрущев остроумно ответил: «Это действительно бумажный тигр, только с ядерными зубами». Начиная с этого времени и в последующие годы Китай постоянно оспаривал у СССР взятую им на себя роль хранителя чистоты марксистско-ленинского учения и лидера международного коммунистического движения. «Большой скачок», предпринятый Китаем в 1958—1959 гг., и «культурная революция» 1966—1969 гг. продемонстрировали отчаянную смелость подхода китайского руководства к проведению социальных преобразований и их решимость любой ценой совершить быстрый прыжок в коммунизм, даже такой огромной, какую советский народ заплатил в тридцатые годы. Китай начал расширять контакты со странами «третьего мира», продавая им вооружение и убеждая их предпочесть китайскую модель социализма советской системе.

Различные международные совещания коммунистических партий так и не смогли устранить углублявшийся раскол, который усугубился в 1959 г., когда Советский Союз прекратил помощь Китаю в разработке ядерного оружия. В следующем году СССР отозвал более двух тысяч своих советников и специалистов, занятых в Китае реализацией различных экономических проектов, а вскоре за этим последовала взаимная высылка студентов, обучавшихся в вузах двух стран. С каждым годом Советская Армия разворачивала все больше дивизий на Дальнем Востоке, и к 1980 г. там оказались дислоцированы около четверти всех советских сухопутных войск¹⁵.

Враждебность между СССР и Китаем достигла апогея в марте 1969 г., когда солдаты китайской регулярной армии атаковали советских пограничников на острове Даманский в русле реки Уссури. Китай предъявлял территориальные претензии на этот остров. Советский Союз ответил на нападение два месяца спустя ракетно-артиллерийскими ударами по китайской территории. Вполне вероятно, что в этот момент советское руководство всерьез рассматривало возможность нанесения по Китаю упреждающего ядерного удара, чтобы не позволить ему завершить разработку систем доставки своего ядерного оружия, что сделало бы возможным адекватный ответ¹⁶.

После этого инцидента обе стороны отступили со своих позиций, сознавая опасность той огромной разрушительной войны, которую могли повлечь за собой полномасштабные военные действия между ними. В начале семидесятых годов Китай стал допускать те же грехи, за которые он раньше осуждал Советский Союз. В целях обеспечения собственной безопасности Китай начал осуществлять политику сближения с Соединенными Штатами и отход от «решительных кампаний по строительству социализма» в сторону возрождения рыночной экономики. Учитывая неминуемое ослабление международного социалистического движения, цель возглавить его уже не казалась столь привлекательной.

После Сталина Советский Союз предпринял самую амбициозную в собственной истории попытку распространить свое влияние по всему миру. В работах, написанных в 1914—1918 гг., Ленин призывал к перенесению внутренней классово-борьбы на международную арену, к подъему колоний на борьбу с метрополиями. Это, по его мнению, должно было решительно сместить мировой баланс сил в пользу социализма. Но Советский Союз был слишком слаб, находясь в окружении капиталистических стран Европы, что не позволяло ему перевести эти планы в плоскость практической геополитики. Однако это стало возможным после окончания Второй мировой войны.

С середины 1950-х гг. ситуация изменилась. В условиях «ядерного пата» и растущей стабильности в Европе Советский Союз понял, что нельзя рассчитывать на приобретение каких-либо новых стратегических преимуществ в Европе, не подвергаясь неоправданному риску, тогда как в странах «третьего мира» такая возможность выглядела соблазнительной. Здесь обстановка была гораздо менее стабильной, поэтому политическому влиянию и экономическому доминированию Запада вполне и без особого риска можно было бросить вызов. Неудачи были в принципе приемлемы, так как не затрагивали напрямую интересов безопасности СССР. Хрущев и его последователи всегда рассматривали политику мирного сосуществования с Западом как средство продолжения борьбы против империализма другими методами, исключавшими риск прямого военного столкновения с империалистическими державами. В то же время, нара-

шивая военную мощь, Советский Союз считал полезным иметь военно-морские и военно-воздушные базы в Азии, Африке и Латинской Америке.

Оказание помощи антиимпериалистическому движению в странах «третьего мира» на деле означало поддержку национализма, а не социализма. Была принята стратегия, в соответствии с которой антиколониальные национально-освободительные движения и борьба за образование независимых «национальных демократических государств» рассматривались как «этапы на пути строительства социализма».

В рамках реализации этой стратегии в конце 1950-х гг. Советский Союз оказывал финансовую и техническую помощь в строительстве гигантского металлургического завода в Индии и Асуанской гидроэлектростанции в Египте, продавая при этом обеим странам советское оружие. Когда в 1959 г. власть на Кубе захватил Фидель Кастро, Советский Союз воспользовался этим для создания своего плацдарма в Латинской Америке и взял на себя фактически полное финансирование слабой кубинской экономики, покупая на Кубе сахар и никель по ценам, значительно превышавшим мировые, и дешево продавая ей нефть. Куба стала базой для советских военных кораблей и разведывательных самолетов, которые действовали в непосредственной близости от территории Соединенных Штатов. Куба также поставляла своих агентов для поддержки антиколониальных движений, включая террористические организации во всех регионах мира¹⁷.

Когда в 1964 г. США вступили во вьетнамский конфликт, стремясь защитить Южный Вьетнам от коммунистической революции и внешней агрессии, СССР стал поставлять оружие Северному Вьетнаму, способствуя таким образом последующему поражению американцев и пользуясь этой возможностью для дискредитации американской политики в глазах не только «третьего мира», но и общественного мнения во многих странах Запада. Развернув военно-морские и военно-воздушные базы во Вьетнаме, Советский Союз смог гораздо более эффективно распространять свое военно-политическое влияние по всей Юго-Восточной Азии и на западе Тихоокеанского региона.

И тем не менее не все эти огромные затраты пошли на пользу Советскому Союзу. Например, в 1972 г. Египет неожиданно выслал из страны всех советских военных советников и закрыл советские военно-воздушные базы. Таким образом была продемонстрирована неспособность сверхдержав контролировать подопечные страны, находящиеся вдали от ее границ: большая часть ранее произведенных затрат и вложений в Египет оказалась выброшенной на ветер. Но Москва всегда была готова к списанию таких потерь в интересах противостояния политике западных держав и расширения сфер своего влияния.

Однако там, где потенциальный союзник находился близко к границам СССР, Советский Союз вел себя гораздо более решительно. В 1979 г. в целях предотвращения падения коммунистического режима, за три года до этого пришедшего к власти в стране, в Афганистан был введен контингент советских Вооруженных сил. Вскоре советские войска столкнулись там с теми же трудностями, что и российские на Северном Кавказе 150 лет назад. Население, разбросанное по огромной гористой территории, ненавидело интервентов и все более склонялось к поддержке фундаменталистских исламских движений, которые возглавили сопротивление. В свою очередь, исламистам оказывали помощь Пакистан и Соединенные Штаты. Не решаясь на проведение политики геноцида и не желая допустить слишком больших потерь в своих войсках, советские руководители оказались к середине 1980-х гг. в тупиковой ситуации.

Состояние советского общества после войны

Советский Союз вышел из Второй мировой войны победителем, но с крайне разрушенной экономикой. Примерно четверть всех имевшихся на начало войны материальных ценностей была уничтожена: нужно было восстанавливать или строить заново огромное количество зданий, жилых домов, административных и производственных помещений, автомобильных и железных дорог, поднимать сельское хозяйство. Но для дости-

жения этих целей страна не располагала достаточным количеством трудоспособного здорового населения с соответствующей этим целям возрастной и половой структурой: за годы войны погибло примерно 24—27 млн человек; огромное число людей было перемещено в новые места проживания. В стране наблюдался сильнейший дефицит трудоспособного мужского населения и соответственно насчитывалось огромное количество вдов и молодых женщин, которые так никогда и не смогли стать женами¹⁸.

Тем не менее моральный дух народа в то время был необычайно высок, и советские люди как никогда раньше ощущали свое единство. Появилось целое поколение военных командиров и центральных, и местных государственно-партийных кадров, относительно молодых, до 1941 г. еще не испытанных, но впоследствии прошедших страшное боевое крещение и доказавших свою способность осуществлять действенное руководство. Причем это касалось как чисто военных операций, так и решения хозяйственных задач, возникавших в ходе всенародной войны. Рядовые советские граждане, напуганные террором и политической смутой 1930-х гг., подверглись еще одному ужасному испытанию и поняли, что перед лицом смерти они должны полагаться не столько на государство, сколько на своих ближайших товарищей и непосредственных командиров, а также на собственную отвагу и смекалку. Молодые люди всех социальных слоев, принадлежавшие к различным национальностям, оказались собраны в сплоченные, взаимосвязанные соединения, которые вели жесточайшую борьбу, хотя и несли при этом тяжелые потери.

Легитимность Советского государства казалась в то время более убедительной, чем когда-либо ранее. Советский Союз не создал совершенного общества, но он освободил Европу от страшного и разрушительного врага, что имело практически такую же ценность. До золотого века было еще далеко, но апокалипсис был предотвращен.

Таким образом, война породила в СССР уверенный в себе авторитарный правящий класс и довольно массовый, бесклассовый и многонациональный, патриотизм. Прежний, искусственно культивировавшийся и несколько иллюзорный

«пролетарский интернационализм» уступил место новому и испытанному советско-русскому патриотизму, особенно среди людей военного поколения. Они воевали не в классовой битве, а в национальной войне русских против немцев. Именно эту мысль настойчиво проводил Илья Эренбург в своих колонках, публиковавшихся в «Правде», и истинность такого отношения подтверждалась ежедневным опытом войны. Тем не менее русский патриотизм не был национализмом в обычном значении этого слова, поскольку, как известно, советские люди не составляют отдельную нацию. Скорее всего это был своего рода многонациональный имперско-социалистический мессианизм, порожденный победой в войне. Создание тяжелой промышленности и «строительство социализма» приобрели совершенно новое и гораздо более осязаемое значение благодаря военному опыту. Не случайно символы войны стали доминирующей темой советской пропаганды, затмив даже Октябрьскую революцию, так как эта война вызвала к жизни сплоченное общество, управляемое, что вполне объяснимо, авторитарными методами¹⁹.

Не все советские нации приняли этот неороссийский патриотизм. Грубое присоединение Прибалтийских республик, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии вызвало у большинства населения этих районов враждебное отношение к русским и к коммунизму. Мусульмане, проживавшие на Кавказе, особенно чеченцы, испытывали такие чувства уже давно, а после депортации 1944—1945 гг. их враждебность к Советскому Союзу и особенно к русским заметно усилилась. В будущем эта исторически сложившаяся межнациональная неприязнь станет серьезным источником слабости Советского Союза.

Но все же, даже вместе взятые, они составляли очень незначительное меньшинство населения. Что касается остального народа, то это был редкий исторический момент, когда русская нация могла трансформироваться в некую *неороссийскую* форму общества со сложным национальным составом, подобно британской нации, но только более разнообразную и многокомпонентную, ядром которой оставались бы русский язык, русская культура и российская государственность. Дальше мы увидим, почему этого не произошло.

Люди, отношение которых к Сталину и коммунистическим методам управления было неоднозначным, находили источник энтузиазма в воспоминаниях о минувшей войне, что помогало им и в жизни, и в работе. Андрей Сахаров, который в то время работал над секретным ядерным проектом, позже вспоминал: «Именно потому, что я уже много отдал этому и многого достиг, я невольно, как всякий, вероятно, человек, создавал иллюзорный мир себе в оправдание... Очень скоро я изгнал из этого мира Сталина... Но оставались государство, страна, коммунистические идеалы. Мне потребовались годы, чтобы понять и почувствовать, как много в этих понятиях подмены, спекуляции, обмана, несоответствия реальности»²⁰.

Подобное разочарование постепенно охватывало большинство молодых людей, демобилизованных в 1945—1946 гг. Дома их встретили страшная экономическая разруха, разбитые семьи, перенаселенные коммуналки, длинные очереди за самыми необходимыми продуктами и вещами. Демобилизованные солдаты и офицеры были вынуждены носить потертые военные гимнастерки и шинели, а они-то ожидали, «что имеют право на жизнь, достойную героев»²¹. Но хуже всего было то, что качества, столь необходимые на фронте, — смелость, способность принимать самостоятельные решения и рисковать — оказались абсолютно не востребованы в условиях советской мирной жизни. Вот как об этом позже написал один такой бывший солдат: «Мы не ждали молочных рек и кисельных берегов. Своими глазами видели спаленные села, руины городов. Но у нас все же появились свои, пусть и расплывчатые, представления о справедливости, о собственном назначении, о человеческом достоинстве. Они удручающе не совпадали с тем, что нас ждало едва не на каждом шагу»²².

Дело в том, что Сталин и партийно-государственный аппарат, на время войны ослабившие вожжи, особенно в отношении военных, стремились вновь приобрести неоспоримый контроль над всем советским обществом. Более того, они верили, что доказали свое право на это. Открыто выступать против авторитета военных было практически невозможно, однако уже в 1946 г. право избирать (читай «назначать») секретарей парторганизаций в воинских частях было у Вооруженных сил отобрано и

вновь передано под контроль партийной иерархии. Хотя институт военных комиссаров и не был восстановлен, офицеров заставляли посещать специально созданные школы политучебы, с тем чтобы они сами стали политкомиссарами²³. Маршал Жуков, герой войны, пользовавшийся огромной популярностью в армейских кругах и имевший основания претендовать на лавры победителя в войне и соперничать с самим Сталиным, был назначен на скромную для него должность начальника Одесского военного округа. Беспрецедентно высокий общественный авторитет офицеров-партийцев был подкреплен созданием сети суворовских училищ, воспитанники которых получали не только военное образование, но и обучались социальному «политесу» (например, бальным танцам). Таким образом, партийно-военная иерархия становилась новой общественной элитой²⁴.

Партия, в свою очередь, ужесточала требования к приему в свои ряды. Во время войны для приема в члены ВКП(б) солдату требовалась только рекомендация его непосредственных командиров без какой-либо дальнейшей проверки его благонадежности. Высшие эшелоны партийной иерархии в целях повышения своего профессионального партийного уровня создали специальную сеть высших партийных школ, в которых все партийные руководители, начиная со звена секретарей райкомов, должны были систематически проходить курсы переподготовки. Совещания партийных органов — от Политбюро и ниже — стали вновь проводиться на регулярной основе, хотя первый после 1939 г. съезд партии был созван только в 1952 г.

Имея за плечами опыт солидарности, полученный во время войны, партийная номенклатура стала чувствовать себя намного увереннее в своих креслах. Сталин создал ее, но теперь она начала осознавать собственную силу. Партийные руководители научились работать без подсказки сверху, зачастую даже без разрешения самого Иосифа Виссарионовича, и этим представляли угрозу его доселе безграничной власти. Хотя они являлись сталинскими креатурами, на деле им уже было легче обходиться без него. Чтобы удержать их в узде, Сталин возобновил террор, хотя и не такой массовый, как в тридцатые годы. Теперь он был выборочным, в соответствии с междуна-

родной обстановкой 1947—1948 гг., которая характеризовалась атмосферой «холодной войны», где главную роль играли два противоборствовавших военных блока.

Солидарность и независимость партийной номенклатуры особенно явно проявлялась в Ленинграде, городе, который во время войны был практически на два года отрезан блокадой от остальной страны. Сталин стал с нервной подозрительностью относиться ко всем ленинградцам и именно в Ленинграде провел одну из самых кровавых послевоенных «чисток». Андрей Жданов, бывший во время войны первым секретарем Ленинградского обкома партии, был назначен секретарем Коминформа, отвечавшим за отношения с зарубежными социалистическими партиями. После разрыва в 1949 г. с маршалом Иосипом Броз Тито и коммунистами Югославии Жданов неожиданно умер, возможно, от сердечного приступа, вызванного злоупотреблением спиртным. Ряд других высших партийных руководителей Ленинграда были арестованы и приговорены к расстрелу закрытыми судебными заседаниями без публичной огласки предъявленных им обвинений. Вероятно, эта «чистка» была связана с обострением «холодной войны» и потенциальной самостоятельностью ленинградской партийной номенклатуры²⁵.

Другой группой, которая могла пользоваться поддержкой Запада после создания в 1948 г. государства Израиль, были евреи. Еврейский антифашистский комитет, созданный во время войны в целях мобилизации помощи со стороны евреев в войне против Германии, был распущен, а его председатель Соломон Михоэлс убит. Был закрыт Московский еврейский театр, арестованы многие деятели культуры еврейской национальности. Некоторых из них судили и приговорили к расстрелу по смехотворному обвинению в том, что они якобы участвовали в заговоре по передаче Соединенным Штатам территории Крыма. В январе 1953 г. было объявлено об аресте группы врачей, которые «планировали уничтожение высших партийных кадров СССР», а органы безопасности подверглись критике за «потерю бдительности», поскольку не смогли разоблачить эту группу раньше. Все указывает на то, что Сталин планировал провести еще целый ряд «чисток», которые,

возможно, уже не уступали бы по масштабам «чисткам» тридцатых годов и сопровождалась бы массовой депортацией евреев в Сибирь. Но 5 марта 1953 г. Сталин умер, не успев осуществить свои планы.

Восстановление экономики

Послевоенное восстановление экономики шло удивительно быстрыми темпами, и уже к 1947—1948 гг. многие показатели тяжелой промышленности вышли на уровень 1940 г. Этот успех можно отчасти объяснить тем, что одновременно с восстановлением фабрик и заводов в западных, бывших оккупированных районах страны продолжали действовать предприятия, эвакуированные на восток СССР во время войны. Но в большей мере высокие темпы восстановления экономики отражают тот факт, что произошел возврат к испытанным принципам, методам и приоритетам хозяйствования, применявшимся в тридцатые годы и практически не претерпевшим изменения в первый послевоенный период. В послевоенной экономике сохранились все перекосы и ошибки первых пятилеток: крайний авторитаризм в управлении и чрезмерная секретность, недостаток оборотных средств и низкое качество оборудования, штурмовщина в конце каждого месяца. После периода военного напряжения, характеризовавшегося жесткой дисциплиной, советские предприятия вновь стали «ассоциациями взаимной защиты» хозяйственных руководителей и рабочих.

В демографической структуре рабочей силы теперь все большая доля приходилась на женщин и рабочих-мужчин, не получивших достаточной профессиональной подготовки, в то время как опытных и квалифицированных рабочих явно не хватало. Это в значительной мере усугубляло трудности. Хотя рабочие, занятые в различных отраслях промышленности, трудились в условиях военной дисциплины, их рабочий режим был организован далеко не лучшим образом, и они фактически сами контролировали весь трудовой процесс. Руководители предприятий, озабоченные поиском необходимых для

производства рабочих рук, смотрели сквозь пальцы на небрежно выполненную работу и, естественно, не применяли к рабочим суровых мер военной дисциплины. Тем не менее жизнь рабочих была далеко не легкой: многие жили в антисанитарных условиях, в неотопливаемых бараках, где отсутствовали даже самые элементарные приспособления для приготовления пищи. Условия, в которых они работали, были не менее суровыми: в цехах либо царил пронизывающий холод, либо стояла невыносимая жара. Производственные помещения имели плохую систему вентиляции, а рабочие места представляли опасность для здоровья и жизни рабочих, так как не были оснащены защитными ограждениями. Нередко ответом рабочих на такое положение были попытки подыскать работу с более подходящими условиями труда. Текучесть кадров оставалась весьма высокой, несмотря ни на какие драконовские меры, направленные против «летунов»²⁶.

Неспособность Советской власти справиться с этими проблемами предопределила то, что, хотя объемы промышленного производства уже в начале 1950-х гг. превысили довоенный уровень, дальнейший рост промышленности приобрел характер стагнационного развития, когда расширение производства достигалось за счет привлечения новых рабочих рук, в основном из сельской местности, а не за счет совершенствования технологии. Неспособность внедрять инновационные технологии, отсутствие эффективных методов стимулирования рабочих и неудачные попытки упорядочить производственный процесс на предприятиях — все это обусловило отставание СССР от стран Западной Европы, Северной Америки и Восточной Азии на целое поколение. К середине 1970-х гг. рост промышленного производства, видимо, практически прекратился, и началось его падение; экономика становилась все менее жизнеспособной, за исключением, пожалуй, военно-промышленного комплекса. Промышленные предприятия постепенно превращались в оплоты социального обеспечения, которые предоставляли сотням, а иногда и тысячам рабочих и их семьям жилье, детские сады, спортивные сооружения, дома отдыха и специальные ведомственные поликлиники. Подобные функции приобрели к этому време-

ни не менее важное значение, чем непосредственное производство.

Огромные ресурсы и авторитарные методы руководства пока еще позволяли сосредоточивать усилия на развитии отдельных особо важных отраслей, где производилась продукция необходимого высокого качества. Это касалось военных и космических технологий, которые являлись весьма престижными и привлекали лучших специалистов и хозяйственников. Но все остальные отрасли промышленности, не входившие в категорию приоритетных, управлялись менее способными и менее амбициозными руководителями и приходили в упадок.

Крестьяне надеялись, что после войны колхозы будут навсегда распущены, но по указу, изданному в сентябре 1946 г., все земли, приобретенные частными лицами во время войны, должны были быть незамедлительно возвращены колхозам; наказания за «хищения социалистической собственности» ужесточались, а задания по сдаче продукции государству увеличивались. Цены, которые государство платило за эти поставки, были настолько низкими, что в ряде случаев даже не покрывали транспортных издержек по доставке сельхозпродукции в город. В результате стоимость трудодня в 50 процентах колхозов в 1946 г. составляла где-то порядка рубля, а то и меньше, что равнялось стоимости примерно трети килограммовой буханки черного хлеба²⁷. Многие крестьяне отказались от содержания в своих индивидуальных хозяйствах коров и начали разводить коз — «сталинских коз», как их тут же окрестило сельское население, — так как их молоко не подлежало сдаче государству. Проведенная в 1947 г. денежная реформа резко понизила стоимость сбережений населения, которые не хранились в сберкассах. Крестьяне, хранившие заработанные во время войны деньги «под матрасом», сразу же потеряли большую часть своих накоплений²⁸.

После этого обнищание колхозов усугубилось, а колхозное крестьянство оказалось деморализовано еще более, чем до войны. Вероятно, самый значительный ущерб был нанесен сокращением трудоспособного мужского населения. Сельские парни, прошедшие войну, редко возвращались в родные деревни, не желая обрекать себя и свои семьи на нищенское

существование. Поскольку фронтовикам выдавались паспорта, они искали и находили работу на транспорте, в строительстве или на промышленных предприятиях. Сельский труд становился фактически женской монополией, а так как тяглового скота не хватало, женщины нередко впрягались в конскую упряжь и тянули по полю плуг²⁹.

В 1946 г. тяжелейшая засуха поразила Молдавию и Украину, приведя к страшному голоду и массовым эпидемиям. Завышенные планы госпоставок не позволяли крестьянам оставлять достаточное количество зерна даже для собственных нужд. От голодной смерти они спасались, сажая картофель. Около пяти миллионов крестьян покинули свои деревни, и, вероятно, около одного миллиона человек умерли от недоедания и связанных с ним болезней³⁰.

Продолжающийся жесткий контроль со стороны государства и отсутствие необходимых капиталовложений в деревню привели к тому, что рост объемов сельскохозяйственного производства оказался ниже, чем после 1921 г. К 1952 г. все еще не был достигнут довоенный уровень. Хотя карточная система была отменена в 1947 г., мясные и молочные продукты в государственной торговле имелись только в крупных городах с хорошим снабжением, да и то с частыми перебоями. В основном люди приобретали эти продукты на рынках, где продавалась продукция индивидуальных хозяйств. Эти хозяйства, занимавшие всего от 1 до 2 процентов всех сельскохозяйственных угодий, давали в 1950-х гг. более половины общего производства овощей, мяса и молока, более 60 процентов всего выращиваемого в стране картофеля и свыше 80 процентов яиц³¹.

Культура, наука и образование

Во время войны наблюдалось ослабление государственного давления в области культуры. Нарком культуры Жданов старался поднять патриотический дух, а для этого снова понадобились хорошие писатели и музыканты, несмотря на то что не все они разделяли партийное мировоззрение. Давно молчавшие литера-

торы, такие как Анна Ахматова, Борис Пастернак и Михаил Зощенко, вновь смогли публиковать свои произведения. Шостаковичу снова «разрешалось» сочинять музыку — его «Ленинградская симфония» с ее повторяющимися «жестоко-безумными» пассажами стала символом сопротивления фашизму (хотя в частных беседах Шостакович утверждал, что она была направлена против тоталитаризма любого рода, включая его сталинский вариант)³².

После войны потребность партии в писателях и музыкантах значительно уменьшилась. Центральный Комитет в своем постановлении от 14 августа 1946 г. осудил литературные журналы «Звезда» и «Ленинград» за публикацию произведений, «проникнутых духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному», а также за то, что литературная политика этих изданий имела в своей основе не «интересы правильного воспитания советских людей», а «интересы личные, приятельские», то есть, выражаясь советским языком того времени, основывалась на «блатных связях». Двух ленинградских авторов исключили из Союза писателей СССР: Михаила Зощенко, обвиненного в «гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности», и Анну Ахматову, чьи произведения, как говорилось в постановлении, были пропитаны «духом пессимизма и упадничества...» и застыли «на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства»³³. Даже секретарь Союза писателей Александр Фадеев подвергся критике за роман «Молодая гвардия», который, описывая движение сопротивления немецким захватчикам на оккупированной территории Донбасса, недостаточно четко показал ведущую роль Коммунистической партии в этой борьбе. В том же постановлении нападкам подвергся Сергей Эйзенштейн за «недостаточно героический» образ Ивана Грозного в одноименном фильме.

Постановление от 10 февраля 1948 г. осудило «формализм» в музыкальных произведениях. Это постановление было непосредственно направлено против грузинского композитора Вано Мурадели, который «ошибочно» показал враждебное отношение грузинского и северокавказских народов к России во время Гражданской войны. Этот взгляд был абсолютно недопустим для неороссийских патриотов. Активисты Союза композиторов

воспользовались постановлением для запрещения публикации и исполнения сочинений Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна и других композиторов. Восьмая симфония Шостаковича, написанная им вслед за «Ленинградской симфонией», дошла до слушателей только спустя несколько лет³⁴.

В научно-исследовательских институтах усердно занимались выкорчевыванием «космополитизма». В Институте языкознания профессор Н.Я. Марр был снят с должности за то, что в своих работах писал о том, что все языки имеют общее происхождение и в будущем пролетарском интернациональном сообществе сольются в единый язык. Сталин же решил, что единственным языком, достойным будущего человеческого общества, является русский: он учил, что язык, будучи постоянным элементом, свойственным любой национальной культуре, менее всего подвержен социальным изменениям³⁵. Одним словом, для Сталина понятия пролетарского интернационализма и русского империализма окончательно отождествились.

В генетике «босоногий ученый» Трофим Лысенко при поддержке партии одержал верх над гораздо более авторитетными и известными исследователями. Вопреки принятой в биологии теории он учил, что признаки, приобретенные живыми организмами под влиянием окружающей среды, могут передаваться по наследству. Из своего учения он сделал вывод о том, как можно усовершенствовать процесс селекции растений. В академических кругах его теория расценивалась как плохо подтвержденная фактами гипотеза, но Лысенко удалось захватить власть во Всесоюзном НИИ растениеводства, откуда он более десяти лет руководил генетической и большей частью биологической наукой страны.

Во всех подобных случаях партийные ставленники в научных учреждениях и творческих союзах, используя руководящее положение в проведении кадровой политики, назначали на ключевые должности кандидатов из своих номенклатурных списков, удаляя неугодных им людей. Это была целая система назначений «по благу», жаловаться на которую было просто некуда. Наказанием за попытки борьбы с этой системой были теперь не тюрьма и расстрел, как в тридцатые годы,

а, как правило, увольнение с последующим понижением в должности и переводом в рядовые сотрудники, что означало лишение привилегий, переезд в коммуналку и отоваривание в обычных государственных магазинах с пустыми прилавками и длинными очередями. Такую дорогую цену готовы были заплатить далеко не все. Большинство исследователей и ученых либо переориентировали свои работы в соответствии с линией начальства и идеологов, либо уходили в области, свободные от какой-либо идеологической подоплеки. Шостакович, например, серьезно думал о том, чтобы покончить жизнь самоубийством, но затем ушел в идеологически нейтральную область, сочинив целую серию прелюдий и фуг в стиле Баха³⁶.

Хрущев и реформы послесталинского периода

После смерти Сталина в марте 1953 г. советские лидеры оказались перед серьезной дилеммой. Они добились больших успехов в восстановлении разрушенной войной промышленности, хотя и сохранили в ней все губительные структурные недостатки, присущие экономике 1930-х гг. Во всех других отраслях хозяйства ситуация складывалась критическая. Производительность труда в сельском хозяйстве была лишь ненамного выше уровня 1913 г., хотя доля городского населения, которому требовались продукты питания, по сравнению с тем временем значительно увеличилась. Жилья не хватало, а условия быта были зачастую вопиюще антисанитарными. Это положение касалось всех слоев населения, за исключением немногих привилегированных групп. Также не хватало потребительских товаров и услуг, а многих из них просто не существовало. Транспорт работал с перебоями, был перегружен. В целом весь этот дефицит сказывался на работе даже самых приоритетных секторов экономики: рабочие, которым было негде отремонтировать обувь, которым не удавалось вовремя приходиться на работу из-за опозданий транспорта и приходилось часами выстаивать в очередях за продуктами и страдать бронхитом из-за сырости в квартирах, не могли без сбоев выпускать высококачественную продукцию.

Для страны, которая хотела видеть себя сверхдержавой, демографическая ситуация складывалась неблагоприятно и даже угрожающе. Война унесла жизни огромного числа молодых мужчин, а многие выжившие в войне находились теперь в исправительных лагерях или на специальных поселениях (читай — в ссылке), где их опыт и здоровье растрачивались впустую.

Такое положение дел настоятельно требовало радикальных и давно назревших перемен. Однако осуществить их было совсем не просто. За несколько лет после войны сложилась удивительно стабильная, даже жесткая социальная структура населения. К началу 1950-х гг. послевоенная номенклатурная элита упрочила свое руководящее положение и привилегии. Кроме того, хозяйственные руководители обладали всеобъемлющей властью над рабочими, находившимися в их подчинении. Они вовсе не собирались легко со всем этим расставаться.

У тех, кто пришел к власти после Сталина, имелся один крайне важный приоритет. Он состоял в том, чтобы никто из них не смог сосредоточить в своих руках такую власть, какой обладал Сталин. На время они забыли про свои противоречия и объединились против Лаврентия Берии, который, являясь руководителем сил безопасности, был самой подходящей кандидатурой на роль нового тирана. Он был арестован и казнен по обвинению в «шпионаже в пользу Великобритании». Его бывшие коллеги сразу же после этого значительно сократили аппарат секретных агентов, уволив большое число оперативников и информаторов. Вся система госбезопасности была поставлена под строгий партийно-государственный контроль и стала называться КГБ (Комитет государственной безопасности).

Сообщение о том, что Берия оказался предателем, заставило многих людей, осужденных при нем специальными судебными заседаниями, писать апелляции о пересмотре их дел и об освобождении из мест заключения. Какое-то число заключенных было действительно выпущено на свободу с последующей реабилитацией. Сам факт реабилитации имел большое значение, так как эти люди могли по возвращении из заключения претендовать на получение жилплощади, ра-

боты и привилегий, утерянных много лет назад. Таким образом, это был своего рода страховой полис для элиты. Это также свидетельствовало о том, что судебная система и органы прокуратуры освобождаются от неусыпного контроля тайной полиции и могут настаивать на минимальном соблюдении «социалистической законности». Соответственно поднимался вопрос, что делать с ГУЛАГом. Даже те, кто придерживался жестких взглядов по данному вопросу, признавали экономическую неэффективность лагерей и социальную угрозу, которую они могут представлять для стабильности общества. Во многих лагерях происходили забастовки и восстания заключенных, и всегда существовала угроза, что заключенные, многие из которых имели опыт участия в войне в составе регулярной армии или в партизанских отрядах, разоружат охрану и захватят весь лагерный комплекс.

Было решено создать правительственную комиссию по расследованию и пересмотру вынесенных ранее приговоров, в первую очередь в отношении высоких партийных и государственных чиновников. Эта комиссия должна была дать рекомендации о возможности их освобождения. Когда к концу 1955 г. доклад комиссии был представлен, он приоткрыл страшную картину полного судебного беззакония и произвола, которые существовали в СССР с начала тридцатых годов³⁷.

Эти разоблачения поставили руководителей страны перед ужасной дилеммой прямо накануне XX съезда партии, который был намечен на февраль 1956 г.: если доклад будет скрыт, то это облегчит приход к власти нового диктатора, который сможет снести им головы. С другой стороны, опубликование доклада делало их хотя бы частично ответственными за массовые проявления беззакония. Решение о частичном опубликовании доклада было принято Хрущевым лично. На самом деле это был достаточно смелый шаг, против которого возражали некоторые из его коллег. Хрущев аргументировал свое решение так: «Такой доклад можно сделать только сейчас, на XX съезде. На XXI уже будет поздно, если мы вообще сумеем дожить до того времени и с нас не потребуют ответа раньше»³⁸.

И все же, принимая во внимание мнения оппонентов, доклад, представленный на официальном заседании съезда, не

упоминал о сталинских репрессиях. Вместо этого по окончании съезда состоялось специальное заседание, на котором Хрущев зачитал ленинское завещание, осуждавшее Сталина, а затем уже подробно доложил о «целом ряде чрезвычайно серьезных нарушений партийных принципов, партийной демократии и революционной законности», которые были допущены Сталиным. Делегаты прослушали доклад, затаив дыхание в трепетном страхе, и после его окончания молча разошлись: прения по докладу были запрещены. Доклад Хрущева не был опубликован в советской прессе, а членам партии по всей стране он зачитывался на специальных закрытых собраниях. Представители зарубежных компартий, которым разрешили присутствовать на этом совещании, вскоре передали текст доклада огласке за рубежом. Таким образом, за пределами Советского Союза он стал широко известен³⁹.

Сама процедура представления доклада и его содержание являли собой компромисс. Хрущев сделал основной акцент на репрессиях против видных партийно-государственных руководителей и широко известных общественных деятелей. Кроме упоминания о депортациях различных народов, он очень мало сказал о страданиях рядовых граждан, а представленный им список преступлений начинался 1934 годом. Таким образом давалось понять, что все происходившее до этого — подавление Сталиным различных «оппозиций», первые показательные процессы над «врагами народа» и массовые выселения «кулаков» — было вполне допустимым. Более того, Хрущев, обвиняя в преступлениях только Сталина и некоторых бывших руководителей спецслужб, ушел от вопроса о своей личной ответственности и ответственности своих коллег по партийному руководству за все происшедшее. В целом это был доклад номенклатурной элиты, защищавшей себя от «призрака» Сталина.

Тем не менее доклад произвел эффект разорвавшейся бомбы, поскольку поднимал ряд фундаментальных вопросов, затрагивавших самую основу советской системы, не предлагая в то же время никаких решений. В общем, он, вероятно, был именно таким, каким хотели его услышать делегаты съезда. В нем утверждалось, что террор и «культ личности» навсегда ушли в прошлое, что отныне будут восстановлены «коллек-

тивное руководство» и «социалистическая законность», при которой партийная номенклатура рассчитывала сохранить свои посты и привилегии. В ближайшие годы именно эта крепкая поддержка аппаратчиков нижнего и среднего партийного звена весьма пригодилась Хрущеву.

Однако у массы образованных, думающих людей в Советском Союзе, а также у народов Восточной и Центральной Европы разоблачения, содержащиеся в докладе, вызвали глубокое потрясение. Смешанные чувства страха, фанатизма, наивности и раздвоенного мышления, с которыми интеллигенция относилась к коммунистическому правлению, были подрезаны под корень. Даже внутри Советского Союза на собраниях студенческих, творческих и профессиональных союзов поднимались очень неудобные вопросы: если такое было возможно при Сталине, где гарантия того, что теперь, когда у власти остались его ближайшие сподвижники, этому будет положен конец? Разве все эти разоблачения не означали, что необходимо принять срочные и серьезные меры по демократизации общества⁴⁰? Популярным в те годы был следующий анекдот: на одной из встреч с народом Хрущев получает от аудитории записку, в которой спрашивается, что он делал в то время, как Сталин убивал людей. Прочитав ее, Хрущев спрашивает: «Кто прислал записку?» Аудитория молчит. Подождав минуту, Хрущев говорит: «Вот вам и ответ на ваш вопрос». У него была манера прямо и без обиняков говорить на темы, которых избегали его коллеги. (Тем не менее рассказанная история довольно сомнительна.)

Реакция в Центральной и Восточной Европе была мощнее. В Польше интеллигенция требовала изменений в существующем строе, а рабочие устраивали забастовки до тех пор, пока просталинское руководство не приняло жестких мер и к власти в октябре 1956 г. не пришел Владислав Гомулка (который в 1951 г. был арестован как «сторонник Тито») со своей программой «национального коммунизма». Советские лидеры смирились с этими изменениями в руководстве во избежание дальнейших беспорядков, хотя новая польская программа отрицала некоторые элементы советской модели: крестьянам, например, разрешалось выходить из колхозов и вести небольшое

частное хозяйство, а Католическая церковь получила право преподавать в школах религиозные предметы.

Гораздо более серьезными последствия «секретного доклада» оказались в Венгрии. Здесь оппозиция, включавшая как интеллигенцию, так и рабочих, занимала более смелые позиции. Она требовала свободы слова, открытых и справедливых многопартийных выборов, а также вывода советских оккупационных войск. Новый премьер-министр Имре Надь, хотя и называл себя коммунистом, решил, что у него нет другого выбора, кроме поддержки этих требований. Он осудил создание Варшавского Договора и объявил Венгрию нейтральным государством. Вначале советские войска были готовы покинуть территорию Венгрии, но позднее советское руководство изменило свое решение, поняв, что выход из Варшавского Договора — слишком далеко идущий шаг. Советские войска вернулись для подавления того, что теперь именовалось «контрреволюционным переворотом». В Венгрии было создано более покладистое правительство во главе с Яношем Кадаром.

Волнения в странах Варшавского Договора делали более уязвимой позицию самого Хрущева. В июне 1957 г. Молотов, Маленков, Булганин и Каганович смогли убедить большинство Президиума ЦК (как тогда называлось Политбюро) потребовать отставки Хрущева. Хрущев отказался, сославшись на то, что он избран на свой пост всем составом Центрального Комитета, и заявил, что не уйдет без его согласия. Это был очень ловкий шаг, так как секретари компартий республик и секретари обкомов, составлявшие ядро Центрального Комитета, а также военные и КГБ предпочитали Хрущева возрождению сталинских методов. Они отвергли предложение Президиума и подтвердили полномочия Хрущева на посту Первого секретаря.

Он, в свою очередь, сумел использовать эту конфликтную ситуацию для обвинения оппозиции в соучастии в сталинских преступлениях, назвав их «антипартийной группой» и добившись их вывода из состава ЦК. В каком-то смысле это было довольно рискованным шагом. Каганович, например, прямо спросил его: «А разве не вы подписывали бумаги о расстреле по Украине?»⁴¹ Однако Хрущев теперь уже держал средства массовой информации под своим контролем и мог

не допустить освещения в них таких вопросов. Он занял пост премьер-министра, совмещая его с постом Первого секретаря ЦК КПСС. В доказательство того, что он больше не является сталинистом, он воздержался от ареста своих противников. Молотов был направлен послом в Монголию, а Маленков сослан руководить одной из сибирских электростанций. Это был ключевой момент в переходе партийно-государственной элиты от состояния постоянной опасности и нестабильности к устойчивому положению правящего класса: с этого времени члены партии могли с достаточным основанием надеяться, что даже в случае каких-либо серьезных перемен они сохранят свой высокий уровень жизни, а их родственники не пострадают.

Стабильность правящей элиты ставила в то же время вопрос: как можно управлять страной, не прибегая к массовому террору? Для решения этого фундаментального вопроса Хрущев должен был найти и определить новые обоснования законности однопартийной системы. Он проконсультировался с аппаратчиками соответствующих отделов ЦК и со специалистами Института марксизма-ленинизма — оплота идеологического ленинского наследия. Эти институты, потрясенные сталинскими преступлениями, начали постепенно открывать для себя европейские «буржуазные» корни марксизма и осознавать некоторую ценность таких понятий, как «законность», «гражданское общество» и «рыночная экономика», которые многие европейские марксисты принимали как нечто само собой разумеющееся, только требующее некоторого совершенствования, а не уничтожения посредством установления гегемонии рабочего класса. Ведущие ученые различных общественно-политических институтов сопровождали советских дипломатов в их зарубежных поездках, чтобы ознакомиться с жизнью других народов и обсудить проблемы социального развития со своими коллегами в других странах⁴².

В то же время Хрущев был весьма далек от взглядов европеизированного марксиста. Напротив, его можно считать «последним из могикан» среди других коммунистических лидеров. Он видел мир в черно-белых красках, хотя и не отличался такой параноидальной озлобленностью, как Сталин. Он с ог-

ромным уважением относился к Ленину и считал его эталонным истинности, источником единственно правильного учения, от которого отошел Сталин. Хрущевская риторика сводилась к тому, что, если свернуть со сталинской сомнительной проселочной дороги и вернуться к «торной дороге ленинизма», то можно будет возобновить «победный марш к совершенному обществу».

Поэтому хрущевские реформы содержали в своей основе некую двойственность. С одной стороны, они восстанавливали отдельные элементы «буржуазной» законности. Но в то же время они вновь возвращали утопическую идею о коммунистической демократии как о форме всенародного управления, которая установится после отмирания государства.

Взгляды Хрущева получили наиболее полное отражение в новой программе КПСС, представленной XXII съезду партии в 1961 г. В ней утверждалось, что в советском обществе больше не существует антагонистических противоречий, а государство представляет не какой-либо отдельный класс, а уже является «всенародным». Материальная база, необходимая для строительства коммунизма — высшей стадии социализма, — также была уже создана. Отсюда делался вывод о возможности построения коммунизма в СССР к 1980 г. Это должно было означать, что «органы государственной власти постепенно трансформируются в органы общественного самоуправления». Таким образом, различие между государством и обществом исчезнет⁴³.

Подобно Ленину Хрущев использовал партию для разрешения противоречий, содержащихся в программе. Он заявил, что партия станет «ведущей и направляющей силой советского общества». Иными словами, партия подменяла собой государство в качестве руководящего центра органов общественного самоуправления. Но в таком случае Хрущев вряд ли мог сохранить партию в ее тогдашнем виде, приниженном и искаженном сталинскими методами партийного руководства, которые и подвергались критике в докладе. Он восстановил практику регулярных собраний в парторганизациях всех уровней, что укрепило положение партийных чиновников и вселило в них уверенность, но в то же время он настаивал на

ротации партийных кадров, что весьма тревожило и беспокоило их, поскольку, по мнению партаппаратчиков, цель прекращения террора заключалась именно в том, чтобы сохранить за ними их должности.

В целях привлечения партии к более активному управлению экономикой, что должно было стать одной из ее задач в будущих органах самоуправления, Хрушев упразднил отраслевые министерства, заменив всю систему управления экономикой примерно сотней региональных совнархозов (Советов народного хозяйства), руководимых партийными комитетами. Чтобы партийные кадры могли совершенствовать свою хозяйственную специализацию, он на местном уровне разделил партийные комитеты на «промышленные» и «сельскохозяйственные» отделы, имевшие каждый свою отдельную иерархию снизу доверху вплоть до ЦК. Это разделение рассматривалось секретарями сельхозотделов партийных комитетов как определенная обида, так как сельское хозяйство имело более низкий статус в общей политической иерархии по сравнению с промышленностью. Кроме того, поскольку границы некоторых совнархозов совпадали с границами союзных республик, такая система усиливала тенденцию к формированию этнических кланов, управлявших экономикой⁴⁴.

Чтобы подготовить почву для более активного участия народа в политической жизни общества, была реформирована судебная система. Упразднились или серьезно ограничивались полномочия военных и чрезвычайных судов, являвшихся при Сталине инструментами политического террора. Из уголовного кодекса были изъяты такие неопределенные и зловещие статьи, как, например, «контрреволюционная деятельность», «террористические намерения» и т.п., которые часто использовались как основание для повальных арестов и показательных судов. Сроки заключения резко сокращались, и обвиняемого уже нельзя было осудить только на основании личного признания им своей вины. Возрождались товарищеские суды, введенные в качестве эксперимента еще в двадцатых годах. Они занимались рассмотрением незначительных правонарушений, а судьбы таких судов избирались из числа жильцов дома или членов рабочего коллектива⁴⁵.

Взгляды Хрущева были по своей сути популистскими (скорее в западном, нежели русском понимании этого слова). При проведении судебной реформы проявилось недоверие Хрущева к «специалистам», которое, впрочем, была присуще ему и при решении других вопросов. Так, он попытался сделать систему образования более равноправной, отменив плату за обучение в институтах и старших классах средней школы. Кроме того, он настаивал на том, чтобы все дети оканчивали школу в пятнадцать лет и проводили два года на производстве, получая практический опыт работы на заводах, фабриках или в колхозах. Он хотел пробудить у молодежи желание заниматься квалифицированным ручным трудом, в котором так нуждалась советская экономика. Что еще более важно, он стремился разрушить окостеневшую систему существовавшей в то время социальной иерархии, в которой социальный статус родителей как бы завещался их детям по наследству, но не посредством собственности, а через систему образования. Знаменательно, что именно эту реформу он не смог осуществить из-за несогласия с ней его коллег, так как укрепление социального статуса и возможность передавать свое с трудом завоеванное положение детям представляли для номенклатуры первостепенное значение. Образование и соответствующие дипломы и квалификация являлись эквивалентом денежного капитала в буржуазном обществе. Это было одним из условий, позволивших создать социалистическую элиту, скрепленную родственными связями⁴⁶.

В качестве первого шага к удовлетворению первоочередных материальных запросов населения партийное руководство развернуло широкую программу жилищного строительства, в котором использовался панельный метод (бетонные блоки), позволявший возводить многоэтажные жилые здания. К середине 1950-х гг. большинство советских городов представляли собой сплошные леса башенных кранов и грязные болота строительных площадок. Реализация этой программы давала людям надежду вырваться наконец из «нежеланного интима» совместного проживания в коммуналках. Между 1955 и 1964 гг. жилищный фонд увеличился почти в два раза, и широкомасштабное строительство продолжалось еще долгие годы

после этого. Долгожданное удовлетворение потребности в жилье, которое игнорировалось при Сталине, сделало условия жизни людей более комфортными, но, с другой стороны, способствовало закреплению сложившейся социальной иерархии, так как давало начальству возможность непосредственно влиять на все стороны жизни народа. Служащие или рабочие, трудившиеся на одном предприятии или входившие в один профсоюз, имели возможность создавать жилищные кооперативы и покупать жилье в кредит, уплатив первоначальный взнос в размере 15—30 процентов общей стоимости квартиры, а затем постепенно выплачивая оставшуюся сумму под очень умеренные проценты. Профессиональные кадры (специалисты с высшим или средним специальным образованием) имели больше возможностей для накопления средств, чем рабочие, поэтому жилищные кооперативы стали отличительным знаком среднего класса, находившегося между руководящей элитой, не имевшей необходимости в таком жилье, и рабочими, проживавшими в дешевых муниципальных квартирах.

Возобновление гонений на религию

После войны в Советском Союзе наблюдался мощный религиозный подъем. Частично это было результатом договоренности Сталина с духовными руководителями основных христианских конфессий, а частично — присоединением новых территорий на западе страны. Но главным образом этот подъем был вызван величайшим эмоциональным напряжением и мощным всплеском патриотизма, который пробудился у народа в годы войны. До войны в стране насчитывалось, вероятно, не более сотни действующих православных храмов, но уже к 1949 г. их число составило 14 500. Большинство храмов находилось на присоединенных западных территориях, которые не испытали преследований довоенных лет, но и на исконно русской земле стали вновь открываться многочисленные храмы⁴⁷.

«Полуконкордат» с государством был небезопасен, но в то же время представлял для Церкви определенные возмож-

ности, поскольку означал, что отныне священнослужители не должны постоянно бороться за свободу своих действий, а подпадают под прямое покровительство и контроль государства и партии. Назначения в церковной иерархии проводились через государственную номенклатурную систему и подчинялись политическим критериям, подобным тем, которыми руководствовались при назначениях на светские должности. Епископы входили в состав номенклатурной элиты и должны были активно участвовать в движении за мир, не проявляя особого рвения в проповедовании веры⁴⁸.

Видение Хрущевым самоуправляющегося социалистического общества делало для него религию более опасной, чем для Сталина в поздний период его правления. Хотя антирелигиозная политика Хрущева проводилась без особого освещения в средствах массовой информации, из публикаций конца 1950-х гг. видно, что советское руководство опасалось возрождения паломничества к святым местам, преподавания религиозных предметов детям и связи между религией и национализмом (особенно на Украине и в Литве). В противовес этому коммунистические и комсомольские организации были призваны развивать новую «социалистическую» светскую обрядность, чтобы заменить ею церковные обряды крещения, венчания и отпевания умерших. В 1959 г. в Ленинграде был открыт первый Дворец бракосочетаний⁴⁹.

В июле 1961 г. в Загорске был спешно создан совет епископов Православной церкви. На нем были внесены изменения в положение священнослужителей, которые отныне не имели права решать какие-либо административные или финансовые вопросы на уровне своих приходов. Теперь они становились просто «служителями культа», нанятыми религиозными общинами для совершения церковной службы один раз в неделю. Эти изменения подрывали единство религиозных общин, что облегчало проникновение в них партийных активистов, которые агитировали народ за закрытие храмов и роспуск приходов⁵⁰. Принятие такого самоуничужительного решения можно объяснить только сговорчивостью епископов, входивших в номенклатурную систему.

Результатом этого стало массовое закрытие храмов. С 1948 по 1964 г. Русская православная церковь потеряла более 40 процентов своих приходов и более 75 процентов монастырей. Закрытие храмов с особым размахом велось на западных территориях и в районах, попавших во время войны под немецкую оккупацию. Другими конфессиями, которые также подверглись гонениям, были Армянская апостольская церковь, баптисты и адвентисты; у евреев было закрыто около трети синагог, у мусульман — более 20 процентов мечетей. Деятельность религиозных сект, не зарегистрированных государством (пятидесятники, свидетели Иеговы и различные «истинно православные» общины), была категорически запрещена⁵¹.

Рабочие и крестьяне

В отношении рабочих и крестьян Хрущев попытался перейти от методов принуждения к методам материального поощрения. В 1956 г. были отменены драконовские законы, принятые при Сталине, и вместо них введена система оплаты труда, хотя и сохранявшая низкий уровень зарплаты, но предполагавшая выплату премий, причем скорее за выполнение плана, а не за его перевыполнение. Таким образом поощрялась организация стабильного планового производства, где не было места различным перекосам и аномалиям, порождаемым конвульсивными периодами резкого перепроизводства продукции в результате штурмовщины. Однако новые меры не принесли заметного успеха, так как они не затрагивали коренных недостатков системы производства. На производительности труда продолжали сказываться недопоставка сырья и комплектующих деталей, низкое качество ремонта и технического обслуживания оборудования, а также плохие условия на рабочих местах. Поэтому в том, что план не выполнялся, зачастую бывали виноваты не работники предприятий. Тем не менее директора предприятий нуждались в содержании избыточной рабочей силы на случай возникновения непредвиденного спроса на их продукцию и завышали процент выпол-

нения плана, где это только было возможно, прикрывая своих рабочих. Сталинская военизированная система управления и контроля на производстве была упразднена, хотя это и не повысило материальную заинтересованность трудящихся⁵².

Результатом этой тупиковой ситуации стал своего рода «социальный контракт», по которому рабочие соглашались на относительно низкую зарплату и отсутствие у них права на забастовку в обмен на дешевые продукты питания, транспорт, жилье, социальные блага, гарантированную работу, ненапряженный график и контроль над большей частью производственного процесса. Стало общепринятой практикой, когда рабочие приходили на завод с опозданием (иногда и с похмелья), подолгу общались с коллегами и уходили, не дожидаясь конца рабочего дня, чтобы успеть по дороге домой занять в магазине очередь за дефицитным товаром. За выпуск низкокачественной нестандартной продукции никаких санкций, как правило, не применялось. Все эти уступки позволяли рабочим вести более или менее нормальную жизнь в условиях экономики хронического дефицита. В то же время, конечно, рабочие своим отношением к труду сами закрепляли такое положение и делали его неотъемлемой частью жизни общества.

Этот «социальный контракт» также укреплял всемогущество руководства предприятий, от решения которого зависели выделение жилья и мест в детском саду, график отпусков, прописка и многие другие жизненно важные вопросы. Чтобы как-то обратить на пользу производства эти удобные взаимоотношения, многие директора предприятий предпочитали нанимать женщин, которые выполняли самую низкооплачиваемую и наименее привлекательную работу. Некоторые руководители привлекали «лимитчиков» с периферии, получавших временную прописку в желанном городе в обмен на выполнение краткосрочных либо неприятных работ, которых старались избегать постоянные работники⁵³.

В общем-то бедная, но достаточно беззаботная жизнь советских рабочих была для них в целом вполне приемлема, особенно учитывая гарантированное медицинское обслуживание, образование и элементарное жилье. Кроме того, оставалось время для «левого» приработка, когда люди находили дополнитель-

ную и гораздо более высокооплачиваемую работу «на стороне». Математик-диссидент Александр Зиновьев дал следующее определение работе в советских условиях: «Это место, где люди не только работают, но и общаются, как в компании хороших знакомых. Они обмениваются новостями, развлекаются, делают все, что необходимо для сохранения и улучшения своего положения, встречаются с людьми, от которых зависит их благосостояние, посещают бесчисленные собрания, получают путевки в дома отдыха, жилье и — часто — дополнительные продукты питания»⁵⁴. Единственная беда состояла в том, что экономический и военный потенциал сверхдержавы не мог поддерживаться системой, в которой производительности труда придавалось такое низкое значение.

Хрущев взял под личный контроль руководство сельским хозяйством, и именно состояние сельского хозяйства стало критерием, по которому его оценивали коллеги по партии. Ко времени кончины Сталина эта отрасль страдала от хронической нехватки капиталовложений. Население сельских районов было деморализовано. Хотя голод и ушел в прошлое, но поставки продовольствия в города продолжали осуществляться по низким расценкам за счет снижения уровня жизни колхозников и рабочих совхозов, которые жили в жалкой нищете.

От прошлого были унаследованы две фундаментальные проблемы. Первая состояла в недостаточном внимании к сельскому хозяйству со стороны руководства страны по сравнению с другими отраслями экономики. Второй проблемой являлась авторитарная и бюрократическая структура управления сельским хозяйством, которая никоим образом не заинтересовывала крестьян в увеличении объемов производства и повышении производительности труда.

Хрущев справился с первой проблемой, но так никогда и не занялся вплотную решением второй. С первых дней пребывания у власти он сделал сельское хозяйство своим знаменем, развернув в 1954 г. программу освоения целинных земель. Этот проект можно назвать последним крупным примером массовой мобилизации народа под коммунистическими лозунгами. Возможно, это было и последней волной в многовековом процессе колонизации Азии европейцами. Целинные

земли представляли собой степи Западной Сибири и Северного Казахстана, где еще в тридцатые годы кочевники пасли свой скот. Эта земля никогда не знала плуга или почти никогда. Правда, до большевиков некоторые районы были заселены «столыпинскими» крестьянами, обрабатывавшими там землю, но после начала кампании по раскулачиванию их хозяйства были заброшены. Идея Хрущева состояла в том, чтобы превратить целину в главный зернопроизводящий район будущего, в действительно процветающий сельскохозяйственный регион, который смог бы поставлять продукцию в города не за счет обнищания его обитателей.

Сначала кампания по освоению целины принесла невиданные успехи. К 1956 г. объем производства зерна здесь утроился по сравнению с 1953 г. Комсомол мобилизовал десятки тысяч молодых людей, которые отправились на целину и работали там на тысячах новых тракторов и комбайнов. Кадры кинохроники с плывущими по волнующемуся морю пшеницы комбайнами оставались в течение многих лет основным стереотипом советской пропаганды.

Однако после первых успехов прогресс стал наблюдаться только в отдельных районах, утратив повсеместный характер. Несмотря на высокое плодородие почв, регион всегда испытывал недостаток влаги, что нередко приводило к засухам. И это неудивительно, поскольку большая часть целинных земель граничит с пустынями Средней Азии. Чтобы успешно эксплуатировать целинные и залежные земли в течение длительного времени, необходимо было осуществлять научно обоснованную программу улучшения плодородия почв, требовалось посадить тысячи километров лесозащитных полос и построить ветрозащитные сооружения для минимизации почвенной эрозии. Такой тщательный подход не соответствовал характеру Хрущева. Подобно Сталину он стремился к прорывам и скорым результатам. Первоначальные высокие цифры производства зерна сменились более низкими, а затем, после 1960 г., наступила экологическая катастрофа. В течение примерно пяти лет непрерывные пылевые бури унесли практически весь незащищенный поверхностный слой, и почти половина территории бывшей целины превратилась в огромную пыльную пустошь⁵⁵.

Возникли проблемы и с людьми. Хотя кочевой образ жизни был к тому времени ликвидирован, но территории целинных земель все еще продолжали широко использоваться под традиционное для этих мест скотоводство. Многим казахам не нравился огромный наплыв инородцев, которые выращивали здесь зерно и внедряли в скотоводство механизацию. Даже некоторые секретари из местных парторганизаций с недоверием относились к этому эксперименту. Для их «умиротворения» сюда в 1954 г. был направлен Леонид Брежнев. Кампания по освоению целины обернулась разочарованием и для многих комсомольцев: они испытывали острую нехватку жилья, продовольствия, машин и оборудования и, кроме того, столкнулись с мрачной подозрительностью местного населения. Поэтому в большинстве своем они не захотели дожидаться, чем закончится этот эксперимент, и вернулись в европейскую часть России⁵⁶.

Хотя в целом целинная эпопея и не оправдала тех непомерных надежд, которые возлагал на нее Хрущев, в ходе ее проведения наблюдались и некоторые достижения: с ее помощью удалось залатать дыры в обеспечении городского населения продовольствием. Без этого дальнейшее развитие городов в пятидесятые и начале шестидесятых годов было бы поставлено под угрозу. Но когда кампания начала давать сбои, у Хрущева не нашлось других путей для исправления ситуации, так как и остальные его проекты в области сельского хозяйства провалились. Особенно безуспешной оказалась попытка резко расширить производство кукурузы на корм скоту в целях увеличения производства мяса и молока. Во время визита в Америку в 1959 г. на Хрущева произвели огромное впечатление бескрайние прерии Айовы, занятые под посевы кукурузы, и он надеялся, что, если удастся превратить целину во всесоюзную житницу, то на европейской территории России можно будет выращивать кукурузу для решения кормовой проблемы. Забыв, видимо, о том, что основная часть европейской территории России расположена гораздо севернее Айовы, Хрущев приказал сократить посевные площади под другие зерновые культуры и выращивать в основном кукурузу. Там, где она не вызревала на зерно, было приказано использовать ее на силос.

Горе тому председателю колхоза, который попытался бы уклониться от выполнения этих указаний! Его не арестовали

бы за саботаж, как при Сталине, но он наверняка был бы снят с должности и впал в немилость у своего руководства. В 1962 г., когда кукурузная кампания достигла апогея, под «царицу полей» было занято по меньшей мере 37 млн га, из которых только на 7 млн га она достигала стадии полной зрелости ко времени уборки, а во многих местах посевы погибали, и убирать там было просто нечего. В то же время культуры, которые могли бы давать хорошие урожаи в условиях прохладного и влажного лета, оказались в загоне. Пастбища были заброшены. Рекомендации специалистов-агрономов полностью игнорировались. Хрущев еще более усугубил ситуацию тем, что приказал урезать права колхозников на возделывание индивидуальных подсобных хозяйств и практически запретил содержание в них крупного рогатого скота⁵⁷.

В результате два года — 1962 и 1963 — оказались неурожайными, что поставило под угрозу всю политику Хрущева, особенно «социальный контракт» с рабочими, в основе которого лежали прежде всего низкие цены на продукты питания. Летом 1962 г. Хрущев предпринял попытку помочь крестьянам, подняв почти на треть цены на мясо и молоко. Это был первый серьезный подъем цен после войны, что вызвало недовольство населения. На Новочеркасском локомотивном заводе им. Буденного руководство предприятия безрассудно одновременно с этим повысило нормы выработки, уменьшив тем самым реальные заработки. В результате произошел социальный взрыв. Рабочие побросали инструменты, вывесили на заводе плакаты: «Требуем мяса, молока и повышения зарплат!» и перекрыли проходящую рядом железнодорожную магистраль Москва — Ростов-на-Дону. Участники этой акции были арестованы, и тогда все предприятия Новочеркасска прекратили работу и объявили забастовку, а рабочие вышли на улицы и направились к зданиям местного управления внутренних дел и обкома партии с требованием отпустить арестованных. В ходе последовавших за этим волнений спецподразделения КГБ открыли огонь и убили 23 человека, прежде чем порядок в городе был восстановлен⁵⁸.

В других городах страны также происходили выступления трудящихся, но Новочеркасск оказался наиболее горячей точкой. Самым главным здесь было то, что против режима выступил рабочий класс, от лица которого этот режим якобы и

осуществлял руководство страной. Без поддержки рабочих режим мог выжить, только прибегнув к террору. Опять появились очереди за хлебом, а спекулянты скупали подчистую продукты на рынках крупных городов, чтобы перепродавать за высокую цену в других местах, где снабжение было хуже. Хрущев принял решение о выделении из государственной казны драгоценной валюты для закупки пшеницы за рубежом. Это было страшным унижением для страны, которая до большевистской революции сама являлась экспортером зерна. Это было унижением и для существующего режима, который так гордился своими достижениями в области экономики.

События внутри страны, усугубленные кубинским кризисом и разрывом с Китаем, вероятно, и решили судьбу Хрущева. Партийные секретари, оказавшие ему поддержку в 1957 г., теперь отвернулись от него. На их позицию повлиял и ряд реформ в партийной жизни, угрожавших положению и привилегиям партаппаратчиков. В конечном счете они поддерживали его ради укрепления собственной стабильности и благополучия. Теперь он уже не отвечал этим задачам.

В конце концов потерявшие терпение коллеги Хрущева по партии выступили против него. В октябре 1964 г., когда Хрущев находился на отдыхе в Крыму, они организовали пленум ЦК по вопросу о дальнейшем проведении запланированных им реформ в области сельского хозяйства и обратились к нему с просьбой вернуться из отпуска для участия в пленуме. В действительности же основной темой пленума было обсуждение самого Хрущева. Обвинение в адрес Никиты Сергеевича было зачитано Михаилом Сусловым, который, подвергнув резкой критике стиль руководства Первого секретаря, потребовал его отставки. Главными пунктами обвинения стали ошибки, допущенные Хрущевым в области сельского хозяйства, непредсказуемость в проведении внешней политики, грубость и заносчивость в обращении со своими коллегами, семейственность (особое недоверие вызывал его зять Алексей Аджубей, выполнявший неофициально функции посла по особым поручениям), его «реорганизационный и перестроечный зуд», а также «грубые нарушения ленинских норм партийного руководства». В этих обстоятельствах Хрущев, учитывая свой возраст и, возможно,

сам осознавая допущенные ошибки, принял решение не сопротивляться и заявил о своей отставке⁵⁹.

То, как он ушел в отставку, показало, насколько более цивилизованной стала политика в Советском Союзе спустя всего одиннадцать лет после ареста Берии. Не было больше арестов, абсурдных обвинений, не было, естественно, казней, а только передовицы в газетах, в которых некие руководители обвинялись в «прожектерстве» и «неспособности использовать достижения научной мысли». Позднее сам Хрущев с гордостью говорил об этом следующее: «Возможно, это — самое главное из того, что я сделал. Они смогли избавиться от меня простым голосованием. При Сталине их бы всех арестовали»⁶⁰.

В 1957 г. номенклатурные деятели помогли Хрущеву победить его противников. Им хотелось, чтобы он укрепил их власть и привилегии, освободил страну от террора и упрочил статус СССР на мировой арене в качестве сверхдержавы, равной США. Они продолжали оказывать ему поддержку до тех пор, пока он, как им казалось, успешно продвигался в направлении этих целей. Когда номенклатуре стало ясно, что прогресс в этих двух областях замедлился, она убрала его.

Хрущев был политической фигурой, характерной для своего времени. Являясь проводником сталинского террора и пользуясь его плодами, Хрущев пришел к власти, разочаровавшись в Сталине, и, как и большинство сограждан, жаждал более стабильной и безопасной жизни. Что же касается мышления и методов работы, то он был пленником породившей его системы. Его видение мира не допускало многозначности; в любой ситуации он видел одно-единственное «правильное» решение, которое представлялось ему решением всех остальных проблем при условии проявления вождем необходимой политической воли. Умея налаживать отношения с простыми людьми, он был уверен в их поддержке и убедил себя в том, что его противники — отдельные нечестные личности из числа элиты, поэтому оппозиция казалась ему нелегитимной. Он считал, что от научных возражений всегда можно просто отмахнуться, а политическое сопротивление преодолеть. Партия, которую он возглавлял, была всегда и во всем права. Являясь, по сути, умеренным политическим деятелем, он при решении вопросов проявлял явный экстремизм, и это мешало его собственным достижениям.

14. Советское общество в период «развитого социализма»

Брежнев как лидер

Руководители, отстранившие Хрущева от власти, не были едины в своих взглядах. В их число входили и Алексей Косыгин, сторонник постепенных экономических реформ, и Александр Шелепин, стремившийся к восстановлению жесткой дисциплины и авторитарных методов руководства. Но в одном они были едины: изменения должны осуществляться испытанными и проверенными кадрами под их руководством. Их лозунгами стали «коллективное руководство» и «стабильность кадров». На деле это означало следующее: партийно-государственный аппарат и номенклатурная верхушка, которые больше не подвергались сталинскому террору и были избавлены от беспокойств, доставляемых Хрущевым, получали отныне широкую самостоятельность решать вопросы в соответствии со своими интересами.

Леонид Брежнев, ставший Первым (впоследствии Генеральным) секретарем ЦК КПСС, идеально подходил для руководства такой командой. В определенном смысле он был бесцветной личностью и, конечно же, не блистал ни ораторскими способностями, ни познаниями в области теории. Вероятно, его избрали в качестве временного, своего рода «переходного» лидера. Поступая таким образом, его товарищи по партии совершили ту

же ошибку, что и их предшественники в отношении Сталина, хотя уже без катастрофических для себя последствий. Будучи инстинктивным сторонником консенсуса в руководстве партии, Брежнев избегал принятия политических решений, которые бы могли настроить против него кого-либо из коллег.

Зато он был силен в незаметной на первый взгляд, рутинной работе, которая так необходима при управлении кадрами. Отличаясь в начале своего правления скромностью, он массу времени уделял телефонным разговорам, беседуя с секретарями обкомов и начальниками отделов ЦК, чтобы выяснить их взгляды и настроения и завязать с ними личные отношения. В решении вопросов по принципу личного знакомства Брежнев был настоящим мастером своего дела. С огромным терпением он постепенно освобождал Политбюро от коллег, с которыми чувствовал себя не особенно уютно или которые были ему менее обязаны, чем другие, и заменял их на тех, с кем работал в свою бытность секретарем Днепропетровского обкома партии, Первым секретарем ЦК партии Молдавии и Казахстана. Это были такие люди, как Константин Черненко, ставший его правой рукой в Секретариате, и Николай Тихонов, который в 1980 г. сменил Косыгина на посту премьер-министра. Члены партийного руководства, не входившие в ближайшее окружение, с издевкой называли эту группу «днепропетровской мафией»¹.

Брежнев перестроил Центральный Комитет по своему образцу. Хотя, пожалуй, правильнее было бы сказать, что его долголетие на посту первого лица в государстве объясняется тем, что он сам как нельзя лучше соответствовал тому образцу, по которому был создан ЦК. Три четверти его членов состава 1981 г. вступили в партию до 1950 г. и получили первый опыт политической деятельности во время войны и при Сталине. 82 процента из них были выходцами из рабочих и крестьян, хотя 78 процентов из этого числа имели высшее образование. Таким образом, все они прошли достаточно долгий путь к своему нынешнему высокому положению в общественной иерархии. 55 процентов были военными или имели опыт работы в оборонных отраслях промышленности. 86 — относились к славянской национальности (67 процентов были этническими русскими).

Женщин в ЦК было ничтожно мало (всего 3 процента). ЦК составлял ядро правящего класса, и мировоззрение его членов, по сути своей *неороссийское*, имперское и милитаристское, определяло взгляды, доминировавшие в партии и в обществе в целом на протяжении более двадцати лет².

Согласие между членами ЦК по этим вопросам не исключало их разделения на кланы, каждый из которых имел своего хозяина и «клиентов». Даже состарившись и серьезно заболев, Брежнев продолжал играть роль посредника во взаимодействии между этими кланами. Когда в 1978 г. в состав Политбюро был введен Михаил Горбачев, он с ужасом обнаружил, что Брежнев, председательствуя на заседаниях, часто теряет нить обсуждения и даже может забыть, о чем идет речь. В своих личных беседах с Андроповым Горбачев говорил об этом, на что тот ответил: «...надо делать все, чтобы и в этом положении поддержать Леонида Ильича. Это вопрос стабильности в партии, государстве, да и вопрос международной стабильности». Другими словами, пребывание на посту Генсека дряхлеющего Брежнева удерживало различные фракции в руководстве партии от открытой и жестокой борьбы. Это также отвечало интересам местных партийных руководителей, которые не хотели иметь слишком энергичного и любопытного лидера, способного вмешаться в дела в их вотчинах. Короче говоря, они заключили с Брежневым «джентльменское соглашение», которое давало первым партийным секретарям регионов практически неограниченную власть в их уделах, а они, в свою очередь, оказывали поддержку своему Генеральному секретарю, превознося его как выдающегося руководителя и вождя³. Возможно, таким же было молчаливое соглашение, которое давало русским царям абсолютную власть в XVI в.

Новые руководители, пришедшие к власти, столкнулись с теми же проблемами, что и Хрущев. Как и он, они пытались повысить жизненный уровень народа, сделать Советский Союз образцовым социалистическим обществом и поднять на мировой арене военный и дипломатический статус СССР как сверхдержавы, по мощи равной США. Они направляли свои усилия на развитие всех родов и видов Вооруженных сил — армии, Военно-морского флота (как надводного, так и подводного), Во-

енно-воздушных сил и Ракетных войск, чтобы при возникновении кризиса СССР был в состоянии продемонстрировать свою мощь в любом регионе мира. Это был настолько колоссальный проект для страны, значительно уступавшей США по уровню экономического развития, что связанное с его реализацией перенапряжение имеющихся ресурсов отрицательно сказалось на всех остальных планах по улучшению жизни народа.

Без особых трудностей было принято согласованное решение о прекращении хрущевских реформ из-за того, что они, с одной стороны, причиняли беспокойство партийному аппарату, а с другой — грозили созданием ситуации, когда управление экономикой будет передано дилетантам. Были упразднены совнархозы и восстановлены отраслевые министерства. «Раздвоение» (на сельские и промышленные отделы) партийного аппарата было также отменено, и, что еще более важно, — было отменено решение об обязательной ротации партийных кадров. Партийные секретари могли вновь считать свои места отданными им в пожизненное пользование. В 1965 г. Косыгин предпринял робкую реформу управления промышленностью, которая давала руководителям предприятий бóльшую свободу в принятии решений относительно использования своей прибыли, направлении ее на выплату премий рабочим, на капиталовложения в новое, более совершенное оборудование. Эта реформа вводила также небольшие налоги на основные фонды в целях борьбы с «гигантоманией» и «утаиванием сверхбалансового сырья и материалов». Согласно реформе выполнение плана засчитывалось не по валовой продукции, а по объемам реализации, что повышало значение качества товаров.

Но реформа не затрагивала основ существующей экономической системы. Чтобы в полной мере воспользоваться предоставленными правами, предприятия должны были иметь возможность самостоятельно устанавливать цены на свою продукцию, а этого им никто никогда бы не разрешил. Предприятия также не были вольны принимать решения о количестве необходимых им рабочих и конкретных условиях найма. Таким образом, они не имели права увольнять нерадивых либо просто лишних рабочих, так как это нарушало бы негласный «социальный контракт» между рабочим классом и партией⁴.

В результате темпы технического прогресса оставались медленными. Внедрение нового оборудования означало остановку производственного процесса на старых технологических линиях, а в условиях жесткой плановой экономики это было трудно осуществимо, поскольку влекло за собой временное снижение плановых показателей и — как следствие — уменьшение заработной платы рабочих. Только ВПК и космическая промышленность в целом удерживали стандарты качества на уровне международных, так как от этого зависел престиж страны. Чтобы поддержать эти стандарты на высоком уровне, власти были готовы к нарушению условий пресловутого «социального контракта» и могли даже пренебречь «его величеством планом».

В большинстве областей промышленное производство в Советском Союзе базировалось на материалах и технологиях, оказавшихся успешными во время «великого подъема» конца 1940 — начала 1950-х гг. Планы по освоению новых технологий связывались в основном с импортом из стран Западной Европы и Северной Америки. В таких отраслях, как автомобилестроение, судостроение, синтетическая химия полимеров, пищевая промышленность и добыча нефти и газа, советская индустрия все больше и больше зависела от партнерства с западными фирмами. Последние с радостью шли на сотрудничество, рассматривая Советский Союз как страну с послушной, дешевой и довольно квалифицированной рабочей силой, обладавшей к тому же огромным потенциалом для дальнейшего развития. Крупнейшим проектом такого рода был подписанный в 1966 г. контракт с итальянской автомобилестроительной фирмой «Фиат», в результате которого был построен крупный автомобильный завод на Волге, в городе, переименованном в Тольятти в честь недавно умершего лидера итальянских коммунистов. Производившиеся этим заводом небольшие «семейные» автомобили имели цену в пределах финансовых возможностей советских граждан, и в течение ближайших двух десятилетий несколько миллионов людей стали их счастливыми обладателями.

Подобные контракты оказывали непосредственное влияние на внешнюю политику страны. Чем больше становилась зависимость Советского Союза от Запада во всем, что касалось новейших технологий, тем меньше он мог позволить себе

идти на обострение политических отношений. Поэтому, несмотря на наращивание военной мощи, всегда существовал внешнеполитический императив: поддерживать стабильные и мирные отношения со странами — членами НАТО.

Развитие более тесных экономических связей с Западом влияло и на отношение простых советских людей к внешнему миру. Когда рядовые работники стали регулярно общаться с иностранцами и получили возможность выезжать за рубеж, вера в миф о том, что СССР является экономически процветающим государством и страной социального равенства, серьезно пошатнулась. Советские граждане теперь сами смогли убедиться в том, что их страна и в том и в другом случае отстает от Запада.

Для решения извечной проблемы сельскохозяйственного производства новое партийное руководство существенно увеличило капиталовложения в мелиорацию почв, включая гидромелиорацию и повышение плодородия за счет внесения удобрений, в производство сельскохозяйственных машин и оборудования. Рост был настолько бурным, что к началу 1970-х гг. инвестиции в сельское хозяйство составили четверть всех капиталовложений в экономику. Были также введены долгосрочные задания по сдаче сельхозпродукции и увеличены закупочные цены на нее. Это позволило колхозам и совхозам эффективнее планировать свою деятельность и повысить зарплату работникам. Крестьянам было возвращено право продавать на рынках продукцию, произведенную в подсобных хозяйствах: значительная доля продуктов, потребляемых в городах, поступала на стол горожан именно с рынка. Но такие продукты были дороги, и рядовые граждане не могли позволить себе вводить их в свой ежедневный рацион. Колхозное производство имело жизненно важное значение для страны, но из-за его низкой эффективности при продаже колхозной продукции по реальным рыночным ценам она также оказалась бы недоступна большинству людей. Основные продукты питания продавались в обычных городских магазинах по низким ценам, а государство в целях компенсации продолжало увеличивать дотации сельскому хозяйству, которые к 1977 г. достигли 19 млрд рублей в год. Один экономист

назвал это «самой гигантской цифрой сельскохозяйственных субсидий в истории человечества»⁵. Такова была цена, которую режим готов был платить за сохранение пресловутого «социального контракта» с городским рабочим классом.

Такая политика, однако, не привела в итоге к процветанию и повышению благосостояния городского населения. Хотя голод ушел в прошлое, а колхозники могли получать значительные деньги от своих подсобных хозяйств (и имели с 1964 г. гарантированные пенсии), деревня оставалась в удручающем состоянии. Прежде всего там не было условий для воспитания детей, так как получить хорошее образование было просто невозможно. Поэтому молодые люди продолжали покидать деревни, когда призывались в армию или направлялись в города для получения специальной технической подготовки, а девушки при первой же возможности следовали за ними. В некоторых деревнях остались одни женщины и старики. К началу семидесятых годов многие деревни оказались полностью вымершими, и только заколоченные и медленно гниющие избы свидетельствовали о том, что некогда здесь обитали люди.

К концу 1960 — началу 1970-х гг. общество, «выплавленное» при Сталине в огне восстаний и революций, пришло во вполне устойчивое состояние, стало консервативным, превратилось в иерархическое сплетение множества звеньев, основанных на принципе «покровитель — клиент», которое управлялось и контролировалось номенклатурной элитой. Жизненный успех человека в этом обществе зависел от его положения в социальной иерархии и от возможностей его покровителя манипулировать существующей системой ради получения максимальных материальных и других выгод. В обычных магазинах цены на товары были низкими, но доступность товаров была относительной из-за больших очередей, выстраивавшихся за ними, а так как продолжительное стояние в очередях было несовместимо с нормальной работой, многие предприятия занимались «добычей» продуктов питания и товаров ширпотреба для реализации их своим работникам прямо на рабочих местах. Я вспоминаю, как, будучи аспирантом одного из московских вузов, был очень поражен и раздражен длинными очередями, выстраивавшимися в обеденное время в Библиотеке им. В.И. Ленина. Их продви-

жение замедлялось людьми, набивавшими доверху свои авоськи различными продуктами — молоком, сосисками, конфетами и т.п. Только потом я понял, что это были сотрудники библиотеки, отоваривавшиеся прямо на работе. Это было гораздо удобнее, чем рыскать по магазинам по дороге домой, тем более что к вечеру прилавки уже пустели.

Каждый завод, контора, колхоз, учебное заведение, транспортное предприятие, короче говоря, все существовавшие в то время предприятия и учреждения занимали строго определенное место в социальной иерархии, хотя и неофициальной, но всеохватывающей системе, созданной в 1930-е и продолжавшей укрепляться в 1950-е и последующие годы. От места, занимаемого конкретным предприятием или учреждением в этой социальной иерархии, зависели заработок его сотрудников, «кормушки» и другие привилегии его руководителей, а также степень оперативности, с какой удовлетворялись их нужды и запросы. Поднаторевший в этих вопросах директор, имея хорошие связи, мог серьезно облегчить жизнь своих работников, доставая высококачественные материалы, запчасти, топливо, продукты и имея доступ к другим дефицитным услугам, делая это быстрее и дешевле, чем его менее опытные конкуренты. Большинство директоров имели в своем штате специальных людей, прозванных «толкачами», чья основная задача как раз и состояла в завязывании полезных знакомств и максимальном использовании полученных с их помощью преимуществ⁶.

Поскольку официальная (или «белая») экономика не справлялась с выпуском всех необходимых товаров, она зависела от другой, теневой, экономики в выполнении госплана. Наряду и параллельно с работой на государственных предприятиях трудящиеся старались дополнить свои мизерные доходы путем «левой» работы «на стороне» или, как это тогда называлось, «халтуры», используя для этого заводские станки, инструменты и материалы: занимались, например, ремонтом личных автомобилей граждан или починкой водопровода и канализации в квартирах, индивидуальным пошивом одежды, производством различных товаров ширпотреба и страшно дефицитных запчастей — всего того, что недодавали государственные предприятия. Со своих дополнительных доходов от «халтуры» рабочие плати-

ли «магарыч» начальству за его молчаливое согласие. Все относилось к государственной экономике как к общему котлу, из которого можно черпать все необходимое для собственных нужд. В последующие десятилетия советская экономика трансформировалась посредством такого неформального, но повсеместно распространенного способа в полуприватизированную. Теневая экономика усилила систему личных связей и покровительства (известную как «блат»), которая и так была характерна для советского режима⁷.

Национальность человека, указывавшаяся в пресловутой «пятой графе» паспорта, все больше влияла на возможность получения им образования, жилья и прописки. Быть евреем означало быть лишенным равных возможностей с представителями других национальностей. Русские, как правило, имели преимущество перед всеми другими, однако эти преимущества уже размывались: в действительности к началу 1970-х гг. во многих национальных республиках, особенно в Средней Азии, практиковалась система скрытой дискриминации инородцев, большинство которых составляли русские, в пользу местных национальностей. Руководители республик понимали, что, если не будет допущено каких-либо вопиющих злоупотреблений в этой области, Москва не захочет вмешиваться. «Стабильность кадрового состава» и существование теневой экономики способствовали развитию чувства национальной исключительности и внесли свой вклад в распад так называемого «многонационального советского народа»⁸.

Кризисы в Чехословакии и Польше

Брежневский «консенсус» был внезапно нарушен вызовом, брошенным идеей «другого пути к социализму», совершенно отличного от югославского, но не менее обескураживающего, так как этот путь предполагал не что иное, как движение в направлении к европеизированному и «буржуазному» марксизму, причем такому же, который стал распространяться в академических кругах самого Советского Союза.

В 1956 г. Чехословакия оставалась спокойной, но «хрущёвская оттепель» сказалась на местном партийном руководстве гораздо глубже, чем в Польше или Венгрии. В январе 1968 г. был избран новый Первый секретарь ЦК КПЧ Александр Дубчек, который возглавил интеллектуалов реформистского толка, входивших в состав партийного аппарата. В результате в апреле того же года была опубликована Программа действий, в которой указывалось, что в развитом социалистическом обществе, где основные классовые битвы уже выиграны, существование различных, иногда конфликтующих, интересов не представляет никакой угрозы и что люди, отстаивающие такие интересы, имеют право на создание своих объединений, обнародование и отстаивание своих политических программ в условиях открытого и всеобщего политического форума. Программа также рекомендовала децентрализовать принятие решений в управлении экономикой и ввести некоторые элементы рыночной экономики в целях повышения ее эффективности.

К лету казалось, что первыми результатами принятия Программы станут отмена цензуры и образование некоммунистических политических партий и движений. Коммунистическая партия Чехословакии планировала созвать в сентябре 1968 г. свой съезд, на котором предполагалось отменить запрет на создание фракций и платформ внутри компартии, принятый еще в 1921 г. на X съезде РКП(б). Ожидалось также, что съезд введет тайное голосование при выборах высших партийных руководителей и принцип их обязательной ротации. Некоторые предложения вызывали в памяти хрущёвские реформы, но уже совсем в другом контексте — в условиях плюралистической демократии, а не популистского социализма.

Советское руководство решило, что это выходит за грань дозволенного, и 21 августа 1968 г. ввело на территорию Чехословакии войска Варшавского Договора, чтобы помешать созыву съезда. Политическая сторона интервенции не была подготовлена — второго Кадара не нашлось. Поэтому пришлось терпеть Дубчека еще целый год, прежде чем он был смещен; Программа действий была свернута, а те, кто ее поддерживал, были исключены из партии. После вторжения войск в Чехословакию в «Правде» появилось заявление, которое,

подтверждая правомерность «альтернативных путей к социализму», одновременно предупреждало партии, выбирающие такие пути, что они не должны делать этого «в ущерб интересам социализма в их собственных странах или в ущерб основополагающим интересам других соцстран и международного коммунистического движения в целом». Это заявление стали именовать «доктриной Брежнева». Подразумевалось, что всякая реформа в любой стране социалистического лагеря может проводиться лишь с согласия Компартии Советского Союза.

Подавление реформ в Чехословакии оказало глубокое воздействие на внутреннее положение в КПСС. Было остановлено и повернуто вспять движение в сторону сближения с европейскими марксистскими традициями, известными как «еврокоммунизм». Экономические реформы, даже самые осторожные, — типа косыгинской — стали запретной темой. КПСС оказалась в положении застоя в прямом смысле этого слова. Она была не в состоянии реформировать себя ни для того, чтобы соответствовать развивающейся интеллектуальной и культурной жизни общества, ни для того, чтобы сделать экономику страны более эффективной.

Если в Чехословакии вызов режиму был брошен партийными интеллектуалами, подвергшими пересмотру марксистское наследие, то 12 лет спустя после этих событий, на сей раз в Польше, против существующей системы выступили рабочие, разъяренные тем, что «молчаливый социальный контракт», который, как и в СССР, определял их жизнь, не выполнялся властями. Польское сельское хозяйство по ряду причин было ненамного эффективнее, чем в Советском Союзе, и повышение цен на продукты питания, предпринятое в стране несколько раз в течение 1970-х гг., привело к рабочим протестам. Эти выступления достигли апогея летом 1980 г., когда рабочие Гданьской судовой верфи им. В.И. Ленина объявили забастовку, требуя снижения цен и протестуя против увольнения популярного рабочего лидера. Вскоре они оказались в центре национальной волны протестов, получивших поддержку ведущих интеллектуалов страны.

В результате этого протеста возникло рабочее движение «Солидарность», которое, формально являясь профсоюзом,

стало, по определению одного из западных наблюдателей, «гражданским крестовым походом за национальное возрождение»⁹. Простой электрик гданьской судовой верфи Лех Валенса, возглавивший это движение, сумел достичь соглашения с властями, в соответствии с которым признавалась руководящая роль партии, но в то же время разрешалось создание независимых движений и предоставлялось право на свободу слова. Результатом был тупик. Партия и «Солидарность» настороженно наблюдали друг за другом, причем ни одна из сторон не могла взять на себя решение назревших проблем экономической реформы. В то же время между ними не существовало достаточного доверия для полномасштабного и открытого сотрудничества. Католическая церковь предприняла попытку объединить их в рамках Комитета национального спасения, однако взаимное недоверие оставалось. В конце концов, опасаясь советского военного вторжения, генерал Войцех Ярузельский приказал польской армии вмешаться в спорную ситуацию, объявив в декабре 1981 г. о введении в стране чрезвычайного положения. Но эти действия никак не способствовали решению основополагающих проблем и только еще сильнее обозначили глубину кризиса, в пучину которого погружались социалистические страны в 1980-е гг.¹⁰.

«Застой» и социальные изменения

В течение длительного времени, прошедшего после окончания Второй мировой войны, советское общество находилось в состоянии «выздоровления». Только в середине 1950-х гг. был достигнут довоенный жизненный уровень населения, но и тогда страна продолжала испытывать острую нехватку мужского населения, особенно поколений, рожденных в 1910—1920-х гг. В 1959 г. женщины все еще составляли 55 процентов всего населения, и только к концу эры Советского Союза в стране были восстановлены нормальные демографические пропорции, при которых на долю женщин приходится 52 процента населения. В одном из советских романов, написанном в

1965 г. и рассказывавшем о жизни рабочих в Ростове-на-Дону, молодой человек спрашивает своих товарищей, у кого из них есть отцы. Из шести человек только один поднимает руку, и все соглашаются, что это обычная ситуация¹¹.

Целое поколение детейросло без отцов. Можно понять, что это значило для их восприятия семейной жизни. Но надо также учитывать, что бремя жизненных забот лежало на женских плечах. В двадцатые и тридцатые годы советские женщины стали эмансипированными в том смысле, что добились равенства в возможностях получения образования и могли получать те же профессии, что и мужчины. К 1960 г. СССР имел самую высокую долю работающих женщин. По образовательному уровню советские женщины также не уступали мужчинам¹².

И тем не менее унаследованные от прежних лет предрассудки, демографическое давление и нехватка финансовых средств не позволяли женщинам в полной мере воспользоваться своими возможностями. В основном они занимали нижние профессиональные и должностные ниши, реже участвовали в управленческих структурах и имели меньший заработок, чем мужчины. Они также взяли на себя тяжелый ручной труд, который раньше выполнялся исключительно мужчинами. Обыденным явлением стали женщины в рабочих комбинезонах и брюках с киркой или лопатой в руках, работавшие на автомобильных и железных дорогах. Больше того, на них оставались все домашние дела, которые раньше выполнялись неработающими женщинами. Это происходило либо потому, что у них не было мужей, либо потому, что мужья просто не привыкли к домашней работе. Хотя сеть детских садов была развита шире, чем на Западе, она все-таки не могла в полной мере компенсировать двойное бремя, выпавшее на долю женщин, которые сломя голову неслись утром на автобусную остановку, чтобы успеть на работу, потом рыскали по магазинам, а оттуда бежали в детский сад забирать детей домой, где нужно было быстро приготовить ужин на всю семью и еще успеть постирать в маленьком тазике одежду и белье. Это делалось для того, чтобы сохранить и семью, и работу. В семьях, которым повезло больше, дефицит сил и времени восполнялся бабушками, и те вольно или невольно второй раз

переживали счастье материнства, невзирая на возраст и состояние здоровья. Но на кого бы ни ложилась забота о домашних делах, заниматься ими часто приходилось в соседстве с другими на коммунальных кухнях¹³.

Женщины желали работать по ряду причин: для самоутверждения, для того, чтобы не пропадало зря полученное образование, чтобы иметь круг общения, для сознания своей общественной значимости. Но в большинстве случаев они делали выбор в пользу работы, вынуждаемые к этому экономической необходимостью. Так как зарплаты мужа было недостаточно, второй заработок в семье имел обычно существенное значение. Робкое феминистское движение, возникшее на позднейшем этапе существования Советского Союза, высказывалось не только за право женщин получать равную с мужчинами зарплату, но и выступало за право женщин *не* работать. Женщины жаловались на нехватку мест в детских садах и на ужасные условия в родильных домах¹⁴.

Эти проблемы приводили к развалу семей и к сокращению рождаемости. Если в 1940 г. рождаемость составляла 31,2 ребенка на 1000 человек, то затем она устойчиво снижалась до 26,7 в 1950; 24,9 в 1960; 17,4, в 1970; 18,3 в 1980 и 16,8 в 1990 г. Самое резкое сокращение рождаемости пришлось на военные сороковые и на шестидесятые годы, что, вероятно, было связано с кумулятивным эффектом урбанизации, которая привела к снижению рождаемости во многих европейских странах. Однако тяжелейшее бремя, которое вынуждены были нести на своих плечах советские женщины, сделало падение рождаемости наиболее значительным в Советском Союзе, особенно в тех регионах (Россия, Украина, Прибалтика), где доля работающих женщин была самой высокой. Здесь нормой было иметь одного ребенка в семье. На Кавказе и в Средней Азии, где число работающих женщин было меньше, показатели рождаемости оставались высокими¹⁵. К началу 1970-х гг. рождаемость в России, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике снизилась настолько, что это привело к реальному снижению численности населения. В долгосрочном плане доминирующая роль русской нации оказалась под угрозой.

Возможно также, что сокращению рождаемости способствовал возврат к упрощенным формальностям при получении на-

правления на аборт (1955) и совершении бракоразводных процессов (1965). Если в 1965 г. индекс разводов на 1000 человек составил 1,6, то к 1979 г. он утроился и достиг 3,5. Здесь Советский Союз вышел на один уровень с США, страной с исключительно высоким числом разводов¹⁶. Трудно сказать, что было главной причиной этих изменений. Нехватка жилья могла быть одной из них. Хотя по сравнению с шестидесятыми и семидесятыми годами положение в этой области улучшилось, но одновременно возрастали личные запросы и потребности людей. Поэтому проживание в тесных квартирах с многочисленными родственниками уже казалось менее терпимым. Пьянство и насилие в семьях также фигурируют среди основных причин участвовавших разводов.

С другой стороны, по мере увеличения числа отдельных квартир возросло значение семейной и личной жизни граждан. Люди больше времени проводили у себя дома, читали, смотрели телевизор, встречались с друзьями и родственниками и все реже ходили на различные митинги и вообще меньше участвовали в общественной жизни. Но одновременно с тем как семья приобретала большую значимость, она становилась менее крепкой. Это было парадоксом, который тревожил власти, желавшие видеть прочные семьи как гарантию роста населения и социальной стабильности.

Советский Союз становился урбанизированным обществом: с середины 1950-х гг. городское население по численности превысило население, проживавшее в сельской местности. Однако процесс урбанизации шел весьма своеобразным путем. Немногочисленные гражданские институты из числа характерных для западного урбанистического общества находились под жестким партийным контролем. Люди вступали в профсоюзы, молодежные движения, женские ассоциации и другие подобные объединения, чтобы получить какие-то социальные льготы и внедриться во всеобщую систему государственного покровительства. Значительное число горожан все еще проживали в коммунальных квартирах. Это приводило к тому, что стесненная жизнь в коммуналках воспроизводила в городах все «прелести» деревенского быта с его склоками и дрызгами. Постоянные очереди за товарами и продуктами играли ту же роль: стоя в очередях, люди

обменивались информацией, мнениями и слухами, которые не очень-то освещались средствами массовой информации, а многие были нелестными для советских руководителей.

Наука и образование

К началу 1970-х гг. советское общество стало не только урбанистическим, но и высокообразованным. В определенном смысле подъем образовательного уровня народа был важнейшим достижением советского режима. В 1939 г. всего 1,3 процента населения имели высшее, а 11 процентов — среднее образование. К 1959 г. эти цифры составили 3,3 и 40 процентов, а к 1979 г. — 10 и 70,5 процента соответственно. В 1940—1941 гг. в высших учебных заведениях страны обучалось 800 тыс. студентов; в 1950—1951 гг. — 1,25 млн; в 1960—1961 гг. — 2,4 млн; в 1970—1971 гг. — 4,6 млн, а в 1980—1981 гг. число студентов достигло 5,2 млн¹⁷.

Конечно, образование образованию рознь. Некоторые институты давали своим выпускникам подготовку, которая на Западе расценивалась бы на уровне профессионально-технического училища. Во всех высших учебных заведениях студенты проходили многочасовые курсы идеологических дисциплин, таких как марксистско-ленинская философия, диалектический материализм, научный коммунизм и история КПСС. Совсем немногие полностью принимали официальную идеологию, но все находились, по словам Александра Зиновьева, под всепроникающим воздействием «мощного магнитного поля идеологического влияния»¹⁸. Тем не менее число интеллектуалов, способных к самостоятельному критическому мышлению, было достаточно велико и продолжало расти. К 1988 г. в стране насчитывалось 1,52 млн ученых и исследователей, работавших в области науки и высшего образования. Среди них было 493 тыс. кандидатов и 49 700 докторов наук¹⁹.

Результаты этого сказывались на достижениях советской науки и техники. Разработка ядерного оружия и систем его доставки, а также успешное осуществление программы космиче-

ских исследований в 1950-х гг. показали, что Советский Союз мог стать мировым лидером в тех областях, куда обдуманно вкладывались средства и ресурсы и направлялись самые квалифицированные кадры. Когда было создано ядерное оружие, возникла необходимость срочно разработать средства доставки, и все исследования сосредоточились на ракетных технологиях. В этой области Советский Союз достиг такого уровня, что к 1970 г. мог уже на равных противостоять Соединенным Штатам, несмотря на их огромное опережение, существовавшее в этой сфере раньше. Самым сенсационным результатом этого проекта явилась советская программа космических исследований. В октябре 1957 г. на орбиту был запущен первый искусственный спутник Земли. А в апреле 1961 г. последовал запуск первого пилотируемого космического корабля с Юрием Гагариным на борту. Эти достижения, действительно впечатляющие, создали на Западе иллюзию, которая сохранялась еще не менее десятка лет, о том, что Советский Союз находится на соизмеримом с Западом уровне технологического развития.

В области математики, астрономии и теоретической физики советские ученые задавали тон примерно до конца шестидесятых годов. Но затем здесь наметился едва заметный спад. Среди советских ученых слышались жалобы на твердолобость и ограниченность руководства, на обстановку всеобщей секретности, скудное финансирование работ, вынужденную изоляцию от западных коллег. Часто не хватало компьютеров, современного оборудования и приборов, а подписку на зарубежные журналы отменили. Ученых, приглашенных участвовать в международных конференциях за рубежом, подвергали долгой и унижительной проверке на благонадежность. Часто в результате таких проверок настоящие ученые не выпускались за рубеж, а вместо них посылались разные бездари²⁰.

Идеологическая монополия партии не ослабевала. Для общественно-гуманитарных областей науки это было гораздо более губительным, чем для естественных и прикладных дисциплин, но история с Лысенко показала, какой ущерб эта монополия может нанести даже в таких относительно «нейтральных» областях. В 1955 г. известный физик Петр Капица написал Хрущеву: «Научная идея должна родиться и окрепнуть в борьбе с другими

идеями, и только таким путем она может стать истиной. Когда прекращают эту борьбу, достижения науки превращаются в догмы... Наиболее разительно это произошло у нас с развитием материалистической философии... Сейчас собрание академиков — это не ведущее научное общество, занятое решением передовых вопросов науки, тесно связанное с запросами и ростом нашей культуры, но скорее напоминает церковные богослужения, которые ведутся по заранее начертанному ритуалу»²¹.

В таком же духе Андреем Сахаровым и его двумя коллегами в марте 1970 г. было составлено обращение, адресованное советскому руководству. В нем они подвергли критике «антидемократические традиции и нормы общественной жизни, сложившиеся в эпоху Сталина и окончательно не изжитые до сих пор». В обращении также отмечалось, что «свобода информации и творческой деятельности необходима для интеллигенции в силу специфики ее работы и роли в обществе. Попытки интеллигенции добиться большей свободы в этой связи являются естественными и вполне законными. Однако государство подавляет эти попытки посредством всяческих ограничений — административного воздействия, увольнений с работы и даже в некоторых случаях привлечения к суду»²².

Это обращение высветило сложнейшую дилемму, стоящую перед Советским государством. Оно нуждалось в высокообразованных мыслящих людях во всех областях науки и техники, но при этом способствовало развитию качеств, характерных для таких интеллектуалов, представляло угрозу идеологической монополии Коммунистической партии. Если бы рекомендации Сахарова в отношении запрета цензуры и свободы передвижения (особенно поездок за рубеж), восстановления независимости правосудия, широкого освещения в прессе происходящих в обществе процессов и перехода к действительно свободным выборам в Советы народных депутатов были приняты, это означало бы для власти опасность подрыва всей существующей системы. Когда Горбачев двадцать лет спустя попытался осуществить эти рекомендации, оказалось, что опасения были вполне обоснованными.

Между тем ученые, недовольные официальными рамками, ограничивавшими их работу, предпринимали спонтанные контр-

меры, чтобы как-то противостоять им. Во многих научно-исследовательских институтах, особенно в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Ереване и в Прибалтике, стали проводиться неформальные семинары по изучению идей, не предусмотренных ни официальной идеологией, ни утвержденной программой исследований. Это были не оппозиционные митинги, а просто собрания заинтересованных людей, стремившихся к большему интеллектуальному разнообразию, чем было официально разрешено²³. В экономических институтах ученые обсуждали теории Кейнса, Хайека и вопросы теории и практики свободных рыночных отношений не для того, чтобы «знать оружие врага», а просто исходя из непредвзятого научного интереса²⁴. Иногда они даже выходили за рамки своих исследований: помню, как я сам в 1973 г. передавал материалы по столыпинской реформе в один из ленинградских математических НИИ. Это было время, когда попытки экономических реформ, предпринимавшиеся еще при русских царях, стали вызывать интерес у российской интеллигенции.

В области семиотики и языкознания советские ученые к началу семидесятых годов находились на передовых рубежах мировой науки. Жизненный опыт делал их особенно чувствительными к способам официального контроля над словом и ограничениям сверху. Родоначалник этой науки Михаил Бахтин (1895—1975) был арестован и много лет провел в ссылке в Мордовии, получив возможность вернуться в Москву только к концу жизни. В противовес официальной догматике его труды, хотя и с запозданием появлявшиеся в свет, давали основательную теоретическую аргументацию того, что любые положения и теории, как бы хорошо они ни зарекомендовали себя в определенный момент, никогда не являются незыблемыми и исчерпывающими, но всегда должны быть открыты новому взгляду и переосмыслению. Он «реабилитировал» диалог как фундаментальную основу всякого общения, включая и претендующего на научность. В своей работе, посвященной творчеству Рабле, он давал высокую оценку простонародности, гротеску и элементам, опровергавшим общепринятые представления, то есть тем аспектам культуры, которые не подчиняются ни требованиям эстетики, ни методам политического регулирования. Его рабо-

ты находили живой отклик в умах ученых, живших в условиях культуры, построенной на принципах жесткой иерархии, цензуры и контроля²⁵.

В центре обсуждения семинаров по семиотике и лингвистике, проводившихся в 1960—1970-х гг. в Москве и Тарту, находились работы Юрия Лотмана, основанные на взглядах Бахтина и трудах французских и чешских теоретиков, пытавшихся разработать теорию средств и методов, посредством которых культура, религия и другие системы символов действуют внутри общества. Эти семинары также внесли огромный вклад в развитие гуманитарных и общественных наук в СССР и далеко за его пределами²⁶.

Культурная жизнь

Помимо науки, существовала и другая область общественной жизни, которая порождала нонконформистские взгляды. Эта была культура — и прежде всего литература. Наряду с существовавшим в СССР культом науки такой же культ существовал здесь и в отношении литературы. Произведения великих дореволюционных писателей — Пушкина, Тургенева, Толстого, Чехова — имели широчайшую читательскую аудиторию и входили в обязательную программу по литературе, изучавшуюся во всех средних школах. (Менее соответствующий идеологии партии Достоевский был доступен только самым упорным читателям и только в хороших библиотеках.) Они воздействовали на умы советской молодежи так же, как труды древних греков влияли на наиболее интеллектуальных школьников викторианской эпохи, и являлись источником идей, не нашедших отражения в официальной идеологии.

Как и в России XIX в., центр литературной жизни был сосредоточен в «толстых журналах» и в издательствах. С тех пор журналы мало изменились: помимо публикации романов, поэтических произведений и пьес, они продолжали оставаться отдушиной для комментариев на темы жизни общества, а также давали возможность ученым пропаганди-

ровать свои идеи, часто предоставляя для этого довольно много страниц. Между редакционным коллективом и подписчиками возникала и бережно сохранялась своеобразная общность взглядов, мнений и идей, для которой было характерно умеренное отклонение от «линии партии».

Самым ярким примером таких изданий служит журнал «Новый мир», где с 1958 по 1970 г. главным редактором был Александр Твардовский. Член партии, одно время даже входивший в состав ее ЦК, Твардовский не был диссидентом в обычном смысле этого слова. Он принимал принцип «соцреализма», но истолковывал его по-своему. Для него «реализм» означал правдивое описание жизни советского общества, а «народность» подразумевала сосредоточение внимания писателя на жизни обычных людей, солдат и крестьян. Он объединил вокруг себя группу единомышленников из числа редакторов и писателей, которые были готовы напряженно работать и рисковать своим положением ради цели, в которую все они верили: способствовать появлению и развитию действительно хорошей литературы, отвечающей интересам истины. С одной стороны, редакционный коллектив Твардовского был обычным звеном во всеобъемлющей системе взаимного «покровительства», но с другой — объективно подрывал ее существование. В отсутствие массового террора советская система стала вырабатывать антитела к себе самой²⁷.

Наиболее значительным вкладом Твардовского в историю советской литературы стала публикация в его журнале в 1962 г. повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Автор восемь лет провел в заключении в сталинских лагерях и был освобожден уже после смерти вождя. Повесть нарушала целый ряд принятых в то время литературных норм. Это повествование о жизни в ГУЛАГе, неприкрыто показывавшее всю ее грязь, жестокость и бесчеловечность, было написано не официальным высокопарным стилем, а обычным разговорным языком, не исключавшим и различные жаргонные словечки, которые постоянно звучали на стройплощадках, в бараках и коммунальных квартирах. Точка зрения автора была сугубо субъективной; он не претендовал на создание цельной картины всего происшедшего в ту пору в стране и тем

более не пытался высказать какие-либо «высшие» соображения, оправдывавшие этот ужас. Повесть Солженицына задала тон развитию всей советской прозы на последующие тридцать лет²⁸.

Она также разбудила воспоминания и чувства самого разнообразного толка. Журнал получил большое число откликов от простых советских граждан: одни приветствовали повесть, а другие осуждали журнал за ее публикацию. «Теперь, когда я читаю повесть, я плачу, но во время отбывания срока в Ухте я не проронил ни слезинки...» «После прочтения повести остается только одно: вбить в стенку гвоздь, завязать петлю и повеситься...» «Хотя я и плакал, когда читал повесть, но я чувствовал себя гражданином, обладающим теми же правами, что и остальные люди» — вот лишь некоторые примеры таких отзывов²⁹. Это было «возвращение репрессированных чувств», которые до этого были запрещены цензурой либо лежали под спудом общественного давления, взорвавшегося с огромной силой.

В последующие восемь лет «Новый мир» продолжал в такой же или, быть может, более умеренной манере свою редакционную политику, публикуя откровенные и вместе с тем объективные, реалистические произведения, что вызывало ожесточенные споры в Союзе писателей. Это продолжалось до 1970 г., когда Твардовский был уволен с поста главного редактора журнала. Среди писателей, которым он оказывал в это время покровительство, были и те, кто честно, с симпатией и настолько откровенно, насколько это позволялось цензурой, описывал другой «репрессированный» аспект советской действительности — жизнь на селе. Деревня страдала на всех без исключения этапах так называемого процесса модернизации общества. На всех стадиях модернизации политики деревня страдала более всего: высылка в места «не столь отдаленные» наиболее рачительных хозяев, дававших большую часть сельхозпродукции, обобществление земли и почти всей собственности, голод, вымирание сельского населения, нищета и полная деморализация — все это испытала русская деревня. Советское общество относилось к деревне с презрением, считая ее очагом отсталости, который нужно просто

отбросить с пути в «светлое будущее». Твардовский происходил из деревни, да еще из семьи раскулаченных. Поэтому он поддерживал молодых писателей, которые стремились честно описывать сельскую жизнь. Реакция со стороны литературной критики — как положительная, так и отрицательная — была весьма оживленной. В процессе «великой урбанизации» в предыдущие десятилетия очень много людей переселились из деревень в города. Так называемая деревенская проза пыталась напомнить им о том, что они потеряли. Это был первый четко сформулированный стиль, отражавший русское национальное чувство независимо от политики Советского государства и даже в определенном смысле вопреки ему³⁰.

Еще одной ареной, на которой можно было проявить свои нонконформистские чувства, был театр. Здесь актеры и зрители находились рядом, в одном зале, и их взаимодействие было, естественно, более тесным, чем между писателями и читателями журналов. Кроме того, театральное действо гораздо менее предсказуемо: даже прошедший цензуру и худсовет спектакль мог меняться от представления к представлению, а интонации и жесты актеров, несущие смысловой подтекст, могли оказаться совсем другими, чем на генеральной репетиции. В театре «Современник», основанном в 1956 г. Олегом Ефремовым, возрождались сценические приемы и дух дореволюционного МХАТа. Режиссура и игра актеров были сугубо реалистичными, искренне передавали человеческие чувства и переживания. Театр отличали дух коллективизма, чувство взаимной ответственности режиссера и актеров за каждый спектакль, здесь не было «звездной болезни». Театр на Таганке, основанный в 1964 г. Юрием Любимовым, обратился к мейерхольдовским традициям «тотального театра», которые предусматривали «встраивание» в спектакль всех элементов, способствующих достижению наибольшего драматического эффекта. Это включало такие приемы, как пение в фойе, разбрасывание листовок в зрительном зале и т.п. «Таганка» впервые познакомила советского зрителя со многими пьесами зарубежных авторов, таких как неортодоксальный коммунист Бертольт Брехт. Театр также ставил на своей сцене произведения, балансировавшие на грани дозволенного тогдашней

цензурой. Так появились спектакли «Преступление и наказание» по роману Ф. Достоевского и «Мастер и Маргарита» по роману М. Булгакова³¹.

В середине 1950-х гг. Борис Пастернак завершил роман «Доктор Живаго», который подвергал серьезной критике не только коммунистические власти, но и любое давление, оказываемое на культурную и интеллектуальную жизнь. Получив отказ от советских журналов напечатать роман, он переправил свое произведение итальянскому издателю Фельтринелли, который опубликовал его в Милане в 1957 г. Само по себе это еще не являлось серьезным вызовом властям, но когда в следующем году Пастернак был удостоен за этот роман Нобелевской премии в области литературы, в СССР началась официальная кампания злобных нападок на него, в результате которой он был исключен из Союза писателей.

Следуя его примеру, многие писатели начала шестидесятых годов, недовольные официальными ограничениями на свободу творчества, продолжали создавать произведения не для издательств, а для своих друзей, среди которых эти произведения распространялись в виде машинописных копий. Это был так называемый «самиздат». Первыми работами такого рода стали стихи и поэмы, небольшой формат которых облегчал перепечатку под копирку и дальнейшее распространение. Затем пришла очередь работ, ранее запрещенных в СССР. В «самиздате» вышли «Доктор Живаго» и произведения зарубежных авторов — «1984» Дж. Оруэлла, «Слепящая тьма» Артура Кестлера и «Новый класс» Милована Джиласа. Солженицына постепенно вытеснили из советских журналов, но его работы стали распространяться «подпольным» образом. Я помню, как читал в 1964 г. в Московском университете его короткие стихотворения в прозе, а в 1967 г. вышли (или, скорее, не вышли) его романы «Раковый корпус» и «В круге первом». Советские интеллигенты читали их в своих кабинетах, пряча в самых дальних ящиках стола или маскируя под обложками полного собрания сочинений Ленина.

Затем «самиздат» был, что называется, поставлен на конвейер. Размножались и распространялись бледные, с расплывшимися от многократных перепечаток под копирку буквами

самые разные «самиздатовские» работы — поэмы, романы, письма, петиции, заявления протеста и меморандумы. Практически в «самиздате» издавалось все то, что уже было запрещено или могло быть запрещено цензурой. «Самиздат» представлял собой молчаливый бунт против официальных правил, регулирующих творческую жизнь. Вот что сказал об этом известный правозащитник и автор «Гимна пишущей машинке» Владимир Буковский: «Я сам пишу, сам редактирую, сам подвергаю свои работы цензуре, сам издаю их, сам распространяю и сам сяду за них в тюрьму»³². В репрессивном обществе, для которого характерен конформизм, такое спонтанное самоутверждение было одновременно и самоосвобождением.

Это было также утверждением новой формы коллективизма. Многие произведения пользовались таким большим спросом, что блеклые, с плохо различимыми буквами страницы передавались из рук в руки и прочитывались за один-два дня. Друзья и коллеги по работе собирались вместе на несколько часов, может быть, на всю ночь, чтобы, поглощая огромное количество кофе, читать друг другу вслух запрещенные тексты. Освобожденные из плена мертвящего официального контекста, слова оживали и приобретали совершенно новое значение. Такие собрания были проявлением коллективизма и взаимной ответственности в абсолютно новом смысле. Участие в размножении, распространении и чтении «самиздатовской» литературы означало также и участие в новой, возвышенной общественной и духовной жизни³³.

Откровенно политический характер «самиздат» приобрел тогда, когда за распространение своих неопубликованных сатирических рассказов были арестованы писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. На суде, состоявшемся в феврале 1966 г., их обвинили в «антисоветской пропаганде», а их рассказы были истолкованы судом буквально и расценены как политические заявления. Взгляды литературных героев отождествлялись с мировоззрением авторов. Обвинение ударило писателей по самому больному месту: если любая критика или сатира, содержащаяся в литературном произведении, могла трактоваться как политическая пропаганда, то становилось вообще невозможным употребление слов в фигуральном смысле...

ле. 63 члена Московского отделения Союза писателей направили письмо в адрес предстоящего партийного съезда, в котором предупреждали власти о том, что «осуждение писателей за сатирические произведения создает чрезвычайно опасный прецедент и может препятствовать развитию советской литературы»³⁴.

За этим последовало нечто, напоминавшее цепную реакцию. Издатель одного из «самиздатовских» журналов Александр Гинзбург составил отчет о судебном процессе и о реакции, которую он вызвал внутри страны и за рубежом. Эта работа ходила по рукам в СССР, а также была переправлена за границу. За эти действия Гинзбург также был арестован. Его арест, в свою очередь, вызвал дальнейший всплеск «самиздатовских» публикаций протеста с призывами к обнародованию всех фактов и требованием к властям соблюдать ими же установленные законы.

Последнее было особенно неприятно для властей, которые желали сохранить репрессивный режим, одновременно создавая видимость соблюдения законности. Сталин показал, какую опасность представляет беззаконие для высокопоставленных руководителей. Поэтому они пытались подавить волну протестов, не прибегая к арестам. Участников движения протеста — писателей, ученых, исследователей — предупреждали, что их диссертации не будут утверждены, произведения не будут публиковаться, а служебные карьеры сильно пострадают. В подтверждение этих угроз некоторые из них были действительно уволены и вынуждены были перебиваться случайными заработками, работая вахтерами, гардеробщиками или кочегарами. Их начальников и коллег предупреждали о необходимости создания «здоровых коллективов» и оказания «плодотворного влияния» на непокорных товарищей. Взаимная слежка стала обычным делом: целый институт мог пострадать в случае, если кто-то из его сотрудников подписывал письмо протеста. Это была «совместная ответственность» в новой форме, близкая по своим корням «киевской криминальной круговой поруке»³⁵.

В результате этих мер число людей, готовых поставить свою подпись под письмом протеста, после 1968 г. стало постепенно уменьшаться. Но тут возник новый неожиданный фено-

мен: «самиздатовский» журнал, посвященный описанию случаев нарушения властями своих же собственных законов. На обложке журнала с довольно скучным названием «Хроника текущих событий» размещалась известная статья 19 из Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (и подписанной Советским Союзом), которая гарантировала всем людям «право на свободу мнений и их выражения». Подача материалов была также крайне сдержанной. Не было обычных редакционных статей, а просто приводился перечень дисциплинарных действий властей, обысков, допросов, предупреждений, арестов, судов и других официальных санкций. Один экземпляр журнала всегда переправлялся за границу, и его содержание передавали зарубежные радиостанции, вещавшие на русском языке. Остальные экземпляры издания тиражировались путем многократных перепечаток под копирку на пишущих машинках. Таким образом, сложилась целая сеть распространения журнала, ставшая, в свою очередь, каналом получения информации. Пусть и не с поразительной пунктуальностью, но и с не менее удивительной регулярностью журнал выходил один раз в два или три месяца вплоть до 1982 г.³⁶

По соответствующим поводам «Хроника» выпускала сокращенным тиражом специализированные номера, посвященные проблемам меньшинств, — национальных (евреи, грузины, эстонцы), религиозных (баптисты, свидетели Иеговы, преследуемые православные христиане), социальных (простые рабочие, инвалиды). Журнал выступал и в поддержку одного социального большинства — женщин. Здесь находился целый пласт, содержащий ростки зарождавшегося гражданского общества, у которых не хватало сил даже пробиться на поверхность.

Стали появляться и другие неформальные группы и объединения, которые не были санкционированы властями, но допускались, хотя бы временно. Рок-группы давали концерты в плохо освещенных подвальных помещениях. В таких же условиях проводили свои физические и духовные занятия любители йоги. Вокруг популярных певцов и спортивных «звезд» начали стихийно создаваться фан-клубы. Некоторые инициативные ком-

сомольские организации пытались сотрудничать с ними, предлагая, в частности, помещения или свои консультации, но в большинстве случаев такие группы действовали в полном вакууме, не имея какой-либо социальной поддержки³⁷.

Таким неконтролируемым образом советское общество порождало новые структуры, которые могли находиться как наполовину внутри официальных структур, так и полностью вне их. Но ни одна из новых структур не была полностью интегрирована в существующую советскую систему. Этот социальный процесс нигде не имел таких роковых последствий, как в национальной — за исключением русской — среде.

Национальное пробуждение

«Стабильность кадров» обернулась в действительности гарантией этнической исключительности. Национальная политика, проводившаяся Советской Россией с самого начала, намеренно поощряла рост и укрепление национального самосознания и продвижение национальных кадров. Такая стратегия исходила из того, что это был необходимый, но временный шаг на пути к «пролетарскому интернационализму». Когда развитие самостоятельности наций грозило выйти из-под контроля и превратиться в «буржуазный национализм», Сталин применял к приверженцам такого национализма методы жесточайшего террора. Теперь, в отсутствие массового террора, политика «развития национальных окраин» расцвела пышным цветом, и местные кадры могли спокойно укреплять свою власть. К 1985 г., например, пять первых секретарей республиканских компартий в Средней Азии находились у власти более 12 лет, из них четверо — более 20 лет. Результатом этого явилось не образование наций в том смысле, как мы это понимаем, а скорее приспособление архаичных социальных структур — патриархальных семей, кланов, племен — к советской номенклатурной системе. Поскольку номенклатура была основана на принципах личной зависимости и лояльности, такой переход дался без особого труда.

В России и на большей части европейской территории Советского Союза дореволюционная элита была либо уничтожена, либо рассеяна революционной бурей. Поэтому советская иерархия создавалась, что называется, «с нуля». Прежние национальные элиты на Кавказе и в Средней Азии не подверглись полному уничтожению. Это относилось по крайней мере к тем национальностям, которые не были депортированы Сталиным. В этих регионах местная элита и советский правящий класс слились воедино: номенклатурная система была удобным средством для удержания власти в руках старой элиты и допускала при этом умеренную модернизацию традиционной иерархии, так как гарантировала этой элите власть и поддержку со стороны всей государственной машины, включая партию, армию и КГБ, при условии сохранения лояльности Советскому государству. Колхозы очень часто просто закрепляли вековые традиции общинного землевладения и совместной обработки земли, подчиняясь управляющим из семей местной аристократии. Низкий социальный статус сельского труда и довольно пренебрежительное отношение к сельскому хозяйству в Советском Союзе заставляли крестьян полагаться на свои силы для того, чтобы выжить и получить хотя бы какую-то прибыль. Иногда они все-таки обращались к местным влиятельным людям, ища у них защиты и помощи в трудные годы. Даже в городах отношения на заводах, в учебных заведениях и других учреждениях строились, хотя и в скрытом виде, на принципах главенства все тех же семейственных и клановых традиций³⁸.

Ислам как религия поощрял такой консерватизм социальных структур, поскольку он в меньшей степени, чем христианство, зависит от наличия молитвенных помещений или отдельного класса священнослужителей для отправления культовых обрядов. Поэтому он оказался в состоянии срачиваться с местными культами, которые совсем не обязательно были мусульманскими. Даже без мечетей относительно полная религиозная жизнь мусульман была все-таки возможна, если только начальство не запрещало им совершать намаз прямо на рабочем месте, обратившись лицом к Мекке. (Хотя запрет на паломничество в Мекку продолжал вызывать сильную обиду у советских мусульман.) Кроме того, иногда в качестве мече-

ти использовали конференц-зал в каком-нибудь учреждении, клуб или даже чайхану. В общем, на поверхности были заметны только интеграционные возможности и обрядовые аспекты ислама, в то время как теологическая сторона этой религии и ее толкование не принимались во внимание. Наивысший подъем религиозных чувств вызывали свадьбы и особенно похороны, на которых обязаны были присутствовать даже члены партии³⁹.

Активное преследование ислама закончилось к середине шестидесятых годов, и с тех пор муллы выполняли роль посредника между мусульманами и государством. Они пользовались доверием властей, так как являлись столпом общественного порядка, восстанавливая в то же время незаметно и постепенно институты своей религии и связывая таким образом настоящее с прошлым. Многого они, правда, сделать не могли: например, ознакомление молодежи со священными писаниями ислама было невозможным из-за продолжавших действовать антирелигиозных законов и обязательного изучения и использования кириллицы⁴⁰.

Племенные отношения не только восстанавливались, но даже в определенном отношении укреплялись, хотя и в новой форме, продиктованной номенклатурной системой, в рамках которой они существовали. Казахстан являет собой поразительный пример этого. Хотя кочевой образ жизни здесь был уничтожен еще в тридцатые годы и в республику с тех пор нахлынуло огромное число русских переселенцев, элементы прежнего сельского образа жизни сохранялись: большинство колхозов летом держали скот на пастбищах, куда колхозники перебирались со своими кибитками в начале каждой весны и пригоняли стада обратно только осенью, возвращаясь, таким образом, снова на путь своих предков-кочевников. Председатели колхозов заняли место прежних аксакалов (сельских старейшин), а секретари обкомов партии стали новыми беями, тем более что они очень часто происходили из семей, принадлежавших старой элите.

Рождаемость у казахов была намного выше, чем у этнических русских, и к началу 1960-х гг. образовательный уровень казахского населения значительно повысился. Оба эти

фактора сводили на нет преимущества русских поселенцев при получении выгодных должностей, которыми они широко пользовались раньше. Динмухамед Кунаев, находившийся на посту Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана с 1964 по 1986 г., сумел укрепить контроль казахов над кадровой политикой в республике. На высшие номенклатурные посты он назначал членов своей «великой орды» (одного из трех мощнейших кланов Казахстана), а Брежнева ублажал частыми приглашениями на утиную охоту под Алма-Атой, которая устраивалась специально для лидера СССР. Являясь членом Политбюро ЦК КПСС, Кунаев имел прекрасные возможности привлекать в Казахстан крупные бюджетные капиталовложения. Больше всего он преуспел в области добычи топлива, космических исследований и сельского хозяйства. Аналогично этому и в Киргизии вопросы назначения на важные политические посты решались путем согласования между тремя основными региональными группировками, каждая из которых контролировала свой участок территории республики: на востоке властвовал блок Нарын, западная часть контролировалась блоком Талас, а юг подчинялся блоку Ош⁴¹.

Часто такие племенные и территориальные группировки были связаны с теневой экономикой. Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана с 1959 по 1983 г. Шараф Рашидов обогащался сам и помогал обогащаться своим соратникам, используя готовность чиновников Госплана верить представляемым им завышенным показателям выполнения плана. В течение более чем двадцати лет объемы производства хлопка в Узбекистане систематически завышались, и к началу 1980-х гг. Москва платила республике ежегодно более одного миллиарда рублей за несуществующий хлопок. Чиновники Госплана, не знавшие узбекского языка и не понимавшие местных обычаев, не могли разобраться в этом вопиющем очковтирательстве. В то же время огромные объемы воды из местных рек и водоемов уходили на выращивание реального хлопка, и на хлопковые поля вносились убийственное количество гербицидов и дефолиантов. Результатом этого стали постепенное высыхание Аральского моря, катастрофическая нехватка питьевой воды и непрекращающиеся эпидемии дизентерии среди местного населения⁴².

Рашидов и подобные ему дельцы использовали полученные от этих махинаций деньги не только для личного обогащения. Первый секретарь ЦК лично оказывал поддержку ученым, занимавшимся исследованиями в области узбекской истории и культуры. Он заботился о том, чтобы соратники и сородичи из его клана не имели проблем. В отрасли, которые могли компенсировать невыполнение плана в других секторах экономики, направлялись дополнительные средства, в том числе для создания теплых местечек своим протеже и их знакомым. Один из них, директор совхоза Адылов, как выяснилось позднее, владел пятью шикарными виллами со скаковыми лошадьми в конюшнях и наложницами в гаремах. Рассказывали, что Адылов любил проводить время на одной из своих вилл, сидя около фонтана и смакуя коньяк «Наполеон». При этом он отдавал распоряжения, объявлял наказания провинившимся и, если был не в духе, приказывал выпороть у него на глазах кого-нибудь из упрямец⁴³. Все комиссии, приезжавшие в Узбекистан из Москвы для расследования злоупотреблений, либо оказывались сбитыми с толку местным языком и традициями, либо попадали под очарование узбекского гостеприимства. Кроме того, Рашидов находился под особым покровительством Галины Брежневой, дочери Генсека, и министра внутренних дел Н.А. Щелокова, который был начальником ее мужа Юрия Чурбанова, и оба пользовались гостеприимством Рашидова, чтобы покупать драгоценности, иномарки и произведения искусства⁴⁴. Все преимущества и выгоды, которые давали эти махинации, ничего не приносили узбекскому народу и тем более русскоязычному населению республики, которое все более ощущало себя лишенным доступа к власти и достойной жизни.

Подобным образом и в Азербайджане Первый секретарь ЦК местной компартии В.У. Ахундов фактически руководил процветающей теневой экономикой республики, которая делала для обладателей толстых кошельков возможным приобретение современных автомобилей, платного секса, получение престижного высшего образования и даже, как говорили, назначение на важные посты. (Из других регионов СССР не получено сведений о примерах покупки должностей, поэтому к таким слухам следует относиться с известной долей осто-

рожности.) Стремясь обезопасить свое положение, Ахундов «подмазывал» московское начальство, преподнося дорогие подарки и организуя роскошный отдых в своей республике.

В конце концов такая шикарная жизнь на широкую ногу стала привлекать к себе внимание, более того, на ее фоне заметнее стал тот факт, что официальная экономика Азербайджана была одной из самых неэффективных в стране. В июле 1969 г. под председательством Ивана Капитонова, отвечавшего за кадровую политику в Секретариате ЦК КПСС, состоялось совещание республиканской компартии, по решению которого Ахундов был снят со своей должности, и на пост Первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана был назначен Гейдар Алиев. Алиев подверг резкой критике «интриги, клевету, злословие и взяточничество», а также практику назначений на должности по принципам «личной привязанности, дружеских отношений, семейных или соседских связей». Однако такая позиция не помешала ему содействовать продвижению на ключевые посты своих коллег и подчиненных, работавших с ним ранее, в его бытность председателем КГБ республики, или знакомых по прежней работе в Нахичеванской автономной области⁴⁵.

В большинстве национальных республик сосредоточение власти и всех ресурсов в руках титулованной национальной элиты, сформировавшейся в прочную систему взаимосвязей, ущемляло права иммигрантов, включая и русских. Русские, приехавшие туда в первые послевоенные десятилетия и работавшие в различных областях науки, промышленности или в управленческих структурах, стали замечать, что они и их дети становятся жертвами национальной дискриминации, а лучшие рабочие места, жилье и возможности получения хорошего образования переходят к местному населению. Как показала перепись населения, к 1979 г. процессы межнациональной интеграции, выразившиеся в объемах миграционных потоков и количестве смешанных браков, начали ослабевать. Наметилась даже обратная тенденция. Русские стали уезжать из национальных республик, особенно из Средней Азии, и возвращаться в РСФСР.

На европейской территории Советского Союза перетряска традиционных социальных структур в XX в. была гораздо осно-

вательнее. Здесь сложилось новое, более широкое и в полном смысле национальное самосознание. Это было особенно свойственно послевоенному периоду. Такая национальная общность была вызвана к жизни отчасти политическими провалами и репрессивным характером режима, но также и демографическими изменениями, которые происходили на протяжении жизни предыдущего поколения. Массовая урбанизация общества, охватывающая период с 1930 по 1960 г., последовала за ликвидацией неграмотности, особенно среди молодежи. Сельское население, прибывавшее в города, стало грамотным и хотя и продолжало говорить на своем родном диалекте, было уже знакомо со своей письменностью.

Последствия этого процесса заметнее всего проявились на Украине, где до 1930 г. основную часть городского населения составляли русские, евреи и поляки. Теперь города были в значительной мере украинизированы. К началу 1950-х гг. довольно много украинской молодежи, особенно проживавшей в западных районах Украины, умело говорить и писать на своем родном языке. Кроме того, начала создаваться и развиваться современная украинская литература, основанная на традициях, заложенных еще Тарасом Шевченко. Обыкновенно это происходило в трудных условиях, когда всячески поддерживалась и поощрялась великорусская культура, в которую обычно интегрировались все новые переселенцы. Это относилось в основном к восточным и южным областям. Многие украинцы, жившие на востоке и юге республики, считали свою национальную государственность частью многонационального советского народа. В западных же областях, сохранивших польские и габсбургские традиции и опиравшихся на все еще сильную, хотя официально и непризнанную униатскую церковь, принадлежность к украинской нации заведомо предполагала отрицательное отношение к русским. Таким образом, урбанизация способствовала усилению национального чувства украинцев, но в то же время разделила их на два потенциально противоборствующих лагеря⁴⁶.

Петро Шелест, находившийся на посту Первого секретаря ЦК Компартии Украины с 1963 по 1972 г., предпринимал попытки повысить статус Украины среди других советских рес-

публик и одновременно с этим обеспечить внутреннюю сплоченность. В этих же целях он боролся за увеличение объемов капиталовложений, направляемых из союзного бюджета в промышленность республики, и предоставление украинцам более высокой квоты в рядах КПСС. Ради этого он поддерживал политику, направленную на более широкое использование украинского языка в средних школах и вузах республики. Однако, как и в дореволюционные времена, советское руководство весьма болезненно реагировало на любое проявление украинского сепаратизма. Шелест лишился поста, так и не успев достигнуть ощутимых результатов своей политики. За его увольнением последовала целая волна арестов среди молодых поэтов, которые много сделали для повышения значения современного украинского языка, придав ему статус литературного. Среди арестованных был литературный критик Иван Дзюба, который в «самиздатовских» изданиях пропагандировал украинский национализм, имевший выраженную антирусскую направленность. Его главный аргумент состоял в том, что советский «интернационализм» на деле означает не что иное, как принудительную русификацию. Он утверждал, что Украина эксплуатируется экономически, а ее культурные, языковые традиции и исторические корни специально предаются забвению в интересах Советского Союза, где господствующую роль играет Россия⁴⁷.

Последствия урбанизации в Белоруссии оказались менее впечатляющими, хотя и вполне ощутимыми. Культурные и лингвистические отличия Белоруссии были не такими выраженными, как в случае с Украиной. В истории республики отсутствовало такое свободолюбивое движение, как запорожские казаки, которые на Украине являлись объектом мифотворчества. Основной гордостью белорусов являлось широчайшее партизанское движение, развернувшееся на территории республики против фашистских оккупантов во время Второй мировой войны. Тем не менее в то время, когда у власти в республике находилась группа бывших партизан во главе с К.Т. Мазуровым, Белоруссия добилась некоторых успехов в достижении определенной самостоятельности при решении внутренних вопросов⁴⁸.

Процесс урбанизации имел сходные национальные последствия в Грузии и Армении, где сельские жители, мигрировав-

шие в города, независимо от своего происхождения охотно ассимилировали традиции грузинской и армянской культуры. В 1965 г. в Ереване состоялась демонстрация в память пятидесятилетней годовщины резни армян, устроенной турками. Демонстранты также требовали возврата Армении территорий, ранее уступленных Турции. В 1978 г. в Тбилиси прошли протесты против планируемого властями решения о придании русскому языку статуса государственного наравне с грузинским. В это время грузинский ученый Звиад Гамсахурдиа издавал два «самиздатовских» журнала, в которых описывались ставшие известными правозащитникам случаи нарушения прав человека, а также публиковались запрещенные цензурой произведения, написанные на грузинском языке⁴⁹.

В Прибалтийских республиках урбанизация имела совершенно противоположные последствия по сравнению с другими регионами. Это объяснялось тем фактом, что она привлекла сюда, особенно в Эстонию и Латвию, большое количество русскоязычного населения (в том числе белорусов и украинцев) — от чернорабочих до управленческого персонала. В северо-восточных городах Эстонии и в латвийской столице Риге значительное большинство населения составляли русские. Местное население видело, что развитие национальной культуры контролируется сверху. Кроме того, под влиянием большого числа переселенцев мог начаться процесс разрушения национальной культуры снизу. Руководители республиканских компартий должны были обладать большой сноровкой, чтобы умело маневрировать между политикой Москвы, с одной стороны, и недовольством местного населения этой политикой — с другой. В Эстонии, языка которой в Москве не понимал практически никто, осторожно сформировалась нонконформистская культура, существовавшая в участвующих салонах и концертных залах.

Воздействие урбанизации в Литве было слабее. Литовцы выработали у себя своеобразную романтическую национальную традицию, унаследованную от многовековых «отношений любви и ненависти» с поляками. Она проявлялась главным образом через Католическую церковь, издававшую свою подпольную газету «Хроника», к которой церковная иерархия относилась с терпением, хотя и не оказывала ей никакой поддержки. Газета стала

хорошим источником информации о нарушениях прав человека в республике. В 1972 г. студент Роман Каланта совершил на площади в городе Каунасе акт самосожжения, стоя под плакатом с надписью «Свободу Литве!». Его гибель вызвала беспорядки в городе. Толпы людей вышли на улицы, срывая со стен домов таблички с русскими названиями улиц и площадей и поджигая здания, где располагались партийная администрация и органы внутренних дел.

В Молдавию русские своим приходом принесли промышленность, которой здесь раньше почти не существовало. Она была в основном сосредоточена в городских поселениях, расположенных в Приднестровье. К 1970 г. доля молдаван среди горожан составляла 35 процентов, хотя в общем населении республики они представляли абсолютное большинство. В то же время русские и украинцы составляли 47 процентов городского населения и, кроме того, занимали ведущее положение в партийных и государственных органах республики, где их представительство было непропорционально высоким по сравнению с их долей в общем демографическом составе населения Молдавии. Молдаван постепенно оттесняли на нижние административные ступеньки, в основном в сельском хозяйстве. Они начинали понимать, что теряют контроль над своей национальной жизнью. Это особенно ярко проявлялось в условиях, когда государство постоянно подчеркивало их отличие от румын⁵⁰.

Живущие по берегам Волги татары были обижены еще больше. Хотя их число превышало 6 млн человек, у них не было статуса союзной республики, они пользовались лишь правами автономии внутри РСФСР. Бурное развитие промышленности в бассейне Волги и Камы привлекло сюда огромное количество русских переселенцев, которые смогли занять главенствующие позиции в системе образования. В результате к 1970 г. число русских, обучавшихся в институтах и университетах Татарстана, вдвое превышало число студентов татарского происхождения. В этих обстоятельствах, достаточно знакомых по примеру прошлых лет, татары стали направлять своих детей на учебу и работу в другие регионы Советского Союза, а у себя в республике спокойно занимались изучением своей национальной культуры,

религии, истории и фольклора начиная со времен болгарского ханства. Без излишних эмоций, но в то же время неуклонно они исповедовали ислам, как это делали их собратья по вере в Средней Азии, с той лишь разницей, что в Поволжье более широкое распространение получил суфизм. В повседневной советской жизни татары сумели найти место своим «мусульманским братствам» и кружкам по изучению ислама. Вместе с тем идеи пантюркизма пребывали под жесточайшим запретом и находили отражение только в изредка появлявшихся здесь «самиздатовских» работах⁵¹.

Евреи находились в особом положении. После смерти Сталина открытые преследования евреев прекратились, но отношение к ним было исключительно отрицательным, что сказывалось на их социальном статусе. Продолжалась их полуофициальная дискриминация. Хотя многие проживающие в городах евреи полностью ассимилировали русскую культуру и язык, пресловутая «пятая графа» в паспортах часто не давала им возможности получить хорошую работу, жилье или достойное высшее образование. Все это не могло не пробудить в них национальное чувство. От советской общественности скрывалась правда о масштабах Холокоста. Когда два самых известных журналиста времен войны Илья Эренбург и Василий Гроссман написали совместную работу «Черная книга», в которой перечислялись преступления нацистов против евреев на советской территории, ее публикация была запрещена⁵². Иврит был запрещен, преподавание идиша в школах не практиковалось.

Зато в отличие от других национальностей, населявших Советский Союз, у евреев была «потенциальная» родина — Государство Израиль. Некоторые из них, решив, что не могут вести нормальную национальную жизнь в условиях Советского Союза, начали кампанию за предоставление им права выезда из страны. Еврейский «самиздатовский» журнал носил многозначительное название «Исход». В феврале 1971 г. евреи устроили сидячую демонстрацию протеста в здании Верховного Совета в Москве. Она была разогнана силами милиции. Но, несмотря на это, результат ее был удивителен: некоторые участники акции получили выездные визы. Это решение было принято на самом верху и было призвано показать, какое большое значение там придавалось отноше-

ям с США. Предоставление виз части заявителей и отказ в выдаче виз другим, по мнению властей, должны были внести раскол и противоречия в еврейское движение, так как таким образом многие еврейские семьи и объединения оказались разобщены. Именно тогда в лексикон международного правозащитного движения вошло новое слово «отказник» — так называли тех, кому было отказано в праве на выезд.

Пожалуй, самая странная ситуация сложилась именно вокруг русских. Они занимали ведущее положение в ЦК КПСС, в Вооруженных силах и структурах госбезопасности. Их язык всегда принимался и иногда преобладал во всех союзных республиках. Российская история и русская культура изучались во всех средних и высших учебных заведениях. В то же время многие русские чувствовали, что власти намеренно заглушают их национальное самосознание. Лидером национального русского движения был Александр Солженицын. В «Письме к советскому руководству», написанном в 1974 г. (оно было опубликовано на Западе и, естественно, запрещено в СССР), он досконально перечислял все людские потери, понесенные русским народом в результате террора, бездумно проводившейся урбанизации, индустриализации, коллективизации, участия в международном терроризме и «мировом революционном процессе». Он приводил также огромные цифры потерь человеческих жизней от такого порока, как пьянство. Он выдвигал обвинение в том, что русская культура и православная религия уничтожались цензурой и подвергались гонениям во имя безликой интернациональной идеологии. Он предлагал отказаться от международных обязательств России (по отношению к мировому революционному движению) и от внутренней политики, связанной с перенапряжением всех сил и средств ради развития тяжелой промышленности, и углубиться в себя, используя возможности для усиления развития сельского хозяйства, ремесел, мелкомасштабного производства, а также для более серьезной разработки природных богатств Сибири.

Хотя к началу 1970-х гг. работы Солженицына уже давно были запрещены, а сам он в 1974 г. выслан на Запад, в России значительная часть интеллигенции и людей с высшим образованием разделяли его взгляды. Они прекрасно понимали, что имперские интересы России преобладают над эт-

ническими и гражданскими интересами русского народа. Как мы уже видели, один или два литературных журнала стали носителями русской национальной идеи, которая воплощалась в «деревенской прозе», то есть произведениях, рассказывавших о деревенской жизни и напоминавших о солидарности крестьянских общин в эпоху до урбанизации. К этим произведениям относились терпимо, возможно, они даже приветствовались идеологическим руководством. Их авторы были первыми, кто рассказал правду о царившей в деревне нищете и даже часть правды о том, что там происходило во время коллективизации. Ранее эти факты всегда были скрыты за завесой официальной риторики⁵³. У них было много читателей, и это служило показателем того, что многие хотят знать, как стать русским, не зависимым от империи.

Во времена Брежнева в официальной политике государства по отношению к религии не произошло каких-либо фундаментальных изменений. Скорее, ее методы стали применяться не так рьяно, как раньше. Отчасти это было связано с появлением полустихийного религиозного диссидентского движения, которое через сеть своих активистов наладило связи с зарубежными средствами массовой информации. Активнее всех были баптисты, отколовшиеся от своей официальной церкви и отказывавшиеся соблюдать ограничения, налагавшиеся на вербовку новообращенных. Они основывали свои воскресные школы, летние лагеря. У них имелись даже свои печатные издания и группы для оказания помощи преследуемым или находившимся в заключении собратям. Многие молодые люди не скрывая носили нательные крестики или коллекционировали иконы, что представляло собой один из методов самоутверждения, шедших вразрез с общепринятыми нормами. Но это также могло быть и выражением поиска молодежью духовных ценностей, которых они не видели вокруг себя в повседневной жизни.

Самым важным, однако, было то, что религия стала проявлением возрождающегося русского патриотизма, который в других областях пользовался осторожной поддержкой Брежнева. Писателям, особенно принадлежавшим к школе «деревенской прозы», разрешалось писать о церквях и иконах как символах преемственности русской национальной традиции;

им даже позволялось в сдержанной манере положительно отзываться о православных верующих, которые могли считаться «столпами» устойчивости общественной морали⁵⁴.

К началу 1970-х гг. этнические конфликты стали затрагивать сферу, которая до этого казалась олицетворением многонациональной солидарности советского общества. Этой сферой являлась армия. В ней процветала так называемая дедовщина, когда новобранцы, особенно из Прибалтийских республик, с Кавказа или из Средней Азии, подвергались преднамеренной травле старшими по сроку службы солдатами. Эти злоупотребления часто приводили к серьезным увечьям или даже гибели молодых солдат, что, в свою очередь, порождало месть и межнациональные столкновения. Вооруженные силы переставали быть «школой интернационализма», как их называл Брежнев⁵⁵.

В национальном вопросе трудно выявить какую-либо общую для всех схему развития. Каждый регион Советского Союза имел свои особенности. Но целенаправленная политика «национального строительства», которую начали проводить еще в двадцатые годы и от которой никогда полностью не отказывались, дала свои долгосрочные результаты. Этому способствовала и принудительная урбанизация. В той или иной форме в разных регионах страны происходил рост национального самосознания, который был особенно заметен в Прибалтике и меньше всего отмечался в республиках Средней Азии. Причем этот процесс шел сильнее именно там, где власти применяли более жесткие меры по его подавлению. Традиционная национальная культура выходила за пределы местных элит и становилась теперь достоянием широких масс. Несмотря на огромное давление, в стране происходил процесс формирования наций. В результате, когда кризис потряс Советский Союз, то последний нашел выражение прежде всего в межнациональных конфликтах.

Наиболее важными регионами были Украина и Прибалтика. Украина — потому, что она была и оставалась опорой для главенствующего положения России внутри Союза, а Прибалтика — в силу того, что только там люди еще помнили сами или знали от своих родственников или друзей, как жилось в гражданском обществе, существовавшем в условиях независимого государства.

15. От перестройки к Российской Федерации

Приход Горбачева к власти

К началу 1980-х гг. давно назревавший внутри советского общества кризис стал подрывать экономику страны, отношение к ней в мире и ее статус мировой сверхдержавы. Путь, ведущий к стране Утопии, был давно утерян, а претензии на паритет с Соединенными Штатами начинали выглядеть, мягко говоря, необоснованными. Затянувшееся решение польского кризиса и афганской проблемы вызывало деморализацию и замешательство в обществе. Советская модель социализма навсегда потеряла привлекательность для большинства стран «третьего мира». Это становилось ясно советским лидерам в ходе их зарубежных турне. Влияние Советского Союза в мире полностью зависело от его военной мощи, но и она стала ослабевать в условиях экономического застоя.

После смерти в ноябре 1982 г. Леонида Брежнева на пост Генсека был избран его преемник Юрий Андропов, который с 1967 г. вплоть до своего перехода в секретариат ЦК в мае 1982 г. возглавлял КГБ. Эту политическую фигуру отличали интеллигентность, строгость и неподкупность. Придя к власти, он развернул кампанию по борьбе с коррупцией и укреплению трудовой дисциплины. Но, смертельно заболев, он не смог оказать сколько-нибудь большого влияния на обе эти проблемы.

Его приверженец и предполагаемый преемник Михаил Горбачев, бывший Первый секретарь Ставропольского крайкома партии, был включен в состав Политбюро на пост секретаря по сельскому хозяйству в 1978 г. Это был относительно молодой и энергичный человек, и его приход в большую политику предвещал серьезные и долговременные перемены. После смерти Андропова в феврале 1984 г. Политбюро вначале избрало на пост Генерального секретаря престарелого закадычного друга Брежнева Константина Черненко. Будучи тяжело больным человеком, тот продержался у власти в течение тринадцати месяцев. И наконец в марте 1985 г. Политбюро сделало решительный шаг: Генеральным секретарем ЦК партии был избран Михаил Горбачев.

Такое решение свидетельствовало о том, что к этому времени большинство членов Политбюро понимали: страна находится на пороге серьезного кризиса, и для его преодоления требуется молодой, решительный и смелый политик. Горбачев выделялся среди остальных членов Политбюро и Секретариата ЦК не только сравнительно молодым возрастом, но и университетским образованием: он имел диплом юридического факультета МГУ (большинство остальных высших партийных руководителей имели либо техническое образование, либо дипломы об окончании Высшей партийной школы). В университете он изучал различные гуманитарные дисциплины, включая историю политической мысли, дипломатию, международное право и, следовательно, был знаком с традициями «буржуазной демократии» Запада, которые воспринимались первыми европейскими марксистами как нечто само собой разумеющееся¹. В бытность свою Первым секретарем крайкома партии на Ставрополье он продемонстрировал особый подход к путям и формам развития сельскохозяйственного производства. Так, например, он возродил «звеньевую» систему, применявшуюся во время войны. Это предполагало создание небольших бригад из 15—30 человек, за которыми закреплялись определенные поля и которым выдавали необходимое оборудование и семенной материал. Оплата таких бригад производилась по аккордному методу, то есть по результатам труда.

«Новое мышление» во внешней политике

С самого начала пребывания в Политбюро Горбачев активно использовал свое высокое положение в партийной иерархии для получения достоверной информации о проблемах, с которыми сталкивалась страна, и для обсуждения путей их преодоления. Он получил возможность консультироваться с экспертами из различных отделов ЦК и учеными из академических институтов, в задачи которых входило изучение международной политики, а также социальных, политических и экономических систем других стран, стремясь выработать основы для более эффективной дипломатии. По натуре Горбачев был отзывчивым, общительным человеком с открытым характером. Он пока еще не приобрел политического опыта и с увлечением вступал в серьезные политические дискуссии, при этом, правда, иногда забывая о своих собеседниках и любясь звучанием собственного голоса. Общение с учеными из научно-исследовательских и академических институтов, хорошо информированными интеллигентными людьми со светскими манерами и космополитичными взглядами, было ему интереснее, чем дебаты со своими коллегами на заседаниях Политбюро. Ему нравились ученые, которые в своих работах «докопались» до западных корней марксизма и пошли в рассуждениях еще дальше — к буржуазному либерализму и социальной демократии. Порой его советники жаловались на интеллектуальную убогость и склеротическое самодовольство официальной советской догматики. Как сказал один из советников: «...при Сталине марксизм был сначала обращен в догму, а затем в религию. У верующих поспешили изъять сначала Ветхий, а затем и Новый завет... оставили им один лишь "псалтырь" в виде "Краткого курса истории ВКП(б)"»².

Первый институт по изучению политических проблем был основан еще в 1957 г., в самом начале эпохи мирного сосуществования. Наиболее влиятельными из них были Институт США и Канады, возглавлявшийся Георгием Арбатовым, и Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), который в 1983 г. перешел под руководство Александра Яковлева. До 1972 г. Яковлев занимал должность на-

чальника Отдела пропаганды ЦК, с которой был уволен за критику проявлений русского национализма.

Сотрудники этих институтов публиковали статьи в прессе и в научных изданиях, а также занимались подготовкой специальных меморандумов, предназначенных для высшего руководства и содержавших гораздо более откровенную информацию. Иногда они составляли рекомендации по проведению реформ на основе зарубежного опыта. В 1960—1970-х гг. в их работах выражалось положительное отношение к кейнсианской экономической модели, к идее создания государства «всеобщего благоденствия» и к Европейскому экономическому сообществу. Они приводили аргументы в пользу того, что капитализм оказался способен адаптироваться к условиям постоянно изменяющегося мира. По их мнению, правительства капиталистических стран совсем не обязательно были просто орудиями в руках жадных хозяев-капиталистов и сами видели преимущества сотрудничества с социалистическими странами в вопросах разоружения, торговли и охраны окружающей среды. Главный идеолог партии Михаил Суслов был обеспокоен таким подходом и ворчал по поводу «оппозиционных платформ». В 1981 г. он даже предложил закрыть ИМЭМО. Однако к этому времени институт уже пользовался достаточной поддержкой среди членов Политбюро, и это предложение было отвергнуто³.

Главный фактор, который сдерживал желание многих партийных лидеров положить конец практике раздражающих посланий и рекомендаций, состоял в необходимости иметь долгосрочное теоретическое оружие в идеологическом конфликте с Китаем. Это делало перспективы «западничества» более приемлемыми для руководства. Кроме того, это было необходимо для поддержания хороших отношений с европейскими компартиями, особенно стран Варшавского Договора. Вдобавок к этому по ряду практических соображений Советский Союз в течение длительного времени поддерживал различные движения в защиту мира, существовавшие в странах Запада. Но некоторые руководители внешнеполитических ведомств делали это искренне, а не из стремления манипулировать этими движениями. Поэтому они выступали за то, чтобы

советское руководство само выполняло те требования, которые антивоенные организации на Западе предъявляли своим правительствам⁴. Журнал «Проблемы мира и социализма», издававшийся в Праге под редакцией А.М. Румянцева, находился под сильным влиянием событий «пражской весны 1968 года» и занимал позицию, близкую к позициям западных социал-демократов. Впоследствии из этого журнала к Горбачеву в качестве советников пришли Анатолий Черняев, Георгий Шахназаров и Вадим Загладин. С другой стороны, Отдел сотрудничества с зарубежными социалистическими партиями ЦК, который в шестидесятые годы возглавлял Андропов, был прекрасно осведомлен о практическом опыте, наработанном в странах с альтернативными моделями социализма. Горбачев пользовался рекомендациями и консультациями таких сотрудников этого отдела, как Федор Бурлацкий, Александр Бовин и Олег Богомолов⁵.

К середине 1980-х гг., еще до прихода к власти Горбачева, советское руководство пришло к выводу, что поддержка революционных движений в странах «третьего мира» для СССР — слишком дорогое удовольствие и на деле не способствует укреплению безопасности страны. Советский Союз уже в течение нескольких десятилетий проводил своего рода альтернативную политику, поскольку наряду с попытками спровоцировать и поддержать революционные перевороты в развивающихся странах никогда не отказывался от политики мирного сосуществования с Западом. Действительно, в течение 1970—1980-х гг. параллельно с практически неограниченным наращиванием своего военного арсенала Советский Союз участвовал в переговорах и заключал с основными западными державами соглашения «по безопасности и сотрудничеству» подобно Хельсинкскому соглашению в 1975 г. Потребности дряхлеющей экономической системы увеличивали ее зависимость от импорта западного оборудования, чтобы удержать на современном технологическом уровне хотя бы ключевые отрасли. Больше того, к концу 1970-х гг. до 40 процентов валютных средств расходовалось на закупку за рубежом сельскохозяйственной продукции ради сохранения пресловутого «социального контракта» с городским населением (дешевые продукты питания в обмен на низкую зарплату)⁶.

Советский Союз в то время уже во многом зависел от налаживания дружественных отношений с Западом или по крайней мере от сотрудничества с ним, пусть даже это и происходило на фоне конфронтационной политической риторики. Успехи, достигнутые США в развитии компьютерных и ракетных технологий, вынудили советское руководство в середине 1980-х гг. попытаться устранить это отставание за счет выработки соответствующей стратегии. Эта стратегия была в основном сформулирована уже к осени 1984 г. и стала известна как «новое мышление». Советский Союз достиг состояния, которое Пол Кеннеди окрестил «имперским перенапряжением». По его мнению, государство оказывается в таком положении тогда, когда направляет так много сил и средств на военные цели, что это происходит за счет других отраслей экономики, снижения общей экономической эффективности, что, в свою очередь, отрицательно сказывается и на самом военно-промышленном комплексе. Возникает замкнутый круг, выход из которого возможен только через отказ от несоразмерных реальным возможностям амбиций⁷.

Горбачев и его министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе пришли к выводу, что СССР достиг как раз такого «перенапряжения сил». Кроме того, они поняли, что постоянное наращивание вооружений неэффективно, так как порождает и поддерживает «образ врага», который существовал в отношении Советского Союза во многих странах, заставляя их в ответ увеличивать свои вооружения, что в конечном итоге ослабляло взаимную безопасность.

Они также понимали, что нельзя будет ограничиться одним лишь разоружением. У Горбачева и Шеварднадзе имелось широкое политическое и геополитическое видение современного мира, «единого европейского дома», который, по их замыслу, представлял бы собой объединенную Европу, включающую страны с различными моделями социалистических и демократических режимов. Это чем-то напоминало идеализированный вариант 1944—1947 гг., когда Советский Союз находился на вершине своей военной, дипломатической и моральной мощи, когда народы многих европейских стран приветствовали коммунистов как своих освободителей от фашистского ига. Именно в то

время в ряде восточноевропейских стран к власти пришли коалиционные партии, созданные по типу Народного фронта. Идеи Горбачева получили поддержку компартий нескольких западноевропейских стран, особенно Компартии Италии, и он был готов к серьезным уступкам ради реализации своих планов. «Пришло время признать, что, даже следуя логике «холодной войны», преимущество в обычных вооружениях, которое Советский Союз имеет в Европе, потеряло после достижения ядерного паритета с США какой бы то ни было политический смысл. Напротив, такое положение способствует поддержанию «образа врага» по отношению к СССР и создает все новые угрозы для нашей собственной безопасности»⁸.

Увлеченность и даже иногда некоторая безрассудность Горбачева в реализации своей идеи полностью соответствовала традиции русских царей-миротворцев и министров иностранных дел, сознававших нищету своей страны и, следовательно, ее незащищенность, которые стремились к созданию неких общеевропейских структур безопасности. В некотором смысле он напоминает русского императора Александра I, проповедовавшего «вселенское евангелие мира и братской любви», которое он пытался реализовать в Священном союзе. Разница состояла лишь в том, что Горбачев действовал, исходя из ощущения близкого поражения, а не победы.

Первый его шаг состоял в том, чтобы увлечь Рейгана идеей всеобщего ядерного разоружения, которую он изложил в Рейкьявике в 1986 г. Не достигнув там желаемого результата, он пошел по другому пути: в 1987 г. на вашингтонском саммите было подписано советско-американское соглашение о постепенном сокращении ракет среднего радиуса действия. Затем в своей речи на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1988 г. Горбачев публично и безоговорочно отрекся от принципа «классовой борьбы» и от понятия преимущества социализма над капитализмом, то есть от основополагающих принципов советской внешнеполитической доктрины. «Жизненно важным сейчас является соблюдение безусловного приоритета общечеловеческих ценностей, создание мира без войн и насилия, признание права на существование разнообразных форм общественного развития, открытый диалог и сотрудничество во имя развития и сохранения

цивилизации и продвижение в направлении создания нового мирового порядка»⁹.

К этому времени в Западной Европе и даже в США сложился настоящий «культ личности» Горбачева. Какие бы страны и города он ни посещал, будь то Милан, Лондон, Бонн или Нью-Йорк, колонне автомашин, в которой следовал Горбачев, приходилось буквально протискиваться сквозь ликующие толпы народа, приветствовавшие его, а он, глубоко тронутый, выходил из своего лимузина, чтобы пожать руки радостно встречавшим его людям. Его заявления не были пустыми словами. В них отражались реальные политические шаги: вывод советских войск в 1988—1989 гг. из Афганистана, решение об уничтожении ракет средней дальности и о сокращении обычных вооружений, прекращение поддержки террористических и коммунистических движений во всем мире, уменьшение численности советских войск на советско-китайской границе и, наконец, согласие на роспуск СЭВ и организации Варшавского Договора, что положило конец советскому господству в Центральной и Восточной Европе.

Падение коммунизма в странах Центральной Европы

Отказ от господства в странах Центральной Европы был, вероятно, самым болезненным шагом новой политики: он означал потерю Советским Союзом доминионов, которые были им завоеваны в ходе самой разрушительной в истории человечества войны. Горбачев и его советники пришли к заключению, что принуждение народов из стран Центральной и Восточной Европы жить в условиях политических режимов, которые они ненавидели, или, выражаясь словами одной из присказок Сталина, «заставлять корову ходить под седлом», не только не укрепляло безопасность Советского Союза, но, наоборот, наносило ей ущерб.

Со своей стороны, многие лидеры компартий стран — членов Варшавского Договора с недоверием относились к Гор-

бачеву и к его планам «перестройки», опасаясь, что любое ослабление однопартийной системы повлечет за собой отстранение их от власти. Когда Горбачев находился с визитом в Берлине, принимавший его восточногерманский лидер Эрих Хонеккер с ужасом наблюдал за тем, как его гостя встречали толпы молодежи, держа в руках плакаты с надписями «Перестройка! Горбачев! Помогите нам!»¹⁰.

Исключение из общего правила представляла позиция руководства Венгрии. Угроза румынского лидера Николае Чаушеску стереть с лица земли несколько тысяч венгерских поселений в Трансильвании заставила венгерское руководство взять еще более решительный — по сравнению даже с горбачевским — курс на проведение реформ в стране. В январе 1989 г. они отменили однопартийную систему, а в мае того же года было совершено торжественное перезахоронение останков Имре Надя уже как национального героя. Коммунисты стремились возродить союз с социал-демократами, который существовал в 1944—1947 гг., что, собственно, и предлагал Надь в 1956 г. Советские дипломаты, хотя и без особого энтузиазма, заявили, что Советский Союз не пойдет на практическое применение известной «брежневской доктрины». Пресс-секретарь Министерства иностранных дел СССР Геннадий Герасимов пошутил по этому поводу, сказав, что ей на смену пришла «доктрина из песни Фрэнка Синатры»: «Делай по-своему!» В Польше была вновь легализована «Солидарность», которая легко победила на свободных выборах, в результате чего впервые за последние сорок лет в Центральной Европе к власти пришел премьер-министр, Тадеуш Мазовецкий, который не был коммунистом.

Примерно в это же время Венгрия открыла свои границы с Австрией. Этот шаг имел решающее значение не только для Венгрии, но и для ГДР: к октябрю того же года более 30 тысяч восточных немцев воспользовались этим «окном», чтобы эмигрировать в Западную Германию. В ходе горячих дебатов относительно того, как остановить этот процесс, Хонеккер был свергнут, и пришедшие к власти коммунисты — сторонники реформ заговорили о возможности ограниченного перехода через Берлинскую стену. Сама постановка этого вопроса полностью преобразила ситуацию в стране. 9 ноября в Бер-

лине собрались огромные толпы и устроили грандиозную демонстрацию вдоль восточной стороны Берлинской стены. Некоторые из демонстрантов пытались перелезть через нее, и никто из пограничников не стал применять оружие, чтобы помешать им сделать это.

К этому времени руководство ГДР уже знало, что Советский Союз не поддержит насильственных методов подавления народных выступлений. Принятое тогда решение воздержаться от применения силы означало конец восточногерманского государства, Варшавского Договора и вообще существования коммунизма в Центральной и Восточной Европе. Кроме того, это ставило под вопрос и существование самого Советского Союза. Эти страны уже никогда не смогли бы вернуться к прежнему состоянию после того, как было продемонстрировано, что безоружные мирные люди способны прорвать передовую линию мировой коммунистической системы.

Однако в начале процесса все его далеко идущие последствия еще не были очевидными. Горбачев, несомненно, полагал, что крушение Берлинской стены приведет к серьезным реформам в ГДР и сближению двух Германий, что, в свою очередь, вызовет улучшение отношений между НАТО и Варшавским Договором. Результатом этого должно было быть формирование стабильных и мирных международных отношений на всей территории Европы¹¹.

Это было мнение дипломата, искреннее и по-человечески понятное. Горбачев не учел только того, какую роль простые люди играют в условиях истинной демократии. (Это был такой же частичный просчет Горбачева, как и организация всенародных выборов Президента СССР — козырь, который в борьбе с ним использовал Ельцин.) В основном его смущали настроения немецкого народа, которые доходили до него в отфильтрованном виде через энергичную дипломатию канцлера ФРГ Гельмута Коля. Приверженность последнего идее воссоединения Германии на условиях, выдвигавшихся Западом, вначале расстроила и встревожила Горбачева¹². Но он был вынужден уступить, видя, что подавляющее большинство немецкого народа безоговорочно поддерживает позицию Коля: люди толпами покидали ГДР, и ее экономика разваливалась на глазах. В марте 1990 г. Христианско-демократический союз,

возглавлявшийся Колем, получил 40 процентов голосов на выборах в ГДР и смог сформировать там правительство. После этого присоединение Восточной Германии к ФРГ стало только вопросом времени.

Горбачев попытался отыграть хоть что-то из понесенных в результате такого развития событий потерь. В обмен на согласие СССР на вхождение объединенной Германии в состав НАТО он настоял на подписании с ней пакта о взаимном ненападении, а также соглашения о сокращении германских вооружений; добился финансирования Федеральной Республикой вывода войск Варшавского Договора с территории бывшей ГДР и отказа Германии от разработки и обладания химическим и ядерным оружием. Он также поставил условием укрепление роли Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (являвшейся гарантом выполнения Хельсинкского соглашения) и предоставление ему необходимых полномочий, сил и средств для предупреждения и прекращения конфликтов на территории Европы. Результатом стало подписание в ноябре 1990 г. Парижской хартии о Новой Европе, в которой было записано, что отныне два военных европейских блока становятся партнерами. Кроме того, Хартия предусматривала создание Совета по безопасности и сотрудничеству в Европе, постоянного секретариата, консультативного комитета и центра по предотвращению военных конфликтов¹³.

Экономическая и политическая реформы

Во внутренней политике у советников Горбачева не было какой-либо последовательной и готовой к осуществлению программы. Его ранние идеи были унаследованы от КГБ и лично от Андропова. Он знал, что хозяйство страны и ее государственный аппарат разведены коррупцией и переплетены с теневой криминальной экономикой. Он также понимал, что пришло время положить этому конец. Именно такую политику пытался проводить Андропов во время своего недолгого пребывания у власти с 1982 по 1984 г.

Такую же политику проводил и Горбачев в первые два года своего правления. Он начал с увольнений, а в некоторых случаях — с уголовных расследований махинаций ряда государственных чиновников, злоупотреблявших служебным положением для собственного обогащения. Он создал государственный инспекционный орган (Госприемку), который занимался контролем качества продукции, выпускаемой госпредприятиями, имел право отбраковывать продукцию, не отвечающую государственным стандартам, и штрафовать рабочих и директоров заводов, ответственных за брак. Он призывал к ускорению всего производственного процесса, укреплению трудовой дисциплины и приводил в пример подвиги легендарного донбасского шахтера Алексея Стаханова. При Горбачеве были резко сокращены производство и продажа алкогольных напитков. Существовала даже инструкция, запрещающая подачу алкогольных напитков на официальных приемах, что бросало вызов русскому пониманию гостеприимства и празднования торжественных событий. Два политика, которым Горбачев помог занять высшие посты в партийном аппарате, Егор Лигачев и Борис Ельцин, являли собой образы этаких «авторитарных пуритан». Они поддерживали меры по ограничению привилегий, искоренению коррупции и халатности. Впоследствии они стали злейшими врагами в силу того, что предлагаемые каждым из них методы достижения этих целей были прямо противоположными.

Возможно, будет правильно интерпретировать в таком же духе и провозглашенную Горбачевым политику гласности, или открытости, которая уже фигурировала в самых ранних его выступлениях. Вначале она предполагала вскрытие и обнародование фактов коррупции и некомпетентности руководителей, что, по его замыслу, должно было способствовать эффективному функционированию социалистической экономики. Сталин, кстати, проводил подобную политику в рамках своих «чисток», когда рядовых рабочих призывали критиковать начальство, с тем чтобы уничтожить «засевших на заводах вредителей», которые препятствовали выполнению подаваемых сверху команд.

Размах злоупотреблений и различных нарушений, вскрытых в ходе проведения политики гласности, удивил и даже напугал Горбачева. Партийные лидеры зачастую просто не

знали о них, поскольку были защищены от тех трудностей, с которыми рядовые советские граждане были вынуждены сталкиваться ежедневно. Эти руководители разбирались лишь в вопросах, относящихся к сфере их непосредственной компетенции. На встречах с трудовыми коллективами в Куйбышеве (Самаре) и Тольятти — двух типичных промышленных городах — Горбачев обнаружил, что рабочие с энтузиазмом приветствуют предлагаемые им реформы, в то время как отношение к ним партийно-хозяйственного актива было сдержанным и прохладным. Позднее он говорил об этом так: «Мое желание выяснить истинное положение дел явно не устраивало местных начальников. Беседы напрямую с людьми настолько выводили некоторых из равновесия, что они пытались бестактно вмешиваться». Даже в своем родном Ставропольском крае, которым он руководил в течение многих лет, он видел, что «вроде бы никто не против перестройки, все за, но... ничего не меняется»¹⁴. В 1986 г. на встрече с писателями он говорил о том, что борется «против хозяйственников, против министерских и партийных чиновников... которые не желают расставаться... со своими привилегиями». Он даже говорил о некоторых преимуществах, которые дало бы существование в стране политической оппозиции¹⁵. Когда он начал привлекать к поддержке своей борьбы писателей и интеллигенцию, гласность настолько расширила границы, что в конечном итоге вышла из-под контроля, поскольку теперь ее защитники имели огромный источник, где они могли практически без ограничений черпать идеи и «информацию к размышлению».

Взрыв на Чернобыльской АЭС; произошедший в апреле 1986 г., возможно, более, чем какое-либо другое событие, взволновал общественное мнение, показав людям, какую угрозу для страны и ее населения могут представлять безответственность и некомпетентность руководителей. По словам Горбачева: «Чернобыль высветил многие болезни нашей системы в целом. В этой драме сошлось все, что накапливалось годами: сокрытие (замалчивание) чрезвычайных происшествий и негативных процессов, безответственность и беспечность, работа спустя рукава, повальное пьянство»¹⁶.

В первые дни после катастрофы реакция властей была традиционной — отрицание и сокрытие фактов. Это происходило потому, что Горбачев, возможно, еще сам не осознавал всю серьезность произошедшего. Через две недели все изменилось, и после этого процесс перестройки пошел по новому и совершенно неожиданному пути¹⁷. Горбачев провел кадровые перестановки, обеспечившие более широкие возможности для свободы слова и идей. Среди важнейших из них были: назначение Виталия Коротича главным редактором популярного журнала «Огонек», Егора Яковлева — главным редактором не менее популярной газеты «Московские новости», а Сергея Залыгина и Григория Бакланова соответственно главными редакторами журналов «Новый мир» и «Знамя». Своего пика политика «персонифицированной гласности» достигла в декабре 1986 г., когда из ссылки в Горьком был возвращен Андрей Сахаров и ему было предоставлено полное право на выражение всех его идей и взглядов. Горбачев приветствовал поддержку Сахаровым «нового мышления» во внешней политике и, в свою очередь, был готов принять некоторую долю критики в свой адрес. После этого многие «узники совести», осужденные за поддержку прав человека, были выпущены из тюрем и лагерей на свободу.

В последующие год-два вышеупомянутые периодические издания, а затем и все остальные стали, сначала осторожно, а потом все более уверенно публиковать литературные произведения, запрещенные при Советской власти, начиная от «Доктора Живаго» Бориса Пастернака до солженицынского «Архипелага ГУЛАГ» и «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. Это были произведения, в которых прародителем всего ужаса коммунистического правления назывался Ленин¹⁸.

Гласность была первым и в определенном смысле самым легким этапом. Начиная экономическую и политическую реформы, Горбачев стоял перед фундаментальной дилеммой. Основной целью его реформ было уничтожение густо переплетенной сети отношений взаимозависимости, знакомств и протекционизма, от которой он хотел избавить существовавшие экономическую и политическую системы. Парадоксальным было то, что его власть зависела от тех же самых отношений, в соответствии

с которыми действовал возглавляемый им Секретариат ЦК КПСС. Процесс реформирования, таким образом, вынуждал Горбачева пилить сук, на котором он сам сидел. Поэтому вряд ли удивительно, что иногда он выступал с не вполне достойных позиций.

Помимо гласности, главным его приоритетом являлось проведение экономической реформы, поскольку разваливавшаяся экономика представляла основную угрозу как делу «строительства социализма», так и поддержанию Советским Союзом статуса сверхдержавы. Экономическая реформа 1986—1988 гг. проводилась по трем главным направлениям. Закон об индивидуальной трудовой деятельности легализовал индивидуальные и семейные предприятия, которые уже давно существовали в рамках теневой экономики и удовлетворяли спрос населения на такие товары, которые из-за своей негибкости не могли вовремя и в необходимом объеме производить госпредприятия. Закон о государственных предприятиях освобождал их от всемогущих министерских директив, делал более демократичными управленческие структуры внутри предприятий, давал им большие права распоряжаться своими средствами, включая право назначать цены на производимую продукцию. Главным в законе было то, что предприятиям предстояло перейти на режим «самофинансирования», или, иными словами, стать прибыльными. Закон о кооперативах разрешал создание акционерных обществ при том, однако, условии, что все акционеры должны были быть работниками такого акционированного предприятия.

Трудность в проведении этих реформ состояла в том, что они должны были осуществляться в довольно жестких рамках экономической системы, которой все еще продолжало управлять государство и которая была замучена постоянным дефицитом. Новые частные фирмы могли и действительно использовали ситуацию постоянного превышения спроса над предложением для увеличения цен на свои товары. Государственные компании настойчиво требовали такие же права, что давало бы им возможность воспользоваться своим господствующим положением на рынке, характеризовавшемся хронической нехваткой товаров. Больше того, все фирмы — и частные, и государствен-

ные — зависели от государственной системы снабжения оборудованием, сырьем и материалами, необходимыми для ведения бизнеса. Очень часто они прибегали к услугам все тех же «толкачей» и неофициальных «доставал», что связывало эти предприятия с прежней неформальной экономикой с ее сомнительными с точки зрения закона, грубыми, но эффективными методами. Бóльшая самостоятельность, предоставленная новым фирмам, делала эти методы еще более энергичными, если не сказать — жестокими.

В результате из государственного сектора в частный было перекачено огромное количество товаров, что еще более усугубило всеобщий товарный дефицит. В жалобе одного из читателей из Саратова, опубликованной в «Правде», говорилось: «...в магазинах все исчезает, зато на базарах товаров больше и больше. Откуда они берутся? Чтобы купить женские сапоги, нужно 250—300 рублей. А дочь моя, которой нужна эта вещь, зарабатывает 115 рублей в месяц»¹⁹. В 1989 г. стали проявляться признаки инфляции — зла, доселе незнакомого советским людям. В то же время некоторые виды товаров стали настолько дефицитными, что продавались крайне ограниченно и только при предъявлении паспорта с пропиской в качестве доказательства проживания покупателей в том же городе или области, где был расположен данный магазин. Рядовые советские граждане вначале с энтузиазмом приветствовали появление новых кооперативных ресторанов, магазинчиков, автосервисов, где они могли открыто получить товары или услуги, которые раньше можно было найти только на «черном рынке». Но вскоре они стали проявлять недовольство высокими ценами, подозревая эти заведения в спекуляции. Среди населения появились тревожные настроения по поводу того, что дальнейшие рыночные реформы могут лишить их многих социальных услуг, таких как жилье, транспорт, образование, медицинское обслуживание, которыми они раньше пользовались либо бесплатно, либо за символическую плату²⁰.

Рабочие, которые должны были бы выигрывать от модернизации экономики и от усиления самостоятельности предприятий, в действительности страдали от реформ. Горбачев возродил «рабочий контроль» образца 1917 г., создав Совет

рабочих коллективов, который избирался рабочими для принятия ключевых решений в отношении производственных планов, использования прибыли и социальных фондов. На практике в таких советах главную роль играло руководство предприятия, поскольку у рабочих не было опыта по целенаправленной организации выборов. Вскоре они оказались в еще худших обстоятельствах, ограничивавших свободу их действий на предприятии. По мере того как перестройка входила в новую фазу своего развития в 1988—1989 гг., эти советы упразднились²¹.

К этому времени рабочие и другие рядовые граждане уже несли серьезные потери, так как перестройка разрушила систему, основанную на принципах покровительства и личного знакомства, которая являлась для них скудным источником минимального набора товаров и услуг. Под давлением экономической реформы рабочие были вынуждены объявлять забастовки — вначале под лозунгами улучшения условий труда и повышения зарплаты, которые им так долго обещали, затем они бастовали уже против постепенного разрушения скромной, но все-таки ощутимой системы социального обеспечения, унаследованной от прежнего режима. Однако поскольку их начальники были поставлены в условия «самофинансирования», то требования рабочих очень скоро были переориентированы на Москву, и забастовки стали носить открыто политический характер. Все это вплеталось в сложную политическую борьбу, которая шла в столицах республик и в самой Москве.

Первая большая забастовка произошла в угледобывающих районах — Донбассе, Кузбассе, Воркуте и Караганде — в июле 1989 г. Ее причинами были давно не удовлетворявшийся спрос на жилье, низкий уровень зарплаты и социального обеспечения, плохие условия труда. Когда требования первых забастовщиков в Междуреченске (Кузбасс) были отвергнуты их местным начальством и профсоюзными боссами, шахтеры провели демонстрацию перед зданием обкома партии. Через два дня после начала забастовки министр угольной промышленности М.И. Щадов прилетел в Кузбасс для переговоров с бастующими шахтерами. Лишившись поддержки профсою-

зов, у руководства которых стояли партаппаратчики, шахтеры здесь, так же как и в других городах, создали свои стачечные комитеты, которые наскоро решали вопросы социального обеспечения шахтерских семей во время забастовки. Зажатые со всех сторон бюрократической системой, они стали выдвигать политические требования, включая отказ от «руководящей роли партии» в управлении страной.

Эти, как, впрочем, и последующие забастовки оканчивались ничем. Позиция бастующих была слишком слаба. Но так или иначе, они продемонстрировали желание рабочих вернуться назад, к системе «благосклонного покровительства». По мере того как экономическая обстановка становилась все более напряженной, усиливалась зависимость рабочих от тех социальных благ, которые предоставляли им руководство предприятий и профсоюзы. Большинство рабочих не хотели отказаться от того и другого одновременно. В ряде случаев бастующих удавалось убедить в том, что получение республикой независимости или ее переход к полной рыночной экономике решат все их проблемы. И то и другое было серьезным заблуждением. Поэтому забастовки возникали снова и снова, а их вожди в очередной раз верили обещаниям, которые в существующих условиях просто не могли быть выполнены. Либо их подкупала какая-нибудь из многочисленных партий, борьбой между которыми были ознаменованы последние годы существования Советского Союза²².

Даже первый опыт экономических реформ показал Горбачеву, что главной внутренней проблемой Советского Союза является политическая. Он решил мобилизовать общественное мнение страны против государственно-партийного аппарата, который либо препятствовал проведению реформ, либо извращал их содержание. Летом 1988 г. Горбачев созвал специальную партийную конференцию для обсуждения вопросов реформирования избирательной и законодательной систем. Он сумел убедить участников партконференции признать необходимость движения в сторону истинного парламентаризма. Этого можно было достичь только путем проведения свободных и открытых выборов с альтернативными кандидатами для участия в новом Съезде народных депутатов. Этот съезд, насчитывавший 2250 делегатов, был призван стать высшим законодательным орга-

ном страны. Съезд, в свою очередь, должен был делегировать полномочия по решению повседневных вопросов Верховному Совету нового созыва, 450 депутатов которого избирались из состава делегатов съезда. Это еще не была настоящая демократическая система в обычном понимании. Например, 30 процентов депутатов съезда должны были избираться от «общественных организаций», ядром которых являлись местные парткомы. Все кандидатуры должны были утверждаться на собраниях общественности, где, конечно, наиболее сильным влиянием пользовались местные властные структуры. Тем не менее новая избирательная система была огромным шагом вперед по сравнению с лишенными всякого смысла выборами, проходившими в советские времена.

Она впервые позволила неформальным организациям мобилизовать свои силы. До 1986 г. всякие проявления живой неформальной культуры в СМИ и на улицах были запрещены. Но в 1986 г. такие неформальные правозащитные журналы, как «Экспресс-хроника» и «Гласность», стали открыто продаваться в Москве, например, на Гоголевском бульваре. Создавались различные инициативные группы, требовавшие запретить снос исторических зданий (например, здания гостиницы «Англетер» в Ленинграде, где покончил жизнь самоубийством поэт Сергей Есенин) или выступавшие за охрану окружающей среды. В Латвии 30 тысяч человек поставили свои подписи под воззванием о запрете строительства гидроэлектростанции на реке Даугаве. Две тысячи демонстрантов вышли на улицы Еревана, протестуя против сооружения в республике атомной электростанции, а в Уфе столько же людей организовали демонстрацию против планов создания очередного химического предприятия, выступив под лозунгом «Уфе — чистый воздух!». В Парке культуры и отдыха им. Горького в Москве члены неформального объединения под названием «За доверие между СССР и США» раздавали листовки, в которых описывались страшные последствия радиоактивного заражения и давались рекомендации по возможной защите от него²³.

Эти первые инициативные группы сосредоточивали свое внимание на вопросах, так сказать, «домашнего обустройства»,

не носивших политического характера: вполне естественно, что дебаты вокруг сохранения исторических памятников, охраны окружающей среды и ядерной энергетики являются объектами законного интереса общественности. Опыт участия в них объединял людей и заставлял искать решение более серьезных задач, выводя их на арену политической борьбы. В академических институтах проводились семинары для выработки политических рекомендаций. В работе некоторых из них участвовали представители общественности. Постоянный семинар в Центральном экономико-математическом институте в Москве был в 1987 г. преобразован в политологическую организацию «Клуб Перестройка», которая готовила предложения по предстоящему проведению экономической реформы, а затем переключилась на вопросы реформы социальной. Одним из ее филиалов было общество «Мемориал», созданное для привлечения общественного внимания к жертвам сталинского террора и проведения всестороннего расследования беззаконий, совершенных в эпоху коммунистического режима. В течение лета и осени 1988 г. «Мемориал» собирал на улицах городов подписи под своими воззваниями, а в ноябре того же года провел в ряде городов России «неделю совести». В Москве была воздвигнута «стена памяти» с фотографиями репрессированных или пропавших без вести людей. Перед стеной стояла тачка лагерного рабочего, символизирующая принудительный труд заключенных, в которую прохожие могли класть свои пожертвования²⁴.

К тому времени все эти неформальные объединения уже переходили от политически нейтральных проблем к фундаментальным вопросам, касавшимся прошлого страны, что неминуемо ставило вопрос о законности сохранения монополии Коммунистической партии на руководство страной. Вот что сказал об этом историк Юрий Афанасьев на учредительном съезде общества «Мемориал» в январе 1989 г.: «Важнейшая задача «Мемориала» — вернуть нашей стране прошлое. Однако прошлое живо в настоящем. Поэтому «Мемориал» — политическое движение. В той же степени, в какой сегодняшний день еще не расстался со вчерашним»²⁵. «Мемориал» объединял молодых и неизвестных людей с выдающимися общественно-политическими деятелями: такими как Сахаров и

Солженицын, историк и литератор Дмитрий Лихачев, писатели Евгений Евтушенко и Булат Окуджава, журналист Виталий Коротич и другие. Цели, ради которых был создан и работал «Мемориал», были настолько политически актуальными, что буквально за несколько лет до этого он навлек бы на себя политические репрессии. Широкие слои городского населения стали постепенно осознавать, что могут противостоять партийно-государственному аппарату при решении важнейших гражданских проблем, стоявших перед обществом.

Первые выборы на Съезд народных депутатов, проводившиеся в марте 1989 г. уже в соответствии с новой избирательной системой, обеспечили представителям старой номенклатурной гвардии умеренное большинство. Тем не менее было несколько сенсационных по тем временам случаев провала официальных кандидатов, что происходило впервые за последние 70 лет. В ряде больших городов и в тех национальных республиках, которые больше других стремились получить самостоятельный статус, создавались неформальные и независимые общественные объединения, сумевшие добиться выдвижения и утверждения своих кандидатов и провести успешную предвыборную кампанию. Наибольшего успеха они достигли в Москве, где их кандидат Борис Ельцин, получив 90 процентов голосов избирателей, нанес поражение директору Автозавода им. Лихачева (ЗИЛ), который был выдвинут кандидатом от КПСС. Партийные кандидаты потерпели поражение на выборах и в ряде других российских городов. Но самые ощутимые потери партия понесла в Прибалтийских республиках, где большинство мест было отдано кандидатам от партий Народного фронта.

Первые заседания съезда в мае 1989 г. стали ярчайшим проявлением гласности. Телевидение организовало их прямую трансляцию, и многие люди в рабочее время, затаив дыхание, следили за тем, как на трибуну один за другим поднимались выступавшие и клеймили позором партийный аппарат за вопиющие злоупотребления властью. Генералов допрашивали об их методах подавления народных манифестаций, министров — об их неподкупности и компетентности, а правительство в целом — о результатах политики реформ. Это был настоящий праздник открытого общественного об-

суждения, последнее и самое грандиозное «возвращение репрессированных», украшенное тихим, но тем не менее заметным присутствием Андрея Сахарова. Съезд проходил под председательством Горбачева, который хотя и допускал иногда резкие замечания, но, в общем, сохранял достаточную выдержку и терпимость к выступавшим.

Национальности

Если общественное мнение обрело голос в России, то в национальных республиках эффект был еще более значительным. Стремительнее всего этот процесс шел в Прибалтийских республиках, сохранивших память о конституционных традициях, существовавших там в период между Первой и Второй мировыми войнами. В Эстонии, Латвии и Литве деятельность общественных активистов началась с требований защиты окружающей среды, обеспечения стабильного статуса национальных языков в литературе и системе образования и свободы вероисповедания. С удивительной скоростью от этих проблем они перешли к фундаментальному вопросу о законности присоединения их республик к Советскому Союзу. По случаю национальных праздников в городах устраивались грандиозные демонстрации. Ораторы, выступавшие на них, требовали обнародования секретных советско-германских протоколов от 1939 г. Поскольку пакт Молотова — Риббентропа был впоследствии аннулирован, то они считали, что с точки зрения международного права включение Прибалтики в состав СССР также незаконно. Аргументы такого рода объединяли бывших диссидентов-националистов с реформаторами из числа местных компартий. Для ведения публичной агитации и организации предвыборной кампании они создали Народные фронты в Прибалтийских республиках и в Молдавии. Эти организации оказались крайне эффективными в объединении разрозненного общественного мнения, которое имело только одну единую основу — неприятие русского господства и политической монополии коммунистов.

На Украине Народный фронт появился гораздо позже. В 1987 г. неформальный Культурологический клуб заявил, что украинский язык постепенно вытесняется из литературы и образовательной системы русским языком. Активисты фронта также требовали обнародования полной и достоверной информации о голоде на Украине в 1932—1934 гг. и восполнения других пробелов украинской истории. В Белоруссии обнаружение массовых захоронений близ столицы республики Минска привело к созданию неформального объединения «Мартиролог», которое выступило с предложением возвести мемориал жертвам сталинских репрессий и провести всеобъемлющее расследование совершенных в те годы преступлений. Как на Украине, так и в Белоруссии оппозиция называла русских и коммунистов главными виновниками страданий своих народов. Это относилось даже к чернобыльской катастрофе, хотя как раз она и не имела никаких этнических корней.

В 1986 г. Горбачев в рамках проводимой им антикоррупционной кампании снял Кунаева с должности Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана и поставил на его место русского Геннадия Колбина, доверив ему, по русской поговорке, функции «новой метлы, которая по-новому метет». Казахи восприняли это назначение как национальный вызов, и в столице республики Алма-Ате вспыхнули массовые беспорядки. Закрепление принципа «покровитель — протее» в качестве основы системы политического контроля придало конфликту одновременно личностный и этнический характер сразу после того, как этот контроль был ослаблен. Национальное покровительство, являвшееся в течение долгого времени обычной практикой в СССР, способствовало укреплению мнения, что все беды происходят из-за «злостного поведения» другой нации, и вызвало к жизни тенденцию переводить все проблемы в плоскость межнациональных конфликтов.

Такой же процесс наблюдался и на Кавказе. В Армении ситуация стала буквально взрывоопасной. Вскоре все протесты сфокусировались на проблеме Нагорного Карабаха, горной области на востоке Армянской ССР, которая в 1921 г. была передана Азербайджану. Был создан Карабахский коми-

тет, несколько напомилавший Народный фронт Прибалтийских республик. Разветвленная система покровительства и знакомств, процветавшая в Азербайджане, нарушала равноправие карабахских армян и азербайджанцев в пользу последних, хотя армяне составляли три четверти всего населения Нагорного Карабаха. В январе 1988 г. в Москву было направлено заявление, под которым стояли десятки тысяч подписей, с требованием провести в этой автономной области референдум о будущем статусе Карабаха. За этим последовали массовые манифестации в Ереване и самом Карабахе. Горбачев призвал народ Армении к спокойствию, пока партия примет решение по этому вопросу. Демонстрации прекратились, но спокойствие не наступило. 28 февраля в одном из промышленных городов Азербайджана, Сумгаите, где проживало много армян, разразились массовые беспорядки. В течение двух дней, пока для наведения порядка в Сумгаит не прибыли армейские подразделения, улицы города находились в руках националистов-головорезов. В результате погибло около тридцати человек, по большей части армян.

Азербайджанцы с подозрением относились к армянам не только как к христианам, но и потому, что армяне обладали большим влиянием и производили впечатление близости к центральным властям. Тот беспрецедентный факт, что власти разрешили проведение в Армении демонстраций, выдвигавших претензии на азербайджанскую территорию, укрепило азербайджанцев в мысли, что дело пахнет антиазербайджанским заговором, который получал поддержку прямо из Москвы. Это вызвало бурную реакцию в республике²⁶.

В Грузии в 1987—1988 гг. появилось несколько националистических групп, которые хотя и конфликтовали между собой по личным мотивам, но соглашались в том, что необходимо всемерно способствовать развитию грузинской культуры и языка, защите окружающей среды. В политическом плане они стремились не дать Москве использовать конфликты в Абхазии и Осетии в целях раздела Грузии. В апреле 1989 г. в Тбилиси состоялась многотысячная манифестация. Первоначально демонстранты протестовали против планов

отделения Абхазии от Грузии, но вскоре перешли к требованиям независимости Грузии от СССР. Руководство Компартии Грузии обратилось за помощью к Москве, и 9 апреля армейские части и подразделения внутренних войск, применив силу, очистили от демонстрантов центральные улицы и площади Тбилиси. В ходе разгона демонстрации от отравляющих газов и под ударами саперных лопаток погибло около 20 человек²⁷.

Это было важным поворотным пунктом в развитии социально-политической ситуации в СССР, поскольку в первый раз против демонстрантов власти применили силу. Кроме того, это событие довело до крайнего напряжения положение в самих Вооруженных силах страны. В этот момент военные поняли, что политики, потеряв контроль над развитием событий, начали втягивать армию в разрешение конфликтных ситуаций. Подобное повторилось в январе 1990 г. в Баку, когда азербайджанский Народный фронт устроил погромные акции по отношению к проживавшим там армянам. Казалось, что националисты уже близки к захвату власти в республике. Сторонники Народного фронта выкапывали пограничные столбы на советско-иранской границе, стремясь объединиться с азербайджанцами, проживавшими в Иране. Были вызваны войска, но не для подавления погромов, которые уже сделали свое дело, а для восстановления границы, обеспечения безопасности стратегических объектов в городе и для оказания помощи в восстановлении коммунистической власти. В ходе этой операции погибло не менее 130 человек²⁸.

Это был не просто кризис в отношениях между военными и гражданскими структурами. Коммунистическая партия и силовые структуры (включая Вооруженные силы, КГБ и войска МВД) были настолько тесно переплетены между собой, что кризис в одном из этих звеньев автоматически вызывал кризис в соседнем звене. В феврале 1990 г. одна из армейских дивизий, расположенных в Таджикистане, отказалась войти в Душанбе для подавления беспорядков. Офицеры попросту опасались, что впоследствии отдавшие такой приказ от них откажутся и их же обвинят в неизбежном насилии²⁹.

Конец Советского Союза

Начиная с осени 1989 г. люди ежедневно могли наблюдать на экранах телевизоров за тем, что происходит в мире, где коммунистический режим перестал пользоваться силовыми методами для своего поддержания. Они видели, как в результате «бархатной революции» в Чехословакии был снят со своего поста Милош Якеш, а в Румынии после кровавых событий насильственно свергнут Чаушеску. Одним это нравилось, другим нет. Теперь в числе главных социально-политических факторов оказались различия взглядов самих советских граждан. В прежние времена, будь то при царях или при большевиках, имперские власти всегда, когда считали это целесообразным, могли пойти на уступки «врагам», не опасаясь спровоцировать тем самым внутренний политический протест. А теперь развал империи и снижение статуса СССР на международной арене вызвали открытую отрицательную реакцию внутри страны. В результате произошло слияние двух ранее разнонаправленных политических тенденций: русских националистов (собственно, империалистов) и марксистов-ленинцев с имперскими амбициями. Объединившись, они в один голос стали обвинять Горбачева и Шеварднадзе в предательстве и заявили о своем стремлении спасти русско-советскую империю. Прежде всего они создали «большевистскую платформу» внутри КПСС, а затем в 1990 г. и Российскую коммунистическую партию, которая номинально входила в состав КПСС, но фактически находилась в прямой оппозиции к ней или по крайней мере к Горбачеву как Генеральному секретарю.

В 1990 г. Горбачев сделал еще один шаг к либерализации избирательной системы, пойдя на исключение из Конституции статьи 6, что положило конец руководящей роли КПСС и легализовало создание и деятельность альтернативных политических партий. Правда, это произошло перед самым проведением выборов в Верховные Советы республик, поэтому новым партиям просто не хватило времени, чтобы должным образом подготовиться к успешному участию в борьбе за голоса избирателей. Тем не менее выборы вновь преобразили

политическую ситуацию в стране. Прежде всего они окончательно подорвали исполнительную власть коммунистов. После 1917 г. партия обладала в СССР практически всей полнотой власти, координируя и направляя работу властных и хозяйственных структур. Отказ партии от этой функции образовал вакуум в самом центре политической власти. Горбачев попытался заполнить его, учредив пост Президента СССР и соответствующим образом организовав выборы президента на Съезде народных депутатов, в результате чего этот пост достался именно ему. Но у нового президента не было своей четко работающей «вертикали власти». В любом случае, поскольку Горбачев не был избран на пост президента всенародным голосованием, то его легитимность уступала, скажем, президенту США. Стремление обладать реальной или хотя бы символической властью окончательно подорвало позиции Горбачева в последующие полтора года, когда его программу реформ поглотили экономический хаос и межнациональные конфликты.

Более того, новые выборы в стране, проходившие на фоне революционных событий в Центральной Европе, подрывали основы существования самого Советского Союза. В течение 1990 г. руководители нескольких союзных республик, позиции которых теперь подкреплялись результатами выборов, провозгласили свои республики суверенными государствами и заявили о верховенстве местных законов над Конституцией СССР. В марте 1990 г. Литва пошла еще дальше, заявив о своем отделении от Советского Союза. Вскоре ее примеру, хотя и более осторожно, последовали Латвия и Эстония. Они объявили о начале переходного периода к получению полной независимости. Горбачев ввел в отношении Литвы экономическую блокаду, на деле оказавшуюся крайне малоэффективной.

«Точка невозврата», выражаясь языком военных летчиков, была достигнута. Если одна национальная республика могла объявить себя независимой от СССР и это ей удалось, то в таком случае будущее всего Союза оказывалось под вопросом. Прибалтийские республики, еще помнившие о своей независимости, демократии и гражданском обществе, были пионерами в этом вопросе и в 1988—1990 гг. вели свою игру с

отчаянной смелостью, добиваясь выхода из Союза, а не каких-либо реформ³⁰.

Но наибольшую угрозу существованию Советского Союза представляла Российская Федерация, самая крупная из союзных республик, которая до того времени оставалась и самой послушной. К весне 1990 г. она обрела собственного мощного лидера в лице Бориса Ельцина, бывшего в ту пору Председателем Верховного Совета РСФСР. В июне 1991 г. в результате всенародного голосования он стал Президентом России. Это был первый случай в российской истории, когда народ напрямую избрал своего высшего руководителя. Теперь он становился не только главой крупнейшей республики, но и обладал полной легитимностью как президент, получивший право на власть в результате победы на всеобщих выборах.

Ельцин имел сильную поддержку в народе как политик, выступавший против системы, которая, по всеобщему мнению, безнадежно погрязла в коррупции, а также потому, что он олицетворял в глазах людей единственную черту коммуниста, которая им импонировала, а именно — стремление к социальной справедливости. Возглавляя в прошлом Свердловский обком партии, а затем Московский горком КПСС, он демонстративно отказался от всех привилегий, которые большинство высших чиновников принимали как нечто само собой разумеющееся. Он стал ездить на общественном транспорте и время от времени появлялся в продуктовых магазинах, где, что называется, запросто разговаривал с покупателями, задавая им вопросы на самые злободневные темы. Довольно часто во время таких посещений он заставлял продавцов выкладывать на полки товары, которые те припрятывали для начальства. В октябре 1987 г. Ельцин был снят с поста Первого секретаря Московского горкома партии за то, что обвинил Горбачева в недостаточной решительности при проведении реформ. В отместку он заявил о своем выходе из состава Политбюро ЦК. Ни один политический деятель, совершив такой шаг, не смог бы вернуться на политическую арену, однако демократизация сделала случай с Ельциным исключением из этого правила. В ходе предвыборной кампании ему удалось убедить избирателей в том, что он проявлял искренний интерес к их повседневным проблемам, связанным с покупка-

ми продуктов и товаров в магазинах, к состоянию дел на общественном транспорте, заботился о жилищном вопросе и твердо намеревался бороться с преступностью и коррупцией. Например, в августе 1990 г. на встрече с восторженно принимавшими его шахтерами в Кемерове он заявил, что им приходится жить и работать в таких ужасающих условиях только потому, что их грабит партийно-государственная элита³¹.

И все-таки Ельцин нуждался в организации, которая смогла бы с максимальной эффективностью проводить его политическую кампанию. Такой организацией стало движение «Демократическая Россия», созданное в январе 1990 г. группой демократически настроенных депутатов-неформалов. Цель, заявленная этим движением, состояла в распространении «идей Андрея Сахарова». Под этим его участники подразумевали свою приверженность идеям «свободы, демократии, прав человека, многопартийной системы, свободных выборов и рыночной экономики»³². Но за месяц до этого Сахаров умер, и новая организация допустила фактическое «размывание» его идей. Само название движения ставило под сомнение воспринятые им идеалы: демократы, включая самого Сахарова, всегда предполагали, что их концепция относится ко всему Советскому Союзу. Два слова — «демократическая» и «Россия» — вряд ли когда-либо раньше употреблялись вместе. Многие люди еще не понимали, что, едва утвердившись, это словосочетание будет означать распад Советского Союза как империи, державшейся на недемократических методах управления.

В результате усилий «Демократической России» демократы добились на выборах, состоявшихся в РСФСР в марте 1990 г., еще более крупного успеха, чем на всесоюзных выборах в предыдущем году. Они получили абсолютное большинство в Советах народных депутатов в Москве и Ленинграде, а также в ряде других промышленных городов. Воспользовавшись своей убедительной победой, демократические силы потребовали, чтобы вся полнота власти в Российской Федерации, включая армию и КГБ, была передана Съезду народных депутатов России³³.

Эта платформа давала Ельцину прекрасные возможности обойти Горбачева с фланга и создавала плацдарм для его пред-

выборной кампании, в результате которой он в 1991 г. стал Президентом России. Формируя свою политическую позицию, Ельцин использовал самую серьезную и давнюю проблему России: ее аномальное положение внутри своей же империи. Этим он бросал вызов Советскому Союзу. Не ясно, видел ли он сам логику своей личной вендетты (направленной против Горбачева), которая толкала его вести очень опасную игру, поскольку своей политикой он вскрывал всю хрупкость и аморфность России как политического субъекта. Он дистанцировался от традиционных русских националистов, ратовавших за господство русских в Советском Союзе, и вместо этого выдвинул концепцию существования России в качестве демократического государства западного типа в составе конфедерации таких же суверенных государств. Поэтому он стал употреблять в обращении к народу слово «россияне», носившее гражданскую окраску, вместо слова «русские», имевшего явно выраженный этнический характер. Но у него не было готового решения проблемы русских, проживавших за пределами России и в автономных национальных областях РСФСР. Последним он предложил залог будущего процветания, пообещав разрешить им взять столько независимости, сколько смогут осилить³⁴.

Внешняя политика Горбачева и деятельность Ельцина, направленная на суверенизацию России, подтолкнули вновь образовавшийся союз русских националистов и проимперски настроенных коммунистов к активному противодействию. Первый удар они нанесли в самой критической точке — Прибалтике. В январе 1991 г. анонимные комитеты национального спасения в Латвии и Литве выступили с заявлениями о готовности взять власть в свои руки, чтобы предотвратить дальнейший развал экономики и не допустить установления в республиках «буржуазной диктатуры». Телевизионные центры в Риге и Вильнюсе были захвачены десантниками и специальными подразделениями внутренних войск. Когда они двинулись к зданию Верховного Совета Литвы, огромные толпы людей вышли на улицы и, взявшись за руки, образовали живую цепь, чтобы не пропустить военных. В уличных столкновениях с войсками и ОМОНОм в Вильнюсе погибли четырнадцать демонстрантов, в

Риге — шесть. Ельцин осудил эти насильственные действия, и «силовики» остановились, не решившись подавить выступление до конца: Горбачев (хотя так и неизвестно, сам ли он санкционировал эти действия) приказал прекратить полицейскую акцию.

Будучи не в состоянии или просто не желая использовать силовые методы для поддержания Союза, Горбачев решил остановить процесс его дезинтеграции, обратившись к опыту 1922 г., когда был принят Договор о создании СССР. Предложенный им для обсуждения проект нового Союзного договора, предварительно согласованный с Ельциным, был призван прекратить «войну суверенитетов», делегируя большую часть властных полномочий союзным республикам и оставляя за союзными органами только вопросы обороны, внешней и финансовой политики. В марте 1991 г. проект Союзного договора был поддержан всенародным референдумом, проведенным на территории всех субъектов, входивших в состав СССР.

Большинство лидеров Прибалтийских республик выразили готовность подписать этот договор. Но 19 августа 1991 г., за день до проведения церемонии подписания Союзного договора, самопровозглашенный Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) во главе с вице-президентом Геннадием Янаевым выступил с заявлением о невозможности «по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР» и объявил о введении в стране чрезвычайного положения «в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, национальной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза»³⁵. Кроме Янаева, основными членами ГКЧП были министр внутренних дел Борис Пуго, министр обороны Дмитрий Язов и шеф КГБ Владимир Крючков, все назначенные на посты Горбачевым. Они приказали ввести в Москву войска и бронетехнику и готовились к штурму Белого дома — здания, где размещался Верховный Совет России.

Переворот планировался в течение длительного времени, но тем не менее был осуществлен крайне неумело, так как содержал внутреннее противоречие. Бывший в то время заместителем

командующего воздушно-десантными войсками генерал Александр Лебедь сказал об этом так: «Какой захват власти могли осуществить эти люди?! Они и так были воплощением власти...»³⁶ До сих пор силовые структуры и КПСС оставались едины, но теперь между ними произошел глубокий раскол. ГКЧП пытался восстановить нормы закона и власти, которые к тому моменту были уже полностью дискредитированы. Примечательно, что это было сделано самим партийным руководством. Заговорщики полагались на военную систему жесткого подчинения приказам, но эта система была уже полностью развалена. Они также надеялись на безмолвие народа. Но народ, который за два года до этого пробудился к участию в реальной политике, уже стал другим.

Кроме того, номинально федеральная структура СССР (на которой в 1921—1922 гг. настаивал Ленин) давала республиканским руководителям одновременно и право, и мотивацию к укреплению своей суверенной власти в республиках в случае ослабления контроля со стороны центра. Достаточно аморфная структура, в рамках которой многие десятки лет удерживались разные народы, теперь проявила свою слабость. Это в полной мере относилось и к самой России. Когда Белый дом, где располагался российский парламент, окружили танки, Ельцин сумел взобраться на один из них и морально разоружил военных, объявив попытку переворота «государственным преступлением», направленным против «законно избранных властей Российской республики»³⁷. Он заявил, что те, кто подчинится приказам путчистов, понесут наказание, предусмотренное Российским уголовным кодексом. К этому времени к Белому дому уже подошли тысячи людей, и это было символом свободы. Их присутствие здесь означало, что в случае, если начнется штурм здания российского парламента, это будет сопряжено с большим кровопролитием.

Этой мрачной перспективы оказалось достаточно, чтобы поколебать решимость командиров и солдат, посланных подавить сопротивление путчистам. На случай, если им придется стрелять в безоружных людей, они хотели по крайней мере быть уверенными в законности приказа. Но понятие законности теперь разделилось между российскими и советскими

властями, поэтому многие офицеры решили подстраховаться в своих действиях. Причины, по которым штурм Белого дома с 19 по 21 августа 1991 г. так и не состоялся, до сих пор остаются до конца не проясненными. По рассказам одних, сотрудники спецподразделения «Альфа» устроили совещание (совершенно в духе 1917 г.) для обсуждения законности приказа и пришли к выводу, что штурм, по всей видимости, не вполне законен. По другим свидетельствам, никакого приказа о начале штурма вообще не было отдано. Причиной этому могли быть просчеты в подготовке переворота и нежелание путчистов брать на себя ответственность за кровопролитие.

Члены ГКЧП повели себя с характерной для всех их действий двойственностью: они полетели в Крым, чтобы попытаться договориться с Горбачевым. Неизвестно, давал ли им Горбачев повод надеяться на какую-либо договоренность, но, когда путчисты прибыли к Горбачеву на дачу, он велел им удалиться. После некоторого колебания он отдал приказ об их аресте. Это говорит об определенной двойственности позиции и самого Горбачева во всех этих событиях³⁸.

То был уже настоящий конец Советского Союза. Политическая сцена, на которую на следующий день вернулся Горбачев, до неузнаваемости преобразилась, хотя сам он не сразу это понял. Через несколько дней Ельцин издал указ о запрещении деятельности КПСС вплоть до окончания расследования ее роли в попытке переворота, а Украина провозгласила себя независимым государством. Вскоре ее примеру последовало и большинство других республик. Одни сделали это более решительно, другие — с некоторым трепетом. Все руководители республиканского уровня поняли, что уже не могут рассчитывать на помощь Москвы, и поэтому решили создать себе социальную опору на местах. Новая социальная база властей в теперь уже бывших союзных республиках формировалась на основе слияния интересов националистически настроенной интеллигенции и самой правящей элиты.

В течение еще нескольких месяцев Горбачев продолжал свои попытки возродить проект Союзного договора, который стал совсем децентрализованным и сохранял за центром лишь некие туманные координирующие функции по выработке со-

вместной оборонной и внешней политики. Однако руководители республик стали явно уклоняться от обсуждения этой темы, и когда 1 декабря 1991 г. в ходе проведенного на Украине референдума народ решительно высказался за независимость, Горбачев оставил все попытки заключить Союзный договор. Еще в марте 1991 г. Горбачев предупреждал: «Без Украины Советский Союз существовать не сможет». В Беловежской Пуще близ столицы Белоруссии Минска состоялась встреча Ельцина с лидерами Украины и Белоруссии Леонидом Кравчуком и Станиславом Шушкевичем. В совместном заявлении говорилось, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование»³⁹. Вместо Союза три славянские республики учреждали Содружество независимых государств (СНГ), призвав остальные республики присоединиться к ним. Предполагалось, что СНГ будет иметь объединенные Вооруженные силы и единое экономическое пространство, но у него не будет президента, а его центральные органы, которые планировалось разместить в Минске, а не в Москве, будут выполнять чисто консультативные функции.

Характерно, что Горбачев, вначале выступив против Беловежской декларации как незаконной, затем сделал вполне реалистичное предупреждение, что развал СССР повлечет за собой экономическую разруху и межнациональные конфликты. В конце концов он смирился с неизбежностью произошедшего и 25 декабря 1991 г. в телеобращении к «советскому» народу заявил о своей отставке с поста Президента СССР. Красный флаг с советской символикой — серпом и молотом — был спущен, и над Кремлевским дворцом теперь развевался дореволюционный российский триколор, только без двуглавого орла. Советский Союз и его «душа» — КПСС — стали достоянием истории.

Однако было совершенно неясно, что будет на их месте. Очертания концепции нового Содружества были весьма туманны и неосвязаемы. Кроме того, оно было учреждено без согласования с другими республиками. Тем не менее большинство из них, за исключением Эстонии, Латвии, Литвы и Грузии, где антирусские настроения были особенно сильны, приняли приглашение вступить в СНГ.

Президент против законодателей

Даже внутри самой России крушение КПСС привело к образованию политического вакуума в структуре власти. Лишенные координирующей исполнительной власти, государственные учреждения погрузились в междоусобную борьбу за обладание контролем над материальными ресурсами и силовыми органами. Возглавляли эту борьбу президент Ельцин, с одной стороны, и председатель Верховного Совета России Руслан Хасбулатов — с другой. Хасбулатов, уроженец Чечни, был весьма ловким политиком, который вначале поддерживал Ельцина, но затем усмотрел возможность стать самостоятельным лидером с собственной опорой среди государственных чиновников, преданность которых он приобретал, предоставляя им доступ к парламентской «кормушке». Это давало им возможность получать квартиры в Москве, автомобили и совершать частые зарубежные поездки. Кроме того, у Хасбулатова была и силовая поддержка, предоставленная воинскими частями, охранявшими парламент. В соответствии с Советской Конституцией, которая, за неимением лучшей, все еще продолжала действовать, приоритет теоретически всегда принадлежал Верховному Совету, хотя на практике вся полнота власти находилась в руках КПСС. Теперь же реальная власть оказалась у Верховного Совета, что ослабляло существовавшую прежде стабильность и вело к началу неприкрытой конфронтации между двумя ветвями власти — исполнительной и законодательной. Это в какой-то мере напоминало политическую борьбу, сотрясавшую Англию в середине XVII в.

Единственное средство, которое позволило бы избежать прямого столкновения, состояло в попытке найти какое-то компромиссное решение и как можно скорее подготовить согласованный со всеми сторонами проект новой Конституции. Однако ни одна из сторон не проявляла большого желания к примирению. Хотя в последние годы существования СССР Ельцин играл в политике роль «диссидента», он оставался при этом очень опытным аппаратчиком, привыкшим к клановому характеру, присущему советской властной структуре. По-

этому он вовсе не считал необходимым смягчать несговорчивых депутатов и договариваться с ними о компромиссах (на что уходит так много времени у американского президента). Хасбулатов, со своей стороны, видимо, понимал, что новая Конституция лишит его епархию ее нынешнего статуса, и сумел привлечь на свою сторону вице-президента Александра Руцкого, недовольного Ельциным, так как тот не предоставил ему функций, соответствующих его высокому положению.

Впоследствии некоторые комментаторы обвиняли Ельцина в том, что он не решился распустить Верховный Совет и не объявил о проведении осенью 1991 г. новых выборов. Это, по их мнению, позволило бы освободиться от пережитков советской системы и заложить прочный фундамент, который соответствовал бы новой политической ситуации. На самом же деле это было практически невозможно себе представить: буквально накануне Ельцин одержал победу в союзе с депутатами, которые в октябре 1991 г. предоставили ему дополнительные полномочия для проведения реформ. Но через год срок этих полномочий истек, и борьба за власть и связанные с ней привилегии стала оказывать разрушительное воздействие на политическую жизнь страны. Многие депутаты начали выступать от лица своих избирателей (что, впрочем, было их прямой обязанностью), большинство из которых только пострадали от экономических реформ и распада Советского Союза. Это были в основном старые и больные люди, лишенные каких бы то ни было льгот, директора и рабочие предприятий тяжелой промышленности, беженцы и этнические русские, проживавшие за пределами Российской Федерации. В отсутствие дисциплинированной партийной верхушки, заранее определявшей свою позицию по всем голосуемым решениям, хаотично сложившаяся группа депутатов могла получить большинство при голосовании какого-либо вопроса и принять совершенно безответственную резолюцию. Они могли, например, объявить Севастополь (базу советского Черноморского флота, находившуюся на территории независимой Украины) российской территорией или утвердить бюджет, дефицит которого составлял 25 процентов ВВП.

В марте 1993 г. Ельцин пришел к выводу, что продолжающееся противостояние и провал всех попыток принять новую

Конституцию наносят ущерб политической стабильности России. Он выступил с телевизионным обращением к народу, в котором, как казалось, ставил вопрос о возрождении прямого президентского правления. Однако он был вынужден отступить, когда увидел, что эта идея не получила поддержки даже его сторонников. После этого оппозиция в парламенте поставила вопрос об импичменте президенту и недобрала всего нескольких голосов, необходимых для принятия положительного решения. Тогда Верховный Совет стал настаивать на проведении всенародного референдума по следующим вопросам: доверяют ли избиратели президенту; одобряют ли они проводимые им социально-экономические реформы; хотят ли они досрочных президентских выборов; хотят ли проведения досрочных парламентских выборов.

Результаты референдума, обнародованные 25 апреля, показали неубедительную победу Ельцина. 58 процентов всех проголосовавших выразили доверие президенту; 53 процента участников референдума — ко всеобщему удивлению — заявили о своем одобрении его политики. 50 процентов избирателей проголосовали за проведение досрочных президентских выборов, 67 процентов высказались в пользу досрочных парламентских выборов⁴⁰.

Это был момент, когда Ельцин мог использовать полученную от народа поддержку и, выйдя за рамки своих полномочий, предоставленных ему устаревшей Советской Конституцией, распустить парламент и объявить новые выборы. Но он предпочел не делать этого и избрал обходной маневр, выступив со своим проектом Конституции. При этом он планировал созвать специальную учредительную конференцию с участием руководителей республик, краев и областей Российской Федерации и убедить их поддержать его проект. Это был гораздо более рискованный путь, так как не все местные руководители поддерживали предложения Ельцина, а некоторые, особенно руководители таких националистически настроенных республик, как Татарстан, Башкортостан и Саха-Якутия (Чечня вообще проигнорировала весь этот процесс), пытались добиться для своих «уделов» особых уступок. Учредительная конференция, прошедшая в июне-июле 1993 г., утвердила проект Конституции, весьма близкий по со-

держанию к президентскому, но окончила свою работу, так и не решив вопрос о статусе регионов. В конце лета стало ясно, что проект Конституции не наберет достаточной поддержки в «субъектах Федерации» (регионах и республиках) для придания ей законной силы.

Поэтому 21 сентября 1993 г. Ельцин снова выступил с телеобращением, в котором заявил о провале всех попыток достичь компромисса с депутатами. Существующая Конституция не давала возможности выхода из этого тупика, а «безопасность России и ее народа была важнее формального соблюдения противоречивых норм, созданных законодательной властью, крайне дискредитировавшей себя». Далее он сказал, что подписал Указ № 1400 о роспуске Верховного Совета. Новые парламентские выборы назначались на середину декабря 1993 г. Спустя шесть месяцев после этих выборов должны были состояться выборы президента⁴¹.

Верховный Совет, предупрежденный о содержании указа, уже проводил в это время чрезвычайное заседание в Белом доме. Законодатели признали указ Ельцина неконституционным, приняли решение о смещении Ельцина с должности и избрали на президентский пост А. Руцкого. Тот, в свою очередь, сформировал новое правительство, назначив своих силовых министров (обороны, госбезопасности и внутренних дел), двое из которых незадолго до этого были уволены Ельциным по обвинению в коррупции. Поскольку Верховный Совет располагал собственной военизированной охраной, а также смог вызвать на подмогу отряды боевиков — членов фашистского движения «Русское национальное единство», возглавляемого А. Баркашовым, все с самого начала было готово к вооруженному столкновению. Тем не менее Ельцин все еще медлил с принятием решения о блокаде Белого дома. Поэтому к тому времени, как она была установлена, в Белом доме оказалось много хорошо вооруженных людей, готовых оборонять здание и даже совершать вылазки в город, чтобы попытаться захватить стратегически важные пункты столицы. Многие депутаты, находя эти действия непозволительными, покинули Белый дом, где осталось основное ядро непримиримых парламентариев в количестве около двухсот человек. Они выступили с призывом начать всеобщую забастовку

и обратились за поддержкой к Вооруженным силам и к регионам. Но ни рабочие, ни военные не отозвались на этот призыв. Некоторые региональные лидеры поддержали, хотя и не совсем однозначно, Верховный Совет. Совещание, в котором приняли участие 62 (из 88) руководителя субъектов Федерации, призвало Ельцина отменить Указ № 1400 и вернуться к положению, существовавшему до 21 сентября, а затем уже назначить одновременные парламентские и президентские выборы.

Было предпринято несколько попыток посредничества для примирения двух противоборствующих сторон, в частности патриархом Русской православной церкви Алексием II. Но 3 октября, до того как были достигнуты какие-либо договоренности, на Октябрьской площади в Москве, у памятника Ленину, собрались тысячи манифестантов, выразивших поддержку оппозиции, которые затем направились по Садовому кольцу к Белому дому. Им удалось прорвать оцепление, и вице-президент Руцкой, выйдя на балкон, обратился к собравшимся с речью, в которой призвал их штурмовать здание Московской мэрии и телецентр в Останкине. Вооруженные отряды боевиков покинули Белый дом и отправились выполнять этот приказ. Они сумели захватить здание мэрии на Новом Арбате и часть телевизионного комплекса в Останкине и удерживать их в течение почти шести часов. В это время большинство телевизионных каналов прекратили трансляцию своих передач.

В столице было введено чрезвычайное положение, Ельцин прилетел в Кремль на вертолете. Почти всю ночь он уговаривал министра обороны Павла Грачева и высший генералитет отдать войскам приказ о штурме Белого дома. Он видел их крайнее нежелание взять на себя ответственность за участие в политическом конфликте. Может быть, это было результатом опыта, приобретенного военными после 1989 г., или они еще просто не были уверены, кто выйдет победителем из этого противоборства. Впоследствии Ельцин вспоминал: «...вид у генералов был сумрачный, виноватый. И они, видимо, чувствовали несуразность ситуации: законная власть висит на волоске, а армия не может защитить ее — кто на картошке находится, кто воевать не хочет...» В конце концов начальник президентской охраны Александр Коржаков пред-

ставил план штурма, который, по иронии судьбы, был подготовлен еще в августе 1991 г. путчистами, но так и не был приведен в действие. Генералы с неохотой согласились его исполнить. Но при этом Грачев потребовал от Ельцина письменного приказа, разрешавшего ему применять танки в самом центре Москвы⁴².

В семь часов утра 4 октября танки с грохотом въехали на Новоарбатский мост, расположенный напротив Белого дома. В течение последующих нескольких часов они обстреливали мощными снарядами стены Белого дома прямо перед камерами американской телекомпании Си-эн-эн, которая передавала это зрелище на весь мир, словно финал очередного Уимблдонского теннисного турнира. Ближе к вечеру в окнах Белого дома показались белые флаги, и из здания парламента вышли сдаваться Хасбулатов, Руцкой и их соратники. У них были бледные лица и совершенно подавленный вид. Их тут же отправили в Лефортовскую тюрьму. По официальным данным, в результате штурма погибли 144 человека, хотя неофициальные источники указывают, что число убитых превышает эту цифру в несколько раз.

Многие российские политологи и некоторые аналитики из стран Запада предполагают, что события 3—4 октября были специально инсценированы Ельциным ради того, чтобы заручиться оправданием примененных им методов подавления оппозиции, сохранив при этом поддержку Запада⁴³. Это выглядит одной из тех параноидальных фантазий, которые подпитываются клановой борьбой. До сих пор не получено каких-либо серьезных свидетельств в пользу этого предположения. Кроме того, несмотря на всю импульсивность ельцинского характера, вряд ли он мог пойти на такой огромный риск, даже не подготовив заранее воинские подразделения, необходимые для реализации плана контратаки. Гораздо более вероятным и полностью отвечающим его характеру представляется предположение о том, что его планы реагирования на чрезвычайную ситуацию были весьма неопределенными и он просто не позаботился о серьезной подготовке к возможному вооруженному столкновению. Эта неподготовленность могла иметь крайне тяжелые последствия: попытка захвата

Останкинского телецентра почти удалась. Если бунтовщикам все-таки удалось бы взять под свой контроль Останкино и лидеры оппозиции начали бы распространять по всей России свою версию происходящих событий, вполне вероятно, что руководители на местах и армейские командиры выступили бы в их поддержку. Короче говоря, в ночь с 3 на 4 октября Россия была на грани гражданской войны между сторонниками исполнительной и законодательной власти.

В определенном смысле поражение защитников Белого дома стало завершающей точкой в летописи советской эпохи. Последние российские политики, избранные в условиях существования — хотя и в значительно урезанном виде — советской системы, были убраны с политической сцены. Дорога для проведения ельцинских реформ была расчищена. С другой стороны, это до сих пор остается и главной неудачей Ельцина. На глазах у всего мира и, естественно, российских граждан Белый дом — оплот первого российского парламентаризма — чуть не превратился под артиллерийскими ударами в дымящиеся обугленные развалины. И все это происходило на фоне ужасающего кровопролития. Сохранявшийся до того времени идеализм сторонников демократии был поколеблен.

Поэтому результаты выборов, состоявшихся в декабре 1993 г., показали, что поддержка Ельцина значительно ослабла. Политики-демократы, собравшиеся в Кремле на транслировавшийся по телевидению банкет, устроенный в честь ожидавшейся ими победы, ошеломленно умолкали, по мере того как с мест стала поступать первая информация о результатах. Настоящими победителями этих выборов оказались так называемые либерал-демократы во главе с Владимиром Жириновским, которые в партийных списках стабильно опережали правительственную партию «Выбор России». Эти итоги были несколько обманчивыми, поскольку после объявления результатов выборов в избирательных округах «Выбор России» оказался немного впереди и получил в парламенте больше мест, чем ЛДПР. Тем не менее, поскольку партия «Выбор России» рассчитывала на более убедительную победу, ее более чем скромные результаты на выборах оказали ошеломляющее воздействие на общественное мнение. Среди общего переполоха никто не заметил, что ельцинский

проект Конституции получил 58 процентов голосов, а этого было достаточно, чтобы проект стал реальным законом.

Оглядываясь назад, можно понять причины, позволившие Жириновскому добиться такого успеха. Он провел весьма эффективную, хотя и довольно лживую, телевизионную предвыборную кампанию, в ходе которой предлагал россиянам простые пути решения сложнейших проблем, стоявших перед страной: он обещал дешевую водку, огромные прибыли от роста продаж вооружений, восстановление Советского Союза (даже Российской империи, включая Финляндию и Аляску), господство в районе Персидского залива и в Индии, разрыв отношений с Западом. Стиль его выступлений и сам его образ были практически карикатурой на Ельцина, уходя корнями в реалии российской действительности. Они были близки и понятны рядовым гражданам. Подобно Ельцину Жириновский выступал и в роли жертвы, и в роли человека, обладавшего властью. И действительно, на протяжении многих веков русские выполняли одновременно обе эти роли, особенно в последнее время, которое было еще живо в народной памяти. В своей автобиографии Жириновский писал, что в детстве, которое он провел в Казахстане, он был голодным, плохо одетым мальчиком, жившим в переполненной коммунальной квартире, потому что лучшее жилье выделялось казахам. Мать не могла уделять ему достаточно заботы и внимания из-за того, что была вынуждена до изнеможения работать. Обобщая свой жизненный опыт, он говорил: «Мы разбили Германию, первыми послали человека в космос, но в ходе этого исковеркали наши семьи и наше чувство исторической преемственности... Мы изуродовали нашу страну. Мы превратили ее в отсталый придаток современного мира и заставляем русский народ отступать по всему фронту, а ведь когда-то он занимал ведущие позиции в мире»⁴⁴. Жириновский был шутом, но шутом опасным, который жонглировал вопросами сохранения нации и возрождения империи и предлагал русским людям соблазнительные перспективы решения этих вопросов.

Жириновский обладал одним важным преимуществом: он не был ни коммунистом, ни демократом, которых большинство

избирателей по разным причинам просто ненавидели. Больше того, поскольку новая Конституция наделяла парламент — Государственную думу — довольно скромными полномочиями, избиратели относились к выборам в нее так, как в Великобритании люди относятся к дополнительным выборам, рассматривая их как возможность дать тычок в зубы правительству, при этом не свергая его. Голосование за Жириновского было одновременно и предупреждением для Ельцина, и подсознательным — хотя и косвенным — выражением поддержки ему. (Жириновский был единственным оппозиционным политиком, поддержавшим Ельцина во время кризиса.)

Выборы декабря 1993 г. были также отмечены возвращением в большую политику коммунистов, партия которых вновь обрела законный статус после запрета в августе 1991 г. Однако пребывание не у дел во многом изменило компартию. Она возникла не на базе КПСС, а выросла из Российской коммунистической партии, созданной в противовес Горбачеву в последний год существования Советской власти. Она полностью отказалась от западного «буржуазного» содержания (и по большей части от марксизма вообще), ставшего одним из элементов советской коммунистической системы позднего периода, и сделала стержнем своей пересмотренной идеологии русский имперский национализм. Эти изменения воплощались в личности и взглядах нового лидера компартии Геннадия Зюганова.

Для всех, кто видел ожесточенную борьбу Ленина, Сталина и Хрущева с религией, самым большим сюрпризом в политике новой компартии являлся взятый ею курс на примирение с православным христианством. С распадом империи исчезли последние барьеры, разделявшие эти две системы мировоззрения. Зюганов заявлял, что русские продолжают оставаться людьми, приверженными идеям равноправия и коллективизма, и что социализм уходит корнями как в учение Христа, так и в теорию Карла Маркса. Кроме этого, по его мнению, православие сыграло ведущую роль в создании русской государственности и всегда способствовало ее возрождению в тяжелые моменты российской истории, когда власть государства ослабевала. Православие являлось главным проводником грамотности, просвещения и культуры. Теперь России угрожал импорт низкосортных продуктов

западной массовой культуры в виде порнографии и поп-музыки, а великие традиции России в области науки и образования засыхали на корню из-за недостаточной государственной поддержки. Горбачев и Ельцин совместно предали Россию западным державам, которые теперь готовились превратить своего бывшего соперника в обнищавший сырьевой придаток и хотели ослабить его как военными, так и духовными средствами⁴⁵. Ко времени выборов в декабре 1995 г. эта концепция получила еще больший отзвук в умах российских избирателей, чему способствовали планы расширения НАТО на восток с целью последующего включения стран, бывших ранее членами Варшавского Договора. По итогам этих выборов коммунисты вернулись в Государственную думу, приобретя там подавляющее большинство голосов по сравнению с другими партиями.

Экономическая реформа и ее результаты

Горбачеву так и не удалось вывести страну из кризиса, характеризовавшегося всеобщим дефицитом и инфляцией, вызванными проведением его реформ. Некоторые его советники рекомендовали ему решительнее продвигаться по пути создания свободной рыночной экономики, но Горбачев не смог пойти дальше полумера. Когда к власти в стране пришел Ельцин, никаких отклонений в отношении проведения реформ уже не было. Никто больше не говорил о «третьем» пути развития, пролежавшем якобы между социализмом и «разнузданным» капитализмом. Ельцин был полон решимости без всяких колебаний идти к рынку по пути, уже проложенному Польшей, используя методы так называемой шоковой терапии. В речи, произнесенной 28 октября 1991 г., он провозгласил, что процесс приватизации государственной собственности будет ускорен, цены будут выведены из-под контроля государства, курс национальной валюты стабилизируется, государственные субсидии будут значительно урезаны, а бюджет страны станет сбалансированным.

Для реализации этой программы Ельцин сформировал команду из молодых (в основном тридцатилетних), уверенных в

себе экономистов из Центрального экономико-математического института во главе с Егором Гайдаром, который незадолго до этого учредил Институт по изучению вопросов перехода к рыночной экономике, служивший «мозговым центром» экономической реформы. Они были последователями идей Хайека, Фридмана и госпожи Тэтчер и сторонниками польского реформатора Лешека Бальцеровича. Молодые реформаторы утверждали, что Россия — не какая-то особенная страна и подчиняется таким же экономическим законам, что и все остальные государства. Они настаивали на немедленном отказе от губительной практики государственного социализма (и от всякой модели социализма вообще), считая, что любое промедление только продлит агонию переходного периода.

Они полагали, что быстрый переход к рынку позволит не только восстановить эффективность экономики, но и обеспечит политические свободы. Как любил говорить Анатолий Чубайс, цитируя своего «учителя» Хайека: «Рыночная экономика — это не просто самый эффективный способ использования финансовых и природных ресурсов... он предполагает существование свободного общества, состоящего из независимых граждан»⁴⁶.

Тот факт, что «мальчики в розовых штанишках», как их скоро окрестили оппоненты, заняли стратегические посты в государстве, был сам по себе парадоксальным явлением. До недавнего времени разработанные ими модели представляли лишь академический интерес, они казались такими же далекими от реальности, как какая-нибудь занимательная игра, игнорирующая действительность. Более того, будучи по убеждению демократами, мандат на проведение реформ они получили не от парламента, не от политических партий или каких-либо институтов гражданского общества, а от самого президента, который к тому же фактически ввел прямое президентское правление. Хотя Гайдар и был назначен на должность заместителя премьер-министра, они вряд ли видели себя в качестве политиков — скорее специалистов, нанятых для того, чтобы выполнить работу, которую «завалили» их предшественники. У них не было иллюзий в отношении жесткого противодействия, которое они встретят в своей деятельности.

Гайдар называл свою команду отрядом «камикадзе» и не исключал возможности завершить карьеру в тюрьме. Чего они, вероятно, не могли предвидеть, так это того, что их действия на деле *укрепят* некоторые из самых «хаосообразующих» и архаичных черт, присущих советской системе. В российской истории повторялась до боли знакомая ситуация: попытки совершить «прыжок из тьмы к свету» только способствовали укреплению того, против чего были направлены реформы.

Реформаторам, конечно, хотелось бы иметь в своем распоряжении побольше времени, чтобы выполнить все задуманные мероприятия в плановом и скоординированном порядке, но кризис старой системы вынуждал их к немедленным действиям. В городах угрожающе росла нехватка продуктов, сокращалась межрегиональная торговля, а размер государственного долга выходил из-под всякого контроля. Было необходимо принять срочные и конкретные меры по восстановлению равновесия уже существовавшей, хотя и в искаженном виде, рыночной экономики.

Первым шагом Гайдара было освобождение цен, которое произошло 2 января 1992 г. В течение первого месяца цены выросли в 400 раз, и впоследствии их рост продолжался. В любой европейской стране такое событие неминуемо вызвало бы массовые демонстрации, возможно, даже уличные бунты и падение правительства.

Россия была другой страной. Прежде всего у многих людей имелись сбережения, накопленные за все те годы, когда деньги практически не на что было тратить. Поэтому сейчас люди спешили покупать все подряд, пока эти деньги что-то значили, чтобы тем самым обеспечить себя продуктами на несколько месяцев вперед. Во-вторых, люди, занятые в производственной сфере экономики, могли теперь продавать свои товары по гораздо более высоким ценам и получать на этом неплохую прибыль. После отмены монополии на внешнюю торговлю российские производители могли экспортировать свои товары за рубеж, получая при этом огромные барыши. В-третьих, не все цены были действительно «отпущены»: цены на газ, электроэнергию, жилье, общественный транспорт и некоторые виды продуктов питания остались под контролем

государства. Эти уступки позволили выжить простым людям, но создали массу проблем для муниципальных органов, расходы которых возросли, а доходы остались на прежнем низком уровне.

Несомненно, подъем цен означал начало эры нищеты и крайней неопределенности для очень многих российских граждан. Эта ситуация особенно усугубилась после попыток правительства сбалансировать государственный бюджет за счет сокращения расходов на социальное обеспечение. Накопления у людей очень скоро иссякли — быстрее, чем в Германии после окончания Первой мировой войны. Пенсионеры видели, как буквально на глазах тают сбережения, которые они накапливали в течение десятков лет. Люди искали новые способы заработать деньги. Наименее удачливые уже вскоре стояли у входов на городские рынки или у станций метро, продавая жалкие букетики цветов, спички, котят, старую одежду — все, что, по их мнению, могло найти хоть какой-нибудь спрос. Те, кто попроворнее, смогли поставить временные киоски и вели уже более «цивилизованную» торговлю. На улицах появились нищие, в большинстве своем старики или инвалиды. Кто-то просто стал больше работать на своих земельных участках, выращивая овощи и фрукты, которые раньше мог позволить себе покупать в магазинах. Кто-то был вынужден обращаться за помощью к родственникам, друзьям или товарищам по работе, используя эти связи (так называемый *блат*), чтобы как-то удержаться на плаву.

Здравоохранение, всегда страдавшее от недостаточного финансирования и во многом зависевшее от взяток, теперь стало более или менее платной услугой и сделалось для многих недоступным. Показатели смертности и заболеваемости значительно повысились, особенно среди детей и мужчин среднего возраста. Последнее было отчасти вызвано обострением стрессовых ситуаций в условиях, когда люди метались в поисках средств, необходимых для выживания. Резко возросло число алкоголиков и самоубийц, в первую очередь среди мужчин.

Несмотря на это, иностранцы, регулярно приезжавшие в Россию в эти и последующие годы, не могли не заметить, что определенные слои российских граждан, составлявшие, правда, явное меньшинство, стали жить лучше, чем раньше. По мере

наполнения полок магазинов импортными товарами — одеждой, продуктами питания, электроникой и бытовыми приборами — на них находилось все больше покупателей не только в нескольких центральных и дорогих магазинах больших городов, но и в провинциальных городках по всей стране. Было ясно, что где-то порождаются средства, тонкой струйкой поступающие значительной доле российского населения.

Не нужно было долго искать, чтобы увидеть, откуда брались эти деньги. Еще при Горбачеве государственные и партийные чиновники, контролировавшие средства производства, начали переоформлять свои фактические права распорядителя в юридические права собственника. Они использовали средства и собственность, которые находились в распоряжении партии и министерств, для создания совместных предприятий с иностранными фирмами, для приобретения высокорентабельных экспортных производств, сдавали в аренду производственные и офисные помещения, занимались городским развитием, особенно восстановлением и реставрацией старого фонда. Первой из «старорежимных» организаций, сумевших воспользоваться новой ситуацией в экономике, был ленинский комсомол, который в условиях резкого падения членства в своей организации начал в середине 1980-х гг. процесс децентрализации и диверсификации, привлекая молодежь к неполитической деятельности, представлявшей интерес для молодых людей. Комсомол стал создавать «центры научно-технического творчества молодежи», где удачные идеи превращались в коммерческие проекты, финансировавшиеся Молодежным коммерческим банком. Вскоре в этот процесс была вовлечена и вся номенклатурная элита, располагавшая несравненно более мощными ресурсами. Она обращала находившуюся в ее распоряжении собственность в наличность, использовала свое положение для получения льготных кредитов и вела торговлю с зарубежными странами, делая прибыль на курсовой разнице валют. В своей деятельности внутри России чиновники получали прибыль, играя на различиях между государственным сектором, имевшим доступ к бюджетным средствам, и частным, лишенным этого доступа. Так за очень короткий срок сколачивались огромные капиталы⁴⁷.

Постсоветская программа приватизации дала новый импульс этому процессу. Законом, принятым в июне 1992 г., директорам заводов и рабочим коллективам разрешалось приобретать 51 процент акций приватизируемых предприятий по очень заниженным ценам. Это стало обычным способом приватизации, и поскольку директора почти всегда могли впоследствии выкупить у рабочих их долю акций, старая номенклатура снова оказалась на ключевых постах, теперь уже сидя в креслах председателей или членов совета директоров бывших госпредприятий. К 1994 г. половина всех предприятий России была приватизирована, но руководили ими (и уже владели) все те же знакомые лица⁴⁸.

Изображать их совершенными циниками было бы не совсем справедливо. Конечно, они хотели в первую очередь набить собственные карманы, но многие чувствовали ответственность за своих подчиненных, которые зависели от них не только в плане зарплаты, но и имели через них доступ к целому ряду социальных льгот. Некоторые директора руководили такими огромными предприятиями, что от них зависела жизнь во всем городе. Подобно феодалам «новые старые» предприниматели наслаждались своей властью и богатством, но хотели также, чтобы хорошо жилось и их подданным.

Борьба за достижение этих целей составляла сущность одной из главных политических и экономических битв, разыгравшихся в постсоветскую эпоху. В новом мире смелой открытой торговли их фирмы оказывались крайне уязвимыми. Некоторые предприятия, особенно входившие в ВПК, производили высококачественную продукцию, которая больше не закупалась государством. Остальные же, в течение десятилетий находившиеся под опекой государства и тем не менее постоянно испытывавшие хронический недостаток капиталовложений, остались с устаревшим технологическим оборудованием и не могли производить сколько-нибудь качественные товары, которые бы пожелал приобрести покупатель, живущий в условиях свободного рынка. В любом случае производители не привыкли обращать внимание на запросы потребителей: ведь раньше у их клиентов не было выбора, поэтому практически никаких маркетинговых усилий со стороны производителей не требовалось. Теперь же ситуация резко изменилась. Слово «маркетинг», перестав быть

просто неблагозвучным неологизмом, прочно вошло в русский язык. Во многих городах стали возникать консультационные фирмы, специализирующиеся на рекламе и маркетинге.

У большинства же промышленных «динозавров» не оставалось другого выбора, как припасть к хорошо известному им источнику всех благ — государству, которое выступало либо в качестве клиента, либо как поставщик субсидий и дешевых кредитов. В прежние времена денежные дотации подчинялись плану, они были необходимы для его выполнения и служили средством бухгалтерской отчетности. При этом сами по себе они ничего не стоили. Немногие смогли быстро привыкнуть к мысли о том, что ситуация в корне изменилась и что деньги обладают реальной стоимостью, что выпуск денег в неоправданно большом объеме приводит к инфляции, а та, в свою очередь, является не чем иным, как крайне несправедливым дополнительным налогом, который делает богатых богаче, а бедных — еще беднее.

Но что можно было предложить взамен? Допустить, чтобы целые города стали банкротами в условиях, когда еще не существовало закона о банкротстве, который позволял бы в какой-то мере облегчать последствия такого банкротства? Именно такой аргумент выдвигал председатель Центрального банка России Виктор Геращенко, с которым соглашались многие депутаты Верховного Совета, переименованного после событий 1993 г. в Государственную думу. С молчаливого согласия Егора Гайдара и назначенного после него премьер-министра Виктора Черномырдина глава Центробанка дал указание запустить печатный станок и существенно увеличить выпуск денег, чтобы обеспечить оборотным капиталом предприятия и помочь им преодолеть трудности, которым, казалось, не видно было конца. В определенном смысле многим из этих предприятий удалось выжить в течение последующих лет. Отчасти это произошло благодаря полученным субсидиям, отчасти за счет неуплаты имеющихся долгов, отчасти за счет задержки выплаты рабочим зарплаты дешевевшими из-за инфляции деньгами или за счет временного сокращения персонала. Со своей стороны, рабочие стремились любой ценой закрепиться на своем предприятии, так как это означало,

что они будут иметь жилье и социальные льготы. Если им не платили зарплату, то они просто больше работали на своих приусадебных (или дачных) участках, либо занимались «халтурой» на стороне. В конце концов, это была просто более откровенная форма советского «социального контракта», в соответствии с которым «хозяева притворяются, что платят рабочим, а рабочие притворяются, что работают». Поэтому число безработных было относительно небольшим. Но спираль инфляции продолжала раскручиваться: в 1992 г. она составила 2323 процента, а в 1993 г. все еще продолжала находиться на уровне 844 процентов в год⁴⁹.

Одной из компаний, которой удавалось успешно действовать в этих условиях, был Газпром, созданный в 1989 г. на базе предприятий системы Министерства газодобывающей промышленности СССР, возглавлявшегося Виктором Черномырдиным. Преобразованный в 1992 г. в акционерное общество и приватизированный в 1994 г., Газпром сумел «выторговать» для себя целый ряд налоговых льгот и скупил много находившихся на грани банкротства и потому дешевых предприятий — морских транспортных компаний, авиакомпаний, гостиниц, колхозов и предприятий пищевой промышленности. Таким образом, он превратился в гигантский конгломерат с общей численностью работающих более 360 тыс. человек. К этому числу следует добавить еще около пяти миллионов человек, которые в той или иной степени были связаны с деятельностью Газпрома и зависели от него. Огромные размеры и протекция Виктора Черномырдина, который занимал пост премьера с 1992 по 1998 г., давали Газпрому прекрасные возможности торговаться с государством. Какое же правительство захочет, чтобы пять миллионов человек сразу потеряли работу и стали нищими? Газпром продолжал не платить налоги, ссылаясь на то, что предприятия и городские власти не оплачивают счетов за полученный газ. Газпром скрывал от налоговых органов свою систему отчетности и отказывался от проведения серьезной реорганизации своей структуры⁵⁰.

Никакая другая компания не могла сравниться с Газпромом по мощи и агрессивности. При этом поведение Газпрома было вполне типичным для многих российских предприятий, и это

послужило причиной того, почему России не удавалось получить самое необходимое ей в то время — иностранные инвестиции, которые позволили бы провести структурную реформу промышленности и переоснастить ее современными западными технологиями, отвечающими международным стандартам дизайна, маркетинга и услуг. Зарубежные бизнесмены, посещавшие в те годы Россию, часто сталкивались с тем, что их местные партнеры по бизнесу рассматривали инвестиции не в качестве капиталовложений, необходимых для переоборудования предприятий, а как новую форму социальных субсидий, которая позволила бы им и дальше нести бремя социальной защиты трудящихся. Едва ли стоит говорить о том, что местные предприниматели избегали инвестиций в российскую промышленность, предпочитая экспортировать свой капитал за рубеж, покупая акции иностранных компаний или открывая счета в зарубежных банках. Часто они просто швырялись деньгами, приобретая дорогие катера, спортивные автомобили, строя роскошные виллы и тратя их на другие предметы нарочитой роскоши.

Между тем государство, продав большую часть предприятий производственного сектора экономики возродившейся номенклатуре и «новым русским» по бросовым ценам, само обанкротилось. Оно попыталось поправить свои дела за счет очень высокой ставки налогообложения, которая была помехой на пути и новых инвестиций, и честных бизнесменов. С тех фирм, а их было очень много, которые строили свой бизнес на основе бартера или работали с нарастающей задолженностью, собрать нормальные налоги было просто невозможно. Деловая жизнь превратилась в постоянный поиск способов уклонения от уплаты налогов и перемежалась внезапными визитами налоговых инспекторов для проверки счетов и активов фирм. К 1996 г. государственная казна оказалась в таком плачевном состоянии, что правительство создало специальную Временную чрезвычайную комиссию, получившую полномочия совершать неожиданные «наезды» на офисы компаний, подозреваемых в уклонении от налогов. Название ВЧК было, видимо, дано ей неспроста, а чтобы напомнить о грозной тайной полиции времен Гражданской войны⁵¹.

В ходе второй стадии приватизации в 1995—1996 гг. произошло слияние наиболее прибыльных предприятий в крупные

объединения. Правительство шло на такие приватизационные соглашения, по которым частные фирмы для покрытия растущего дефицита государства предлагали займы в обмен на получение акций предприятий по крайне низким ценам. На этом этапе собственность новых капиталистов была существенно пополнена, и ее передел завершен. Например, Владимир Гусинский, начавший зарабатывать деньги во времена перестройки продажей компьютеров, возглавил финансовую группу «Мост», созданную на базе треста «Мосстрой-1», бывшего в советское время крупнейшей московской строительной организацией. К 1995 г. группа «Мост» при поддержке мэра Москвы Юрия Лужкова уже владела крупным банком, газетой «Сегодня» и телевизионным каналом НТВ. В ее распоряжении находилось более двух с половиной тысяч вооруженных охранников. Борис Березовский, возглавлявший компанию «Логоваз», которая была дистрибьютером по продаже автомобилей, приобрел «Независимую газету» и купил крупный пакет акций телеканала, известного сейчас как Первый канал, которые он использовал вместе с другими акционерами, в том числе банками «Национальный кредит» и «Столичный», Газпромом и информационным агентством ИТАР-ТАСС для поддержки президента и так называемой партии власти. Гусинский, Березовский и другие олигархи, объединив усилия, обеспечили победу Ельцина на выборах 1996 г. В знак благодарности Березовский был назначен на один из ключевых государственных постов⁵².

К 1996 г. возникла полномасштабная корпоративная экономика, когда несколько гигантских конгломератов, поддерживавших тесные контакты с правительственными чиновниками, контролировали большую часть рынка. По иронии судьбы международные финансовые организации способствовали укреплению кланового характера российской экономики, направляя свои займы через узкий круг предпринимателей и консультантов, группировавшихся вокруг «шефа приватизации» Анатолия Чубайса⁵³. Для ведения конкурентной борьбы и для того, чтобы держать излишне любопытных подальше от своих секретов, эти конгломераты содержали целые армии вооруженных охранников. Средние и мелкие фирмы, не имеющие возможности позволить себе такую роскошь, часто были вынуждены платить мзду бандитам,

которые предоставляли им «крышу», если фирмы им платили, либо громили их помещения и убивали руководителей, если те оказывались несговорчивыми. Это было время, когда подозрительные дельцы и подпольные предприниматели «черного рынка» советской эпохи чувствовали себя как рыба в воде. Газеты часто публиковали сообщения о заказных убийствах, совершенных мафией; страх оказаться жертвой преступников стал повседневной реальностью для жителей российских городов⁵⁴.

Стремясь покрыть хронический бюджетный дефицит, Центробанк России выпустил на фондовый рынок под весьма высокий процент государственные краткосрочные облигации (ГКО), которые нашли спрос как в России, так и за ее пределами. Они позволили правительству удержаться на плаву, а кроме того, помогли убедить Международный валютный фонд в платежеспособности России, которая теперь-то уж заслуживала получение крупных займов на реализацию программы экономических реформ. Однако в августе 1998 г. тщательно разработанную и сбалансированную программу действий ожидал бесславный конец. Оказавшись не в состоянии финансировать выкуп ГКО у их владельцев, несмотря на крупный заем МВФ, правительство России заявило о своей неспособности платить по государственным долгам или, проще говоря, объявило дефолт. Буквально за один день крупные московские банки стали неплатежеспособными, а счета олигархов заметно «похудели». Народившийся в последние годы средний класс потерял большую часть своих накоплений. В последующие полгода реальные доходы населения уменьшились на 40 процентов, а курс рубля сократился втрое. Доля населения, живущего за чертой бедности, выросла за это время с 20 до 35 процентов⁵⁵.

Девальвация рубля дала российским производителям шанс приступить к активным действиям по замещению импортного продовольствия и потребительских товаров, которые в предыдущие годы буквально наводнили страну и продавались по искусственно заниженным ценам. Через несколько месяцев на банках и пакетах, стоявших на полках магазинов, вместо иностранных марок стали появляться русские названия. Будущее может подтвердить, что существовавшая до августа 1998 г. экономика была всего-навсего «мыльным пузырем» и держалась

лась исключительно за счет краткосрочных иностранных займов. Сможет ли занять ее место более здоровая экономика, остается пока серьезным вопросом. В стране продолжают существовать сотни заводов с насквозь проржавевшим оборудованием, которые вместо производства занимаются сдачей своих помещений в аренду, во многих регионах сложилась угрожающая экологическая обстановка, а у людей нет достаточной профессиональной подготовки. Все это не дает оснований для большого оптимизма.

Чеченская проблема

Слабость государства дала субъектам Федерации возможность оговаривать для себя особые условия, от величины ставок налогообложения до размеров государственных субсидий, которые они хотели бы получать из центрального бюджета. Но в Чечне проблема была совсем другого рода. Почти двухсотлетняя вражда с Россией усугубилась экономическим упадком в стране и в республике. Чувства неприязни и даже ненависти к русским подогревались и теми чеченцами, которые начиная с пятидесятых годов смогли возвратиться домой после депортации во время войны. Их возвращение совпало с объединением Чечни с Ингушетией.

В 1990 г. Общенациональный конгресс чеченского народа объявил о выходе Чечни из состава Чечено-Ингушетии, предъявив чеченские претензии на 13 из 15 районов, входивших в бывшую объединенную автономную республику. В ноябре того же года конгресс избрал генерала советской авиации Джохара Дудаева своим председателем, который объявил Верховный Совет республики вне закона и в сентябре 1991 г. издал приказ о его роспуске. Затем он объявил о проведении в Чечне выборов президента в рамках независимого государства, отдельно от Ингушетии, и победил на них, набрав 85 процентов голосов избирателей.

Ельцин, ранее поддерживавший Дудаева постольку, поскольку его политика серьезно досаждала Горбачеву, был полон ре-

шимости не допустить развала России вслед за Советским Союзом. Он объявил действия Дудаева неконституционными и ввел в республике чрезвычайное положение, направив туда внутренние войска для восстановления конституционного порядка. Вскоре после прибытия в республику они были окружены чеченскими повстанцами и вынуждены с позором покинуть ее территорию после того, как российский Верховный Совет наложил вето на решение президента и отменил там чрезвычайное положение. После этого Дудаев распорядился о выводе из Чечни всех находившихся там подразделений Российской армии. При этом его боевики либо захватывали силой, либо выкупали оружие у выводимых российских частей, включая самолеты, танки и артиллерийские системы.

Эти события продемонстрировали жалкое состояние, в котором находились силовые структуры страны еще до распада СССР. Они положили начало конфликту, который вскоре был осложнен другими факторами, не связанными с Чечней. Это были проблемы, общие для всех регионов. Термин «клан» (или «род»), который в других местах применялся в фигуральном значении, в Чечне имел прямой смысл, являясь исторически сложившейся базовой социальной структурой, которая хотя и коренилась в сельской местности, но пронизывала всю общественную жизнь республики, включая города. Клан (по-чеченски «тэйп») представлял собой структуру (ядро), в котором экономическая деятельность могла вестись независимо от государства, даже чеченского, не говоря уже о Советском Союзе или Российской Федерации. Он предоставлял каналы торговли оружием и наркотиками, а также располагал техническими и политическими средствами, которые позволяли использовать нефть, перекачиваемую по нефтепроводам, проложенным по чеченской территории, для финансирования любой, в том числе преступной, деятельности. Хотя ходившие по Москве слухи несколько преувеличивали мощь и значение чеченской мафии, она, несомненно, контролировала существенный сегмент организованной преступности не только на территории бывшего Советского Союза, но также в Европе и США. В феврале 1993 г. в Великобритании были убиты два чеченца, прибывшие туда с дипломатическими пас-

портами. Убийцами оказались армяне, которые стремились не допустить продажи Азербайджану ракет из Чечни⁵⁶.

Тэйп (клан) являлся также удобной организационной структурой для формирования народной армии. Разрыв с Россией подорвал или криминализировал большую часть нефтяной и газовой промышленности в республике, поэтому тысячи бывших рабочих стали в ряды регулярной чеченской армии или превратились в бойцов-резервистов. В их распоряжении находилось бывшее российское оружие, которым они всегда могли воспользоваться.

В это время Чечня, несомненно, уже превратилась в крайне серьезную проблему. В течение двух лет Ельцин время от времени вел переговоры с Дудаевым, при этом отказываясь от личной встречи с ним, но так и не смог добиться какой-либо договоренности, которая бы предусматривала отказ непокорной республики от своих претензий на полную независимость. К такой серьезной уступке Ельцин готов не был. В конце концов он решил прибегнуть к другим мерам по устранению Дудаева, используя для этого межродовое соперничество и оказывая поддержку противникам генерала в Чечне. Это был пример классической российской дипломатии, которую Россия часто использовала на своих окраинных территориях. К осени 1994 г. (то есть к моменту, когда перспектива заключения международного соглашения о разработке и транспортировке каспийской нефти делала безотлагательным решение чеченской проблемы) Федеральная служба контрразведки (ФСК) поставляла противникам Дудаева танки, вертолеты и «добровольцев» из Кантемировской гвардейской дивизии (без ведома ее командира). В ноябре они предприняли штурм Грозного. Штурм не удался, много русских военных было захвачено в плен. Таким образом, секретная операция была с позором разоблачена в глазах общественного мнения.

После этого Ельцин уже не мог терпеть дальнейших унижений со стороны Дудаева и отдал приказ о широкомасштабном вводе российских войск на территорию Чечни. Решение было принято в узком кругу политиков и армейских командиров, каждый из которых отстаивал в этом вопросе свои корпоративные интересы. По словам некоторых свидетелей, министр обороны

Павел Грачев не хотел военного вмешательства, но не мог позволить, чтобы его опередили соперники из МВД и ФСК. Армия в целом встретила приказ о вторжении с большой настороженностью. Борис Громов, генерал, последним выводивший советские войска из Афганистана, и Александр Лебедь, который тогда командовал 14-й армией в Молдавии, осудили это решение. Некоторые другие высшие командиры отреагировали на него более осторожно, при этом, однако, отказавшись предоставить свои соединения и части для участия во вторжении. Павел Грачев, Сергей Степашин (тогда еще глава контрразведки) и Виктор Ерин (министр внутренних дел) были вынуждены в таких условиях сколотить довольно «разношерстную» группировку, состоявшую из казаков, пограничников, внутренних войск, воинских частей из региональных и центральных военных округов. Одним словом, туда входили все части, командиры которых пожелали принять участие в кампании. При этом многие солдаты были молодыми, плохо подготовленными призывниками.

Результатом стало новое унижение России. Сорок тысяч российских солдат, сражаясь с уступавшим им по числу «штыков» противником, отряды которого состояли в основном из резервистов, с огромным трудом и ценой больших потерь захватили Грозный. После этого они, не понимавшие целей войны и плохо вооруженные, так и не смогли взять под свой контроль ситуацию в сельских районах, особенно в гористой местности на юге, которая идеально подходит для ведения партизанской войны. Чеченцы же, обладающие российским оружием, проявили себя прекрасными бойцами. Они действовали в знакомой обстановке, пользовались поддержкой населения. Кроме того, их воодушевляли родовое чувство чести и достоинства и желание победить ненавистного врага своей нации. В ходе войны внутренняя оппозиция Дудаеву исчезла, и почти все чеченцы объединились в борьбе против российских захватчиков⁵⁷.

В конечном итоге Ельцин был вынужден признать: его Вооруженные силы не могли победить чеченцев. Он дал указание Александру Лебедю, который к тому времени уже стал секретарем национального Совета безопасности, провести пе-

реговоры с начальником штаба вооруженных формирований Чечни Асланом Масхадовым. Результатом переговоров стала договоренность, достигнутая в августе 1996 г., по которой Россия выводила свои войска из Чечни в обмен на согласие ее руководства не поднимать в течение ближайших пяти лет вопрос о статусе своей республики. На практике Чечня уже стала независимым государством во всем, кроме названия. Сразу же после заключения соглашения чеченские лидеры взяли курс на создание исламской республики. Россия показала, что спустя всего несколько лет после утраты статуса сверхдержавы, претендовавшей на паритет с Соединенными Штатами, она оказалась не в состоянии противостоять крохотному субъекту Федерации в его борьбе за отделение.

Чеченский конфликт продемонстрировал, что даже единственный достаточно амбициозный политик способен воспользоваться противоречивой логикой национально-административного деления, существовавшего в бывшем СССР, чтобы создать свой полукриминальный режим и, объявив себя законным вождем своего народа, бросить успешный вызов могуществу России. Фиаско, которое Россия потерпела в Чечне, со всей остротой поставило перед ней вопрос о том, как после распада СССР следует строить свои отношения с входящими в ее состав национальными республиками.

Россия и «ближнее зарубежье»

Вскоре после провала в августе 1991 г. попытки государственного переворота Ельцин объявил, что «Россия выбрала путь свободы и демократии и никогда снова не станет ни империей, ни «старшим» или «младшим» братом кого бы то ни было. Она будет равной среди равных»⁵⁸. В действительности же она так и не смогла последовательно исполнять эту новую для себя роль и, вероятно, просто не может этого делать в силу ряда объективных причин. Не являясь более мировой сверхдержавой и центром могущественной империи, Россия продолжает оставаться мощной региональной державой. Со-

седние с ней государства дестабилизированы распадом Советского Союза. Даже самая мягкая политическая концепция национальных интересов России и ее политической стабильности предполагала бы распространение ее влияния на соседние государства. Поскольку Россия до сих пор так и не смогла выработать цельную стратегию своих национальных интересов, а также потому, что правительство недостаточно жестко контролирует ситуацию в стране, факты, когда некоторые российские органы иногда позволяют себе в своих действиях выходить далеко за рамки концепции «обычного влияния» на дела своих соседей, представляются просто неизбежными. Многие русские не могут примириться с мыслью о том, что Минск, Донецк, Павлодар и др. находятся теперь уже на территории других государств. В политический лексикон вошел двусмысленный термин «ближнее зарубежье». У России до сих пор нет ясного представления о различиях между внутренней и внешней политикой.

Предложение о создании Содружества Независимых Государств, выдвинутое на встрече в Минске в декабре 1991 г., вначале предполагало участие в нем только России, Белоруссии и Украины, отражая тем самым концепцию «восточнославянского союза». Руководители среднеазиатских республик быстро и энергично отреагировали на это предложение. Особенно резкой была реакция президента Казахстана Назарбаева, который понимал, что реализация этого предложения означала бы потерю половины всех северных территорий Казахстана, где компактно проживало русское население. Поэтому они потребовали включения в состав СНГ Казахстана и других среднеазиатских республик. Это лишало СНГ какого-либо логического политического смысла. Некоторые лидеры рассматривали СНГ как способ воссоздания Советского Союза, только без Прибалтийских республик. Другие же, наоборот, считали СНГ механизмом, который позволит бывшим республикам навсегда покончить со своим «союзным» прошлым. Но структурная аморфность и организационная расплывчатость Содружества делали его неспособным полностью оправдать хотя бы одну из этих возлагавшихся на него надежд.

Во всяком случае, очень скоро страны — члены СНГ поняли, что центростремительные интересы внутри Содружества уступают мощным центробежным силам. Эти силы были наиболее заметными внутри самой России, которая не желала по-прежнему снабжать своих соседей топливом и сырьевыми материалами по ценам гораздо ниже общемировых. Кроме того, она не хотела, чтобы российская валюта подрывалась беспорядочной эмиссией рублей центральными банками стран Содружества без соблюдения жестких требований монетарной политики. К 1993 г. рублевая зона, распространявшаяся ранее на все СНГ, была отменена, что вызвало резкое сокращение межреспубликанской торговли по советскому образцу. В ответ на это и даже предвидя это, независимые республики стали искать себе торговых партнеров среди других стран. Причем каждая делала это с учетом своих экономических возможностей и географического положения.

В некоторых республиках фактором, способствовавшим ослаблению связей с Россией, явились националистические настроения, направленные против русских. Это было особенно характерно для Прибалтийских республик (которые в результате воздержались от вступления в СНГ), для Западной Украины, Молдавии, Грузии и в некоторой степени Азербайджана. В Эстонии и Латвии (но не в Литве) были приняты законы, по которым гражданином их стран считались любой человек, проживавший там до 1940 г., а также его прямые наследники. Такое положение автоматически лишало гражданства многих русских, основная часть которых прибыла в Прибалтику после 1945 г. Это, в свою очередь, отнимало у них право голосовать и избираться на государственные посты, затрудняло их участие в процессе приватизации. Этнические русские не смогли организовать для того, чтобы добиться принятия более выгодного для них закона, а Российская Федерация не оказала им реальной помощи в этом вопросе, несмотря на свои громкие обвинения Эстонии и Латвии в проведении дискриминационной политики. Тем не менее некоторые русские, проживавшие там, были, несомненно, удовлетворены своей скромной долей в растущем благосостоянии Прибалтики.

В Молдавии, напротив, русскоговорящее население заняло активную оборонительную позицию. После объявления независимости от Советского Союза руководство Молдавии стало проводить политику, явно тяготеющую к Румынии. Это заставило местных русских и украинцев создать на левом берегу Днестра свое «мини-государство» — так называемую Приднестровскую республику. В 1992 г. она подверглась нападению со стороны вооруженных отрядов молдавских добровольцев, но на ее защиту выдвинулись части российской 14-й армии, которая все еще дислоцировалась в Молдавии. В июне 1992 г. ее командиром стал Александр Лебедь, оказавшийся мудрее своего предшественника. Он провел переговоры между противоборствующими сторонами, в результате чего за Приднестровьем временно закрепился статус независимого государственного образования. В соответствии с достигнутой договоренностью за положением дел в республике должна была наблюдать специально созданная с этой целью трехсторонняя миротворческая комиссия из представителей России, Молдавии и Приднестровья⁵⁹.

Однако в большинстве случаев националистические чувства, возникавшие в той или иной республике, были направлены не против русских, а против соседних этносов.

К концу 1991 г. конфликт в Нагорном Карабахе, несмотря на попытки мирного посредничества со стороны сначала СССР, а затем ОБСЕ, перерос в полномасштабную войну. Карабах всегда являлся центральным объектом деятельности армянского демократического движения. Отряды армянской самообороны постепенно вливались в регулярные вооруженные силы Армении и видели свою главную задачу в том, чтобы отвоевать Карабах у Азербайджана. К 1993 г. они достигли этой цели, более того, им удалось захватить коридор, связывавший Армению с Карабахом, и выйти на границу с Азербайджаном. Поддерживала ли их Россия в этой военной операции, о чем тогда ходило немало слухов, до сих пор остается неизвестным, но Армения вскоре согласилась разместить на своей территории российские военные базы.

В 1990 г. Абхазия заявила о своем отделении от Грузии, а уже в 1992—1993 гг. большинство проживавших в Абхазской Автономной Республике грузин бежали оттуда. Между Грузией

и Абхазией начались боевые действия. В связи с этим проявился глубокий раскол в российском руководстве: Министерство обороны направляло в Абхазию вооружение и военные самолеты, а Министерство иностранных дел во главе с Андреем Козыревым пыталось найти решение этого конфликта через посредничество ООН. Организация Объединенных Наций настолько затянула с выработкой своей позиции по этому вопросу, что к моменту прибытия в зону грузино-абхазского конфликта первых наблюдателей ООН война уже закончилась. Это стало ярчайшим примером полной неспособности уважаемой международной организации удовлетворить просьбу хотя бы ряда представителей правительства России перевести некоторые вопросы своей национальной безопасности в плоскость международного права. Чтобы вернуть себе расположение России, Грузия дала согласие на присоединение к СНГ и разрешила России держать свои войска на грузинской территории.

В Таджикистане разразился вооруженный конфликт между региональными политическими кланами. Прежнее коммунистическое руководство пользовалось поддержкой населения в Ходжентской и Кулябской областях, а довольно разрозненные группы оппозиции обосновались в районе города Курган-Тюбе. Среди них была Партия исламского возрождения, которая получала оружие и бойцов из-за границы, точнее, из Афганистана. Под предлогом борьбы с угрозой распространения мусульманского фундаментализма и расширения контрабанды наркотиков Россия направила в Таджикистан Вооруженные силы СНГ, чтобы перекрыть таджикско-афганскую границу. Эти силы пытались соблюдать нейтралитет в то время, пока стороны договаривались о восстановлении мира в республике⁶⁰.

Во всех трех перечисленных случаях Россия имела вполне законные интересы по обеспечению стабильности вблизи своих границ и в стратегически важных районах, примыкающих к ним. После Абхазии она уже могла с определенным основанием говорить о недостаточной эффективности выполнения этих функций международными организациями. С другой стороны, было ясно и то, что Россия использовала приграничные конфликты для проявления на деле своего политического и военного влия-

ния на территории бывшей советской империи. Это непосредственно относилось к Кавказу, где Россия преследовала жизненно важные — с точки зрения обеспечения своей безопасности — интересы, особенно в свете начавшейся международной конкуренции за влияние в этом богатом нефтью регионе. Тем не менее многовековое стремление России к постоянному территориальному расширению явно ослабло. Президент Белоруссии Александр Лукашенко совершенно неприкрыто выражал желание воссоединиться с Россией, и подписанное в апреле 1997 г. соглашение было почти полноценным договором о союзе между Россией и Белоруссией. Но Россия не проявила заинтересованности идти в этом вопросе до конца, не желая принимать на себя тяготы по восстановлению белорусской экономики, переживавшей тяжелейший кризис. Настало наконец время, когда имперские интересы утратили безусловный приоритет в российской политике.

Таким же был подход России и к отношениям с Украиной. В мае 1997 г. две страны подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, в котором признавалась неприкосновенность украинских границ. Согласно договору бывший советский Черноморский флот со всеми его военно-морскими базами был поделен между двумя государствами. Россия воздерживалась от того, чтобы сыграть на интернациональных чувствах многих украинцев, выступавших за воссоединение с Россией. Она также не оказала поддержки сепаратистскому движению в Крыму, которое стремилось к созданию там российского доминиона.

Внешняя политика

Распад Советского Союза поставил Россию в парадоксальную ситуацию. «Холодная война» закончилась, а вместе с ней исчезла и главная для страны стратегическая угроза. Но многие видели, что эта «война» завершилась поражением России. Население страны по сравнению с Советским Союзом сократилось почти вдвое, территория значительно уменьшилась, и

теперь Россия не имела общей границы ни с одним центральноевропейским государством (исключение составил только Калининград, расположенный на побережье Балтийского моря). Россия потеряла прямое сообщение с некоторыми принадлежавшими ей районами, например, на Кавказе и в Прибалтике, где она веками вела борьбу за свое господство. Занимавшая когда-то главное место в составе мировой сверхдержавы, претендовавшей на паритет с Соединенными Штатами, Россия скатилась на положение всего лишь северной евроазиатской региональной державы, сравнимой по влиянию, скажем, с Бразилией или Индонезией. Различие между ними состояло только в том сомнительном наследии, которое Россия получила от Советского Союза, — обладании ядерным оружием.

Подходы разных политических групп к внешней политике были диаметрально противоположными. Сторонники «атлантической» стратегии, последователи политики Горбачева — Шеварднадзе, надеялись обеспечить безопасность России, продолжая процесс разоружения и сотрудничества с Западом и с международными организациями в решении конфликтов, что открывало бы дорогу западным инвестициям, столь необходимым для развития российской экономики. «Евразийцы», напротив, считали, что Запад хочет просто использовать Россию в качестве новой колонии и поставщика дешевого сырья и стремится распространить свое господство на территорию стран, входивших ранее в состав Варшавского Договора, и даже на бывшие республики Советского Союза. Они рекомендовали развивать отношения с азиатскими государствами, включая те, к которым Соединенные Штаты относились с подозрением, такими, например, как Иран и Ирак. Они также ратовали за использование всех имевшихся в распоряжении России сил и средств, включая военные, чтобы укрепить свое влияние в «ближнем зарубежье».

Поначалу внешнеполитический истеблишмент склонялся к «евроазиатской» концепции. Правда, Андрей Козырев, занимавший пост министра иностранных дел России с 1991 по 1996 г., все это время оставался страстным сторонником прозападной стратегии, и Ельцин еще в конце лета 1992 г. говорил о «демократической зоне взаимного доверия, сотрудничества и безо-

пасности... простирающейся через все северное полушарие»⁶¹. Соглашения о выводе российских войск из Центральной Европы и Прибалтики были полностью выполнены.

Но само признание наличия у России национальных интересов — понятие, которого советские политики старались избегать как устаревшего и «буржуазного», — заставляло их российских наследников придерживаться позиции «здорового эгоизма». Такая позиция подкреплялась и тем, что объемы помощи России со стороны государств Запада и международных финансовых организаций оказались меньше ожидавшихся. Западные державы пригласили Россию участвовать в политических консультациях клуба «большой семерки», назвав новую консультативную организацию «большой восьмеркой», а в 1992 г. эти страны сумели подготовить для России пакет финансово-экономической помощи общей стоимостью около 24 млрд долларов. Но полномочия по распределению этих средств они передали под контроль Международного валютного фонда, проводившего строгую кредитную политику и не желавшего, чтобы выделяемые фондом средства попадали в руки мафиозных структур и нечестных бизнесменов. Поэтому фактически выделенная помощь оказалась намного меньше той, которую ожидала Россия. Это позволило оппозиции обвинить демократов в том, что в обмен на пустые обещания Запада они продали самое ценное, что Россия унаследовала от СССР, — право иметь ракеты среднего радиуса действия и держать свои войска в Центральной Европе. В октябре 1992 г. Ельцин грозно заявил, что «Россия — это не та страна, которую можно долго держать в прихожей»⁶². Столь резкий спад в российско-западных отношениях продемонстрировал, насколько трудно будет интегрировать Россию в систему коммерческих и финансовых организаций Запада и в мировую экономику в условиях ускоряющегося процесса глобализации и усиления всеобщей взаимозависимости.

Политика западных держав, предусматривавшая продвижение НАТО на восток за счет включения в Североатлантический блок Польши, Чехии и Венгрии, еще более усилила чувство разочарования в Западе даже среди демократически настроенных политиков, особенно в среде национал-коммунистической оппозиции. Тем не менее реакция России на та-

кую позицию Запада никогда не была слишком резкой или недостаточно взвешенной. В 1994 г. Россия присоединилась к организации под названием «Партнерство ради мира», являвшейся своего рода «комнатой бессрочного ожидания» для желающих вступить в НАТО. Цели, провозглашенные новой организацией, предусматривали проведение консультаций по всем вопросам, представлявшим угрозу миру и безопасности, и активизацию сотрудничества в военной области, включая проведение совместных войсковых учений. В мае 1997 г. Ельцин подписал Хартию между Россией и НАТО, в соответствии с которой Россия давала согласие на расширение НАТО в обмен на свое постоянное присутствие в штаб-квартире Североатлантического блока в Брюсселе. Она также получала право на участки в консультациях по всем ключевым вопросам и заверение НАТО в том, что она не будет размещать свои войска и вооружения на территории новых стран-участниц. Однако уже весной 1999 г. страны НАТО осуществили военное вмешательство в Югославии, не получив прямой санкции от ООН и не обращая внимания на возражения России. Целью вмешательства была защита проживавших в Косове албанцев от «этнических чисток». Бомбардировки Сербии возродили и усилили российские опасения в отношении расширения НАТО. Возможно, именно тогда большинство россиян впервые стали искренне воспринимать НАТО в качестве своего главного врага и увидели в бомбардировках Косова генеральную репетицию того, что НАТО планирует осуществить впоследствии на территории России.

Осенью 1999 г. бывший тогда премьер-министром России Владимир Путин смог воспользоваться этим чувством незащищенности, которое испытывали многие российские граждане. В ответ на захват чеченскими боевиками нескольких селений в соседнем с Чечней Дагестане и взрывы (до сих пор так и не получившие полного объяснения) двух многоквартирных домов в Москве он дал военным «добро» на начало новой военной операции против Чечни, надеясь раз и навсегда покончить со взбунтовавшейся республикой. Таким образом он хотел вернуть России статус великой державы и продемонстрировать ее решимость контролировать ситуацию

на всей своей территории. Данная позиция вызвала широкую поддержку среди российского населения и обеспечила уверенную победу избирательному блоку «Единство», поддержанному Путиным на выборах в Государственную думу в декабре 1999 г. За шесть месяцев до истечения срока своих полномочий Ельцин заявил об отставке, что позволило Путину занять место в его кресле и победить на президентских выборах в марте 2000 г., выступая на них уже в должности исполняющего обязанности президента.

Россия на пороге нового века

Россия вступила в новое тысячелетие, обремененная грузом нерешенных проблем в отношении своего места в современном мире. В то же время за ней тянется шлейф идей и понятий из прошлого, мешая адаптироваться к условиям нового, XXI века. Ей необходимо определить наконец свои национальные интересы в новых условиях, так как имперский статус, которым она обладала на протяжении нескольких веков, сдерживал ее развитие и завел страну в тупик (о чем говорилось в предыдущих главах настоящей книги). Из этого следует, что строительство нового российского государства на развалинах Советского Союза отнюдь не является автоматическим процессом. Кто такие россияне? Где должны проходить государственные границы новой России? Какой тип государственности более всего ей подходит? В широком смысле на сегодняшний день существуют пять возможных сценариев развития российской нации.

1. Россия создает и удерживает огромную многонациональную империю в северной Евразии. Этот путь имеет самые глубокие корни в российской истории. При таком сценарии государственные границы России будут близки к тем, которые существовали во времена Советского Союза.

2. Россия становится государством восточных славян, что предполагает наличие какого-либо официального союза между Россией, Украиной и Белоруссией.

3. Россия становится государством русскоязычного населения независимо от его национального состава и гражданского статуса. Поскольку русскоязычное население оказалось сильно рассеянным по территории бывшего СССР, этот сценарий предполагал бы наличие некоторой концепции гражданского статуса, не зависящего от государственных границ.

4. Россия существует как Российская Федерация, гражданство в которой не зависит от национальной принадлежности.

5. Россия существует как Российская Федерация с преференциальным статусом у этнических русских⁶³.

Четвертый сценарий ближе всего к современной реальности, но на практике немногие русские готовы допустить, что существующая сегодня страна и есть та самая Россия, какой они ее себе представляют. Пятый сценарий для русских явно привлекательнее, и они могут прибегнуть к нему, если окажутся не в состоянии решить свои геополитические проблемы другим способом.

После падения Советского Союза в выгодном положении оказалась Православная церковь, которой на руку новый расцвет патриотизма и предоставление рядовым россиянам духовной свободы и которая могла бы служить центром нарождающейся российской государственности. Однако тесные связи с государством на протяжении всех прошлых лет и пассивность приходской жизни, которую Русская православная церковь унаследовала от советских времен, мешают ее развитию. Опасаясь других конфессий, особенно пришедших из-за границы и получающих оттуда финансовую поддержку и новейшие информационные технологии, Православная церковь обратилась к Госдуме с просьбой ввести определенные ограничения на их деятельность. Эта просьба нашла положительный отклик в Думе, вынесшей по этому вопросу соответствующее решение. Появилась опасность, что вместо того, чтобы служить сплочению россиян, Церковь может поспособствовать еще большему их разъединению.

На протяжении многих веков, противостоя опасностям и испытаниям, подстерегавшим русских в северной Евразии, Россия была вынуждена находить нестандартные решения по

мобилизации своих ресурсов, используя для этого любые имеющиеся в ее распоряжении средства. В основном это были местные властные структуры, основанные на личном знакомстве, что давало возможность обходиться без основополагающих законов и соответствующих институтов гражданского общества. На сегодняшний день эта практика полностью себя изжила, но оставила злостное наследие в виде ослабленного государства и хронически неэффективной экономики. Среди всех других стран Россия, видимо, будет наиболее трудным объектом для включения в глобальную систему мирового хозяйства, поскольку, имея многие черты и характеристики, присущие развивающимся странам, российская экономика одновременно с этим деформирована не соответствующими ее общему уровню развития огромными капиталовложениями в тяжелую и оборонную промышленность, которые делались ради поддержания статуса великой державы.

Тем не менее десять лет спустя после развала Советского Союза российское общество, кажется, обрело черты некоторой стабильности. То, как страна выстояла после дефолта, случившегося в августе 1998 г., и тот факт, что она смогла добиться даже лучших, по некоторым спорным данным, экономических показателей по сравнению с периодом до 1998 г., свидетельствуют, что начали действовать жесткие и активные социально-экономические механизмы. Коммунистическая партия Советского Союза ушла с политической сцены, но номенклатурная элита выжила и приспособилась к новым общественным условиям, пополняя свои ряды молодежью и дельцами из бывшей теневой экономики. Действительно, она во второй раз за свою историю сумела освободиться: первый раз это произошло в 1950-х гг., когда номенклатура освободилась из-под ига сталинского террора, а в 1990-х гг. она сбросила со своей шеи ярмо КПСС, Госплана и КГБ. Прямо или косвенно номенклатура контролирует львиную долю всей экономики страны, приобретая ее в частную собственность у государства по бросовым ценам.

Результатом стало общество, держащееся главным образом на личных связях и на огромных полномочиях президента, которому Конституция предоставляет почти неограниченную

власть. Существуют и различные политические партии, и независимые общественные институты, но, как правило, они не имеют прочных позиций, и само их существование часто зависит от поддержки президента. Переход власти от Ельцина к Путину был осуществлен в откровенно патриархальном ключе, а вторая чеченская война была начата как будто для того, чтобы новый вождь смог продемонстрировать свою силу. Следует подождать, чтобы увидеть, сможет ли Путин применить свою власть для обуздания олигархов, которые контролируют новые финансово-промышленно-информационные конгломераты. Другим объектом его борьбы должны стать губернаторы областей и краев, руководящие своими территориями крайне авторитарными методами.

А между тем уровень доверия россиян к властям страны весьма низок. Тот, кто имеет возможность, обращается за поддержкой и помощью к отдельным авторитетным и богатым личностям, остальные зарабатывают на жизнь, занимаясь обменом товаров и услуг, что они делали еще при Советской власти. Но сегодня эти способы уже не всегда срабатывают: все большее значение приобретают деньги, так как медицинское обслуживание и образование уже не являются безусловно бесплатными услугами. Результатом этого стало резкое ухудшение здоровья большинства населения и снижение продолжительности жизни в России.

Тем не менее демократические институты сумели пережить все перипетии постсоветского лихолетья. Газеты, радио и телевидение испытывают сильное давление со стороны своих хозяев-олигархов, но продолжают оставаться вполне привлекательными, а их разнообразие свидетельствует о том, что практически любой человек, желающий быть в курсе событий, может найти любую интересующую его информацию. Парламентские выборы и выборы в местные органы власти стали неотъемлемой частью общественной жизни, хотя готовность правительства к мирной передаче власти в руки оппозиции в случае победы последней пока находится под вопросом. Обе законодательные палаты продолжают сохранять серьезные полномочия. Далеко не всегда способные добиваться своих целей, они имеют право критиковать и отслеживать деятельность исполнительной власти, отвер-

гая или внося поправки в предлагаемые правительством законопроекты и обсуждая вопросы, волнующие российскую общественность.

Пока трудно сказать, станет ли сильная президентская власть, поддерживаемая снизу извечной системой взаимного покровительства, постоянной чертой российской политической жизни, или она представляет собой лишь «временные строительные леса», под прикрытием которых формируются долговременные демократические институты.

Перед Россией стоят крайне сложные проблемы, но будущее далеко не безнадежно. Парадоксальное геополитическое положение страны, которое всегда порождало для нее так много трудностей, в настоящее время превратилось в почти неоспоримое преимущество. Впервые за всю ее многовековую историю России не грозит сколько-нибудь серьезная внешняя опасность, и страна не должна более перенапрягать свою экономику, выделяя огромные ресурсы на поддержание обороноспособности. В то же время новейшие технологии XXI в. намного облегчают добычу щедро разбросанных по ее огромной территории природных богатств. В последнее десятилетие XX в. неумелое руководство страной и доставшиеся в наследство от советских времен теория и практика управления экономикой делали невозможной реализацию этих преимуществ. Более того, их даже не замечали. Последующие поколения смогут, видимо, обратить их себе на пользу.

Этому будет способствовать и то, что культурная и интеллектуальная жизнь в России продолжает активно развиваться, несмотря на крайне недостаточное государственное финансирование этой сферы. Наука и техника, хотя и понесшие серьезные потери за последние десятилетия, все еще остаются на довольно высоком международном уровне. Вероятно, для большинства россиян наиболее привлекателен образ России как нации, сплоченной лингвистическими и культурными традициями; нации, которая говорит на русском языке и воспитана на культуре Пушкина и Толстого, Мусоргского и Шостаковича, Репина и Шагала. Главное достижение советской системы образования состоит в том, что это культурное наследие перестало быть достоянием лишь элитных слоев об-

щества. Русская культура отличается какой-то особенно ярко выраженной жизненностью и человечностью, она привлекает к себе не только россиян, но широко распространена и за пределами России. Кроме того, она, вне всякого сомнения, европейская культура и некоторым образом компенсирует политическое и экономическое своеобразие России, которое всегда делало эту страну непонятной для Запада.

Россия, пройдя различные этапы развития, является великой страной, сумевшей выжить на протяжении многовековой истории своих народов. Как показано в настоящей работе, она не раз переживала трудные, даже отчаянные исторические периоды, некоторые порой оказывались намного серьезнее, чем ее нынешнее положение. Но страна находила в себе силы с честью выходить из этих ситуаций и пережила несколько периодов относительного процветания. Ее общество и культура характеризуются чрезвычайной гибкостью и способностью к адаптации. Тем не менее Россия нуждается в государственных деятелях, обладающих недюжинными дарованиями и политическим видением, способных не только изменить страну, но и сохранить все ценное, что было в ее истории, перестроив ее таким образом, чтобы она соответствовала требованиям и условиям жизни в XXI в.

Хронология

860 г. — первое упоминание в летописях о появлении росов (варягов) у стен Константинополя

Около 880—912 гг. — правление князя Олега, объединившего Новгородское и Киевское княжества

911 г. — русы нападают на Константинополь и добиваются торговых уступок со стороны Византии

965 г. — победа князя Святослава над хазарами в Нижнем Поволжье

978—1015 гг. — правление князя Владимира, во время которого (около 988) произошло крещение Руси

1019—1054 гг. — правление князя Ярослава Мудрого

1054 г. — раскол между Римской и Византийской церквями

1097 г. — заключение Любечского соглашения между русскими князьями

1103, 1111 гг. — успешные выступления киевских дружин против половцев

1113—1125 гг. — правление князя Владимира Мономаха

1136 г. — первые выборы посадника в Новгороде

1147 г. — первое упоминание Москвы в летописях

1157—1174 гг. — правление Андрея Боголюбского во Владимиро-Суздальском княжестве

1165 г. — Новгородская епархия получает статус архиепископства

1169 г. — покорение Киева Андреем Боголюбским

1199 г. — объединение Галицко-Волынского княжества под властью Романа Мстиславича

1201—1202 гг. — основание Риги и германского ордена Меченосцев (позднее слившегося с Тевтонским орденом)

1221—1264 гг. — правление князя Даниила в Волыни

1223 г. — битва на р. Калке

1236—1263 гг. — правление в Новгороде князя Александра Невского, который в 1252 г. получил также и Владимирский престол

1237—1242 гг. — монгольские полчища Батия завоевывают бóльшую часть территории Руси; столица Половецкого ханства (Золотой Орды) размещается в г. Сарай на Нижней Волге

Ок. 1238—1263 гг. — правление в Литве князя Миндаугаса

1240—1242 гг. — победа русских дружин под командованием князя Александра Невского над шведами на р. Неве и разгром тевтонских рыцарей на льду Чудского озера

1257—1258 гг. — подавление Александром Невским с помощью монголов серьезного бунта в Новгороде

Ок. 1276—1303 г. — сын Александра Невского Даниил садится на княжеский престол в Москве

1299 г. — перевод митрополичьей кафедры из Киева во Владимир

1303—1325 гг. — княжение Юрия Даниловича в Москве

1316—1341 гг. — правление в Литве князя Гедимина и расширение территории Литовского княжества на юг и восток

1325—1341 гг. — княжение в Москве Ивана I (Калиты), который с 1328 г. получает титул Великого князя

1326 г. — перевод митрополичьей кафедры из Владимира в Москву

1327 г. — подавление с помощью московского князя Ивана Калиты восстания против монгольского ига в Твери

1341—1353 гг. — правление в Москве князя Симеона I

1341—1377 гг. — правление в Литве князя Ольгерда, при котором Литва добивается самых значительных за всю свою историю территориальных завоеваний

1359 г. — убийство хана Берди-бека и начало распада Золотой Орды

1359—1389 гг. — правление в Москве князя Дмитрия Донского

1360—1370 гг. — династическое противоборство в Золотой Орде

1362 г. — победа литовцев над Золотой Ордой в битве на р. Синие Воды

1377—1398 гг. — правление в Литве князя Ягайло, который в 1386 г. женится на польской принцессе Ядвиге, заключив личную унию с Польшей

1380 г. (8 сентября) — битва на Куликовом поле; победа Дмитрия Донского над ханом Мамаем, претендовавшим на верховную власть в Золотой Орде

1382 г. — разграбление Москвы ханом Золотой Орды Тохтамышем

1385—1386 гг. — заключение Кревской унии между Литвой и Польшей

1389—1425 гг. — правление в Москве князя Василия I

1391 г. — разгром войск хана Тохтамыша ханом Чагатайского каганата Тимуром; разграбление Сарай-Берке, столицы Золотой Орды

1392—1430 гг. — правление в Литве князя Витовта

1398 г. — присоединение к Москве Нижнего Новгорода

1399 г. — победа Золотой Орды над литовскими войсками в битве на р. Ворскле

1403—1404 гг. — завоевание и присоединение Литвой Смоленска

1410 г. — победа объединенных польско-литовских войск над рыцарями Тевтонского ордена в Грюнвальдской (Танненбергской) битве

1413 г. — объединение польско-литовской шляхты в результате заключения Гродненского соглашения

1425—1462 гг. — правление в Москве Василия II, отмеченное длительной междоусобной борьбой среди русских князей

1438—1439 гг. — Ферраро-Флорентийский собор и кратковременное воссоединение Католической и Православной церквей; отказ Москвы признать решения Флорентийского собора

1448 г. — рукоположение святителя Ионы, противника Флорентийской унии, в сан митрополита Московского

1453 г. — падение Византии под ударами Османской империи

1462—1505 гг. — правление князя Ивана III

1471 г. — победа Москвы над Новгородом, который вынужден отказаться от союза с Литвой и становится данником Москвы

1472 г. — женитьба Ивана III на Софье Палеолог, дочери последнего императора Византии

1478 г. — Новгород официально признает над собой власть Москвы

1480 г. — «стояние на Угре» и отказ Москвы платить дань Золотой Орде

1480—1490-е гг. — распад Золотой Орды на отдельные мелкие ханства

1485 г. — завоевание Москвой Твери и присоединение ее к Московскому княжеству

1497 г. — издание на Руси первого общегосударственного кодекса («Судебника»)

1505—1533 гг. — правление князя Василия III

1510 г. — покорение Пскова

1533—1584 гг. — царствование Ивана IV (Грозного)

1533—1538 гг. — регентство матери Ивана IV Елены Глинской

1547 г. — помазание на царство Ивана IV и провозглашение его самодержцем всея Руси

1549—1556 гг. — собор на Лобном месте и заседания Земского собора (1550); попытки реформ

1551 г. — Стоглавый собор Русской церкви

1552 г. — покорение Казани и присоединение Казанского ханства к Москве

1553 г. — Ричард Ченслер терпит кораблекрушение в Белом море и прибывает в Москву; начало торговых отношений между Россией и Англией

1556 г. — покорение Астраханского ханства и присоединение его к Москве

1558—1582 гг. — Ливонская война (созыв в 1566 г. Земского собора для обсуждения вопросов ведения войны)

1564 г. — издание в Москве первой печатной книги — «Деяния Апостолов»; бегство в Литву князя Андрея Курбского

1564—1572 гг. — раздел Московии на «опричнину» и «земщину»

1569 г. — заключение польско-литовской Люблинской унии, предусматривавшей создание Содружества между двумя государствами

1570 г. — карательная экспедиция московских войск в Новгород и резня на р. Волхове

1571 г. — набег на Москву крымских татар и ее разграбление

1581 г. — убийство Иваном IV старшего сына и наследника престола

1581 г. — отмена «Юрьева дня», в который крестьянам разрешалось уходить от своих владельцев; издание первой печатной Библии на церковно-славянском языке

1584—1598 гг. — царствование Федора Иоанновича

1589 г. — установление Московского патриархата

1596 г. — Брестская уния и образование Грекокатолической, или униатской, церкви в польско-литовском государстве

1598—1605 гг. — правление царя Бориса Годунова

1604—1613 гг. — «Смутное время»

1605 г. — коронование в Москве Лжедмитрия I

1606 г. — свержение Лжедмитрия I; коронование боярина Шуйского; восстание крестьян под предводительством Ивана Болотникова

1608 г. — появление Лжедмитрия II, жившего со своим двором в деревне Тушино под Москвой

1610 г. — низложение Шуйского; захват Москвы польскими войсками

1611—1612 гг. — создание Мининым и Пожарским народного ополчения и выдворение поляков из Москвы

1613 г. — Земский собор; избрание на царство Михаила Романова

1613—1645 гг. — царствование Михаила Федоровича Романова

1617 г. — заключение Столбовского мира со Швецией

1618 г. — начало четырнадцатилетнего перемирия с Польшей; освобождение из польского плена Филарета Рома-

нова — отца царя Михаила Федоровича; после возвращения в Москву Филарета избирают Патриархом Московским и всея Руси, и он остается фактическим соправителем царя Михаила вплоть до своей смерти в 1633 г.

1632—1634 гг. — неудачная военная кампания против Польши

1632 г. — основание на р. Лене в Восточной Сибири города Якутска

1637 г. — захват донскими казаками Азова

1639 г. — казаки-первопроходцы впервые достигают Тихоокеанского побережья

1645—1676 гг. — правление царя Алексея Михайловича

1648 г. — основание на берегу Охотского залива первого русского поселения на Тихоокеанском побережье; бунты в Москве; Богдан Хмельницкий поднимает казаков на восстание против поляков

1649 г. — принятие Земским собором «Соборного уложения»

1649—1652 гг. — экспедиция во главе с Хабаровым выходит на берега Амура; первые столкновения с китайскими войсками

1652 г. — избрание патриархом святителя Никона

1653 г. — проведение Никоном первых реформ чина литургии и исправление старых переводов религиозных книг

1654—1667 гг. — война с Польшей, окончившаяся заключением Андрусовского мира

1658 г. — отречение Никона

1666—1667 гг. — предание Церковью анафеме всех, не признававших церковных реформ

1668—1676 гг. — восстание в Соловецком монастыре

1670—1671 гг. — крупное восстание на юго-востоке России под предводительством Степана Разина

1676—1682 гг. — царствование Федора Алексеевича

1682—1725 гг. — правление Петра I (правившего до 1696 г. совместно с Иваном V)

1682 г. — стрелецкое восстание в Москве; отмена местничества

1685 г. — открытие в Москве Славяно-греко-латинской академии

1686 г. — «вечный мир» с Польшей; вступление России в Священный союз

1687, 1689 гг. — неудачные военные кампании под руководством князя Голицына против крымских татар

1689 г. — подписание Нерчинского мира и демаркация границ с Китаем; свержение правительницы Софьи Алексеевны

1695—1696 гг. — две военные экспедиции по захвату Азова, вторая из которых завершилась успехом

1697—1698 гг. — «Великое посольство» Петра I в страны Северной Европы

1698 г. — последний стрелецкий бунт и упразднение стрелецкого войска

1700 г. — поражение русской армии под Нарвой от шведов

1703 г. — основание новой столицы Санкт-Петербурга

1705 г. — создание регулярной армии и введение обязательной воинской повинности

1708 г. — переход украинского гетмана Мазепы на сторону Швеции; восстание на Дону под предводительством Кондратия Булавина

1709 г. — разгром шведов под Полтавой

1711 г. — учреждение «Правящего Сената»

1718 г. — введение коллегий

1721 г. — отмена патриаршества и создание вместо него Духовной коллегии, преобразованной впоследствии в Священный синод; окончание Северной войны и заключение Ништадтского мира, по которому к России отошла Прибалтика

1722 г. — учреждение Табели о рангах; Украина лишается автономии и права избирать себе гетманов

1723 г. — введение подушной подати

1725—1727 гг. — правление императрицы Екатерины I

1725—1727 гг. — экспедиция во главе с Витусом Берингом открывает пролив, отделяющий Сибирь от Аляски

1726 г. — создание Академии наук

1727—1730 гг. — правление императора Петра II

1730—1740 гг. — правление Анны Иоанновны

1730 г. — при коронации Анна сначала признает «кондиции», представленные ей могущественными группировками при дворе, но затем отвергает их

1731 г. — казахи Малой Орды признают над собой власть Москвы

1736 г. — неудачная военная кампания под предводительством Миниха против крымских татар

1740—1741 гг. — правление Ивана VI

1741—1761 гг. — правление императрицы Елизаветы

1753 г. — отмена внутренних таможенных сборов

1754 г. — учреждение первой комиссии по созданию свода законов во главе с Петром Шуваловым

1755 г. — открытие Московского университета

1756—1763 гг. — Семилетняя война

1761—1762 гг. — правление Петра III

1762 г. — освобождение дворянства от обязательного несения государственной службы

1762—1764 гг. — секуляризация церковных земель и имущества

1762—1796 гг. — правление императрицы Екатерины II

1765 г. — учреждение Вольного экономического общества

1767—1768 гг. — создание Уложенной комиссии

1768—1774 гг. — война с Османской империей, окончившаяся Кючук-Кайнарджийским миром

1769 г. — введение в обращение бумажных денег (ассигнаций)

1772, 1773, 1795 гг. — разделы Польши

1773—1775 гг. — восстание под предводительством Емельяна Пугачева

1775 г. — административная реформа на местах: «Учреждение о губерниях и уездах»

1783 г. — основание Российской Академии; Грузия становится протекторатом России; присоединение Крыма

1785 г. — шейх Мансур объявляет «священную войну» и призывает все кавказские народы к борьбе против русских захватчиков; Жалованная грамота дворянству; Жалованная грамота городам

1786 г. — провозглашение Национального уложения о просвещении

1787—1791 гг. — война с Османской империей, окончившаяся Ясским миром

- 1791 г. — введение «чет ты оседлости» для евреев
1792 г. — основание Одессы
1796—1801 гг. — правление императора Павла I
1797 г. — ограничение барщины тремя днями в неделю и запрещение барщины по воскресным дням
1801—1825 гг. — правление императора Александра I
1801 г. — присоединение Грузии
1802 г. — учреждение министерств вместо коллегий
1804—1813 гг. — война с Персией
1805—1807 гг. — война Третьей коалиции против Франции, закончившаяся Тильзитским миром
1806—1809 гг. — война с Османской империей, окончившаяся подписанием Бухарестского мирного договора, по которому Бессарабия отходила к России
1808—1809 гг. — война против Швеции; завоевание Финляндии
1809 г. — провозглашение Великого княжества Финляндского
1810 г. — создание Государственного Совета
1812 г. — наполеоновское вторжение в Россию; поражение французских войск и изгнание их с территории России
1815 г. — Венский конгресс; создание Священного союза; создание Королевства Польского под российским управлением
1816 г. — учреждение объединенного Министерства по делам духовным; основание Союза спасения (одного из первых тайных обществ, подготовивших восстание декабристов в 1825 г.)
1818 г. — издание синодального перевода Нового Завета
1822 г. — запрещение деятельности всех тайных обществ и масонских лож
1824 г. — увольнение Голицына и восстановление Священного синода
1825 г. — восстание декабристов
1825—1855 гг. — правление императора Николая I
1826—1828 гг. — война с Персией и подписание Туркманчайского договора
1827—1829 гг. — Русско-турецкая война и заключение Адрианопольского мира

- 1830—1831 гг. — Польское восстание
1832 г. — опубликование нового Свода законов
1833 г. — выход в свет романа в стихах А. Пушкина «Евгений Онегин»
1836 г. — появление «Первого философического письма» П. Чаадаева; основание Пушкиным журнала «Современник»
1842 г. — опубликование первой части поэмы Н. Гоголя «Мертвые души»
1845 г. — создание Русского географического общества
1846 г. — начало публикации Полного собрания русских летописей
1851 г. — завершение строительства железной дороги между Петербургом и Москвой
1853—1856 гг. — Крымская война и заключение Парижского мирного договора
1855—1881 гг. — правление императора Александра II
1857 г. — учреждение Русского железнодорожного общества
1858 г. — подписание Айгунского договора об урегулировании пограничных споров с Китаем
1859 г. — пленение Шамиля, лидера освободительной борьбы северокавказских народов
1860 г. — создание Государственного банка
1861 г. — отмена крепостного права
1863 г. — Положение об университетах
1863—1864 г. — Польский бунт
1864 г. — учреждение земств; проведение судебной реформы; Положение о начальном и среднем образовании
1865 г. — введение новых правил государственной цензуры
1865—1869 гг. — публикация романа Л. Толстого «Война и мир»
1865—1876 гг. — завоевание Россией Кокандского и Хивинского ханств и Бухарского эмирата
1866 г. — покушение на царя, совершенное Д. Каракозовым; закрытие журнала «Современник»
1870 г. — реформа муниципального управления
1871 г. — аннулирование положений Парижского договора, касающихся статуса Черного моря
1873 г. — Союз трех императоров

1873—1874 гг. — движение народничества достигает своего апогея

1874 г. — введение всеобщей воинской повинности; премьера оперы М. Мусоргского «Борис Годунов»

1875—1876 гг. — восстания против османского владычества в Боснии, Герцеговине и Болгарии

1876 г. — создание общества «Земля и воля»; премьера балета П. Чайковского «Лебединое озеро»

1877—1878 гг. — Русско-турецкая война и заключение Сан-Стефанского договора, положения которого были пересмотрены в Берлинском трактате

1878 г. — дело Веры Засулич

1879 г. — создание общества «Народная воля»

1879—1880 гг. — публикация романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы»

1880 г. — учреждение Верховной распорядительной комиссии во главе с генералом М. Лорис-Меликовым

1881 г. — убийство Александра II

1881—1894 гг. — правление императора Александра III

1881 г. — создание Охранного отделения; во многих губерниях вводится чрезвычайное положение, предусмотренное «временными правилами»

1882 г., май — принятие законов, направленных против евреев

1884 г. — принятие нового Положения об университетах; закрытие журнала «Отечественные записки»

1889 г. — введение должности земских начальников

1890 г. — введение нового Земского положения

1891—1892 гг. — голод в Поволжье, вызвавший эпидемию холеры

1891—1894 гг. — формирование союза между Россией и Францией

1894—1917 гг. — правление императора Николая II

1898 г. — создание Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП); выход в свет первого номера журнала «Мир искусства»

1899 г. — императорский Манифест по Финляндии; назначение Бобрикова генерал-губернатором

1901 г. — образование партии социалистов-революционеров; создание профсоюзов под контролем зубатовской «охранки»

1903 г. — создание Союза освобождения; завершение строительства Транссибирской железной дороги

1904 г. — убийство В. Плеве

1904—1905 гг. — Русско-японская война и заключение Портсмутского мира

1905 г., январь — «кровавое воскресенье» в Санкт-Петербурге; май — создание первого Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске; август — образование Союза мусульман России; октябрь — Всероссийская стачка; создание Совета рабочих депутатов в Санкт-Петербурге; Октябрьский манифест; формирование Совета министров; грандиозные еврейские погромы в Одессе; декабрь — арест всех членов Петербургского Совета рабочих депутатов; восстание рабочих в Москве

1906 г., январь — образование согласительной комиссии по подготовке церковной реформы; март — легализация профессиональных объединений и профсоюзов; апрель — созыв Первой Государственной думы; июль — роспуск Первой Госдумы; Выборгский манифест; назначение П. Столыпина премьер-министром; август — покушение на Столыпина; введение чрезвычайных военных трибуналов; ноябрь — начало реализации аграрной реформы Столыпина

1907 г., февраль — созыв Второй Государственной думы; июнь — роспуск Второй Думы; новый избирательный закон; ноябрь — созыв Третьей Госдумы

1908 г. — разоблачение двойного агента «охранки» Азефа; аннексия Австрией Боснии — Герцеговины

1909 г. — выход публицистического сборника «Вехи»

1911 г. — студенческие беспорядки в университетах; кризис земств в западных районах страны; убийство Столыпина

1912 г. — созыв Четвертой Госдумы; первая Балканская война

1913 г. — празднование трехсотлетия Дома Романовых; вторая Балканская война; парижская премьера балета И. Стравинского «Весна священная»

1914 г. — начало Первой мировой войны; поражение под Танненбергом

1915 г., май — поражение в Галиции; июль — создание Земгора; июль—август — потеря Польши; август—сентябрь — формирование Прогрессивного блока; провал попытки создания правительства на основе Прогрессивного блока; император Николай II принимает на себя командование войсками

1916 г., май—июль — Брусиловский прорыв в Галиции; декабрь — убийство Распутина

1917 г., февраль — восстание в Петрограде; формирование Петроградского Совета; март — отречение императора Николая II; образование Временного правительства; Приказ № 1; апрель — возвращение Ленина в Россию, демонстрации по поводу заявления Милюкова; июнь — Первый Всероссийский съезд Советов; провозглашение Украинской радой автономии Украины; наступление Керенского в Галиции; июль — «июльские дни» в Петрограде; назначение Керенского премьер-министром; август — Корниловский мятеж; август—ноябрь — Собор Русской православной церкви принимает решение о восстановлении в России патриаршества и избирает патриархом святителя Тихона; октябрь — большевики от имени Советов захватывают власть; Второй Всероссийский съезд Советов; декабрь — перемирие на германском фронте; Финляндия объявляет о своей независимости

1918 г., январь — роспуск Учредительного собрания; Украинская рада объявляет Украину независимым государством; март — подписание мира в Брест-Литовске; май — провозглашение независимости Грузией, Арменией и Азербайджаном; мятеж чехословацкого корпуса; июнь — создание антибольшевистских правительств в Самаре и Омске; июль — Пятый Всероссийский съезд Советов утверждает первую Советскую Конституцию; расстрел императорской семьи в Екатеринбурге; август — захват белой армией Казани; сентябрь — провозглашение «красного террора»; ноябрь — захват Колчаком власти в Омске

1919 г., март — Первый съезд Коминтерна; VIII съезд РКП(б) принимает решение о создании Политбюро и Оргбюро; май—октябрь — широкое наступление Освободитель-

ной армии Деникина на юге и войск Юденича на северо-западе; октябрь—январь 1920 г. — Красная Армия отбрасывает наступление Деникина и Юденича

1920 г., апрель — вторжение белополяков в Россию; установление Советской власти в Азербайджане; июнь—август — Красная Армия опрокидывает польское наступление, вступает в Польшу и пытается (безуспешно) овладеть Варшавой; август — Второй съезд Коминтерна принимает резолюцию из 21 пункта; октябрь — перемирие между Польшей и Советской Россией; ноябрь — установление Советской власти в Армении; декабрь — директива ЦК по Пролеткульту

1921 г., февраль — учреждение Госплана; установление Советской власти в Грузии; февраль—март — всеобщая забастовка в Петрограде; Кронштадтский мятеж; март—май — X съезд РКП(б) запрещает создание и действие фракций внутри партии и провозглашает новую экономическую политику (нэп)

1921—1922 гг. — голод в Поволжье

1922 г., февраль — указ о конфискации церковных ценностей для оказания помощи голодающим; март—апрель — XI съезд РКП(б), избрание Сталина Генеральным секретарем ЦК партии; апрель — Рапалльский договор; патриарха Тихона помещают под домашний арест; первый инсульт у Ленина; август — пленение Энвер Паши; декабрь — образование Союза Советских Социалистических Республик

1923 г. — «ножничный кризис»; первый Собор Живой (обновленческой) церкви; освобождение из-под домашнего ареста патриарха Тихона

1924 г. — смерть Ленина

1925 г. — отставка Троцкого с поста военного комиссара; XIV партконференция заявляет о «возможности построения социализма в одной стране»; создание Союза безбожников

1926 г. — исключение Троцкого из состава Политбюро; новый Семейный кодекс

1927 г., апрель — резня китайских коммунистов в Шанхае гоминьдановцами; декабрь — XV съезд ВКП(б) исключает из своих рядов троцкистов и зиновьевцев и принимает решение о проведении в стране коллективизации

1928 г., май — «Шахтинское дело»; октябрь — начало первой пятилетки

1929 г. — начало принудительной коллективизации и раскулачивания; поражение «правой оппозиции» и исключение из Политбюро Бухарина

1930 г., март — публикация в «Правде» статьи Сталина «Головокружение от успехов»; самоубийство Маяковского; создание в ОГПУ Главного управления лагерей (ГУЛАГ)

1932 г., апрель — решение ЦК о закрытии всех литературных кружков и о создании Союза писателей СССР; октябрь — открытие Днепрогэса; ноябрь — самоубийство жены Сталина Надежды Аллилуевой; декабрь — введение паспортного режима и прописки

1932—1934 гг. — массовый голод, особенно на Украине, Кубани, в Поволжье и Западной Сибири

1933—1937 гг. — вторая пятилетка

1934 г., январь — XVII съезд ВКП(б); июль — переименование ОГПУ в НКВД; август — Первый съезд Союза советских писателей; сентябрь — вступление СССР в Лигу Наций; декабрь — убийство Кирова

1935 г. — принятие Примерного колхозного устава; стахановское движение

1936 г., январь — принудительный обмен партбилетов; публикация в «Правде» статьи, осуждающей оперу Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда»; июнь — новый Декрет о семье ограничивает право на аборт и разводы; август — показательный суд над Зиновьевым, Каменевым и др.; самоубийство Томского; сентябрь — назначение Ежова начальником НКВД; декабрь — провозглашение «сталинской» Конституции

1937 г., январь — показательный процесс над Радеком, Пятаковым и др.; февраль — самоубийство Орджоникидзе; июнь — арест и расстрел восьми видных военачальников, включая Тухачевского

1938 г., март — показательный процесс над Бухариным, Рыковым и др.; указ об обязательном преподавании русского языка во всех национальных школах; октябрь — выход сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)»; декабрь — вместо Ежова на пост начальника НКВД назначается Берия

1939 г., август — заключение пакта Молотова — Риббентропа; разгром Красной Армией японских войск на р. Халхин-Гол в Монголии; сентябрь — оккупация Красной Армией восточной Польши (Западной Белоруссии и Западной Украины); ноябрь — вторжение Красной Армии в Финляндию

1940 г., март — заключение мира с Финляндией; июнь — аннексия Прибалтийских республик и Бессарабии; прогулы объявлены уголовно наказуемым преступлением; август — убийство Троцкого в Мексике; октябрь — введение платы за высшее образование и обучение в старших классах средней школы

1941 г., 22 июня — нападение на СССР фашистской Германии; сентябрь — начало блокады Ленинграда; захват Киева; США и Великобритания соглашаются оказывать СССР помощь военными поставками; октябрь — угроза захвата Москвы и частичная эвакуация ее жителей; декабрь—январь 1942 г. — отступление немецких войск от Москвы

1942 г., май—июнь — Советский Союз, Соединенные Штаты и Великобритания заключают союзническое соглашение в рамках Атлантической хартии; июнь — крупное наступление немецких войск на Украине; август — февраль 1943 г. — Сталинградская битва; октябрь — упразднение института политкомиссаров в армии; ноябрь — операция «Уран» завершается полным окружением 6-й немецкой армии под Сталинградом

1943 г., май — роспуск Коминтерна; июль — битва на Курской дуге; сентябрь — прием Сталиным митрополита Сергия и разрешение на проведение собора Православной церкви; ноябрь — Тегеранская конференция с участием Сталина, Рузвельта и Черчилля

1943—1944 гг. — депортация некоторых народов с территории Северного Кавказа и из Крыма

1944 г., август—октябрь — Варшавское восстание против немецких оккупантов

1945 г., февраль — Ялтинская конференция; Церковный Собор рукополагает в патриархи святителя Алексия; 9 мая — безоговорочная капитуляция фашистской Германии; июль—август — Потсдамская конференция

1946 г., август — ЦК подвергает критике Михаила Зощенко и Анну Ахматову; сентябрь — указ о «мерах по ликвидации недостатков Колхозного устава»

1946—1947 гг. — голод на Украине

1947 г. — начало реализации Соединенными Штатами плана Маршалла; создание Коминформа; денежная реформа в СССР

1948 г., январь — убийство Михоэлса, главы Еврейского антифашистского комитета; февраль — постановление ЦК о «декадентских тенденциях в музыке»; Пражский переворот венчает полное господство коммунизма в Центральной и Восточной Европе; июнь — май 1949 г. — блокада Берлина; июнь — из состава Коминформа исключают Югославию; триумф Лысенко в советской сельскохозяйственной науке; ноябрь — роспуск Еврейского антифашистского комитета

1949 г. — массовая партийная «чистка» в Ленинграде; январь — создание СЭВ; апрель — создание НАТО; август — успешное испытание первой советской атомной бомбы

1950 г. — начало Корейской войны; публикация в «Правде» статьи Сталина о языкознании

1953 г., январь — разоблачение «заговора врачей»; 5 марта — смерть Сталина; июнь — арест Берии; Корейская война оканчивается перемирием; лето — восстания заключенных в лагерях Воркуты и Норильска; сентябрь — утверждение Хрущева на посту Первого секретаря ЦК КПСС

1954 г., февраль — начало кампании по освоению целины; март — реформа органов госбезопасности и создание КГБ; апрель — июнь — мятеж заключенных в Кенгирском лагере

1955 г. — заключение Варшавского Договора; выход в свет повести Ильи Эренбурга «Оттепель»

1956 г., февраль — выступление Хрущева с «секретным докладом» на XX съезде КПСС; апрель — роспуск Коминформа; июнь — отмена платы за обучение в вузах и старших классах средней школы; октябрь — избрание Гомулки на пост Первого секретаря ЦК ПОРП; октябрь—ноябрь — восстание в Венгрии, подавленное советскими войсками

1957 г., июнь — Пленум ЦК КПСС выражает свою поддержку Хрущеву в борьбе против «антипартийной группировки»; октябрь — запуск первого искусственного спутника Земли; увольнение Г. Жукова с поста министра обороны; ноябрь — опубликование в Италии романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»

1958 г. — возвращение А. Твардовского в качестве главного редактора журнала «Новый мир»; присуждение Пастернаку Нобелевской премии за роман «Доктор Живаго»; издание нового Уголовного кодекса; обнародование планов реформирования системы образования; предложение Хрущева о придании Берлину статуса свободной демилитаризованной зоны

1959 г. — визит Хрущева в США и начало «кукурузной кампании»

1959—1960 гг. — СССР сворачивает сотрудничество с Китаем в области ядерных технологий и отзывает из Китая всех своих специалистов

1960—1961 гг. — учреждение совнархозов

1961 г., апрель — первый полет человека в космос, совершенный Юрием Гагариным; июль — Церковный Собор признает сокращение прав священников в своих приходах; август — закрытие границ между оккупационными зонами Берлина и возведение Берлинской стены

1962 г., июнь — забастовки рабочих в Новочеркасске; октябрь — Карибский (Кубинский) кризис; XXII съезд КПСС принимает новую Программу партии и принимает решение о выносе тела Сталина из Мавзолея; ноябрь — публикация в «Новом мире» повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»; разделение отделов ЦК КПСС на сельскохозяйственные и промышленные

1963 г. — эрозия почв на целине и низкий урожай в других местах приводят к серьезному кризису в снабжении населения продуктами питания; подписание Договора о запрещении испытаний ядерного оружия

1964 г. — свержение Хрущева и избрание на пост Первого секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева

1965 г., март — одобрение Пленумом ЦК проведения реформы сельского хозяйства; апрель — массовые манифестации в Ереване в память жертв турецкого геноцида армянского народа; сентябрь — упразднение совнархозов и предоставление предприятиям большей самостоятельности; декабрь — демонстрация на площади Пушкина в Москве с требованием соблюдения властями Советской Конституции

1966 г. — процесс над Синявским и Даниэлем

1967 г. — Ю. Андропов становится председателем КГБ

1968 г., январь — избрание Дубчека Первым секретарем ЦК Компартии Чехословакии; начало «пражской весны»; апрель — выход в свет первого номера «самиздатовского» журнала «Хроника текущих событий»; август — вторжение войск Варшавского Договора в Чехословакию; сентябрь — принятие брежневской внешнеполитической доктрины и ее опубликование в «Правде»

1969 г. — вооруженный конфликт на советско-китайской границе; исключение Солженицына из Союза писателей СССР

1970 г. — первый выпуск «самиздатовского» журнала «Украинский вестник»; февраль — Твардовский подает в отставку с поста главного редактора журнала «Новый мир»; апрель — первый выпуск еврейского «самиздатовского» журнала «Исход»; август — канцлер ФРГ Вилли Брандт соглашается признать неприкосновенность послевоенных границ; октябрь — признание Солженицыну Нобелевской премии в области литературы; декабрь — волнения рабочих в Польше; замена Гомулки Герекком на посту Первого секретаря ЦК ПОРП

1971 г., февраль — демонстрации евреев в Москве; предоставление евреям ограниченного права на эмиграцию; сентябрь — заключение международного соглашения о статусе Берлина, предусматривающего неограниченный доступ всех желающих в этот город

1972 г. — первый выпуск «самиздатовского» журнала «Хроника литовской католической церкви»; январь — массовые обыски и аресты националистически настроенных интеллектуалов на Украине; май — беспорядки в Каунасе, последовавшие за самосожжением Романа Каланты; замена Щербицким Шелеста на посту Первого секретаря ЦК Компартии Украины; май — подписание Брежневым и Никсоном Соглашения по ОСВ-1; июль — Египет высылает из страны всех советских специалистов и советников

1973 г. — публикация в Париже романа А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

1974 г., февраль — выдворение Солженицына из СССР

1975 г., август — подписание в Хельсинки Заключительного соглашения Конференции по безопасности и сотрудничеству

честву в Европе. Соглашение подписывают главы 35 государств, включая СССР; октябрь — присуждение Нобелевской премии мира Андрею Сахарову

1977 г. — принятие новой Советской Конституции

1978 г. — приход к власти в Афганистане партии «Халк»; уличные манифестации в Тбилиси в защиту статуса грузинского языка

1979 г., июнь — подписание Брежневым и Картером Соглашения по ОСВ-2; декабрь — вторжение советских войск в Афганистан

1980 г., январь — Сахаров отправлен в ссылку в г. Горький; август — выступления рабочих в Польше; создание движения «Солидарность»

1981 г. — введение Ярузельским военного положения в Польше

1982 г. — кончина Брежнева; избрание Ю. Андропова на пост Генерального секретаря ЦК КПСС

1984 г. — кончина Андропова; Генеральным секретарем избирается К. Черненко

1985 г. — кончина Черненко; избрание на пост Генсека Михаила Горбачева

1986 г., апрель — взрыв на Чернобыльской АЭС; июнь — VIII съезд Союза писателей СССР; октябрь — встреча в Рейкьявике между Горбачевым и Рейганом; ноябрь — принятие Закона о разрешении индивидуальной трудовой деятельности; декабрь — волнения в столице Казахстана Алма-Ате; возвращение Сахарова в Москву из административной ссылки в Горьком

1987 г., февраль — принятие Закона о кооперативной деятельности; июнь — принятие Закона о государственных предприятиях; август — демонстрации в Прибалтике: манифестанты протестуют против пакта Молотова — Риббентропа; октябрь — выход Ельцина из Политбюро

1988 г. — опубликование романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба»; февраль — демонстрации армян требуют присоединения Нагорного Карабаха к Армении; антиармянские погромы в Сумгаите; апрель — встреча Горбачева и патриарха Пимена в Кремле;

образование в Эстонии Народного фронта; июль — руководство Нагорного Карабаха принимает одностороннее решение о выходе из состава Азербайджана; октябрь — избрание Горбачева Президентом СССР; декабрь — визит Горбачева в США и его выступление на Генеральной Ассамблее ООН

1989 г., февраль — завершение вывода советских войск из Афганистана; март — первые победы антикоммунистически настроенных политиков на выборах делегатов Съезда народных депутатов; апрель — жестокое подавление демонстрации в Тбилиси; июнь—июль — проведение XIX партконференции; июль — забастовки шахтеров в Кузбассе распространяются на другие угледобывающие регионы; август — начало публикации первых глав романа «Архипелаг ГУЛАГ» в журнале «Новый мир»; сентябрь — создание Украинского народного фронта (РУХ); формирование первого некоммунистического правительства в Польше; ноябрь — «падение» Берлинской стены; уход от власти коммунистических режимов в Чехословакии и Болгарии; декабрь — Компартия Литвы отделяется от КПСС; падение режима Чаушеску в Румынии; декабрь — кончина Сахарова

1990 г., январь — жестокое подавление националистических беспорядков в Баку; март — отмена статьи Конституции о «руководящей роли КПСС»; поражение многих номенклатурных «назначенцев» на выборах в союзных республиках; Литва объявляет о своем отделении от СССР; голосование эстонского парламента в пользу «постепенного отделения от СССР»; май — избрание Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР; июнь — создание Коммунистической партии Российской Федерации; отмена цензуры средств массовой информации; июль — на встрече Горбачева и канцлера ФРГ Коля достигнуто соглашение о возможности вступления объединенной Германии в НАТО; июль — провозглашение украинским парламентом независимости республики; август — выход Армении из состава СССР и провозглашение Арменией своего суверенитета над Нагорным Карабахом; выход Абхазии из состава Грузии; октябрь — I съезд движения «Демократическая Россия»; объединение Германии; ноябрь — подписание Соглашения об обычных вооружениях и подписание Парижской хартии о Новой Европе

1991 г., январь — штурм десантниками телецентров и госучреждений в Вильнюсе и Риге, десантники действуют от имени самопровозглашенных «Комитетов национального спасения»; апрель—май — выход Грузии из состава СССР; избрание Звиада Гамсахурдиа президентом Грузии; июнь — в результате всенародного голосования Ельцин избирается Президентом России; июнь—июль — роспуск Варшавского Договора и СЭВа; июль — участие Горбачева в заседании стран «большой семерки»; подписание Соглашения о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ); август — образование ГКЧП и попытка политического переворота в Москве; выход Украины, Белоруссии и Молдавии из состава СССР; отставка Горбачева с поста Генсека КПСС и роспуск ЦК; Верховный Совет принимает решение о приостановлении деятельности КПСС; октябрь—ноябрь — провозглашение Ельциным программы радикальных экономических реформ в России и предоставление ему дополнительных полномочий для ее реализации; ноябрь — Дудаев провозглашает Чечню независимым государством; декабрь — окончательный распад СССР и образование Содружества Независимых Государств (СНГ)

1992 г. — прием России в расширенный политико-консультационный клуб «Большая восьмерка»; резкий подъем цен в России в связи с отменой большей части государственных дотаций; армяно-азербайджанский вооруженный конфликт из-за Нагорного Карабаха; март — принятие чеченским парламентом декларации о независимости Чечни; март—июнь — конфликт между Молдавией и сепаратистами Приднестровья; июнь — принятие в России Закона о приватизации; октябрь — начало гражданской войны в Таджикистане

1993 г. — отмена рублевой зоны; март—апрель — конфликт между Ельциным и Верховным Советом; проведение всенародного референдума; июнь—июль — Конституционная конференция; сентябрь—октябрь — Ельцин вновь вводит прямое президентское правление и подавляет вооруженный мятеж Верховного Совета; декабрь — выборы в Государственную думу и принятие новой Конституции

1994 г., июль — вступление России в организацию «Партнерство ради мира» под эгидой НАТО; декабрь — вторжение российских войск в Чечню

1995 г., декабрь — выборы в Государственную думу

1996 г., июнь — переизбрание Ельцина на пост Президента России; август — перемирие в Чечне; начало вывода российских войск с территории Чечни; октябрь — создание ВЧК для выявления фирм, предприятий и физических лиц, уклоняющихся от уплаты налогов

1997 г., апрель — подписание Договора о союзе между Россией и Белоруссией; май — подписание Россией и Украиной Договора о дружбе и сотрудничестве; подписание Хартии между Россией и НАТО

1998 г., август — дефолт, вызванный невыплатой долгов российским правительством

1999 г., март—июнь — кризис в Косове, натовские бомбардировки Югославии; сентябрь — вторая чеченская война; декабрь — выборы в Государственную думу; отставка Ельцина с поста президента

2000 г., март — избрание В. Путина Президентом России

ПРИМЕЧАНИЯ

9. СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

1. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства: 1861—1892 гг. — М.: Госфиниздат, 1960. — С. 30—32.

2. Owen Thomas C. *The Corporation under Russian Law, 1800—1917: A Study in Tsarist Economic Policy.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1991; Crisp Olga. *Banking in the Industrialisation of Tsarist Russia // Studies in the Russian Economy before 1914.* — London: Macmillan, 1976. — P. 111—158; Christian David. *Living Water: Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation.* — Oxford: Clarendon Press, 1990. — P. 371—374.

3. Rieber Alfred J. *The Formation of La Grande Société des Chemins de Fer Russes // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* — 1973. — Vol. 21. — S. 375—391; Соловьева А.М. *Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века.* — М.: Наука, 1975. — Гл. 2—4; Marks Stephen. *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia.* — London: Tauris, 1991.

4. Gatrell Peter. *The Tsarist Economy, 1850—1917.* — London: Batsford, 1986. — Chap. 5.

5. См., к примеру: Johnson Robert Eugene. *Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow in the Late Nineteenth Century.* — Leicester: Leicester University Press, 1979.

6. Crisp Olga. *Russian Financial Policy and the Gold Standard at the End of the Nineteenth Century // Studies.* — P. 96—110.

7. Политика Витте и оппозиция ей рассмотрены в работе: Laue T. H. von. *Sergei Witte and the Industrialization of Russia.* — New York: Columbia University Press, 1963; Löwe Heinz-Dietrich. *The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772—1917.* — Chur: Harwood, 1993. — P. 115—116.

8. Gerschenkron Alexander. *Economic Backwardness in Historical Perspective.* — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962; этот

довод был развит в работе: Shanin Theodor. *Russia as a Developing Society*. — London: Macmillan, 1985.

9. Löwe Heinz-Dietrich. *Die Lage der Bauern in Russland, 1880—1905*. — St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 1987; Gregory Paul. *Russian National Income, 1885—1913*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1982; Crisp Olga. *Russia // Patterns of European Industrialisation* / Ed. by Richard Sylla and Gianni Toniolo. — London: Routledge, 1991. — P. 248—268. Хорошее резюме этой полемики дано в работе: Gatrell. *Tsarist Economy*. — Чап. 1; о развитии кустарного промысла см. с. 154—157.

10. Шингарев А.И. *Вымирающая деревня*. — СПб., 1907. В книге воссоздана впечатляющая картина условий жизни в таких сельскохозяйственных районах.

11. Kaiser Robert J. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. — Princeton: Princeton University Press, 1994. — P. 43—83.

12. Lieven D. C. B. *The Security Police, Civil Rights and the Fate of the Russian Empire // Civil Rights in Imperial Russia* / Ed. by Olga Crisp and Linda Edmondson. — Oxford: Clarendon Press, 1989. — P. 235—262; Daly Jonathan. *The Security Police and Politics in Late Imperial Russia // Russia under the Last Tsar: Opposition and Subversion, 1894—1917* / Ed. by Anna Geifman. — Oxford: Blackwell, 1999. — P. 217—240. Цитата Ленина, см. в работе «Что делать?» (Полн. собр. соч. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1959. — Т. 6. — С. 126.

13. Schleifman Nurit. *Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party, 1902—1914*. — London: Macmillan, 1988; Hosking Geoffrey. *Russia: People and Empire, 1552—1917*. — P. 358—359.

14. Geifman Anna. *Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917*. — Princeton: Princeton University Press, 1993. — P. 20—21; Pipes Richard. *The Russian Revolution, 1899—1919*. — London: Harvill, 1990. — P. 146—149, 169—171; карьера Азефа исследована в работе Бориса Николаевского: *Azeff: The Russian Judas*. — London: Hurst & Blackett, 1934.

15. Pipes Richard. *Narodnichestvo: A Semantic Inquiry // Slavic Review*. 1964. — Vol. 23. — P. 441—458; Keep H. *The Rise of Social Democracy in Russia*. — Oxford: Clarendon Press, 1963. — P. 15—24; Service Robert. *Russian Populism and Russian Marxism: Two Skeins Entangled // Russian Thought and Society, 1800—1917. Essays in Honour of Eugene Lampert* / Ed. by Roger Bartlett. — Keele: University of Keele, 1984. — P. 220—246.

16. По существу, это был учредительный съезд: хотя подобный съезд уже проводился ранее в Минске в 1898 г., но практически все делегаты были арестованы вскоре после его окончания.

17. Service Robert. *Lenin: A Political Life*. — London: Macmillan, 1985. — Vol. 1. — P. 100—105.

18. Эта точка зрения на Ленина изложена в работе: Theen Rolf. *Lenin: Genesis and Development of a Revolutionary*. — London: Quartet Books, 1974.

19. Brooks Jeffrey. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917*. — Princeton: Princeton University Press, 1985.

20. Smith Steve and Kelly Catriona. *Commercial Culture and Consumerism // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution, 1881—1940 / Ed. by Catriona Kelly and David Shepherd*. — Oxford: Oxford University Press, 1998. — P. 106—164.

21. Hölscher Lucian. *Secularization and Urbanization in the Nineteenth Century: An Interpretive Model // European Religion in the Age of Great Cities, 1830—1930 / Ed. by Hugh McLeod*. — London: Routledge, 1995. — P. 263—288; Dixon Simon. *The Orthodox Church and the Workers of St. Petersburg, 1880—1914 // Ibid.*, 119—141.

22. Neuberger Joan. *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900—1914 // Berkeley: University of California Press, 1993*; Smith S. A. *The Social Meanings of Swearing: Workers and Bad Language in Late Imperial and Early Soviet Russia // Past and Present*. — 1998. — Vol. 160. — P. 167—202.

23. Frank Stephen P. *Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siècle Russia // Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / Ed. by Stephen P. Frank and Mark D. Steinberg*. — Princeton: Princeton University Press, 1994. — P. 74—107.

24. Brower Daniel. *Labor Violence in Russia in the Late Nineteenth Century // Slavic Review*. — 1982. — Vol. 41. — 417—431.

25. McDaniel Tim. *Autocracy, Capitalism, and Revolution in Russia*. — Berkeley: University of California Press, 1987.

26. Гапон Георгий. *История моей жизни*. — М.: Книга, 1990. — С. 17, 22; Sablinsky Walter. *The Road to Bloody Sunday: Father Gapon and the St. Petersburg Massacre of 1905*. — Princeton: Princeton University Press, 1976. — P. 85.

27. Текст петиции приведен в работе: Sablinsky Walter. *The Road to Bloody Sunday...* — P. 344—349.

28. Surh Gerald. 1905 in St. Petersburg: Labor, Society, and Revolution. — Stanford: Stanford University Press, 1989. — P. 11—12.

29. Anweiler Oskar. The Soviets: The Russian Workers', Soldiers', and Peasants' Councils, 1905—1921. — New York: Pantheon Books, 1974. — P. 40—43, 51—55.

30. Surh G. 1905 in St. Petersburg... — P. 337—341.

31. Galai Shmuel. The Liberation Movement in Russia, 1900—1905. — Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

32. Зензинов В. Пережитое. — Нью-Йорк: Изд-во им. А.П. Чехова, 1953. — С. 225.

33. Подобные методы применялись в 1994—1995 и 1999—2000 гг., не будучи уверена в лояльности местного населения, русская армия использовала в Чечне артиллерию, пытаясь уничтожить террористов, в ходе обстрела погибло много мирных жителей.

34. Савич Г.Г. Новый государственный строй. — СПб., 1907. — С. 12.

35. Типичная резолюция из Волоколамского уезда Московской губернии: Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905—1907 гг. по материалам центральных губерний. — М.: Институт Российской истории, 1994. — Т. 1. — С. 132—138.

36. Там же. — С. 196.

37. Кириوشкина Е.И. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. — 1955. — № 50. — С. 95—141; Perrie Maureen. The Agrarian Policy of the Socialist Revolutionary Party from Its Origins to the Revolution of 1905—1907. — Cambridge: Cambridge University Press, 1976. — P. 108—110.

38. Perrie Maureen. The Russian Peasant Movement of 1905—1907 // Past and Present 57 (1972), 123—155; Theodor Shanin, Russia, 1905—1907: Revolution as a Moment of Truth. — London: Macmillan, 1986. — P. 83—84, 94—98; Figes Orlando. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891—1924. — London: Jonathan Cape, 1996. — P. 182—184.

39. Shanin T. Russia, 1905—1907. — P.101; Шестаков А. Крестьянская революция 1905—1907 гг. — М., 1926. — С. 38—39.

40. Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. — СПб., 1909—1914. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 119—120.

41. Lieven Dominic. Nicholas II: Emperor of all the Russias. — London: John Murray, 1993. — Esp. chap. 5.

42. Дневник государственного секретаря А.А. Половцева. — М., 1966. — Т. 2. — С. 109.
43. Robbins Richard G. The Tsar's Viceroys: Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. — Ithaca: Cornell University Press, 1987.
44. Новиков А.И. Записки земского начальника. — С. 39. О положениях законодательства, позиции и мотивах тех, кто принимал участие в его разработке, см.: Pearson Thomas S. Russian Officialdom in Crisis: Autocracy and Local Self-Government, 1861—1900. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — Chap. 5.
45. См., к примеру: Gurko V. I. Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. — Stanford, Calif.: Hoover Institution, 1939; Коковцев В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903—1919. — М.: Наука, 1992; и прежде всего Вите С.Ю. Воспоминания: В 3 т. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.
46. Waldron P. States of Emergency: Autocracy and Extraordinary Legislation, 1881—1917 // *Revolutionary Russia*. — 1995. — Vol. 8. — P. 1—25.
47. Manning Roberta. The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. — Princeton: Princeton University Press, 1982. — P. 260—271.
48. Atkinson Dorothy. The End of the Russian Land Commune, 1905—1930. — Stanford: Stanford University Press, 1983. — P. 61—70.
49. Levin Alfred. The Third Duma: Election and Profile. — Hamden, Conn.: Archon Books, 1973. — Chap. 1.
50. Atkinson D. The End of the Russian Land Commune... — P. 89—91; Mosse W. E. Stolypin's Villages // *Slavonic and East European Review*. — 1964—1965. — Vol. 43. — P. 257—274; Pallot Judith. Open Fields and Individual Farms: Land Reform in Pre-Revolutionary Russia // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. — 1984. — Vol. 75. — S.46—60.
51. Pallot Judith. Did the Stolypin Land Reform Destroy the Peasant Commune? // *New Perspectives in Modern Russian History* / Ed. by R. B. McKean. — London: Macmillan, 1992. — P.117—132; Yaney George L. The Concept of the Stolypin Land Reform // *Slavic Review*. — 1964. — № 23. — P. 275—293.
52. Hosking G. A. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907—1914. — Cambridge: Cambridge University Press, 1973. — Chap. 6; Waldron Peter. Between Two

Revolutions: Stolypin and the Politics of Renewal in Russia. — London: UCL Press, 1998. — Chap. 2.

53. Hosking G. A. The Russian Constitutional Experiment... — P. 116—134.

54. Фриз Г. Церковь, религия и политическая ультура на закате старого режима // Реформа или революция? Россия, 1861—1917 гг. — СПб.: Наука, 1992. — С. 32—35; Его же. Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia // Journal of Modern History. — 1996. — Vol. 68. — P. 308—350.

55. Родзянко В.И. Крушение империи: записки председателя русской Государственной думы // Архив русской революции. — 1926. — № 17. — С. 37—38.

56. Степанов С.А. Черная сотня в России, 1905—1907. — М.: Росвузнаука, 1992; Rawson Don C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — Chap. 11.

57. Figes Orlando and Kolonitskii Boris. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. — New Haven: Yale University Press, 1999. — Chap. 1.

58. Гордиенко Н.К., Курочкин П.К. Либерально-общественное движение в русском православии начала XX века // Вопросы научного атеизма. — 1969. — № 7. — С. 313—340; Cunningham J. Y. A Vanquished Hope: The Movement for Church Renewal in Russia, 1905—1906. — Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1981. — P. 133—162.

59. Cunningham J.Y. Vanquished Hope. — Chap. 4.

60. Ibid. — Chaps. 6—7.

61. Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. — Нью-Йорк: Все-славянское издательство, 1956. — С. 81—84; Епископ Никон (Рклитский). Жизнеописание блаженного Антония, митрополита Киевского и Галицкого. — Нью-Йорк, 1957. — Т. 3. — С. 159—160.

62. Dixon Simon. The Orthodox Church and the Workers of St. Petersburg, 1880—1914 // McLeod. European Religion in the Age of Great Cities. — P. 244—245.

63. Ferenczi Caspar. Freedom of the Press under the Old Regime, 1905—1914 // Civil Rights in Imperial Russia Civil Rights in Imperial Russia / Ed. by O. Crisp and L. Edmondson. — P. 191—214; Rigberg Benjamin. The Efficacy of Tsarist Censorship Operations, 1894—1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — Vol. 14. — 1966. — S. 327—346.

64. McReynolds Louise. The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. — Princeton: Princeton

University Press, 1991. — P. 225—226; Hagen Manfred. Die Entfaltung der politischen Öffentlichkeit in Russland, 1906—1914. — Wiesbaden: Steiner Verlag, 1982. — S. 144—149.

65. Hosking G. Russian Constitutional Experiment... — P. 211—212.

66. McReynolds L. News... — Chap. 10. Я довольно долго изучал русскую прессу 1907—1914 гг. и могу засвидетельствовать живость, откровенность, а также очень высокое качество ведущих газет.

67. Bonnell Victoria E. Roots of Rebellion: Workers' Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow, 1900—1914. — Berkeley: University of California Press, 1983. — P. 195—209, 260—262, 312—315.

68. Ibid. — Chap. 8.

69. Ibid. — Chap. 10; Haimson Leopold. Labor Unrest in Imperial Russia on the Eve of the First World War // Wars and Revolutions in International Perspective / Ed. by Leopold Haimson and Charles Tilly. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 500—511.

70. Цит. по: Smith S. A. Workers and Civil Rights, 1899—1917 // Civil Rights in Imperial Russia / Ed. by O. Crisp and L. Edmondson. — P. 163.

71. О. Сергей Булгаков. Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. — М., 1909. — С. 23—69. — Цит.: с. 30, 36.

72. Струве П.В. Великая Россия // Патриотика: Сборник статей за пять лет: 1905—1910 гг. — СПб.: Изд-во Д.Е. Жуковского, 1911. — С. 93—94.

73. Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. — М., 1922. — С. 286—293; Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад: из истории борьбы московской буржуазии с революцией. — М.: Мысль, 1967. — С. 78—95; Pipes Richard. Struve: Liberal on the Right, 1905—1944. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980. — P. 176—186.

10. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

1. Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики: 1906—1910. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — С. 222—251; Jelavich Barbara. Russia's Balkan Entanglements, 1806—1914. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991. — P. 217—225; Ferenczi Caspar. Aussenpolitik und Öffentlichkeit in Russland, 1906—1912. — Husum: Matthiessen Verlag, 1982. — P. 180—193.

2. McDonald David M. A Lever without a Fulcrum: Domestic Factors and Russian Foreign Policy, 1905—1914 // *Imperial Russian Foreign Policy* / Ed. by Hugh Ragsdale. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 268—311; Helmreich Ernst Christian. *The Diplomacy of the Balkan Wars, 1912—1913*. — New York: Russell & Russell, 1969.
3. Lieven D. C. B. *Russia and the Origins of the First World War*. — London: Macmillan, 1983. — P. 142—143.
4. Jahn Hubertus F. *Patriotic Culture in Russia during World War I*. — Ithaca: Cornell University Press, 1995.
5. Эти документы можно найти в книге: Константинополь и Проливы: по секретным документам бывшего министерства внешних дел / Под ред. Е.А. Адамова. — М.: Литиздат НКВД, 1926.
6. Его прекрасный словесный портрет дан в работе: Figes Orlando. *A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891—1924*. — London: Jonathan Cape, 1996. — P. 49—51.
7. Siegelbaum Lewis. *The Politics of Industrial Mobilisation in Russia, 1914—1917: A Study of the War Industry Committees*. — London: Macmillan, 1983. — Chap. 3.
8. Hamm Michael F. *Liberal Politics in Wartime Russia: An Analysis of the Progressive Bloc* // *Slavic Review*. — 1974. — Vol. 33. — P. 453—456; Pearson Raymond. *Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914—1917*. — London: Macmillan, 1977. — Chap. 3.
9. Pearson R. *Russian Moderates...* — P. 115.
10. Schapiro Leonard. *The Political Thought of the First Provisional Government* // *Revolutionary Russia* / Ed. by Richard Pipes. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968. — P. 97—113.
11. Из офицерских писем с фронта в 1917г. // *Красный архив*. — 1932. — № 50. — С. 200.
12. Wildman Allan. *The End of the Russian Imperial Army*. — Princeton: Princeton University Press. — 1987. — Vol. 2. — P. 92.
13. Об отношении французских солдат к мятежу см.: Smith Leonard V. *Between Mutiny and Obedience: The Case of the French Fifth Infantry Division during World War I*. — Princeton: Princeton University Press, 1994. — P. 189—195, 252—258; Moon David. *Peasants into Russian Citizens? A Comparative Perspective* // *Revolutionary Russia*. — 1996. — Vol. 9. — P.43—81.
14. Katkov George. *The Kornilov Affair: Kerensky and the Break-up of the Russian Army*. — London: Longman, 1980.
15. Описание дебатов в Петроградском Совете — одной из ярких страниц революционной летописи — см.: Суханов Н.Н.

Записки о революции. — М.: Политиздат, 1991. — Т. 1. — С. 116; О том, что исполнительные комитеты становились все более далекими от масс, см.: Ferro Marc. October 1917: A Social History of the Russian Revolution. — London: Routledge, 1980. — Chap. 7.

16. Mandel David. Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime. — London: Macmillan, 1983. — Vol. 1. — P. 97—100. Фабричные комитеты способствовали проявлению радикализма среди рабочих как в Москве, так и в других регионах, см. об этом: Koenker Diane. Moscow Workers and the 1917 Revolution. — Princeton: Princeton University Press, 1981. — Chap. 4.

17. The Russian Provisional Government, 1917: Documents / Ed. by R. P. Broyder and A. F. Kerenskii. — Stanford: Stanford University Press, 1961. — Vol. 2. — P. 731—732.

18. Keep John L. H. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilisation. — London: Weidenfeld & Nicolson, 1976. — P. 83—84.

19. Rabinowitch Alexander. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July Uprising. — Bloomington: Indiana University Press, 1968. — Chaps. 5—6.

20. Wade Rex A. The Red Guards: Spontaneity and the October Revolution // Reassessments of 1917 / Ed. by Edith Rogovin Frankel et al. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — P. 54—75.

21. Эта общая картина крестьянских методов действий основана на ряде архивных изысканий: Figes Orlando. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917—1921. — Oxford: Clarendon Press, 1989. — P. 52—53, 56.

22. Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. — 1984. — № 111. — С. 100—150; Channon John. The Peasantry in the Revolutions of 1917 // Frankel et al. Reassessments of 1917. — P. 119; Figes. A People's Tragedy. — P. 362—367.

23. Russian Provisional Government / Ed. by R. P. Browder and A. F. Kerenskii. — Vol. 2. — P. 558—563.

24. Rabinowitch Alexander. The Bolsheviks Come to Power. — Bloomington: Indiana University Press, 1968. — Chaps. 14—15; Radkey Oliver. The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Bolshevik Rule. — New York: Columbia University Press, 1963. — Chap. 3.

25. Замечательный лаконичный обзор событий, происходивших в провинции, дан в работе: Keep John. October in the Provinces // Revolutionary Russia / Ed. by R. Pipes. — P. 180—223.

26. Service Robert. Lenin: A Political Life. — London: Macmillan, 1995. — Vol. 3. — P. 46—49.

27. Там же, особенно введение к т. 3.

28. Lenin V. I. Collected Works. — 4th ed., — London: Lawrence & Wishart, 1965. — Vol. 25. — P. 420—421; Ленин В.И. Полн. собр. соч. — 5-е изд. — Т. 33. — С. 44.

29. Ulam Adam. The Bolsheviks. — New York: Macmillan, 1965. — P. 353.

30. Walicki Andrzej. Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom: The Rise and Fall of the Communist Utopia. — Stanford: Stanford University Press, 1995. — Chap. 4.

31. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — 5-е изд. — Т. 35. — С. 67.

32. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — 5-е изд. — Т. 33. — С. 26.

33. Malle Silvana. The Economic Organisation of War Communism, 1918—1921. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — Chap. 4.

34. Malle S. The Economic Organisation... — P. 46—67; Leggett George. The Cheka: Lenin's Political Police. — Oxford: Oxford University Press, 1981. — P. 214—217.

35. Keep J. The Russian Revolution. — Chaps. 29—30.

36. Итоги Гражданской войны досконально подведены в работе Mawdsley Evan. The Russian Civil War. — London: Alien & Unwin, 1987.

37. Figes O. A People's Tragedy. — P. 696—699; Агурский М. Идеология национал-большевизма. — Париж: YMCA Press, 1980. — С. 56.

38. Замятин Е. Сочинения. — М.: Книга, 1988. — С. 207.

39. Brovkin Vladimir N. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918—1922. — Princeton: Princeton University Press, 1994. — Chap. 3.

40. Heifetz Elias. The Slaughter of Jews in the Ukraine in 1919; Отчет Всеукраинского комитета о жертвах погрома, представленный в Международную организацию Красного Креста. — Нью-Йорк, 1921; Smele Jonathan D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918—1920. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — P. 385—387.

41. Brovkin Vladimir N. Behind the Front Lines... — 132—134; Jan Meijer, «Town and Country in the Civil War», in Pipes, Revolutionary Russia, 259—281.

42. Lih Lars T. Bread and Authority in Russia, 1914—1921. — Berkeley: University of California Press, 1990. — P. 135.

43. Palij Michael. *The Anarchism of Nestor Makhno, 1918—1921: An Aspect of the Ukrainian Revolution.* — Seattle: University of Washington Press, 1976.
44. Figes O. *Peasant Russia, Civil War.* — P. 209.
45. Brovkin Vladimir N. *Behind the Front Lines...* — Chap. 11.
46. Чернов В. *История ПСР // The Socialist Revolutionary Party after October 1917: Documents from the PSR Archive / Ed. by Marc Jansen.* — Amsterdam: Stichting Beheer IISG, 1989. — P. 5—12; Oliver H. Radkey, *The Unknown Civil War in Soviet Russia: A Study of the Green Movement in Tambov Region, 1920—1921.* — Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1976. — Chap. 3.
47. Бернштам М.С. *Независимое рабочее движение в 1918 г.: документы и материалы.* — Париж: YMCA Press, 1981; Brovkin Vladimir N. *Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship.* — Ithaca: Cornell University Press, 1987. — P. 159—160; Figes Orlando. *The Village and Volost Soviet Elections of 1919 // Soviet Studies.* — 1988. — Vol. 40. — P. 21—46.
48. Brovkin Vladimir N. *Behind the Front Lines...* — P. 73—77, 82—85, 292—297; Aves Jonathan. *Workers against Lenin: Labor Protest and Bolshevik Dictatorship.* — London: Tauris, 1996. — P. 50—56.
49. Aves Jonathan. *Workers against Lenin...* — P. 11—17. *Девятый съезд РКП(б): Протоколы.* — М.: Госполитиздат, 1960. — С. 138.
50. Brovkin Vladimir N. *Behind the Front Lines...* — P. 389—393; McAuley Mary. *Bread and Justice: State and Society in Petrograd, 1917—1922.* — Oxford: Clarendon Press, 1991. — P. 398—411; Aves Jonathan. *Workers against Lenin...* — P. 112—130.
51. Getzler Israel. *Kronstadt, 1917—1921: The Fate of a Soviet Democracy.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — P. 213—214; *Россия XX век. Кронштадт, 1921.* — М.: Международный фонд «Демократия», 1997. — С. 50—51.
52. *Десятый съезд РКП(б): Март 1921 г.: Стенографический отчет.* — М.: Политиздат, 1963. — С. 34.
53. Service Robert. *The Bolshevik Party in Revolution: A Study in Organisational Change, 1917—1923.* — London: Macmillan, 1979; Fitzpatrick Sheila. *The Legacy of the Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History / Ed. by Diane Koenker et al.* — Bloomington: Indiana University Press, 1989. — P. 375—388.
54. См. «Известия». — 1992. — 27 апреля. — С. 3.
55. Davics Norman. *White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War, 1919—1920.* — London: McDonald, 1972; Service R. *Lenin.* — Vol. 3. — P. 117—121, 135—137.

56. Service R. *Twentieth Century Russia*. — P. 114; Tishkov V. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame*. — London: Sage, 1997. — P. 15—21.

57. Разобраться в этих разногласиях поможет работа: Suny Ronald Grigor. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. — Stanford: Stanford University Press, 1993. — Chap. 1; а также Kappeler Andreas. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. — Munich: C. H. Beck Verlag, 1992. — Chap. 9.

58. Upton Anthony F. *The Finnish Revolution, 1917—1918*. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980; Alapuro Risto. *State and Revolution in Finland*. — Berkeley: University of California Press, 1988. — Chap. 9.

59. Page Stanley. *The Formation of the Baltic States*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959; Raun Toivo and Plakans Andrejs. *The Estonian and Latvian National Movements: An Assessment of Miroslav Hroch's Model // Journal of Baltic Studies*. — 1990. — № 21. — P. 131—144.

60. Такой вывод напрашивается по прочтении секретной инструкции ЦК белорусским большевикам в январе 1919 г.; Service Lenin. — Vol. 3. — P. 93.

61. Guthrie Steven L. *The Popular Base of Ukrainian Nationalism // Slavic Review*. — 1979. — Vol. 38. — P. 30—47; Krawchenko Bohdan. *Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine*. — London: Macmillan, 1985. — P. 57—63.

62. Wilson Andrew. *Myths of National History in Belarus and Ukraine // Myths and Nationhood / Ed. by Geoffrey Hosking and George Schöpflin*. — London: Hurst, 1997. — P. 194—197.

63. Hofbauer Hannes and Roman Viorel. *Bukowina, Bessarabien, Moldawien*. — Vienna: Promedia, 1993. — P. 89—98.

64. Hovanissian Richard G. *Caucasian Armenia between Imperial and Soviet Rule: The Interlude of National Independence // Transcaucasia: Nationalism, and Social Change. Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia / Ed. by R.G. Suny; rev. ed.* — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. — P. 261—294; Swietochowski Tadeusz. *Russian Azerbaijan, 1905—1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Community*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — Chaps. 5—7, Hovanissian Richard G. *Armenia's Road to Independence // The Armenian People from Ancient to Modern Times / Ed. by R.G. Hovanissian*. — London: Macmillan, 1997. — Vol. 2. — P. 275—302.

65. Suny R.G. *The Making of the Georgian Nation*. — 2d ed. — Bloomington: Indiana University Press, 1994. — P. 185—212.
66. Bennigsen A. and Lemercier-Quelquejay C. *Islam in the Soviet Union*. — London: Pall Mall Press, 1967. — P. 82.
67. Bennigsen A. and Wimbush S. *Muslim National Communism in the Soviet Union*. — Chicago: University of Chicago Press, 1979. — P. 28, 60—65; Ланда Р.Г. Ислам в истории России. — С. 207—210; его же. Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. — 1999. — № 8. — С. 53—70.
68. Bennigsen A. and Lemercier-Quelquejay C. *Islam...* — P. 84—87.
69. Bennigsen A. and Wimbush S. Enders. *Muslims of the Soviet Empire A Guide*. — London Hurst, 1985. — P. 21, 85.
70. Ланда Р.Г. Ислам... — С. 200—204; Yilmaz Suhnaz. *An Ottoman Warrior Abroad. Enver Pasha as an Expatriate* // Middle Eastern Studies. — Vol.35. — 1999. — № 4. — October. — P. 40—69.
71. Ланда Р.Г. Ислам... — С. 208, 216—217; Его же. Мирсаид Султан-Галиев.
72. Smith Jeremy. *The Bolsheviks and the National Question, 1917—1923*. — London: Macmillan, 1999. — P. 94—101.
73. Carrère d'Encausse Hélène. *The Great Challenge: Nationalities and the Bolshevik State, 1917—1930*: Trans. Nancy Festinger. — New York. Holmes & Meier, 1992. — P. 133—138.
74. Новую российскую интерпретацию революции, развивающую некоторые из этих идей, см.: Булдаков В. *Красная смута: природа и последствия революционного насилия*. — М.: Росспэн, 1997.

11. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ТЕРРОР

1. Simon Gerhard. *Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union*. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1991. — P. 415.
2. Slezkine Yurii. *The USSR as Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Review*. — 1994. — Vol. 53. — P. 414—452.
3. Simon G. *Nationalism...* — P. 32.

4. Suny Ronald Grigor. *The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union.* — P. 111; Liber George. *Urban Growth and Ethnic Change in the Ukrainian SSR, 1922—1932 // Soviet Studies.* — 1989. — Vol. 41. — P. 574—591.
5. Olcott Martha Brill. *The Kazakhs.* — Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1987. — P. 170—175.
6. Кабузан В. *Русские в мире.* — СПб.: Блиц, 1996. — С. 249—250; Kaiser Robert. *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR.* — Princeton: Princeton University Press, 1994. — P. 118.
7. Tishkov V. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame.* — London: Sage, 1997. — P. 15—21 and chap. 2; Slezkine Yu. *The USSR as Communal Apartment.*
8. Suny R.G. *Revenge...* — P. 121.
9. Simon G. *Nationalism...* — P. 138—155.
10. Paperno Inna. *The Meaning of Art: Symbolist Theories // Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism / Ed. by Inna Paperno and Joan Delaney Grossman.* — Stanford: Stanford University Press, 1994. — P. 13—23; цит: p. 16—17; Белый Андрей. *Луг зеленый: Книга статей.* — М., 1910. — С. 230.
11. Белый Андрей. *Революция и культура // Цит. по: Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры.* — М.: Акцент-Пресс, 1997. — С. 340.
12. *A Slap in the Face of Public Taste // The Ardis Anthology of Russian Futurism / Ed. by Ellendea Proffer and Carl Proffer.* — Ann Arbor: Ardis Press, 1980, 179; Gutman Irina. *The Legacy of the Symbolist Aesthetic Utopia: From Futurism to Socialist Realism // Creating Life... / Ed. by I. Paperno and J.D. Grossman.* — P. 67—196.
13. Trotsky Leon. *Literature and Revolution: Trans. Rose Strunsky.* — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960. — P. 251, 254—256.
14. Гастев А. *Тенденции пролетарской культуры // Пролетарская культура.* — 1919. — № 9—10.
15. Sochor Zenovia A. *Soviet Taylorism Revisited // Soviet Studies.* — 1980—1981. — Vol. 33. — P. 246—264, Bergman Jay. *The Idea of Individual Liberation in Bolshevik Visions of the New Soviet Man // European History Quarterly.* — 1997. — Vol. 27. — P. 57—92.
16. Gutman I. *The Legacy...* — P. 172—173.
17. Mally Lynn. *Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia.* — Berkeley: University of California Press, 1990. — P. 21—25.
18. *Ibid.* — Чапс 2—5, названия даны на с. 99, 139.

19. Ibid. — P.160—161.
20. Stites Richard. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. — New York: Oxford University Press, 1989. — P. 94—95, Clark Katerina. *Petersburg, Crucible of Cultural Revolution*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. — P. 126—131.
21. Kenez Peter. *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917—1929*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — Chap. 6.
22. Brown Edward. *The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928—1932*. — New York: Columbia University Press, 1953.
23. Lodder Christina. *Russian Constructivism*. — New Haven: Yale University Press, 1983. — P. 55—67. — Цит.: p. 65.
24. Clark K. *Petersburg...* — P. 87—98.
25. Grois Boris. *The Total Art of Stalinism: Avant-Garde, Aesthetic Dictatorship, and Beyond*. — Princeton: Princeton University Press, 1992.
26. Pospelovsky Dimitry V. *Soviet Anti-Religious Campaigns and Persecutions: A History of Soviet Atheism in Theory and Practice and the Believer*. — London: Macmillan, 1988. — Vol. 2: *Soviet Anti-Religious Campaigns and Persecutions*. — P. 14—16.
27. Заявление Троцкого по этому поводу опубликовано в работе: Покровский Н.Н. Политбюро и церковь, 1922—1923 // *Новый мир*. — 1994. — № 8. — С. 189—190.
28. Freeze Gregory. *Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922—1925* // *Slavic Review*. — 1995. — Vol. 54. — P. 305—339.
29. Васильева О.Ю. *Русская православная церковь и советская власть в 1917—1927 гг.* // *Вопросы истории*. — 1993. — № 8. — С. 40—54.
30. Young Glennys. *Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*. — University Park: Pennsylvania State University Press, 1997. — P. 92—100, 135—146.
31. Young G. *Power and the Sacred*. — Гл. обр. chap. 5.
32. Pospelovsky D.V. *Soviet Anti-Religious Campaigns and Persecutions*. — P. 65—68.
33. Clarke Roger A. and Matko Dubravko J. *Soviet Economic Facts, 1917—1981*. — 2d ed. — London: Macmillan, 1983. — P. 34, 90, 91; *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945* / Ed. by R. W. Davies and S. G. Wheatcroft. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — P. 135, 321.

34. Carr E.H. The Bolshevik Revolution, 1917—1923. — London: Macmillan, 1952. — Vol. 2. — Chap. 19; Idem. The Interregnum, 1923—1924. — London: Macmillan, 1954. — P. 27—38.
35. Goldman Emma. My Further Disillusionment in Russia. — London, 1925. — P. 201—202.
36. Figs Orlando. A People's Tragedy The Russian Revolution, 1891—1924. — P. 775—780.
37. Clarke R.A. and Matko D. J. Soviet Economic Facts. — P. 83, 86, 89, 91, 101, Economic Transformation / Ed. by R.W. Davies and S.G. Wheatcroft. — P. 110—112, 296—297.
38. Russia in the Era of NEP / Ed. by Sheila Fitzpatrick et al. — Bloomington: Indiana University Press, 1991. — Chaps. 3—5.
39. Цит по: Bailes Kendall. Technology and Society under Lenin and Stalin. — Princeton: Princeton University Press, 1978. — P. 24.
40. Ibid. — P. 197.
41. Cohen Stephen F. Bukharin and the Bolshevik Revolution. — New York: Alfred A Knopf, 1973. — Chap. 6.
42. Revelations from the Russian Archives: Documents in English Translation / Ed. by Diane P. Koenker and Ronald D. Bachman. — Washington, D.C.: Library of Congress, 1997. — P. 352—359.
43. Voslensky M S. Nomenklatura: Anatomy of the Soviet Ruling Class. — London: Bodley Head, 1984. — Chaps 2—3; Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. — 1993. — № 8. — С. 25—38, цитата на с. 29, Hosking Geoffrey. The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within. — 3d ed. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. — P. 88—89.
44. Easter Gerald M. Reconstructing the State: Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. — Cambridge: Cambridge University Press, 2000. — Chaps. 2—4.
45. Fitzpatrick Sheila. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. — 1993. — Vol. 65. — P. 745—770, Rigby T. H. Party Membership in the USSR, 1917—1967. — Princeton: Princeton University Press, 1968. — Chap. 3.
46. Revelations... / Ed. by Diane P. Koenker and Ronald D. Bachman. — P. 100—101.
47. Lenin V. I. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. — 5-е изд. — С. 369—377.
48. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х годов. — М.: Магистр, 1996. — С. 88.

49. Fitzpatrick Sheila. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. — New York: Oxford University Press, 1994. — P. 34—37, 42—45, 60—62. О «сопротивлении кулаков» см.: *Revelations... / Ed. by Diane P. Koenker and Ronald D. Bachman*. — P. 376—379. Сообщения о проведении кампании по раскулачиванию приводятся в работе: Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание (документы и материалы) / Под. ред. В.П. Данилова. — М.: Росспэн, 1999. — Т. 1: май 1927 — ноябрь 1929 г.; в этом издании впервые представлена такая полная подборка документов о коллективизации.

50. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание... — С. 102—123, об испытаниях, выпавших на долю семьи Твардовских, поведал Иван Твардовский, брат поэта А.Т. Твардовского, в документальной повести «Страницы пережитого» (Юность. — 1988. — № 3. — С. 10—32).

51. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. — С.139—140.

52. Там же. — С. 203. Отчеты ОГПУ о процессах по раскулачиванию в июле 1931 г. см.: *Revelations... / Ed. by Diane P. Koenker and Ronald D. Bachman*. — P. 384—387.

53. Viola Lynne. *The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // Journal of Modern History*. — 1990. — Vol. 62. — P. 747—770; см. ее же: *Bab'i bunty and Peasant Women's Protest during Collectivisation // Russian Review*. — 1986. — Vol. 45. — P. 23—42.

54. *Rapports secrets Soviétiques, 1921—1991 / Ed. by Nicolas Werth and Gael Moullec*. — Paris: Gallimard, 1994. — P.125—126.

55. Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants...* — P. 60—62, 65.

56. Viola Lynne. *Peasant Rebels under Stalin: Collectivisation and the Culture of Peasant Resistance*. — New York: Oxford University Press, 1996. — Chap. 6.

57. Olcott Martha Brill. *The Collectivization Drive in Kazakhstan // Russian Review*. — 1981. — Vol. 40. — P. 122—142; Абилхожин Ж.Б. *Казахстанская трагедия // Вопросы истории*. — 1989. — № 7. — С. 55—71.

58. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание... — С. 159—160; Avtorkhanov Abdurahman. *The Chechens and the Ingush during the Soviet Period and Its Antecedents // The North Caucasus Barrier: The Russian Advance toward the Muslim World / Ed. by Marie Bennigsen Broxup*. — New York: St. Martin's Press, 1992. — P. 157—184.

59. Lynne Viola. *The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization*. — New York: Oxford University Press, 1987. — P. 37–46.

60. Kopelev Lev. *The Education of a True Believer*: Trans. Gary Kern (London: Wildwood House, 1981. — P. 226.

61. Viola L. *Best Sons of the Fatherland*.

62. Ивницкий Н.А. Голод 1932—1933 гг. Кто виноват? // Голод 1932—1933 годов. — М.: РГГУ, 1995. — С. 43—66; цит.: с. 44, 58.

63. *Revelations...* / Ed. by Diane P. Koenker and Ronald D. Bachman. — P. 393.

64. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание... — С. 203—225; Кубова Д.Н. Черные доски: *tabula rasa*: Голод 1932—1933 гг. в устных свидетельствах // Голод 1932—1933 годов. — С. 67—88, Conquest Robert. *Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror Famine*. — London: Hutchinson, 1986; Davies and Harrison. *Economic Transformation*. — С. 74—76.

65. Примерный устав сельскохозяйственной артели // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — М.: Политиздат, 1967. — Т. 2: 1929—1940. — С. 519—530.

66. Nove Alec. *Economic History of the USSR, 1917—1991*. — 2d ed. — Harmondsworth: Penguin Books, 1991. — P. 146, 188; представлено в работе: Hosking G. *First Socialist Society*. — P.151—152.

67. Fitzpatrick Sheila. *The Great Departure: Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929—1933* // *Social Dimensions of Soviet Industrialization* / Ed. by William G. Rosenberg and Lewis H. Siegelbaum. — Bloomington: Indiana University Press, 1993. — P. 21—27, Hoffmann David L. *Peasant Metropolis Social Identities in Moscow, 1929—1941*. — Ithaca: Cornell University Press, 1994. — P. 32—41, 73—74.

68. Hoffmann David L. *Peasant Metropolis...* — P. 86—91, 109—112.

69. Kotkin Stephen. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. — Berkeley: University of California Press, 1995. — P. 157—159, 174—177.

70. *Rapports secrets...* Ed. by N. Werth and G. Moullec. — P. 209—216.

71. Lewin Moshe. *Society, State and Ideology during the First Five-Year Plan* // *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. — London Methuen, 1985. — P. 209—240.

72. Kotkin Stephen. *Magnetic Mountain...* — P. 201—215, 242—247; Andrle V. *Workers in Stalin's Russia Industrialization and Social*

Change in a Planned Economy. — Hemel Hempstead: Harvester Press, 1988. — P. 106—107.

73. Soviet Government A Selection of Official Documents on Internal Policy / Ed. by Mervyn Matthews. — London: Cape, 1974. — P. 74.

74. Fitzpatrick Sh. Ascribing Class...; серьезное исследование советской паспортной системы содержится в работе: Matthews Mervyn. The Passport Society: Controlling Movement in Russia and the USSR. — Boulder, Colo. Westview Press, 1993. — Особенно гл. 3—4.

75. Fitzpatrick Sh. The Great Departure... — P. 28—31.

76. Stalin I.V. Report to Seventeenth Party Congress // Stalin I. V. Works. — Moscow Foreign Languages Publishing House, 1955. — Vol. 13. — P. 385.

77. Цит. по: Хлевнюк О.В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. — М.: Росспэн, 1996. — С. 38.

78. Юность. — 1988. — № 11. — С. 22—25.

79. Tucker Robert C. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928—1941. — New York: W W. Norton, 1990. — P. 209—212. Олег Хлевнюк, изучавший документы Политбюро, не обнаружил доказательств того, что Политбюро обсуждало дело Рютина или что Киров оспаривал приговор. Принимая во внимание беспрецедентный характер дискуссии, можно предположить, что протокол заседания, вполне возможно, не велся.

80. Цит. по: Service Robert. Lenin: A Political Life. — London Macmillan, 1995. — Vol. 3. — P. 284, 297.

81. Tucker Robert C. Stalin in Power. — P. 247—252, 260—264. О. Хлевнюк и в этом случае не обнаружил никаких документальных свидетельств, но даже если они и были, Сталин наверняка приказал бы уничтожить их.

82. Getty J. Arch and Naumov Oleg V. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932—1939. — New Haven: Yale University Press, 1999. — Introduction.

83. Хлевнюк О.В. Политбюро. — С. 166—186.

84. Tucker R.C. Stalin in Power... — P. 217—222.

85. Getty J. Arch and Naumov Oleg V. The Road to Terror... — P. 119—134.

86. Доказательства этой версии представлены в работе: Tucker R.C. Stalin in Power... — P., 288—296, а более подробно она изложена в: Knight Amy. Who Killed Kirov? The Kremlin's Greatest

Mystery. — New York: Hill & Wang, 1999. Определенная доля скепсиса содержится в работе: Ulam Adam. Stalin. The Man and His Era. — London: Alien Lane, 1973. — P. 381—388. В конце советской эпохи член Политбюро Александр Яковлев возглавил официальное расследование убийства Кирова. Оно пришло к выводу, что Николаев действовал самостоятельно и что Сталин был к этому непричастен. Однако Яковлев чувствовал, что многие вопросы так и остались без ответа, и настаивал на продолжении расследования. Koenker and Bachman. Revelations. — P. 70—71.

87. The Great Purge Trial Robert / Ed. by C. Tucker and Stephen F. Cohen. — New York: Grosset & Dunlap, 1965. — P. 666.

88. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. — М.: Терра, 1991. — С. 390.

89. Хлевнюк О.В. Политбюро. — С. 137—139, 189—190; Khlevniuk Oleg. The Objectives of the Great Terror, 1937—1938 // Soviet History, 1917—1953: Essays in Honour of R. W. Davies / Ed. by Julian Cooper, Maureen Perrie, and E. A. Rees. — Basingstoke: Macmillan, 1995. — P. 158—176; Manning Roberta T. Terror in the Belyi Raion, 1937—1938 // Stalinist Terror: New Perspectives / Ed. by J. Arch Getty and Roberta T. Manning. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993).

90. Simon G. Nationalism... — P. 155—166; Conquest Robert. The Great Terror: A Reassessment. — London: Hutchinson, 1990. — P. 223—224, 356—359.

91. Conquest Robert. Kolyma: The Arctic Death Camps. — London: Macmillan, 1983.

92. Марголин Юрий. Путешествие в страну зека. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. — С. 33 и сл.; цит. на с. 48. Термин «истребительно-трудовые лагеря» послужил названием третьей части книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ, 1918—1956: Опыт литературного исследования»; Hosking G. First Socialist Society. — P. 200—201.

93. Nove Alec Victims of Stalinism—How Many? // Stalinist Terror... / Ed. by J.A. Getty and R.T. Manning. — P. 261—274; Getty J. Arch, Ritterspoom Gabor T. and Zemskov Viktor N. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-War Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // American Historical Review. — 1993. — Vol. 98. — P. 1017—1049.

94. Nove A. Victims of Stalinism... — P. 268.

95. Davies R. W. Forced Labour under Stalin: The Archive Revelations // New Left Review. — 1995. — № 214. — P. 67.

12. ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

1. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: начало 30-х годов. — С. 150.
2. По данным работы: Fitzpatrick Sheila. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. — New York: Oxford University Press, 1994. — P. 287—293.
3. Ibid. — P. 296—312.
4. Hoffmann David L. *Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929—1941*. — Ithaca: Cornell University Press, 1994. — P. 89—91.
5. Kuromiya Hiroaki. *Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928—1932*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988. — Parts III and IV. — Цит.: p. 283—284.
6. Siegelbaum Lewis H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
7. Andrieu V. *Workers in Stalin's Russia: Industrialization and Social Change in a Planned Economy*. — Hemel Hempstead: Harvester Press, 1988. — P. 135, 144—146.
8. Fitzpatrick Sheila. *Workers against Bosses: The Impact of the Great Purges on Labour-Management Relations // Making Workers Soviet: Power, Class, and Identity / Ed. by Lewis H. Siegelbaum and Ronald Grigor Suny*. — Ithaca: Cornell University Press, 1995. — P. 311—340.
9. Kotkin Stephen. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. — Berkeley: University of California Press, 1995. — P. 225—230.
10. Lewin M. *On Soviet Industrialization // Social Dimensions of Soviet Industrialization / Ed. by William G. Rosenberg and Lewis H. Siegelbaum*. — Bloomington: Indiana University Press, 1993. — P. 278.
11. Stites Richard. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. — New York: Oxford University Press, 1989. — Chap. 9.
12. Boym Svetlana. *Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994. — P. 123—124.
13. Voslensky M. S. *Nomenklatura: Anatomy of the Soviet Ruling Class*. — London: Bodley Head, 1984. — Chap. 6.

14. Цит. по: Golomstock Igor. *Totalitarian Art*. — London: Collins Harvill, 1990. — P. 278.
15. Brumfield William Croft. *A History of Russian Architecture*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 485—492.
16. Hosking Geoffrey. *The Institutionalisation of Literature // Perspectives on Literature and Society in Eastern and Western Europe* / Ed. by G. F. Gushing and G. A. Hosking. — London: Macmillan, 1989. — P. 55—75.
17. Barnes Christopher. *Boris Pasternak: A Literary Biography*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — Vol. 2: 1928—1960. — P. 100; Громов Евгений. *Сталин: власть и искусство*. — М.: Республика, 1998. — С. 224—227.
18. Barnes C. *Boris Pasternak*. — Vol.2. — P. 23, 50, 132.
19. Shentalinsky Vitaly. *The KGB's Literary Archive*. — London: Harvill Press, 1995. — Chap. 2.
20. *Ibid.* — Chap. 9.
21. *Shostakovich: A Life Remembered*. / Ed. by Elizabeth Wilson. — London: Faber & Faber, 1994. — Chap. 3.
22. Timasheff Nicholas S. *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*. — New York: Arno Press, 1972.
23. Fitzpatrick Sheila. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921—1934*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979. — P. 92.
24. Kelly Catriona and Volkov Vadim. *Directed Desires: Kulturnost and Consumption // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution, 1881—1940* / Ed. by Catriona Kelly and David Shepherd. — Oxford: Oxford University Press, 1998. — P. 291—313.
25. Kelly Catriona «Kul'turnost» in the Soviet Union: Ideal and Reality // *Reinterpreting Russia* / Ed. by Geoffrey Hosking and Robert Service. — London: Edward Arnold, 1999. — P. 198—213.
26. Wendy Z. Goldman. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — Chaps. 1, 6.
27. *Ibid.* — Chaps. 105—109.
28. *Ibid.* — Chaps. 288—291.
29. *Ibid.* — Chap. 2 and 307—308.
30. Timasheff N.S. *The Great Retreat...* — P. 198.
31. Goldman W.Z. *Women, the State and Revolution...* — P. 336.
32. Цит. по: Ulam Adam B. *Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917—1967*. — New York: Praeger, 1968. — P. 54.

33. The Communist International, 1919—1943: Documents / Ed. by Jane Degras. — London: Oxford University Press, 1956. — Vol. 1. — P. 43, 46.
34. Ulam A.B. Expansion and Coexistence... — P. 115—116.
35. Ibid. — P. 115.
36. Gatzke Hans W. Russo-German Military Collaboration during the Weimar Republic // American Historical Review. — 1958. — Vol. 63. — P. 565—597; Erickson John. The Soviet High Command: A Military-Political History, 1918—1941. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1984. — Chap. 9.
37. Carr E. H. A History of Soviet Russia: The Interregnum, 1923—1924. — London: Macmillan, 1954. — P. 201—226.
38. Erickson J. Soviet High Command... — P. 495—498, 517—521, 532—537.
39. Haslam Jonathan. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933—1939. — London: Macmillan, 1984. — Chaps. 6—7.
40. Orwell George. Homage to Catalonia. — Harmondsworth: Penguin Books, 1962. — P. 57.
41. Haslam J. Soviet Union and Collective Security... — P. 206—207.
42. Параллельные переговоры с Западом и с Германией подробно описаны там же: chap. 10.
43. Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes: Trans. Jerrold L. Shecter. — Boston: Little, Brown, 1990. — P. 55.
44. Gorodetsky Gabriel. Stalin and Hitler's Attack on the Soviet Union // From Peace to War: Germany, Soviet Russia and the World, 1939—1941 / Ed. by Bernd Wegner. — Oxford: Berghahn Books, 1997. — P. 343—359.
45. Это предположение впервые подробно освещено в книге Виктора Суворова «Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну?»
46. Roberts Cynthia A. Planning for War: The Red Army and the Catastrophe of 1941 // Europe-Asia Studies. № 47. 1995. P.1293—1326; Raack R. Stalin's Plans for World War II // Journal of Contemporary History N26. 1991. 215—227; Spahr William J. Zhukov: The Rise and Fall of a Great Captain. — Novato, Calif.: Presidio, 1993. — P. 47—49; Glantz David M. Stumbling Colossus: The Red Army on the Eve of World War. — Lawrence: University of Kansas Press, 1998. — P. 102—107. Полемика и доказательства сторон достаточно полно исследованы в работе: Gorodetsky Gabriel. Grand

Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia. — New Haven: Yale University Press, 1999.

47. Tarleton Robert E. What Really Happened to the Stalin Line? // Journal of Soviet Military Studies. — 1992. — Vol. 5. — P.187—219; 1993. — №6. — P. 21—61; Spahr W.J. Zhukov... — P. 38—39.

48. Overy Richard. Russia's War. — London: Allen Lane, 1998. — P. 87.

49. Glantz David M. and House Jonathan. When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler. — Lawrence: University of Kansas Press, 1995. — P. 121.

50. Ранг политруков был понижен еще до войны, но потом был опять восстановлен: Werth Alexander. Russia at War, 1941—1945. — New York: Carroll and Graff, 1964. — P. 414—416; Erickson John. The Road to Stalingrad. — London: Weidenfeld & Nicolson, 1975. — Vol. 1: Stalin's War with Germany. — P. 22—24, 371—372.

51. Overy R. Russia's War. — P. 187—193.

52. Barber John and Harrison Mark. The Soviet Home Front, 1941—1945: A Social and Economic History of the USSR in World War Two. — London: Longman, 1991. — P. 127—132, 163—167.

53. Sokolov B. Lend-Lease in Soviet Military Efforts, 1941—1954 // Journal of Slavic Military Studies. — 1994. — Vol. 7. — P. 567—586; Khrushchev Remembers. — P. 84.

54. Подсчеты взяты из книги: Erickson John. Soviet War Losses: Calculations and Controversies // Barbarossa: The Axis and the Allies / Ed. by John Erickson and David Dilks. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994. — P. 265—266.

55. Werth A. Russia at War... — P. 414.

56. Детальные итоги потерь в боевых действиях представлены в работе: Гриф секретности снять: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993; подробные цифровые данные см.: Поляков Л.Е. Цена победы: демографический аспект. — М.: Финансы и статистика, 1985. Анализ переписи 1939 г. см.: Кожурин В.С. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. — 1991. — № 2. — С. 21—26. Общие выводы приводятся в работе: Erickson. Soviet War Losses.

57. Werth A. Russia at War... — P. 388—389.

58. Marples David. Stalinism in Ukraine in the 1940s. — Basingstoke: Macmillan, 1992. — P. 50.

59. Штрик-Штрикфельт В. Против Сталина и Гитлера: генерал Власов и русское освободительное движение. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1975. — С. 423.
60. Программа воспроизведена в работе: Andreyev Catherine. Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigré Theories. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — P. 206—209.
61. Inkeles Alex and Bauer Raymond A. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. — New York: Atheneum, 1968. — Chap. 10.
62. Fröhlich Sergej. General Wlasow: Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin. — Cologne: Markus, 1987.
63. Grenkevich Leonid D. The Soviet Partisan Movement, 1941—1944: A Critical Historiographical Analysis. — London: Frank Cass, 1999.
64. Salisbury Harrison E. The Siege of Leningrad. — London: Secker & Warburg, 1969. — P. 217—220.
65. Ibid. — P. 514—518.
66. Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. — М.: Политиздат, 1977. — С. 171, 213.
67. Абрамов Ф. Две зимы и три лета // Абрамов Ф. Избранное: В 2 т. — Л.: Художественная литература, 1975. — Т.1. — С. 344.
68. Nove Alec. Economic History of the USSR, 1917—1991. — 2d ed. — Harmondsworth: Penguin Books, 1991. — P. 282; Hosking Geoffrey. The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within. — 3d ed. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. — P. 286—287.
69. Moskoff W. The Bread of Affliction: The Food Supply in the USSR during World War II. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — Chap. 8; Werth Alexander. The Year of Stalingrad. — London: Hamish Hamilton, 1946. — Chap. 3.
70. Lorenz Richard. Sozialgeschichte der Sowjetunion. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976. — P. 290.
71. Kolarz Walter. Religion in the Soviet Union. London: Macmillan, 1961. — P. 49—51.
72. Corley Felix. Religion in the Soviet Union: An Archival Reader. Basingstoke: Macmillan, 1996. — P. 139—147.
73. Martin Terry. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. — 1998. — Vol. 70. — P. 813—861.
74. Nekrich Alexander. The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. — New York: W.W. Norton, 1978; Бугай Н.Ф. К вопросу о депорта-

ции народов СССР // История СССР. — 1989. — № 6. — С. 135—144; его же: Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. — 1990. — № 7. — С. 32—44.

75. Геллер Михаил, Некрич Александр. Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 г. до наших дней. — Лондон: Overseas Publications Interchange, 1986. — С. 492—496.

76. Кондратьев Вячеслав. Парадокс фронтовой ностальгии // Литературная газета. — 1990. — 9 мая. — С. 9.

13. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ И «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

1. Holloway David. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939—1956. — New Haven: Yale University Press, 1994. — P. 154.

2. Mastny Vojtech. The Cold War and Soviet Insecurity: The Stalin Years. — New York: Oxford University Press, 1996. — P. 23.

3. Djilas Milovan. Conversations with Stalin. — London: Hart-Davis, 1962. — P. 94—108; цит.: p. 98.

4. Егорова Н.И. НАТО и европейская безопасность: восприятие советского руководства // Сталин и «холодная война» / Под ред. А.О. Чубаряна. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998. — С. 291—314.

5. Holloway D. Stalin and the Bomb. — P. 161—166.

6. Ibid. — P. 184—201.

7. Ibid. — P. 203—206; Сахаров Андрей. Воспоминания. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1990. — С. 132—135.

8. Holloway D. Stalin and the Bomb. — P. 265—268.

9. Gaddis John L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. — Oxford: Oxford University Press, 1982.

10. Ulam Adam. The Rivals: America and Russia since World War Two. — London: Alien Lane, 1973.

11. Narinskii Mikhail M. The Soviet Union and the Berlin Crisis, 1948—1949 // The Soviet Union and Europe in the Cold War / Ed. by Francesca Gori and Silvio Pons. — Basingstoke: Macmillan, 1996. — P. 57—75.

12. Goncharov Sergei N., Lewis John W., and Litai Xue. Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War. — Stanford: Stanford University Press, 1993.

13. Подробное освещение Карибского кризиса, основанное на изучении материалов российских архивов, дано в работе: Fursenko Aleksandr and Naftali Timothy. *One Hell of a Gamble: The Secret History of the Cuban Missile Crisis*. — New York: W. W. Norton, 1997.

14. Rubinstein Alvin Z. *Soviet Foreign Policy since World War II: Imperial and Global*. — 4th ed. — London: Harper Collins, 1992. — P. 240—248, 315—328.

15. *Ibid.* — P. 157.

16. Noguee Joseph L. and Donaldson Robert H. *Soviet Foreign Policy since World War II*. — 3d ed. — New York: Pergamon Press, 1988. — P. 229—239.

17. Boukovsky Vladimir. *Jugement a Moscou*. — Paris: Robert Laffont, 1995. — Chap. 1.

18. Поляков Л.Е. Цена победы: демографический аспект. — М.: Финансы и статистика, 1985; Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева; Erickson John. *Soviet War Losses: Calculations and Controversies // Barbarossa: The Axis and the Allies* / Ed. by John Erickson and David Dilks. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994. — P. 255—277; Harrison Mark. *Accounting for War: Soviet Production, Employment and the Defence Burden, 1940—1945*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — P. 159—164.

19. Tumarkin Nina. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. — New York: Basic Books, 1994.

20. Сахаров А.Д. Воспоминания. — Т.1. — С. 229.

21. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы, 1945—1964. М.: Россия молодая, 1993. — С. 33—44.

22. Кардин В. Лучшие годы нашей жизни, или Почему я равнодушен к антиутопиям // Огонек. — 1990. — № 19. — С. 17; цитируется в работе Е.С. Сеньявской: 1941—1945. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование. — М.: Институт российской истории РАН, 1995. — С. 164—165; см. также: Сеньявская Е.С. 1941—1945. Фронтовое поколение... — С. 71—93.

23. Петров Ю.П. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота, 1918—1968 гг. — М.: Воениздат, 1968. — С. 336, 393—394, 397.

24. Colton Timothy J. *Commissars, Commanders, and Civilian Authority: The Structure of Soviet Military Politics*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. — Esp. chap. 11.

25. Hahn Werner G. Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation. — Ithaca: Cornell University Press, 1982. — P. 94—113. 118—129; Bonwetsch B. Die Leningrad-Affäre // Deutsche Studien. — 1990. — № 28. — S. 306—322.

26. Filtzer Donald. Soviet Workers and Stalinist Industrialisation: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928—1941. — London: Pluto, 1986. — Chap. 9; Also his. Soviet Economy and Society in the Postwar Period // Handbuch der Geschichte Russlands / Ed. by Stefan Plaggenborg. — Stuttgart: Hiersemann Verlag, в печати. — Vol. 4

27. Волков И.М. Советская деревня в первые послевоенные годы, 1946—1951. — М.: Наука, 1978. — С. 456—457.

28. Nove Alec. Economic History of the USSR, 1917—1991. — 2d ed. — Harmondsworth: Penguin Books, 1989. — P. 303—311, 316.

29. Barber John and Harrison Mark. The Soviet Home Front, 1941—1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. — London: Longman, 1991. — P. 104; Зима В.Ф. Голод в СССР, 1946—1947 гг.: происхождение и последствия. — М.: Институт российской истории РАН, 1996. — С. 12—18.

30. Зима В.Ф. Голод в СССР... — С. 65—75, 164—171.

31. Strauss E. Soviet Agriculture in Perspective: A Study of Its Successes and Failures. — London: Alien & Unwin, 1969. — P. 307; Wädekin Karl. Privatproduzenten in der sowjetischen Landwirtschaft. — Cologne: Verlag Wissenschaft und Politik, 1967. — S. 24.

32. Wilson Elizabeth. Shostakovich: A Life Remembered. — London: Faber & Faber, 1994. — P. 158—159; Правда. — 1946. — 21 августа.

33. Gleb Struve, Russian Literature under Lenin and Stalin, 1917—1953. — London: Routledge & Kegan Paul, 1972. — P. 350—357; Robert H. McNeal, ed., Resolutions and Decisions of the CPSU. — Vol. 3: The Stalin Years, 1929—1953. — Toronto: University of Toronto Press, 1974. — P. 240—243.

34. Wilson E. Shostakovich... — P. 207—215.

35. Wolfgang Girke and Helmut Jachnow, Sowjetische Soziolinguistik: Probleme und Genese. — Kronberg: Scriptor Verlag, 1974. — S. 50—68.

36. Wilson E. Shostakovich... — P. 210—211.

37. Khrushchev Nikita. Khrushchev Remembers: Trans. and ed. Strobe Talbott. — Boston Little, Brown, 1970. — P. 345, Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущева за единоличную власть // Новая и новейшая история. — 1996. — № 2. — С. 15.

38. Khrushchev N. Khrushchev Remembers. — P. 346—351; Burlatskii Fedor. Khrushchev and the First Russian Spring / Trans. Daphne Skillen. — London: Weidenfeld & Nicolson, 1991. — P. 39—

- 40; Service Robert. *A History of Twentieth Century Russia*. — London: Allen Lane, 1997. — P. 338.
39. Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущева за единоличную власть. — С. 15—16.
40. Там же. — С. 16.
41. Там же. — С. 23.
42. Арбатов Георгий. Затянувшееся выздоровление, 1953—1985. — М.: Международные отношения, 1991. — С. 64—79.
43. *The USSR and the Future: An Analysis of the New Program of the CPSU* / Ed. by L. Schapiro. — New York: Praeger, 1963. — P. 297.
44. Medvedev Roy and Medvedev Zhores. *Khrushchev: The Years in Power*. — New York: Oxford University Press, 1977. — P. 104—105, 152—155.
45. Juviler P. H. *Revolutionary Law and Order: Politics and Social Change in the USSR*. — London, Collier-Macmillan, 1976. — P. 78—79.
46. Medvedev R. and Medvedev Zh. *Khrushchev...* — P. 143—145, 181—182.
47. Anderson John. *Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — P. 9.
48. Данные о критериях, принятых при назначении на ту или иную должность и дальнейшем продвижении по службе, содержались в сообщении председателя Совета по делам религий В. Фурова и просочились на Запад в 1970-е гг. (Из отчета Комитета по делам религий — членам КПСС // Вестник русского христианского движения. — 1979. — № 130. — С. 275—344.)
49. Anderson J. *Religion, State and Politics...* — P. 30—34; Lane Christel. *The Rites of Rulers: Ritual in Industrial Society — the Soviet Case*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
50. Ellis Jane. *The Russian Orthodox Church: A Contemporary History*. — London: Croom Helm, 1986. — P. 53—69.
51. Anderson J. *Religion, State and Politics...* — P. 55—59.
52. Filtzer Donald. *Soviet Workers and De-Stalinization. The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1953—1964*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
53. *Ibid.* — Chaps. 7—8.
54. Zinoviev Alexander. *The Reality of Communism*. — London: Victor Gollancz, 1984. — P. 114.
55. Strauss E. *Soviet Agriculture...* — P. 170—175; McCauley Martin. *Khrushchev and the Development of Soviet Agriculture: The Virgin Land*

Programme, 1953—1964. — Basingstoke: Macmillan, 1976. — Chaps. 4—6.

56. Olcott Martha Brill. The Kazakhs. — Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1987. — Chap. 10.

57. Strauss E. Soviet Agriculture... — P. 175—178.

58. См. отчет КГБ (Исторический архив. — 1993. — № 1. — С. 122—129).

59. Tompson William J. Khrushchev A Political Life. — Basingstoke: Macmillan, 1995. — P. 270—276; Речь Сулова опубликована в: Исторический архив. — 1993. — № 1. — С. 7—15.

60. Medvedev R. and Medvedev Zh. Khrushchev. — P. 245.

14. СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

1. Медведев Рой. Личность и эпоха: Политический портрет Л.И. Брежнева. — М.: Новости, 1991, особенно гл. 3.

2. Beissinger Mark R. The Political Elite // The Soviet Union Today: An Interpretive Guide / Ed. by James Cracraft. — Chicago: Bulletin of the Atomic Scientists, 1983. — P. 35—51; Hosking Geoffrey. The First Socialist Society A History of the Soviet Union from Within. — 3d ed. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. — P. 377—378.

3. Gorbachev Mikhail. Memoirs. — London: Doubleday, 1996. — P. 112, 114; Горбачев М.С. Жизнь и реформы: В 2 кн. — М.: Новости, 1995. — Т. 1. — С. 182.

4. Nove Alec. Economic History of the USSR, 1917—1991. — P. 367—368.

5. Nove Alec. Agriculture // The Soviet Union since the Fall of Khrushchev. — 2d ed. / Ed. by Archie Brown and Michael Kaser. — Basingstoke: Macmillan, 1975. — P. 9—11.

6. Zaslavsky Victor. The Neo-Stalinist State. Class, Ethnicity, and Consensus in Soviet Society. — Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1982. — Chaps. 4—5.

7. Grossman Gregory. The 'Second Economy' of the USSR // Problems of Communism 26. — 1977. — № 5. — September. — P. 25—40; Hedrick Smith, The Russians. — New York: Quadrangle Books, 1976. — Chap. 3; Ledeneva Alena. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

8. Kaiser R. *The Geography of Nationalism in Russia and the Soviet Union*. — Princeton: Princeton University Press, 1994. — Chap. 4. — Esp. 166—170.
9. Ash Timothy Garton. *The Polish Revolution: Solidarity, 1980—1982*. — London: Jonathan Cape, 1983. — P. 78.
10. Ibid.; Ascherson Neal. *The Polish August: The Self-Limiting Revolution*. — Harmondsworth: Penguin Books, 1982.
11. Эта сцена начинается и завершает повесть Виталия Семина «Семеро в одном доме» // *Новый мир*. — 1965. № 6. — С. 62—144, Kerblay Basile. *Modern Soviet Society* / Trans. Rupert Swyer. — London: Methuen, 1983. — P. 24—38.
12. *Women, Work, and Family in the Soviet Union* / Ed. by Gail W. Lapidus. — Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1982. — P. 253.
13. Dodge Norton T. *Women in the Professions and Chapman Janet G. Equal Pay for Equal Work?* // *Women in Russia* / Ed. by Dorothy Atkinson, Alexander Dallin, and Gail Warshofsky Lapidus. — Hassocks: Harvester Press, 1978. — P. 205—224, 225—239.
14. Holt Alix. *The First Soviet Feminists* // *Soviet Sisterhood* / Ed. by Barbara Holland. — London: Fourth Estate, 1985. — P. 237—265.
15. Kerblay B. *Modern Soviet Society*. — P. 34—38; Hildermeier Manfred. *Geschichte der Sowjetunion, 1917—1991*. — Munich: C.H. Beck Verlag, 1998. — S. 948—950.
16. Kerblay B. *Modern Soviet Society*. — P. 123—124.
17. Beyrau Dietrich. *Intelligenz und Dissens: die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion, 1917—1985*. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. — S. 312.
18. Зиновьев Александр. *Желтый дом*. — Лозанна: L'Age d'Homme, 1980. — Т. 1. — С. 48.
19. Beyrau D. *Intelligenz und Dissens...* — S. 314.
20. Kneen Peter. *Soviet Scientists and the State*. — London: Macmillan, 1984. — Chap. 4; Stephen Fortescue. *Science Policy in the Soviet Union*. — London: Routledge, 1990. — Chap. 1.
21. Капица П.Л. *Письма о науке, 1930—1980*. — М.: Московский рабочий, 1989. — С. 316—317.
22. Sakharov A.D., Turchin V.F., and Medvedev R.A. *Appeal of Soviet Scientists to the Party-Government Leaders of the USSR* // *Survey*. — 1970. — Summer. — № 76. — P. 160—170.
23. Beyrau D. *Intelligenz und Dissens...* — S. 210.
24. *Работа в Институте систематических исследований и Экономико-математическом институте на протяжении конца 1970-х —*

начала 1980-х описана в книге Егора Гайдара «Дни поражений и побед». — М.: Вагриус, 1996. — С. 29—31.

25. Clark Katerina. and Holquist Michael. Mikhail Bakhtin. — Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1984; Todorov Tsvetan. Mikhail Bakhtin: The Dialogic Principle: Trans. Wlad Godzich. — Manchester: Manchester University Press, 1984.

26. Shukman Ann. Literature and Semiotics: A Study of the Writings of Yu. M. Lotman. — Amsterdam: North Holland Publishing, 1977.

27. Оценку этих ранних лет см.: Frankel Edith Rogovin. *Novy Mir*. A Case Study in the Politics of Literature, 1952—1958. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

28. Geoffrey Hosking. Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. — London: Granada Books, 1980.

29. Solzhenitsyn. A Documentary Record / Ed. by L. Labeledz. London. Allen Lane, 1970. — P.15—16.

30. Hosking G. Beyond Socialist Realism. — Chap. 3; Parthé Kathleen. Russian Village Prose: The Radiant Past. — Princeton: Princeton University Press, 1992.

31. Kipp Maia A. Soviet Theater from 1953 to the Demise of the Soviet Union // A Concise Encyclopedia of Soviet Civilization. — Austin, Texas: Holt, Rinehart, в печати.

32. Bukovsky Vladimir. To Build a Castle My Life as a Dissenter. — London: Andre Deutsch, 1978. — P. 115.

33. Beyrau D. Intelligenz und Dissens... — S. 229—234.

34. On Trial: The Case of Sinyavsky (Tertz) and Daniel (Arzhak) / Ed. by L. Labeledz and M Hayward. London: Collins & Harvill Press, 1967. — P. 290—291.

35. Beyrau D. Intelligenz und Dissens... — S. 222—225, Kharkhordin Oleg. The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices. — Berkeley: University of California Press, 1999. — Chap. 7.

36. Hopkins Mark. Russia's Underground Press: The Chronicle of Current Events. — New York: Praeger, 1983.

37. Сандиев И.Ю. Неформальные молодежные объединения: Опыт экспозиции // Социологические исследования. — 1987. — № 5. — С. 56—62.

38. Dragadze Tamara. Rural Families in Soviet Georgia: A Case Study in Ratcha Province. — London: Routledge, 1988; Rashidov Akbar. Family and Tribal Structure and Social Conflicts in Soviet Central Asia // In a Collapsing Empire: Underdevelopment, Ethnic Conflicts and Nationalism in the Soviet Union / Ed. by Marco Buttino. — Milan: Feltrinelli, 1993. — P. 291—299.

39. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. — С. 240—242; Shirin Akiner. Islam, the State, and Ethnicity in Central Asia in Historical Perspective // Religion, State, and Society. — 1996. — № 24. — P. 114—116.
40. Akiner S. Islam. — P. 110—113.
41. Ланда Р.Г. Ислам... — С. 244—245; Olcott Martha Brill. The Kazakhs. — Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1987. — P. 240—246, Rashid Ahmed. The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism? — London: Zed Books, 1994. — P. 116, 145.
42. Rashid A. The Resurgence of Central Asia. — P. 91—92; Critchlow J. Nationalism in Uzbekistan: A Soviet Republic's Road to Sovereignty. — Boulder, Colo: Westview Press, 1991. — P. 64—69, 78—91.
43. Литературная газета. — 1988. — 20 января. — С. 13.
44. Keep John L.H. Last of the Empires: A History of the Soviet Union, 1945—1991. — Oxford: Oxford University Press, 1995. — P. 211, 221.
45. Willerton John P. Patronage and Politics in the USSR. — Cambridge: Cambridge University-Press, 1992. — Chap. 6; Земцов И. Партия или мафия? Разворованная республика. — Париж: Editeurs Reunis, 1976.
46. Krawchenko Bohdan. Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine. — Basingstoke: Macmillan, 1985. — P. 119—120, 178—186; Pirie Paul S. National Identity and Politics in Southern and Eastern Ukraine // Europe-Asia Studies. — 1996. — Vol. 48. — P. 1079—1104.
47. Dzyuba Ivan. Internationalism or Russification? A Study in the Soviet Nationalities Problem. — London: Weidenfeld & Nicolson, 1968; Ferment in the Ukraine: Documents by V Chornovil and Others / Ed. by Michael Browne. — London: Macmillan, 1971.
48. Kozlov V.P. The Peoples of the Soviet Union. — London: Hutchinson, 1988. — P. 58—59, Zaprudnik Jan and Urban Michael. Belarus: From Statehood to Empire? // New States, New Politics: Building the Post-Soviet Nations / Ed. by Ian Bremmer and Ray Taras. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — P. 284—285.
49. Dudwick Nora. Armenia: The Nation Awakes // Nations and Politics in the Soviet Successor States / Ed. by I. Bremmer and R. Taras. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 272, Jones Stephen. Georgia: A Failed Democratic Transition // Ibid. — P. 292—294.

50. Crowther William. *Moldova: Caught between Nation and Empire // Nations and Politics* / Ed. by I. Bremmer and R. Taras. — P. 318—319.

51. Rorlich Azade-Ayse. *The Volga Tatars: A Profile in National Resilience*. — Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1996. — Chap. 11.

52. Garrard John and Garrard Carol. *The Bones of Berdichev. The Life and Fate of Vasilii Grossman*. — New York: Free Press, 1996. — P. 199—214.

53. Brudny Yitzhak M. *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953—1991*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998. — Chaps. 4—6.

54. Anderson J. *Religion, State and Politics*. — Chap. 4, Brudny. *Reinventing Russia*. — Chaps 3—4.

55. Odom William E. *The Collapse of the Soviet Military*. — New Haven: Yale University Press, 1998. — P. 286—289.

15. ОТ ПЕРЕСТРОЙКИ К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Gorbachev Mikhail. *Memoirs*. — London: Doubleday, 1996. — P. 43—46 (Горбачев М.С. *Жизнь и реформы: В 2 кн.* — М.: Новосты, 1995. — Кн. 1).

2. Арбатов Георгий. *Затянувшееся выздоровление*. — С. 15—16.

3. Там же. — С. 67—72, 282—287, 381—399.

4. Malcolm Neil. *De-Stalinization and Soviet Foreign Policy: The Roots of 'New Thinking // Perestroika. Soviet Domestic and Foreign Policies* / Ed. by Tsuyoshi Hasegawa and Alex Pravda. — London: Royal Institute of International Affairs, 1990. — P. 178—205.

5. Арбатов Георгий. *Затянувшееся выздоровление*. — С. 75—85; Archie Brown. *The Gorbachev Factor*. — Oxford: Oxford University Press, 1996. — P. 98—103.

6. Malcolm N. *De-Stalinization and Soviet Foreign Policy*. — Esp. p. 192.

7. Kennedy Paul. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. — London: Unwin Hуман, 1988. Любопытно, что Кеннеди применял понятие «перенапряжение» в большей степени к Соединенным Штатам того времени, чем к СССР, который был тому классическим примером; см. с. 514—515.

8. Gorbachev M. *Memoirs*. — P. 502; Anthony D'Agostino, *Gorbachev's Revolution, 1985—1991* (London: Macmillan, 1998), 14—25.
9. Правда. — 1989. — 20 января.
10. Gorbachev M. *Memoirs*. — P. 524.
11. В своих воспоминаниях Горбачев называет эту надежду недолгой и робкой, но существующие данные указывают на то, что это было его стратегическим приоритетом: когда он, во-первых, оказал давление на Хонеккера, а во-вторых, признал падение Берлинской стены.
12. Черняев А.С. *Шесть лет с Горбачевым: по дневниковым записям*. — М.: Культура, 1993. — С. 305—306.
13. Ash Timothy Garton. In *Europe's Name: Germany and the Divided Continent*. — London: Jonathan Cape, 1993. — Chap. 7.
14. Черняев А.С. *Шесть лет с Горбачевым...* — С. 83—93; Gorbachev. *Memoirs*. — P. 188, 194—195 (Горбачев М.С. *Жизнь и реформы*. — Кн. 1. — С. 298, 306).
15. Материалы «самиздата». — AS 5785. — С. 1—3.
16. Gorbachev M. *Memoirs*. — P. 193.
17. Черняев А.С. *Шесть лет с Горбачевым...* — С. 85—87.
18. Nove Alec. *Glasnost in Action: Cultural Renaissance in Russia*. — London: Unwin Hyman, 1989; Davies R.W. *Soviet History in the Gorbachev Revolution*. — Basingstoke: Macmillan, 1989.
19. Правда. — 1989. — 16 января. — С. 1.
20. Moskoff William. *Hard Times: Impoverishment and Protest in the Perestroika Years — the Soviet Union, 1985—1991*. — Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1993. — Esp. chap. 2.
21. Filtzer Donald. *Soviet Workers and the Collapse of Perestroika The Soviet Labour Process and Gorbachev's Reforms*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — P. 82—93.
22. *Ibid.* — P. 94—122.
23. Hosking Geoffrey. *The Beginnings of Independent Political Activity // Hosking G.A., Aves J. and Duncan P.J.S. The Road to Post-Communism: Independent Political Movements in the Soviet Union, 1985—1991*. — London: Pinter, 1992. — P. 1—28.
24. *Ibid.* — P. 13, 17—19; Smith Kathleen E. *Remembering Stalin's Victims: Popular Memory and the End of the USSR*. — Ithaca: Cornell University Press, 1996. — Chap. 5.
25. Громов А.В., Кузин О.С. *Неформалы: кто есть кто?* — М.: Мысль, 1990. — С. 107.
26. Suny Ronald Grigor. *Looking toward Ararat: Armenia in Modern History*. — Bloomington: Indiana University Press, 1993. — P. 196—200.

27. Aves J. The Rise and Fall of the Georgian National Movement, 1987—1991 // Hosking G.A., Aves J. and Duncan P.J.S. The Road to Post-Communism... — P. 157—179.

28. Odom William E. The Collapse of the Soviet Military. — New Haven: Yale University Press, 1998. — P. 260—268.

29. Ibid. — P. 267—268.

30. Об их вкладе в развал СССР см.: Gerner Kristian and Hedlund Stefan. The Baltic States and the End of the Soviet Empire. — London: Routledge, 1993.

31. Dunlop John B. The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. — Princeton: Princeton University Press, 1993. — P. 50.

32. Ibid. — P. 93.

33. Ibid. — P. 92—95.

34. Ibid. — P. 62.

35. Hosking Geoffrey. The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within. — 3d ed. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992. — P. 491; Правда. — 1991. — 20 августа — С. 1.

36. Лебедь Александр. За державу обидно. — М.: Московская правда, 1995. — С. 390.

37. Dunlop J.B. Rise of Russia. — P. 214.

38. Всестороннее освещение происходящего на основе данных различных источников дано в работе: Odom W.E. Collapse of the Soviet Military. — Chap. 14; and Dunlop J.B. Rise of Russia... — Chap. 5. Доказательства того, что Горбачев вел двойную игру, приведены в работе: Dunlop J.B. Rise of Russia... — P. 202—206; контраргументы см.: Brown A. Gorbachev Factor. — P. 294—300.

39. Правда. — 1991. — 10 декабря. — С. 1; Hosking G. First Socialist Society. — P. 497—498.

40. Murrell G.D.G. Russia's Transition to Democracy An Internal Political History, 1989—1996. — Brighton: Sussex Academic Press, 1997. — Chap. 9.

41. Ibid. — P. 157—177.

42. Ельцин Борис. Записки президента. — М.: Огонек, 1994. — С. 385.

43. К примеру: Clark Bruce. An Empire's New Clothes The End of Russia's Liberal Dream. — London Vintage, 1995. — P. 253—255.

44. Zhirinovskiy Vladimir. My Struggle. — New York: Barricade Books, 1996. — P. 15, 17.

45. My Russia: The Political Autobiography of Gennadii Ziuganov // Ed. by Vadim Medish. — Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1997. — P. 9—15.

46. Lloyd John. *Rebirth of a Nation An Anatomy of Russia* (London Michael Joseph, 1998), 212—218; цитата Чубайса — P. 218.
47. Kryshatanovskaya Olga and White Stephen. *From Soviet Nomenclatura to Russian Elite // Europe-Asia Studies*. — 1996. — Vol. 46. — P.711—733; Solnick Steven L. *Stealing the State: Control and Collapse in Soviet Institutions*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998. — Chap. 4.
48. Blasi Joseph R., Kroumova Maya and Kruse Douglas. *Kremlin Capitalism: Privatizing the Russian Economy*. — Ithaca: Cornell University Press, 1997. — P. 39—49.
49. *Ibid.* — P. 190.
50. Lloyd J. *Rebirth of a Nation...* — P. 277—279.
51. Gustafson Thane. *Capitalism Russian-Style*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — Chap. 9.
52. Lloyd J. *Rebirth of a Nation...* — P. 288, 303, 306—307; Galeotti Mark. *The Kremlin's Agenda: The New Russia and Its Armed Forces*. — Coulsdon, U.K.: Jane's Intelligence Review, 1995. — P. 37.
53. Wedel Janine. *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe*. — Basingstoke: Macmillan, 1998. — Chap. 4 and 188—190.
54. Gustafson T. *Capitalism Russian-Style...* — Chap. 6.
55. *Ibid.* — P. 104—107, 175.
56. Galeotti M. *The Kremlin's Agenda*. — P. 67.
57. Lieven Anatol. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. — New Haven: Yale University Press, 1998. — Chaps. 2—3; for the background to the Chechen conflict, see Tishkov Valery. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame*. — London: Sage, 1997. — Chaps. 9—10.
58. Цит. по: Lloyd J. *Rebirth of a Nation...* — P. 335.
59. Melvin Neil. *Russians beyond Russia: The Politics of National Identity*. — London: Royal Institute of International Affairs, 1995. — P. 61—65.
60. Atkin Muriel. *Tajikistan: Reform, Reaction and Civil War // New States, New Politics: Building the Post-Soviet Nations / Ed. by Ian Bremmer and Ray Taras*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — P. 603—634; Rashid Ahmed. *The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism?* — London: Zed Books, 1994. — Chaps. 7, 9.
61. Lloyd J. *Rebirth of a Nation*. — P. 356.
62. *Ibid.*
63. Tolz Vera. *Conflicting 'Homeland Myths' and Nation-State Building in Postcommunist Russia // Slavic Review*. — 1998. — Vol. 57. — P. 267—294.

Именной указатель

- Абрамов Федор — II: 241, 242
Аввакум, протопоп — I: 203, 205—207
Август, римский император — I: 132, 243
Аджубей Алексей — II: 297
Адылов, директор совхоза — II: 330
Азеф Евно — II: 13, 49
Аксаков Иван — I: 401, 432
Аксаков Константин — I: 347, 348
Аксаков Сергей — I: 440
Александр I, император — I: 23, 298, 302, 304—311, 313—318, 320, 324, 329, 336; II: 346
Александр II, император — I: 333, 352, 356, 359, 360, 365—367, 369, 377, 383, 384, 390, 396, 399, 402, 403, 405, 416, 420—422, 432; II: 11, 43, 48
Александр III, император — I: 378, 402—404, 422, 428; II: 33
Александр Невский — I: 69, 79, 80, 87, 105
Алексеев Е.И. — I: 418
Алексеев М.В., генерал — II: 60
Алексей Алексеевич, царевич — I: 210
Алексей Михайлович, царь — I: 24, 187, 191, 200, 202, 203, 205—209, 211, 216, 219—221, 264
Алексей Николаевич, царевич — II: 43
Алексий, митрополит — I: 90
Алексий II, патриарх — II: 378
Алиев Гейдар — II: 331
Аллилуева Надежда — II: 173
Амвросий, старец — I: 382

- Андрей Боголюбский — I: 80—82
Андрей, сын Ивана I — I: 88
Андрей, брат Ивана III — I: 107
Андропов Юрий — II: 301, 340, 341, 344, 350
Анна Иоанновна, императрица — I: 252, 259
Анна, принцесса — I: 51
Анненков П.В. — I: 344
Антоний, монах — I: 54
Антонин, епископ — II: 138
Аптекман Осип — I: 393
Аракчеев Александр — I: 306, 324
Арбатов Георгий — II: 342
Арсений, митрополит — I: 246
Афанасьев Юрий — II: 359
Ахматова Анна — II: 207, 277
Ахмат, хан — I: 107, 155
Ахундов В.У. — II: 330
- Бабель Исаак — II: 206
Багратиды, династия — I: 290, 292
Байрон Джордж Гордон — I: 340
Бакланов Георгий — II: 342
Бакунин Михаил — I: 386—388, 390, 391; II: 79
Балакирев Милий — I: 437
Бальцерович Лешек — II: 384
Баркашов Александр — II: 377
Барятинский А.И., князь — I: 295, 410
Барятинский Ю.Н., князь — I: 210
Басманов А.Д. — I: 148
Батый, хан — I: 66—68
Бауэр — II: 102
Бахтин Михаил — II: 317, 318
Башкин Матвей — I: 150
Безобразов А.М. — I: 418
Белинский Виссарион — I: 344, 345, 349
Беллини Винченцо — I: 436
Белый Андрей — II: 128, 131
Бельские, род — I: 110, 133
Бенкендорф Александр — I: 341
Берди-бек — I: 97
Бердяев Николай — I: 305
Березовский Борис — II: 392

- Берия Лаврентий — II: 280, 298
Бернс Роберт — I: 424
Бисмарк Отто — I: 401; II: 52
Блан Луи — I: 392
Блок Александр — II: 128
Блюментрост Лаврентий — I: 256
Блюхер Василий, маршал — II: 183
Бобриков Николай — I: 427
Бовин Александр — II: 344
Богданов Александр — II: 130, 131
Богомолов Олег — II: 344
Болотников Иван — I: 166
Борис, брат Ивана III — I: 107
Борис, князь Ростовский, канонизирован РПЦ — I: 53, 123
Борис, хан болгарский — I: 49
Боровков А.Д. — I: 331
Брандт Вилли — II: 262
Брежнев Леонид — II: 295, 299—301, 309, 329, 338—341
Брежнева Галина — II: 330
Брехт Бертольт — II: 321
Брусиллов Алексей, генерал — II: 60, 88
Буковский Владимир — II: 323
Булавин Кондратий — I: 282
Булгаков Михаил — II: 207, 322
Булгаков Сергей — II: 51
Булганин Николай — II: 284
Булгарин Фаддей — I: 341
Бурлацкий Федор — II: 344
Бутурлин Василий — I: 200
Бутурлины, род — I: 252
Бухарин Николай — II: 77, 149, 151, 153, 172, 178—180
- Валенса Лех — II: 310
Валуев Петр — I: 365, 374, 377, 384, 424
Василий I — I: 88, 92, 99
Василий II — I: 99—101, 112
Василий III — I: 105, 107, 109, 130, 131
Василий Косой — I: 99
Василий, император Византийский — I: 51
Василий, юродивый — I: 39
Вахитов Мулла-Нур — II: 111

- Введенский Александр — II: 138
Величковский Паисий — I: 381
Вельяминовы, род — I: 252
Веньямин, митрополит — II: 138
Верг Александр — II: 242
Висковатый Иван — I: 146
Витовт — I: 74
Витте Сергей, граф — I: 416—419, 422, 433, 434, 435; II: 8, 9, 32
Владимир Мономах — I: 59, 73, 81, 123, 132, 134
Владимир, великий князь Киевский — I: 22, 48—51, 53, 55,
56, 58, 123
Владислав Ягайло, король Польский — I: 74, 75, 92, 98, 194
Владислав, король Польский — I: 167, 168, 198
Власов Андрей, генерал — II: 237—239
Волынские, род — I: 252
Вонифатьев Стефан — I: 203
Воронцовы, род — I: 252
Воротынские, род — I: 110
Ворошилов Климент, маршал — II: 181
Всеволод III Большое Гнездо, великий князь Владимирский —
I: 81, 82
Вышинский Андрей — II: 178
Вышнеградский Иван — II: 8
Вячеслав, князь Новгородский — I: 55
- Габсбурги, династия — I: 103, 358
Гавриил, митрополит — I: 381
Гагарин, граф — I: 276
Гагарин Юрий — II: 315
Гайдар Егор — II: 384, 385, 389
Гамсахурдиа Звиад — II: 334
Гапон Григорий, священник — II: 21, 22, 29
Гаспирали Исмаил Бей — I: 413, 414
Гастев Алексей — II: 130, 135
Гегель Георг Вильгельм Фридрих — I: 386
Гедимин, великий князь Литовский — I: 73
Геллер Михаил — II: 246
Геннадий, архиепископ — I: 126, 128—131, 315
Генрих VIII, король Английский — I: 245
Георг I — I: 236
Герасимов Геннадий — II: 348

- Герасимов Дмитрий — I: 126
Герашенко Виктор — II: 389
Герберштейн Сигизмунд фон — I: 109, 111
Гердер Иоганн — I: 428
Гермоген, патриарх — I: 168, 169
Герцен Александр — I: 344, 349—352, 387, 388, 392, 395
Гесс Рудольф — II: 225
Гинзбург Александр — II: 324
Гитлер Адольф — II: 174, 225, 231, 236, 238, 239
Глеб, князь Ростовский, канонизирован РПЦ — I: 53, 123
Глинка Михаил — I: 436
Глинские, род — I: 133, 137, 138
Глинский Юрий — I: 137
Гоббс Томас — I: 243
Гоголь Николай — I: 340, 345, 382, 423, 442, 443
Годунов Борис, царь — I: 158, 161—166, 438
Голдмен Уэнди — II: 215
Гольдман Эмма — II: 143
Голицын Александр — I: 314, 316
Голицын Василий — I: 220, 221, 237, 238
Голицыны, род — I: 252, 259
Головины, род — I: 252
Гомулка Владислав — II: 283
Гончарова Наталия — I: 441
Горбачев Михаил — II: 301, 316, 340, 342, 345—355, 357, 361—
363, 365—370, 382, 383, 394, 404
Горчаков Александр — I: 359, 409; II: 253
Горький Максим — I: 442
Грановский Т.Н. — I: 360
Грачев Павел — II: 378, 379, 397
Григорий Палама — I: 94
Гринфилд Ли — I: 349
Громан В.Г. — II: 164
Громов Борис — II: 397
Громыко Андрей — II: 254
Гроссман Василий — II: 336, 353
Гувер Герберт — II: 144
Гумилев Лев — I: 81
Гумилевский Александр — I: 380
Гусинский Владимир — II: 392
Густав Адольф, король Шведский — I: 170

- Гучков Александр — II: 49
Гуюк, сын хана Угедая — I: 68
- Даль Владимир — I: 319
Даниил Волынский — I: 73
Даниил Московский — I: 87
Данилевский Николай — I: 397, 398
Даниловичи, род — I: 87, 99, 117, 123
Даниэль Юлий — II: 323
Девлет-Гирей, крымский хан — I: 149
Деникин Антон, генерал — II: 87, 92, 100
Денисов Семен — I: 212, 213
Дервиш-Али, хан — I: 147
Дженкинсон Энтони — I: 17
Джилас Милован — II: 252
Дзюба Иван — II: 333
Дмитрий I Московский (Дмитрий Донской) — I: 88, 90—92, 94, 96, 98, 99, 123, 160
Дмитрий, царевич — I: 157, 161, 165
Дмитрий Шемяка — I: 99
Долгорукие, род — I: 252, 259
Долгорукий Юрий, князь — I: 209
Доницетти Гаэтано — I: 436
Достоевский Федор — I: 340, 382, 383, 396, 398, 444, 445; II: 129, 318, 322
Дубчек Александр — II: 308
Дудаев Джохар — II: 394, 395
Дурново Петр — I: 435
Дягилев Сергей — I: 440, 441
- Евгений IV, папа римский — I: 100
Евтушенко Евгений — II: 360
Егоров Александр, маршал — II: 183
Едигей — I: 99
Ежов Николай — II: 181
Екатерина II, императрица — I: 246, 259—264, 270, 286, 287, 299—301, 305, 317, 333; II: 209
Елагин Иван — I: 298
Елизавета I Английская, королева — I: 147, 156
Елизавета Петровна, императрица — I: 232, 252, 255, 259
Ельцин Борис — II: 349, 351, 360, 367—383, 392, 396—398, 404, 406, 407, 410

- Епифаний Премудрый — I: 95
Епифаний Славинецкий — I: 204
Еременко Андрей, маршал — II: 232
Ерин Виктор — II: 397
Ермак Тимофеевич — I: 174
Ермолов Алексей, генерал — I: 294, 295
Есенин Сергей — II: 206, 358
Ефремов Олег — II: 321
- Жданов Андрей — II: 240, 272, 276
Живов В.М. — I: 247
Жириновский Владимир — II: 380—382
Жуков Георгий, маршал — II: 220, 227—232, 271
- Загладин Вадим — II: 344
Залыгин Сергей — II: 353
Замятин Евгений — II: 89, 131
Засулич Вера — I: 395, 396
Зизаний Лаврентий — I: 203
Зиновьев Александр — II: 293, 314
Зиновьев Григорий — II: 151, 177, 179
Зорге Рихард — II: 229
Зошенко Михаил — II: 277
Зубатов Сергей — II: 12, 21
Зюганов Геннадий — II: 382
- Ибн-Руст — I: 43
Ибн Сина (Авиценна) — I: 408
Иван I — I: 88
Иван II — I: 88
Иван III — I: 101, 104—107, 109, 110, 112, 115, 116, 125, 126, 128, 129
Иван IV Грозный — I: 13, 14, 38, 101, 103, 104, 119, 131—142, 144—158, 160, 161, 164, 171, 173, 179, 184, 264, 334; II: 209, 277
Иван V — I: 221, 222
Иван, царевич — I: 157
Игнатъев Николай, граф — I: 404
Игорь, князь Новгород-Северский — I: 61, 62
Иеремей, патриарх — I: 159
Извольский Александр — II: 55
Изяслав, князь Киевский — I: 54, 55
Иларион, митрополит — I: 56

- Иоанн Кронштадтский — I: 380
Иоаким, патриарх — I: 217, 221
Иов Борецкий — I: 197
Иона, митрополит — I: 100, 101, 123
Иосиф Волоцкий — I: 36, 128, 129, 131, 135, 154, 212
Иоффе Абрам — II: 255
Ипатьев Владимир — II: 147
Иракий II, царь Грузии — I: 292
Исидор, греческий священник — I: 100, 101, 123
- Кавелин Константин — I: 350, 352, 360
Кавеньяк, генерал — I: 351
Каганович Лазарь — II: 150, 181, 184
Кадар Янош — II: 284, 308
Казимир IV, литовский князь — I: 105
Каланта Роман — II: 335
Каменев Лев — II: 151, 177, 180
Кандинский Василий — I: 441
Капитон, монах — I: 202
Капитонов Иван — II: 331
Капица Петр — II: 315
Каракозов Дмитрий — I: 390
Карамзин Николай — I: 339
Карл Великий — I: 60
Карл XII — I: 228—230, 310
Карл Филипп — I: 170, 171
Карпов Г.Г. — II: 243
Кастро Фидель — II: 266
Катков Михаил — I: 328, 376, 420—422
Кауфман Константин — I: 412
Кейстут (Кестутис), великий князь Литовский — I: 74
Кеннан Джордж — II: 256
Кеннеди Джон — II: 260
Кеннеди Пол — II: 345
Керенский Александр — I: 370; II: 66—68, 75
Керр Арчибальд Кларк — II: 249
Кеттлер Густав — I: 148
Ким Ир Сен — II: 260
Кинан Эдвард — I: 117
Киприан, митрополит — I: 90—92, 99
Кипчак, хан — I: 104

- Киреевский Иван — I: 347, 382
Кирилл, просветитель славян, канонизирован РПЦ — I: 49, 95
Киров Сергей — II: 150, 172, 173, 176, 177
Киселев Павел — I: 287, 333
Ключевский Василий — I: 26, 31, 33, 71, 265, 266
Козырев Андрей — II: 402, 404
Колбин Геннадий — II: 362
Коллинз Сэмуэл — I: 216
Колчак Александр, адмирал — II: 87, 90, 92, 100, 111
Коль Гельмут — II: 349, 350
Кондратьев Вячеслав — II: 247
Коноваловы, род — II: 52
Константин Великий — I: 56, 132
Константин, великий князь — I: 287, 321, 329, 384
Конфино Мишель — I: 266
Копелев Лев — II: 159
Коржаков Александр — II: 378
Корнилов Лавр — II: 68
Коротич Виталий — II: 353, 360
Косой Феодосий — I: 150
Косыгин Алексей — II: 299, 300, 302
Котляревский Иван — I: 423
Кох Эрих — II: 237
Кошелев Александр — I: 385
Кошкины, род — I: 110
Кравчук Леонид — II: 373
Красницкий Владимир — II: 138
Крестинский Николай — II: 138
Кривошеин А.В. — II: 57
Кропоткин Петр — I: 280
Крупская Надежда — II: 133
Крыжановский Н.А. — I: 410
Крючков Владимир — II: 370
Куйбышев Валериан — II: 115
Кунаев Динмухамед — II: 329, 362
Куракины, род — I: 252
Курбский Андрей — I: 136, 149, 150, 160
Курицын Федор — I: 125
Куропаткин Алексей — I: 418
Курчатов Игорь — II: 255

- Кутузов Михаил, фельдмаршал — I: 311, 443
Кучум, хан — I: 174
- Лавров Петр — I: 391, 392
Лагарп Фредерик Цезарь — I: 305
Ламсдорф Владимир Николаевич — I: 418
Ларионов Михаил — I: 441
Лебедев-Полянский Павел — II: 131
Лебедь Александр — II: 371, 397, 401
Лев IX, папа римский — I: 51
Левенгаупт, генерал — I: 229
Левин Моше — II: 199
Лейбниц Готфрид — I: 255
Ленин В.И. — I: 370, 389; II: 12, 15, 16, 64, 65, 69, 75—83, 86, 99—104, 111, 113, 116, 120, 127, 130, 133, 134, 146, 148, 150—153, 170, 172, 174, 182, 192, 286, 322, 353, 371, 382
Лённрот Элиас — I: 426
Леонтьев Константин — I: 382
Лжедмитрий I — см. Отрепьев Григорий
Лжедмитрий II — I: 166—168
Ливен Христофор, граф — I: 313
Лигачев Егор — II: 351
Литвинов Максим — II: 221, 223, 251
Лихачев Дмитрий — I: 30; II: 359
Ломинадзе В.В. — II: 171
Ломоносов Михаил — I: 256, 257
Лорис-Меликов Михаил — I: 400, 402
Лотман Юрий — I: 35, 50, 258, 326
Лужков Юрий — II: 392
Лукашенко Александр — II: 403
Лысенко Трофим — II: 278
Львов Георгий — II: 59, 63, 65, 66
Любимов Юрий — II: 321
Люксембург Роза — II: 102
Ляпунов Прокопий — I: 169
- Мазепа Иван, гетман — I: 229, 230
Мазовецкий Тадеуш — II: 348
Мазуров К.Т. — II: 333
Макарий, митрополит — I: 131, 132, 134—136, 151, 168, 212, 213
Макартни Джордж — I: 225

- Макиавелли Никколо — I: 137
Максим Грек — I: 130, 131
Максим, митрополит — I: 89
Малевич Казимир — I: 441
Маленков Георгий — II: 284, 285
Мамай, хан — I: 97, 98
Мамонтов Савва — I: 440, 441
Мандельштам Осип — II: 206
Мансур, шейх — I: 293, 294
Мао Цзэдун — II: 263
Марголин Юрий — II: 185
Маркс Карл — I: 392; II: 13, 79, 81, 129, 382
Марр Николай — II: 278
Мартов Юлий — II: 15, 16
Масхадов Аслан — II: 398
Махно Нестор — II: 108
Маяковский Владимир — II: 128, 203, 206, 257
Медведев Сильвестр — I: 217
Медичи Лоренцо — I: 130
Мезецкие, род — I: 110
Мейерхольд Всеволод — II: 134, 135
Менгли-Гирей, хан — I: 108
Меншиков Александр Сергеевич — I: 354, 356
Мефодий, просветитель славян, канонизирован РПЦ — I: 49, 95
Мехмет Али Египетский — I: 288, 353
Мехмет II — I: 136
Микоян Анастас — II: 181
Милорадович Михаил, генерал — I: 330
Милославская Мария — I: 221
Милославские, род — I: 221
Милюков Павел — I: 373; II: 61, 62
Милютин Дмитрий — I: 377, 385, 394, 410
Мин, династия — I: 177
Миндаугас (Миндовг), великий князь Литовский — I: 73
Минин Кузьма — I: 169
Миних Бурхард, генерал-фельдмаршал — I: 238
Михаил, великий князь — II: 63
Михоэлс Соломон — II: 272
Мицкевич Адам — II: 87
Мнишек Марина — I: 165—167
Могила Петр — I: 197, 198, 203, 206, 216

- Молотов Вячеслав — II: 181, 191, 223, 284, 285
Морозов Борис — I: 191, 203
Морозовы, род — I: 110
Мстислав, князь Галицкий — I: 66
Мстислав, князь Киевский — I: 66
Мстислав, князь Черниговский — I: 66
Мун Дэвид — I: 33
Мунехин Мисирь — I: 127
Муравьев Александр — I: 324
Муравьев Никита — I: 328, 329
Муравьев Николай — I: 415, 416
Мурад, султан — I: 100
Мурадели Вано — II: 277
Мусоргский Модест — I: 437, 438; II: 411
- Надь Имре — II: 284, 348
Назарбаев Нурсултан — II: 399
Наполеон I Бонапарт — I: 65, 308—313, 315, 320, 321, 324,
326, 377, 443
Нарышкин, капитан — I: 312
Нарышкина Наталья — I: 221
Нарышкины, род — I: 221
Натансон Марк — I: 392, 395
Невельской Геннадий — I: 415
Некрасов Николай — I: 375
Некрич Александр — II: 246
Нессельроде Карл Роберт, граф — I: 288
Нечаев Сергей — I: 390, 391
Никодимиус Хагиорит — I: 381
Никола, юродивый — I: 153
Николаев Леонид — II: 176, 177
Николай I — I: 302, 323, 329—334, 336, 341, 344, 354, 359, 372,
381, 415
Николай II — I: 417—419, 427, 434, 435; II: 32, 36, 42—44, 47,
60—63
Николай, митрополит — II: 243
Никон, монах — I: 56
Никон, патриарх — I: 200, 201, 203—208, 210, 212, 222
Нил Сорский — I: 128—130
Ницше Фридрих — I: 445
Новиков Николай — I: 299, 300, 323

- Новосильские, род — I: 110
Ногай, хан — I: 174
- Оболенские, род — I: 110
Оболенский Александр — II: 46
Оболенский Евгений — I: 328
Обручев Николай — I: 359
Огарев Николай — I: 344
Окуджава Булат — II: 360
Олеарий Адам — I: 21, 25, 187
Ольга, княгиня Киевская — I: 49
Ольгерд (Алгирдас), князь Литовский — I: 74
Орджоникидзе Серго — II: 116, 150, 175
Ордин-Нащокин Афанасий — I: 219, 220
Оруэлл Джордж — II: 222
Отрепьев Григорий — I: 165, 166
Оттон I, германский король — I: 49
- Павел I, император — I: 298, 300, 302—306, 336, 337
Паисий, патриарх Иерусалимский — I: 199
Пайпс Ричард — I: 111
Пален Петр, граф — I: 303
Палицын Авраамий — I: 169—171
Панин Никита, граф — I: 259, 260, 273
Пастернак Борис — II: 205, 206, 277, 322, 353
Патоличев Николай — II: 240, 241
Патрикеев Иван Юрьевич — I: 110
Патрикеевы, род — I: 110
Пересветов Иван — I: 136, 137
Пестель Павел — I: 327, 328
Петр I, император — I: 35, 38, 214, 221, 222, 224, 225, 227—230, 232, 236—240, 242—260, 262, 264, 266—268, 288, 291, 298, 299, 301, 304, 310, 316, 317, 327, 332, 337, 346, 348, 350, 428, 436, 438; II: 12, 79, 209, 211
Петр III, император — I: 232, 246, 282, 283
Петр, митрополит, канонизирован РПЦ — I: 89
Петров Антон — I: 363, 364
Питт Уильям — I: 286
Платон, митрополит — I: 382
Плеве Вячеслав — I: 328, 433; II: 13
Плеханов Георгий — II: 13, 14, 16
Плещеевы, род — I: 252

- Победоносцев Константин — I: 403, 404; II: 46
Пожарский Дмитрий — I: 169, 170
Полевой Николай — I: 344
Половцев Александр — II: 33
Посошков Иван — II: 5
Потемкин Григорий — I: 286, 287
Прозоровский Иван — I: 209
Прокопович Феофан — I: 243, 244
Прокофьев Сергей — II: 278
Пугачев Емельян — I: 282—284, 311
Пуго Борис — II: 370
Путин Владимир — II: 406, 407, 410
Пушкин Александр — I: 326, 330, 340, 341, 345, 375; II: 129
Пятаков Григорий — II: 172, 178
- Радек Карл — II: 89
Радишев Александр — I: 300, 301, 323
Раев Марк — I: 265, 266
Разин Степан — I: 209—211, 282
Распутин Валентин — I: 30
Распутин Григорий — II: 43, 44, 49, 61
Рашидов Шараф — II: 329, 330
Рейган Рональд — II: 261, 346
Рейтерн Михаил — II: 5
Реннер — II: 102
Репин Илья — II: 63, 411
Репнин Николай — I: 286
Риббентроп Иоахим фон — II: 223
Римский-Корсаков Николай — I: 437
Роман Мстиславич, князь Волынский — I: 73
Романов Михаил Федорович, царь — I: 164, 170—172, 184, 185, 187, 208, 437
Романов Федор Никитич (в схиме — Филарет) — I: 164, 168, 170, 171, 184, 185
Романовы, род — I: 164, 165, 259, 336
Ромодановские, род — I: 252
Ртищев Федор — I: 203, 204, 216
Рубинштейн Антон — I: 439
Рублев Андрей — I: 96, 146
Рудзутак Ян — II: 175
Рузвельт Теодор — I: 420

- Румянцев Алексей — II: 344
Румянцев Петр, генерал — I: 285
Руцкой Александр — II: 375, 377—379
Рыков Алексей — II: 153, 178
Рылеев Кондратий — I: 329
Рюрик, основатель династии Рюриковичей — I: 43, 48, 57
Рюриковичи, династия — I: 55, 145, 158, 160, 166, 171
Рютин Михаил — II: 172
Рябушинские, род — II: 52
Рябушинский Павел — II: 59
- Сабуровы, род — I: 110
Сазонов Н.Д. — II: 56
Салтыковы, род — I: 252
Самарин Юрий — I: 350, 360
Сартак, хан — I: 68
Сахаров Андрей — II: 255, 270, 316, 353, 359, 361, 368
Святополк, князь Киевский — I: 53, 55, 58
Святослав, великий князь Киевский — I: 54, 58, 59
Святослав, князь Киевский — I: 44, 48
Семен, великий князь Московский — I: 88
Сен-Пьер, аббат — I: 223
Сен-Симон Клод Анри — I: 350
Серафим Саровский — I: 381, 382; II: 43
Серафим, митрополит — I: 316
Сергиев Иоанн — см. Иоанн Кронштадтский
Сергий Радонежский — I: 94, 95, 98
Сефевиды, династия — I: 290
Сигизмунд III, король Польский — I: 167, 168
Сильвестр, игумен, древнерусский писатель — I: 119
Симеон Бекбулатович — I: 155
Симеон Полоцкий — I: 216
Симеон, хан болгарский — I: 49
Синявский Андрей — II: 323
Сипягин Дмитрий — II: 13
Скобелев М.И. — II: 70
Скобелев Михаил, генерал — I: 376, 411
Скрынников Р.Г. — I: 140
Солженицын Александр — II: 185, 319, 320, 337, 360
Соловьев Владимир — I: 382, 445; II: 128
Соловьев Сергей — I: 319

- Софья, правительница — I: 211, 220—222
Сперанский Михаил — I: 307, 324, 329, 332; II: 5, 32
Сталин И.В. — I: 12, 14; II: 113, 116, 120, 122, 126, 127, 148—151, 153, 159, 161, 163, 164, 170—173, 175—179, 181—183, 191, 194, 198, 203, 206, 207, 210, 223, 232, 234, 238, 240, 243, 252, 253, 256, 259, 260, 263, 265, 270—273, 278—280, 282, 283, 285, 286, 289—291, 293, 294, 296, 298, 300, 305, 316, 324, 326, 327, 336, 347, 351, 382
Сталина Надя — см. Аллилуева Надежда
Станиславский Константин — I: 441; II: 131, 134
Стасов Владимир — I: 437, 438
Стаханов Алексей — II: 195, 351
Степашин Сергей — II: 397
Стефан Радонежский — I: 94
Стефан Пермский — I: 95
Столыпин Петр — II: 38, 40—42, 44, 47, 55, 56, 60
Стравинский Игорь — I: 439, 440
Строганов Григорий — I: 173
Строганов Павел — I: 306
Строгановы, род — I: 172, 174
Струве Петр — II: 52
Суворин Александр — I: 376
Суворов Александр, генералиссимус — I: 241, 242, 285
Султан-Галиев Мирсаид — II: 111, 113
Сумароков Александр — I: 255
Суслов Михаил — II: 297
Сырцов Сергей — II: 171
Сытин Иван — I: 376
Сюлли, государственный деятель — I: 223
- Тамара, царица Грузии — I: 289
Татлин Владимир — II: 133, 134
Твардовский Александр — II: 127, 319, 321
Темучин — см. Чингисхан
Терехов Р. — II: 161
Тиммерман Франц — I: 227
Тимур (Тамерлан) — I: 97—99, 407
Тито Иосип Броз — II: 252, 263, 272, 283
Тихон, патриарх — II: 136, 138
Тихонов Николай — II: 300
Толстой Дмитрий — I: 404, 405

- Толстой Лев — I: 340, 376, 382, 443, 444; II: 129, 318, 411
Томский Михаил — II: 151, 178
Торн Йорг фон — I: 126
Тохтамыш, хан — I: 97—99
Трепов Федор, генерал — I: 396
Третьяков Павел — I: 440
Троцкий Лев — II: 16, 25, 88, 92, 93, 129, 148—150, 151, 177, 216
Трубецкой Николай — I: 72
Трубецкой Сергей — I: 323, 328, 329
Трубецкие, род — I: 252
Трумэн Гарри — II: 250, 253
Тургенев Иван — II: 318
Тухачевский Михаил — II: 99, 183
Тютчев Федор — I: 397
- Уваров Сергей, граф — I: 335
Угедей, хан — I: 66, 67
Улам Адам — II: 80
Успенский Борис — I: 35, 50, 247
- Фадеев Александр — II: 277
Фадеев Ростислав, генерал — I: 289, 399
Федор Алексеевич, царь — I: 211, 216, 218, 220, 221
Федор Иванович, царь — I: 157, 158, 160, 161, 171
Федоров Иван — I: 151
Феодосий, игумен — I: 54
Феодосий, митрополит — I: 112
Феофан Грек — I: 96
Фигнер Вера — I: 394
Фигнер Евгения — I: 394
Филарет, митрополит Московский — I: 316, 381
Филарет, патриарх (Романов) — см. Романов Федор Никитич
Филипп, митрополит — I: 150
Филофей (монах Елеазарова монастыря) — I: 127
Фитрат Абдальрауф — I: 414
Флоренский Павел — I: 37, 95
Фотий, архиепископ — I: 315, 316
Франц Фердинанд — II: 57
Фридрих Великий — I: 232
Фукс Клаус — II: 255

- Хабаров Ерофей — I: 177
Хасбулатов Руслан — II: 374, 375, 379
Хачатурян Арам — II: 279
Хмельницкий Богдан — I: 198—200
Ховрины, род — I: 110
Ходжаев Файзулла — II: 182
Хок Стивен — I: 276
Холмские, род — I: 110
Хомяков Алексей — I: 347
Хонеккер Эрих — II: 348
Хрушев Никита — II: 183, 225, 234, 260, 265, 279, 281—288,
290, 291, 293—299, 301

Церетели Ираклий — II: 74

- Чаадаев Петр — I: 345—347
Чайковский Николай — I: 392
Чайковский Петр — I: 439
Чарторыйский Адам — I: 321
Чаушеску Николае — II: 348, 365
Челяднины, род — I: 110
Чемберлен Невилл — II: 223
Ченслер Ричард — I: 147
Черкасские, род — I: 252
Черненко Константин — II: 300
Чернов Виктор — II: 71, 74
Черномырдин Виктор — II: 389—390
Чернышевский Николай — I: 388—390, 392, 437, 440
Черняев Анатолий — II: 344
Черняев Михаил — I: 376, 399, 410, 411
Черчилль Уинстон — II: 250
Чехов Антон — I: 415, 442
Чингисхан — I: 62—66, 103, 124, 407
Чичерин Борис — I: 360
Чубайс Анатолий — II: 384, 392
Чуйков Василий, маршал — II: 232
Чурбанов Юрий — II: 330

Шагал Марк — II: 411

Шамиль, имам — I: 295, 296; II: 232

Шахназаров Георгий — II: 344

- Шеварднадзе Эдуард — II: 345, 365, 404
Шевченко Тарас — I: 424
Шеин Михаил, воевода — I: 186
Шелепин Александр — II: 299
Шелест Петро — II: 322
Шереметев Иван — I: 147, 272
Шереметевы, род — I: 252
Шорин Василий — I: 181
Шостакович Дмитрий — II: 207, 208; 277—279
Шувалов Иван — I: 257, 259
Шувалов Петр — I: 259; II: 5
Шуйские, род — I: 133
Шуйский Василий Иванович — I: 166, 168
Шушкевич Станислав — II: 373
- Щадов М.И. — II: 356
Щелоков Н.А. — II: 330
Щербатовы, род — I: 252
Щусев Алексей — II: 202
- Эйзенштейн Сергей — I: 79; II: 131, 277
Элгин, лорд — I: 286
Элиас Норберт — II: 211
Энвер Паша — II: 112, 113
Эренбург Илья — II: 235, 236, 336
- Юденич Николай, генерал — II: 87, 100
Юрий Игоревич, князь Рязанский — I: 67
Юрий Дмитриевич, князь Московский — I: 99
Юрий Долгорукий, великий князь Московский — I: 81
Юстиниан — I: 40
- Ягода Генрих — II: 178
Ядвига, королева Польская — I: 74
Язов Дмитрий — II: 370
Якеш Милош — II: 365
Яковлев Александр — II: 342
Яковлев Егор — II: 353
Якушкин Иван — I: 280, 324
Янаев Геннадий — II: 370

Ян Казимир, король Польский — I: 200

Ярополк, князь Киевский — I: 48

Ярослав, великий князь Киевский — I: 55—58, 73, 78, 327

Ярославские, род — I: 110

Ярузельский Войцех — II: 310

Содержание

V. РЕВОЛЮЦИЯ И УТОПИЯ

- 9. Социальные перемены и революция 5
- 10. Война и революция 54
- 11. Социальные преобразования и террор 120
- 12. Формирование советского общества 188

VI. ЗАКАТ И КРУШЕНИЕ УТОПИИ

- 13. Восстановление экономики
и «холодная война» 249
- 14. Советское общество в период
«развитого социализма» 299
- 15. От перестройки
к Российской Федерации 340

Хронология 413

ПРИМЕЧАНИЯ 436

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 473

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д.18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д.132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д.17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Хоскинг Джеффри
РОССИЯ И РУССКИЕ

В 2 книгах
Книга 2

Редакторы Е.М. Кострова, Б.Б. Кузнецова
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн С.Е. Власов
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

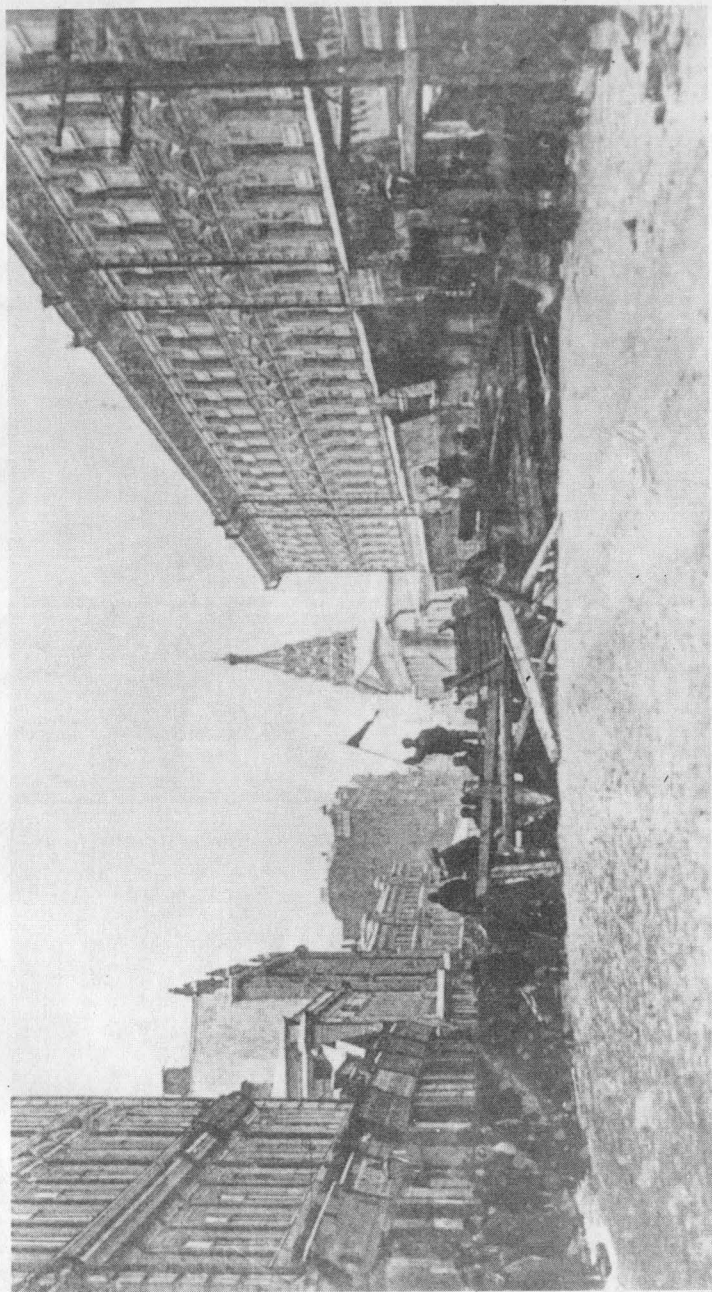
Гигиеническое заключение
№ 77 99 02 953 Д 008286 12 02 от 09 12 2002 г

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва
г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

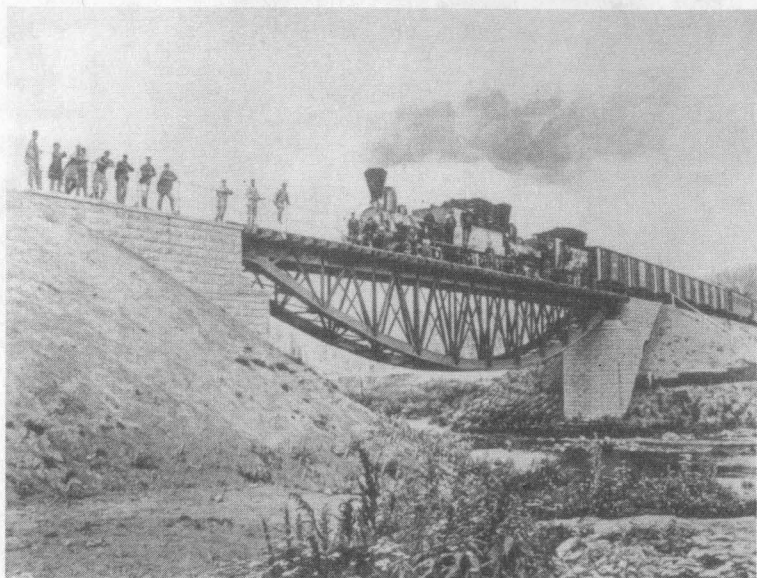
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с гудерхидиапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Баррикады на Арбате. Москва, декабрь 1905 г.

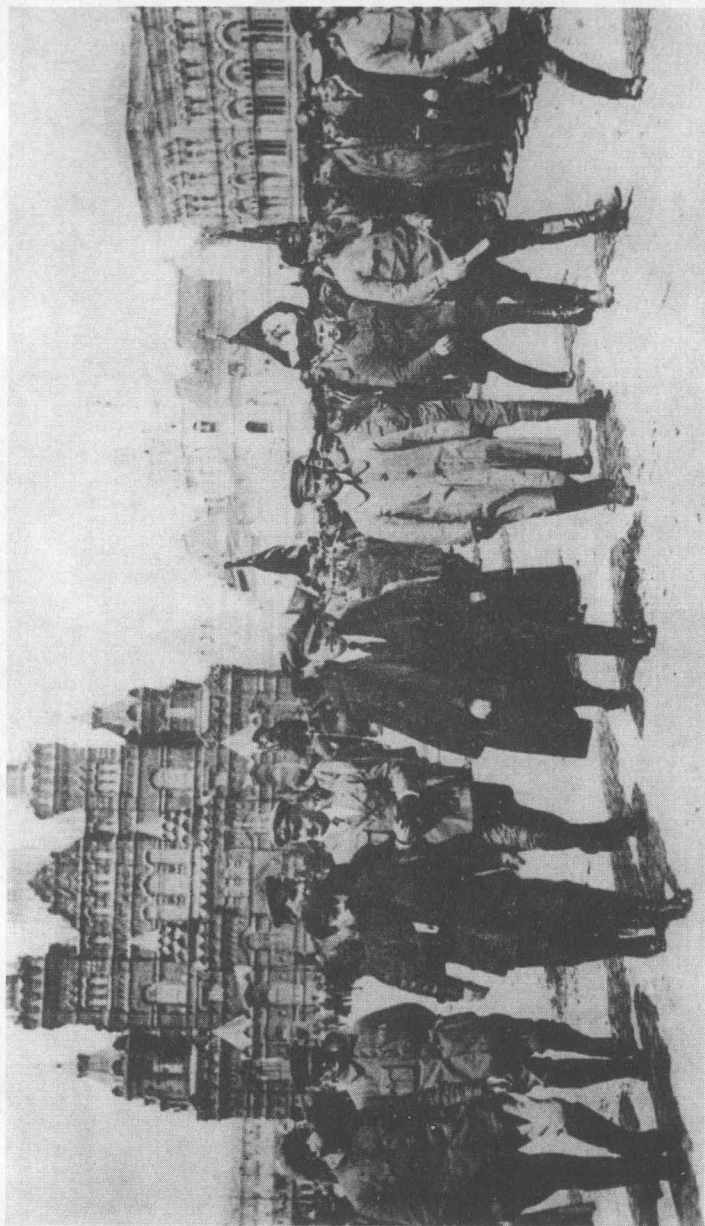
Паровоз на мосту. Транссибирская железнодорожная магистраль.
1911 г.

Николай II благословляет войска, направляющиеся на Первую мировую войну

Солдаты возвращаются с фронта домой. 1917 г.

Ленин со своими товарищами на Красной площади. Октябрь 1918 г.

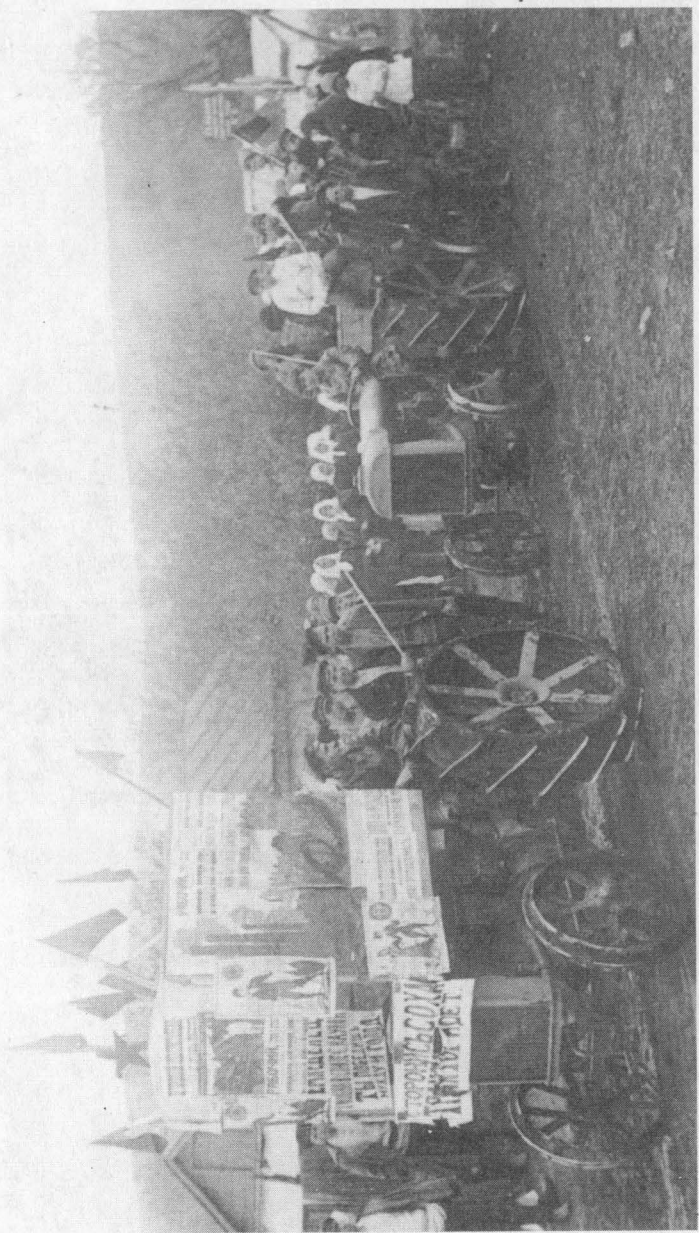
Мешочники на железнодорожной станции. 1919 г.

Мусульманские женщины Кавказа слушают коммунистического агитатора. 1920 г.

Особняк аристократа, превращенный в дом отдыха для рабочих.
1923 г.

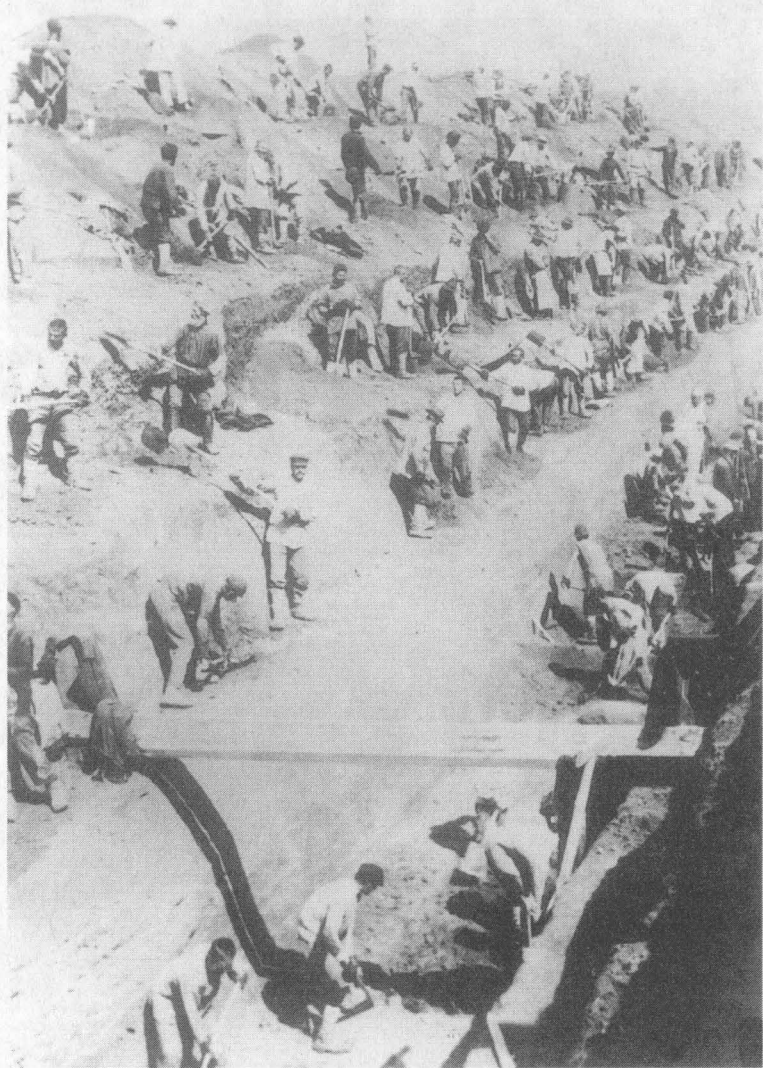
Агитационный трактор в Самарской губернии. Середина 1920-х гг.

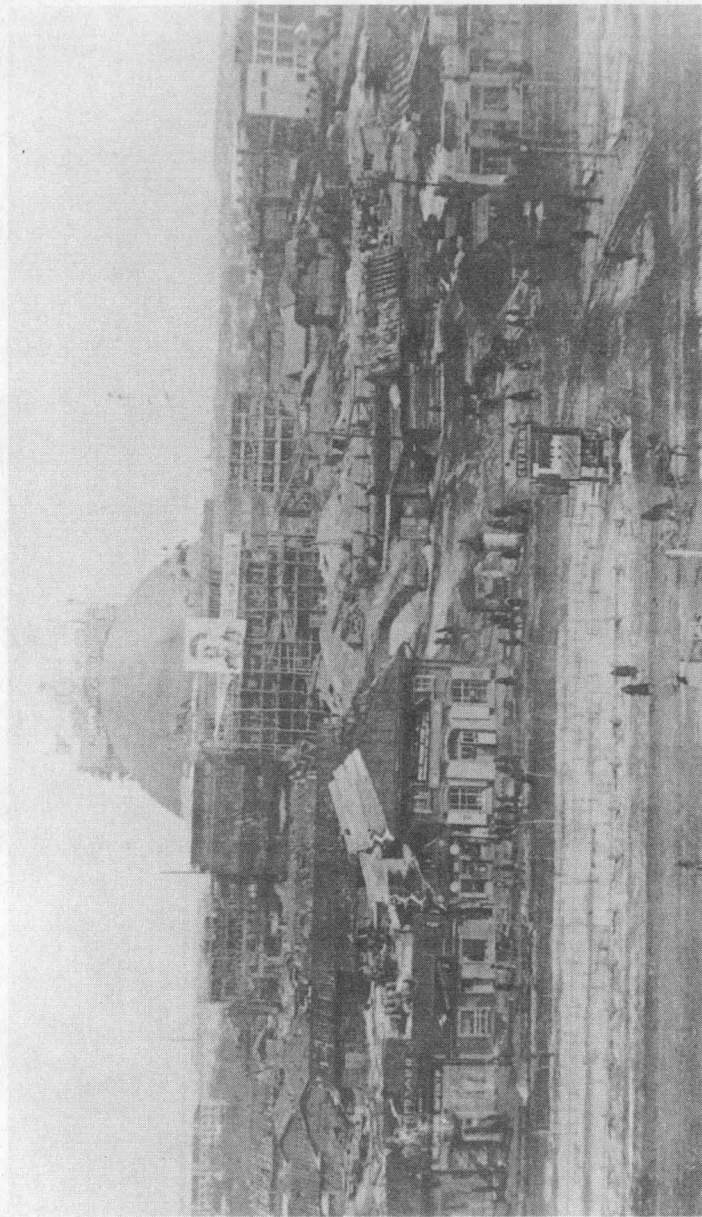
Очередь в Мавзолей Ленина. 1928 г.

С.М. Киров, И.В. Сталин, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе,
М.И. Калинин и К.Е. Ворошилов
на Шестнадцатом съезде партии. 1930 г.

Рабочие на строительстве доменной печи в Магнитогорске. 1930 г.

Строительство Оперного театра в Новосибирске. Конец 1930-х гг.

Архитектурная модель Московского государственного университета. Начало 1950-х гг.

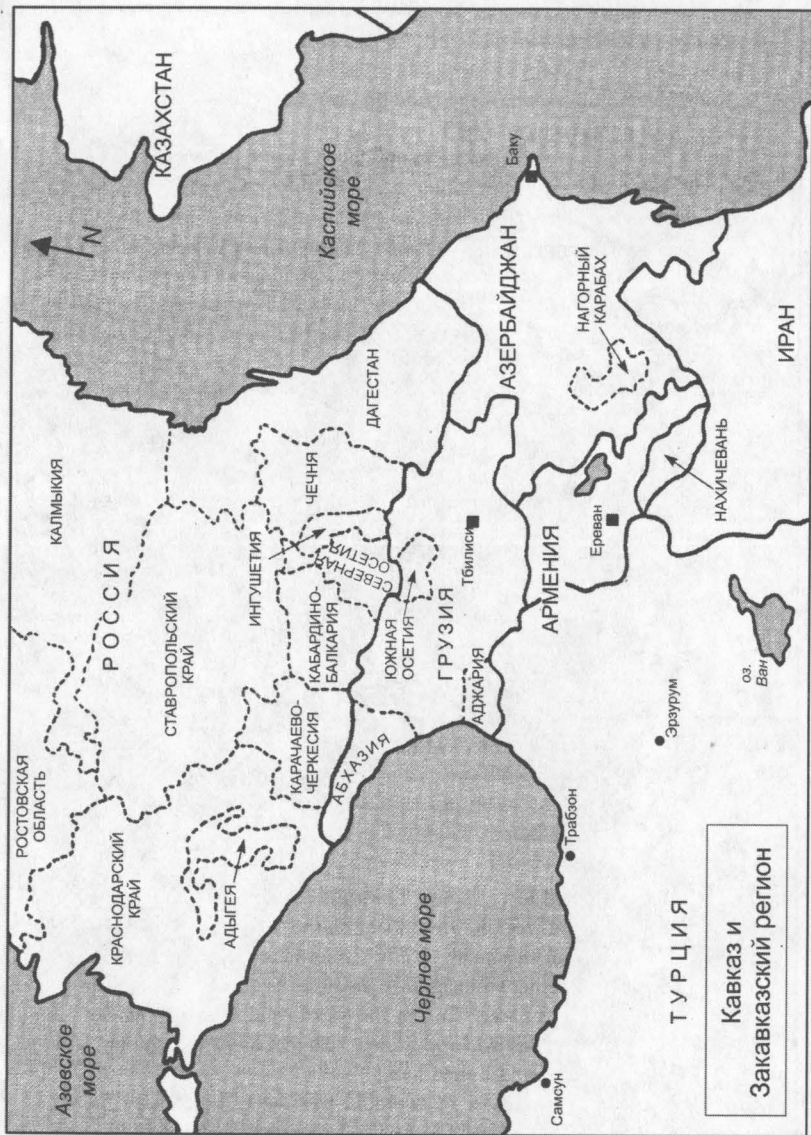
Восстание в Венгрии. Разрушение бюста Сталина. 1956 г.

Н.С. Хрущев и вице-президент США Р. Никсон во время
откровенного разговора. Москва, 1959 г.

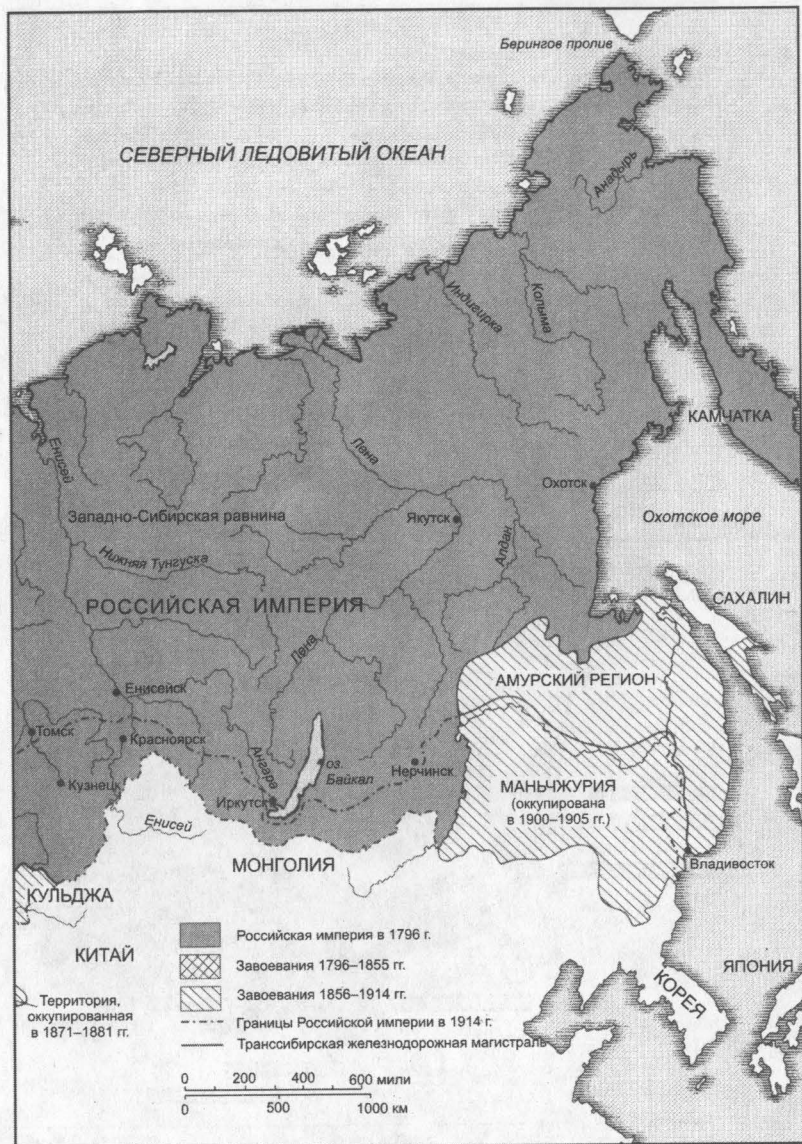
КАРТЫ

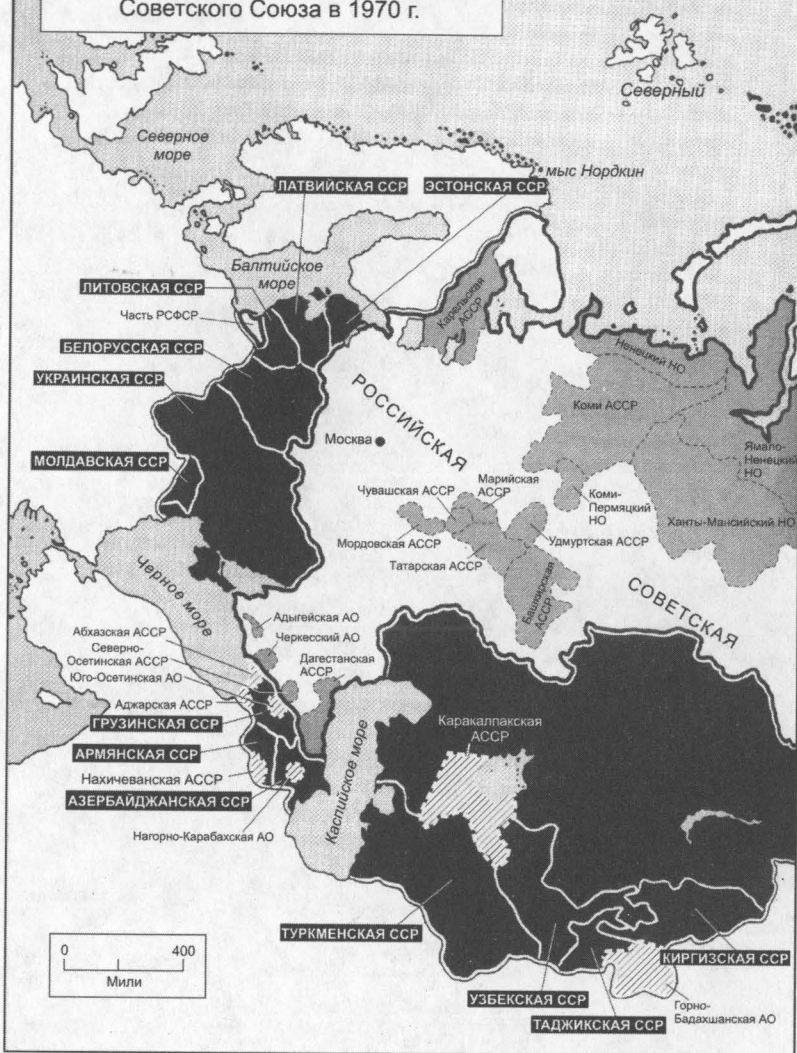

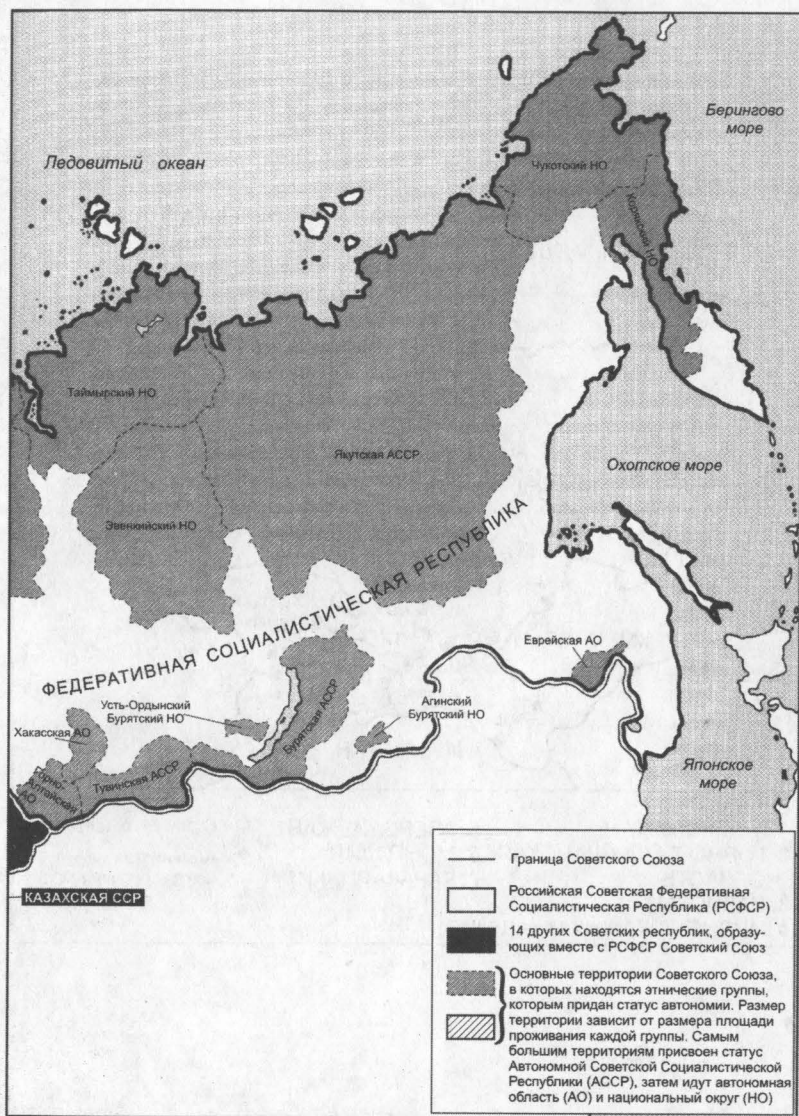
Расширение территории России

Республики и автономные области
Советского Союза в 1970 г.

Советская Средняя
Азия

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

1. ТАДЖИКИСТАН

2. ГОРНО-БАДАХШАНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

3. ПАКИСТАН

4. ИНДИЯ (ДЖАММУ И КАШМИР)

5. АЗЕРБАЙДЖАН

6. МОНГОЛИЯ

7. КАРАКАЛПАКИЯ

□ — Столицы государств

● — Административные
центры провинций

РОССИЯ И РУССКИЕ

Джеффри Хоскинг

ВЗГЛЯД ЗАПАДА НА РОССИЮ

Как ни парадоксально это звучит, наиболее интересные — в смысле оригинальности и нетрадиционности взгляда — исследования истории НАШЕЙ СТРАНЫ всегда, с древнейших времен, создавали ИНОСТРАНЦЫ. Почему?

Возможно, здесь сказывается суровая непредвзятость **ОБЪЕКТИВНОГО НАУЧНОГО КРИТИЦИЗМА?**

Возможно, нам любопытна сама попытка «понять Россию умом»? Возможно...

Впрочем, прочтите в чем-то явно спорную и неоднозначную, но в чем-то — бесконечно точную книгу специалиста по истории России, профессора Лондонского университета Джеффри Хоскинга «Россия и русские» — и решайте сами!

...Спорьте. Не соглашайтесь. Размышляйте!

ISBN 5-17-020089-7

9 785170 200894